

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ

**Материалы III международной научной конференции
12-14 октября 2006 года**

Брест 2007

УДК 93 (430)+33(430)+008(430)
ББК 63.3(4Ге)+66.4(4Ге)+71.4(4Ге)+ 65.9(4Ге)

В сборник вошли материалы научной конференции, организованной кафедрой Социально-политических и исторических наук (СПиИН) Брестского государственного технического университета (БрГТУ) и проведённой 12 – 14 октября 2006 г. В конференции принимали участие представители Беларуси, Украины, России и Германии. Авторы статей анализируют германский феномен, место и роль Германии в системе международных отношений, особенности культурных процессов в этой стране.

Редакционная коллегия:

Тур В. В. – проректор по научной работе БрГТУ, доктор технических наук, профессор
Ковалёва Н. Н. – заведующая кафедрой СПиИН БрГТУ, кандидат исторических наук, доцент
Стрелец М. В. – профессор кафедры СПиИН БрГТУ, доктор исторических наук, профессор
Баюра А. Н. – профессор кафедры СПиИН БрГТУ, кандидат исторических наук, доцент
Дунаевская Н. Г. – доцент кафедры СПиИН БрГТУ, кандидат философских наук, доцент
Малыхина Л. Ю. – доцент кафедры СПиИН БрГТУ, кандидат исторических наук
Кудрицкая Е. Г. – старший преподаватель кафедры СПиИН БрГТУ
Лучина В. Н. – старший преподаватель кафедры СПиИН БрГТУ

Рецензенты:

Акинчиц И. И. – профессор кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета, доктор философских наук, профессор

Кафедра классической и современной зарубежной филологии Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина

Котляр И. И. - профессор кафедры политологии, социологии и права Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, кандидат философских наук, профессор политологии

РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Петелин Б. В. (ВГПУ, г. Вологда, Российская Федерация)

ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО ЕДИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПОДХОДЫ, ОЦЕНКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Объединение Германии (немецкие авторы предпочитают употреблять термин «воссоединение» (Wiedervereinigung)) является одной из важнейших тем в современной истории. За прошедший период появились десятки различных работ, авторы которых значительно расширили наши представления об истории германского единства, обращаясь к германской политике К. Аденауэра, советским инициативам и планам по объединению Германии, внешней политике ФРГ и ГДР, общей истории двух немецких государств. Были опубликованы неизвестные ранее документы по истории Берлинского кризиса 1948 г., событиям 1953 г. и 1961 г., [1, 123-134; 53-75] «новой восточной политике» ФРГ и нормализации отношений с восточноевропейскими странами, германо-германским отношениям 80-х гг., когда они вышли на уровень встреч и контактов политического руководства ФРГ и ГДР. Но, говорить об «исчерпаемости» темы рано. В российской историографии она не получила достаточного научного освещения. Тому виной, быть может, внутренние дела и проблемы, с которыми столкнулась Россия после распада СССР. Как отмечал профессор И.Н. Кузьмин: «Драматические события в нашей стране заслонили собой происшедшее в Германии» [2, 7; 261-269].

В Германии создание официальной истории воссоединения уже состоялось. Но в ней, что не удивительно, учтены далеко не все мнения, оценки, подходы и факты [3, 124-127]. Из всего спектра проблем, это характерно и для российской историографии, выделим основные: германский вопрос и его новое истолкование, и в этой связи – всесторонний анализ внешней политики канцлера Г. Коля в 1982-1990 гг.; перестройка М.С. Горбачёва в СССР и ее влияние на решение германской проблемы; социально-экономический и политический кризис в ГДР в конце 80-х гг.; демократическая революция в ГДР и процесс объединения страны, включая переговоры по формуле «2+4»; последствия объединения для самой Германии, Европы и мира.

В отечественной литературе советского периода отмечалось, что с начала 80-х гг. в ФРГ наблюдается актуализация германского вопроса. Происходящие события и явления трактовались как «проявление реваншистских настроений», что связывалось с возвращением к власти в октябре 1982 г. ХДС/ХСС [4].

За чрезмерным акцентированием внимания на «реваншизме» собственно германский вопрос – преодоление раскола Германии, выпадал из научных исследований и переносился в область идеологии и политики. Естественно, что в условиях конфронтации между Востоком и Западом, которая проходила по немецкой земле, трудно было удержаться от идеологизации германской проблемы. Этим «недостатком» страдали как работы советских, так и западногерманских авторов. Концепция двугосударственности была принята не только в СССР и ГДР, но, как отмечал М. Мертес, бывший советник канцлера Г. Коля, большинство немцев в ФРГ уже примирились с расколом Германии [5, 95-96].

Западногерманская сторона была неплохо информирована о существовавших подходах к германской проблеме в советских политических и научных кругах. 15-16 марта 1985 г. на совещании в Кёнингсвинтере, организованном депутатами бундестага от правящих партий с привлечением экспертов из США, Канады, Великобритании, Швеции и других стран, был поднят вопрос о состоянии исследований германской проблемы в СССР. Назывались работы В. Фалина, Д. Мельникова, Э. Генри, книга Н.А. Нарочницкой «США и новая восточная политика ФРГ», изданная ещё в 1977 г. [6, 151].

Участники констатировали, что за десять последних лет в СССР было опубликовано не менее 50 работ, в которых освещались различные, преимущественно социально-политические, проблемы развития ФРГ, но собственно германский вопрос упоминался в них крайне редко, от случая к случаю. На основании этого делался вывод: к настоящему времени, а речь шла о середине 80-х годов, Советский Союз не имеет однозначной германской политики, так как пытается строить её с двумя разными немецкими государствами. При этом СССР руководствуется собственными выгодами, не считаясь с тем, что немцы по обе стороны Берлинской стены стремятся к сближению.

В России новый всплеск интереса к германскому вопросу проявился после объединения. В основном преобладали публикации публицистического характера, в которых «по горячим следам» комментировался процесс объединения Германии. Среди научных изданий следует выделить монографию А.М. Филитова «Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение» [7]. Главное достоинство книги, на наш взгляд, в том, что автор убедительно доказывал существование германского вопроса, несмотря на все попытки закрыть его, к чему стремились не только советские органы и власти, как и руководители ГДР, но и западные политики, включая Аденауэра, который «мало был заинтересован в деле германского единства и развития отношений с Востоком» [7, 115]. Касаясь периода 80-х гг., А. Филитов отмечал, что «руководство ГДР явно ошиблось, считая Коля копией Аденауэра в его германской политике», тогда как правительство Коля «национальные интересы поставило все же выше узкопартийных» [7, 211].

Свою первую попытку осмыслить объединение Германии в начале 90-х гг. предпринял доктор исторических наук, профессор Н.В. Павлов. Автор вводит читателя в историю германского вопроса, для чего в книге изложено немало доказательств того, как в 50-е годы руководство политических партий ФРГ, включая ХДС, разрабатывало «планы» по воссоединению страны. Но в основном «рассказ» об объединении свёлся к изложению официальных шагов советского и западногерманского руководства в 1989 – 1990-х гг. [8]. В дальнейшем Н. Павлов существенно углубил исследование процесса объединения Германии, прежде всего, за счёт привлечения новых документальных материалов. Среди факторов германского единства, автор справедливо указывает на «выдающуюся роль» канцлера Коля, который в немецкой истории встал вровень с Бисмарком [9].

Пожалуй, одной из главных проблем в истории германского единства – выяснение значения перестройки в СССР. Да, перестройка была заявлена как политика по «совершенствованию и развитию социализма», причем не только в СССР, но и в других социалистических странах. На деле ее результаты и последствия оказались трудно предсказуемыми. И всё же немецкие исследователи оказались более прозорливыми, чем советские политологи. Так, В. Зейфферт в своей книге делал вывод: «Реформистская политика Горбачёва ставит под вопрос существование сталинской системы в ГДР и её сталинского руководства»; и далее – «шансы на объединение Германии возросли, впервые с 1945 г. немцы как нация становятся субъектом, а не объектом политики» [10]. Автор, конечно, не предвидел, что события будут развиваться стремительно. И вполне обоснованно высказывал предположение, что «объединение Германии произойдёт не как одновременный акт, а станет продолжительным политическим процессом вращивания обоих немецких государств в новое единое государственное образование» [10, 59].

На прямую взаимосвязь перестройки и объединения Германии указывал К. Кайзер, в то время директор научно-исследовательского института Германского общества по вопросам внешней политики. «Революция Горбачёва во внешней политике, – отмечал он, – рано или поздно должна была неизбежно привести германский вопрос к разрешению». [11, 59].

После объединения Германии суждения политиков, озвученные в СМИ, становятся более раскованными и свободными. Наряду с признанием «заслуг» М. Горбачёва, зазвучала и критика, нередко весьма острая. В сборнике «Горбачёв и германское единство», изданном в 1993 г. в Бонне, приведены высказывания известных немецких и советских государственных деятелей, политиков и дипломатов: Коля, Геншера, Тельчика, Кренца, Черняева, Фалина, Дашичева, Португалова и др. [12].

Фактически присутствует полное единодушие: «Без М. Горбачёва не было бы германского объединения». Даже его оппонент – крупный дипломат, доктор исторических наук В. Фалин признаёт: «Если смотреть глазами немцев, то Горбачёв сыграл выдающуюся роль, а если из России – то картина иная» [12, 9]. Этим высказываниям созвучны рассуждения известного немецкого журналиста О. Ференбаха, когда он называет Горбачёва «ключевой» и одновременно «трагической» фигурой в произошедших эпохальных переменах [13, 247].

В том, что в разрешении германского вопроса есть «личный вклад» бывшего советского президента, сомнений нет. Об этом еще раз напомнил Г. Коль в своем поздравлении М.С. Горбачёву по случаю его 70-летия: «Без твоей деятельности мирная революция в ГДР была бы невысказима. Без твоей прозорливости и твоей поддержки прав народа на самоопределение не произошло бы воссоединения Германии. Мы, немцы, никогда этого не забудем и всегда будем благодарны тебе за это» [14, 252-253].

Признавая роль М. Горбачёва в объединении Германии, нельзя не задаться вопросом, каковы были его собственные воззрения по данной проблеме, и насколько она была проработана в партийном руководстве? Помощник генсека А. Черняев констатирует: к середине 80-х гг. СССР «совсем не был готов к решению «германского вопроса» [15, 27].

Перечисляя многочисленные встречи Горбачёва с немецкими политиками с марта 1985 г., А. Черняев отмечал, что тот постепенно «вживался в немецкую тему», угадывая «зоны времени». В других публикациях помощник президента несколько иначе расставляет акценты, когда утверждает: главное не срок (100 лет), на который так часто ссылался Горбачёв до самого последнего момента, а важно, что он «не исключал воссоединения Германии» [16, 109]. Не станем вдаваться в полемику, которую ведут на страницах своих воспоминаний помощники и советники М. Горбачева [17, 301], как и он сам в своих книгах [18, 4]. Для исследователей важнее реальная политика.

В дальнейшем у А. Черняева появились «новые аргументы» в оправдание политики М.С. Горбачёва. Если бы первый президент СССР, по мнению Черняева, не проявил гибкости в германском вопросе, то в «Европе случилась бы большая беда» [19, 112]. Беда действительно пришла в Европу в 1999 г., когда НАТО с участием ФРГ осуществило агрессию против Сербии. Следует сказать, что та документальная база, к которой обращается А. Черняев (речь идет о материалах Горбачёв-фонда) не позволяет объективно осветить весь ход объединения Германии. Это просматривается и в публикации М.М. Наринского, повторившего в итоге сделанные ранее выводы о том, что советский президент в процессе объединения Германии допускал существенные ошибки и просчёты, забывая об интересах собственной страны [20, 14-30]. Разумеется, как и всякое значительное событие, история германского единства хранит свои тайны. Канцлера ФРГ, например, упрекали в торопливости при решении германского вопроса. Российский учёный доктор исторических наук, профессор А.А. Ахтамзян отмечает: «Почему спешил Коль – понятно. Что касается торопливости советских лидеров, то это остается загадкой истории, разгадка которой, очевидно, долго будет храниться в архивах» [21, 42].

На вопрос, почему спешил Коль, – канцлер сам дал ответ. Он не раз говорил, что для объединения Германии открылось своего рода «окно» и такое положение существовало на протяжении всего лишь нескольких месяцев. Имелись и другие причины спешки канцлера [22, 21-25]. Что касается «тайн» в действиях советского руководства, то некоторые из них не более чем секрет полишинеля [23, 3-9; 3-8].

В историографии германского единства особое место занимают работы о социально-экономическом и политическом развитии ГДР. Одной из первых попыток критически проанализировать экономическую ситуацию 80-х гг. в ГДР была предпринята А.В. Потаповым. Автор рассматривал кризис ГДР в 80-е годы, как «логическое продолжение кризисных ситуаций предыдущих 40 лет существования системы». «Монопольная власть СЕПГ, – отмечал Потапов, – стала основным фактором обострения и углубления застойных и кризисных явлений в жизни страны» [24, 135].

Завершающий этап существования ГДР нашел отражение в ряде российских изданий [25]. В его освещении превалирует политическая сторона крушения ГДР: изложение содержания переговоров и встреч на высшем уровне, в которых решалась судьба «государства рабочих и крестьян на немецкой земле». Краткая история ГДР представлена в книге доктора исторических наук, профессора МГУ М.И. Орловой, написанной автором на основе учебных курсов по германской истории и личных впечатлений от посещений ГДР, начиная с 1957 г. [26]. Развитие республики, несмотря на внешнее благополучие и стабильность, осложнялось год от года. Постоянно приходилось «оглядываться» на ФРГ, соревнование с которой явно проигрывалось. В обществе нарастало недовольство, что вырвалось наружу в 1989 г. Говоря о причинах кризиса конца 80-х гг., автор считает, что он в «значительной мере являлся результатом нарастания аналогичных тенденций неустойчивости во всех странах СЭВ, прежде всего, неудачной «перестройки» в СССР, а также в ограниченности сырьевых ресурсов ГДР» [26, 97].

Закрепившийся в историографии подход, когда развитие реального социализма рассматривается сквозь призму сменяющих друг друга кризисов, приведших, в конце концов, к краху всю его систему, далеко не во всём является продуктивным. У каждого из кризисов были свои кон-

кретные причины, которые преодолевались соответствующими тому способами. В конце 80-х гг. в экономике ГДР, по мнению ряда специалистов, сохранялась тенденция к росту, и трудности не казались непреодолимыми. Что касается реформирования политического строя в сторону его большей либерализации, то существование ГДР напрямую зависело от его сохранения при неизбежном ограничении ряда свобод и прав граждан.

Главное событие 1989 г. – падение Берлинской стены. Оно вынесено в название многих книг и статей [27]. Ему посвятили разделы своих воспоминаний М.С. Горбачёв, министр иностранных дел в 1985 – 1991 гг. Э.А. Шеварднадзе, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ в 1970 – 1978 гг. В.М. Фалин, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ в 1986 – 1990 гг. Ю.А. Квицинский [28]. Падение Стены 9 ноября считается началом мирной демократической революции в ГДР. Она же, в свою очередь, дала толчок процессу объединения страны. С таким подходом согласны многие исследователи, хотя массовые протесты против властей начались еще до падения Берлинской стены. Естественно, в публикациях ставился один и тот же вопрос: «Кто отдал распоряжение об открытии границы ГДР?» Из российских авторов чаще других о падении Берлинской стены писал бывший советник-посланник посольства СССР в ФРГ, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН И.Ф. Максимычев, который, по его словам, оказался в «центре политического урагана», бесследно унёсшего целую страну [29, 110-118; 128-137; 59-68]. В одной из статей он пишет, что «падение Стены не было спланировано заранее, что оно произошло спонтанно вследствие переплетения целого ряда закономерных, но не связанных между собой эпизодов» [30, 128].

Разумеется, утверждать, что падение Стены было специально приурочено к памятной и роковой дате в немецкой истории – 9 ноября, могут лишь те, кто верит в магические числа. Так распорядилась история. Но нельзя, видимо, согласиться с тем, что все произошедшее случилось «спонтанно» и без всякой внутренней связи. Исследователь может обратиться к сборнику документов, подготовленному МИД ФРГ совместно с Федеральным архивом, изданному в 1998 г. в Мюнхене [31].

Профессор Дипломатической академии И.Н. Кузьмин, возглавлявший информационно-аналитический отдел представительства КГБ в ГДР, в своих книгах приводит массу фактов начавшегося процесса исчезновения ГДР. Автор пишет, что каждому побывавшему в Западном Берлине в «качестве приветствия» выдавалось 100 марок, которые по спекулятивному курсу обменивались на 1 тысячу марок ГДР. Только 11 ноября там побывало более миллиона граждан ГДР. Вывод автора вполне объективен: «Сами масштабы этого проявления говорили о мощном внутреннем импульсе и не могли быть объяснены ни простым любопытством, ни материальными соображениями... Переход к режиму открытой границы означал огромный шаг на пути восстановления единства нации» [32, 129-130]. Есть ли дата, когда советское руководство, то есть лично Горбачёв, согласилось на объединение Германии? Черняев отмечает, что «такой даты нет в природе» [16, 110]. В этой связи желающие найти ответ обращаются к переговорам на Мальте между Горбачёвым и Бушем. Сведения об этой встрече противоречивы. В публикациях Черняева подтверждается значимость «встречи на кораблях», ознаменовавшей окончание холодной войны [33, 117-130]. Лавина перемен и событий, развернувшихся в мире, требовала прояснения позиций и согласования в действиях между сверхдержавами. При этом, что видно по содержанию переговоров, США стремились к максимальному извлечению выгод из новой геополитической ситуации. Участвовавший во встрече секретарь ЦК КПСС, известный дипломат А.Ф. Добрынин пишет: «Вопрос о Германии подробно не обсуждался на Мальте», но для Буша было важно, что Горбачёв не отверг с ходу разговор об объединении [34, 664].

Действительно, на Мальте велись переговоры по широкому кругу проблем – от Кубы до Афганистана, причём именно тех, где американская сторона оказывала давление на СССР, но германская проблема, а этого не могли не понимать руководители двух сверхдержав, в переходе к новому миропорядку была ключевой [35, 214-215]. Президент Буш заявил Горбачёву, что США не будут препятствовать воссоединению Германии. Госсекретарь США Дж. Бейкер, проясняя эту позицию, сказал, что объединение должно происходить на принципах свободного рынка, гласности, плюрализма, то есть на основе западных ценностей. Но объединенная Германия не должна воспроизвести модель 1937-1945 гг. [36]. Горбачёв, видимо не осознавая, что после падения Берлинской стены объединение идёт вне зависимости от его желания и воли,

буквально «пожаловался» Бушу: «У нас впечатление, что господин Коль торопится, суетится, действует несерьёзно, неответственно... Это что же будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам, или членом НАТО?» Сошлись на том, что германский вопрос должен решаться в «контексте новой Европы и нового мира» (собственно, это как раз и происходило).

Оценка переговоров по германскому вопросу – отдельная тема для исследований [37]. Среди российских авторов немало тех, кто далеко не в восторге от их содержания и результатов. Западные политики, отмечает И.Н. Кузьмин, в профессиональном отношении оказались сильнее, чем их советские партнёры. Примерно то же самое, но более резко пишут в своей книге историки В.В. Александров и Е.Н. Есин, считая состоявшееся объединение Германии результатом «бездарной дипломатии» Горбачёва. При этом авторы признают объективную неотвратимость объединения, так как «проблема единства Германии пробивала себе дорогу как через настроения жителей двух стран, так и через политику ФРГ и её западных союзников» [38, 69].

Многие оценки высказывались под влиянием эмоций, которые в свою очередь были вызваны не воссоединением Германии, а распадом СССР. Можно ещё раз обратиться к мнению тех, кто был вовлечён с советской стороны в процесс объединения Германии. А.Ф. Добрынин видит проблему в том, что Горбачёв «взял практически все переговоры по Германии на себя. Под давлением США и ФРГ (Буш и Коль активно использовали конфиденциальный персональный канал связи) он начал колебаться». В итоге получилось, что «были сданы дальние западные рубежи безопасности нашей страны без какой-либо стратегической компенсации» [34, 665]. Свои оценки переговорам вынесли Ю.А. Квицинский, В.М. Фалин, бывший помощник М.С. Горбачёва, доктор философских наук Г.Х. Шахназаров [39].

Осознание упущенных возможностей пришло позднее. В ходе переговоров видимо не удалось охватить все проблемы и осознать последствия, чтобы предложить иные решения. Да, Горбачёв действовал самостоятельно, пренебрегая коллегиальностью при принятии решений, но и Коль действовал через голову своего окружения. Достаточно сослаться на его программу «10 пунктов», выступление с которой было смелым и неожиданным ходом для большинства членов правительства и правящей коалиции. Даже вице-канцлер, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер не скрывает, что он часто был не в курсе начинаний Коля [40]. Оценку действий Горбачёва и Шеварднадзе можно найти у американских участников событий: Буша, бывшего госсекретаря Шульца, Бейкера, в частности в воспоминаниях бывшего президента США Дж. Буша и его советника по безопасности Б. Скоукрофта [41], а также в книге политолога Ф. Зеликоу и нынешнего госсекретаря США К. Райс, посвящённой американской дипломатии [42].

Объединение Германии 3 октября 1990 г. – действительно поворотный момент в немецкой и европейской истории. Но соглашаться с тем, что оно стало определяющим событием в XX веке, как это считает, например, О. Ференбах [13, 277-278], вряд ли стоит. Всё же существование двух германских государств было куда более значимым явлением в ушедшем столетии. Последствия объединения ФРГ и ГДР проявятся в полной мере в XXI веке. В этой связи объединение Германии ещё не раз окажется в центре внимания российских историков.

1. Филитов А.М. СССР и ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7; Как принималось решение о возведении Берлинской стены. Предисловие и комментарии Б. Бонвеча (ФРГ) и А.М. Филитова // Новая и новейшая история. 1999. № 2.
2. Кузьмин И.Н. Шесть осенних лет. Берлин. 1985-1990. М. 1999. С. 7; Kusmin I.N. «Zum Nachteil nseres Landes». Die Sowjetunion und der deutsche Vereinigungsprozess// Deutschland Archiv. 2000. N 2.
3. Gegen den Zeitgeist. Zwei deutsche Staaten in der Geschichte. Berlin, 1999. Рец. на этот сборник см.: Максимычев И.Ф. Слова из песни не выкинуть (Место ГДР в германской истории) // Современная Европа. 2000. № 1.
4. См.: Реваншизм: идеология и практика: Сб. статей. М., 1985; Реваншисты. М., 1987; Пустогаров В.В. Западногерманский реваншизм и международное право. М., 1986
5. Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М., 2001.

6. Lösung der deutschen Frage – wie, wann, mit wem?: Dokumentation d. Expertendisputes d. Fridrich-Naumann -Stiftung. Bd. 3. Am 15. und 16. März in Königswinter/Margarethenhof, 1986.
7. Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993.
8. Павлов Н.В. Объединение, или Рассказ о решении германского вопроса с комментариями и отступлениями. М., 1992.
9. См.: Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М., 2005; Павлов Н.В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М., 2005.
10. Seiffert W. Die Deutschen und Gorbatschow: Chancen für einen Interessenausgleich. Straube, 1989.
11. Kaiser K. Deutschlands Vereinigung: die internationalen Aspekte. Mit wichtigen Dokumenten. Lübbe, 1991.
12. См.: Kuhn E. Gorbatschow und die deutsche Einheit: Aussagen der wichtigsten russischen und deutschen Beteiligten. Bonn, 1993.
13. Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001.
14. См.: Многая лета... К 70-летию М.С. Горбачёва. М., 2000.
15. Черняев А. Объединение Германии. Политические механизмы и психологические стереотипы // Свободная мысль. 1997. № 8.
16. Черняев А.С. М.С. Горбачёв и германский вопрос // Новая и новейшая история. 2000. № 2; А.Черняев – автор нескольких книг и публикаций, в которых освещаются многие стороны в деятельности генсека и президента М.С. Горбачёва в непосредственной связи с проблемой объединения Германии. См.: Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993; Моя жизнь и моё время. М., 1995; 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997.
17. В своих мемуарах полемизируют с М. Горбачёвым: А. Добрынин, Ю. Квицинский, В. Фалин и др. В новой биографии М.С. Горбачёва его бывший пресс-секретарь А. Грачёв пишет: «Он не мог не сознавать, что падение Берлинской стены неминуемо приведет к трещинам в стене Кремлевской». Грачев А.С. Горбачёв. М., 2001.
18. М. Горбачев в предисловии к своей книге «Как это было» пишет, что искажение его действий происходит из-за «недостатка знаний о предмете, по неосведомленности о некоторых деликатных вещах, а чаще же в угоду политической конъюнктуры или вследствие заведомо негативного отношения к перестройке и вообще к моей политике, персонально ко мне». См.: Горбачёв М.С. Как это было. М., 1999. С. 4; Вначале воспоминания были изданы в ФРГ: Gorbatschow M.S. Wie es war: die deutsche Wiedervereinigung. Berlin, 1999.
19. Черняев А.С. Горбачёв и германский вопрос // Новая и новейшая история. 2000. № 2.
20. Наринский М.М. М.С. Горбачёв и объединение Германии. По новым материалам // Новая и новейшая история. 2004. № 1.
21. Ахтамзян А.А. Федеративная Республика Германия в конце XX в. // Новая и новейшая история. 1999. № 4.
22. Петелин Б.В. ХДС/ХСС и объединение Германии: внутрипартийные проблемы на фоне решающих событий 1989/90 гг. // Германия и Россия: События. Образы. Люди. Вып. 3. Воронеж. 2000.
23. См.: Петелин Б.В. «Документ Португалова» и позиции советского руководства по германскому вопросу. 21 ноября 1989 г. // Вопросы истории. 2005. № 10; Он же. «За Германию, единое Отечество». Почему не состоялся план Модрова // Вопросы истории. 2006. № 7.
24. Потапов А.В. Кризис ГДР в 80-х годах и объединение Германии // Новая и новейшая история. 1991. № 5.
25. См.: Последний год ГДР. М., 1993. (У этой книги два автора: И.Ф. Максимычев и Х. Модров, написавших каждый свою часть); Кузьмин И.Н. Крушение ГДР. Заметки очевидца. М., 1993. В своих последующих книгах автор значительно расширил и дополнил анализ социально-экономической ситуации в ГДР; Он же. Крушение ГДР. История. Последствия. М., 1996; Он же. Шесть осенних лет. Берлин. 1985-1990. М., 1999; Он же. 41-й год Германской демократической Республики. М., 2004; Ахтамзян А. А. Объединение Германии или аншлюс ГДР к ФРГ, Кн. 1-2. М., 1994.
26. Орлова М.И. ГДР: рождение и крах. М. 2000.
27. См., напр.: Krenz E. Wenn Mauern fallen. Wien, 1990; Dartnion R. Der letzte Tanz auf der Mauer: Berliner Journal 1989-1990. München, 1991; Hübsch R. Als die Mauer wuchs: Zur

- Deutschlandpolitik der Christdemokraten 1945 – 1970. Potsdam, 1998; Hertle H. - H. Der Fall der Mauer: die unbeabsichtigte Selbstauflösung des SED-Staates. Opladen, 1999;
28. Как и воспоминания Горбачёва, они в начале издавались в ФРГ: Schewardnadse E.A. Die Zukunft gehört der Freiheit. Hamburg, 1991; Kwizinski J.A. Vor dem Sturm: Erinnerungen eines Diplomaten. Berlin, 1993; Falin V.M. Politische Erinnerungen. München, 1993.
 29. См.: Максимычев И.Ф. Конец Берлинской стены // Международная жизнь. 1991. № 2; Он же. О воссоединении Германии // Международная жизнь. 1993. № 7; Он же. Падение Стены // США: экономика – политика – идеология. 1996. № 11.
 30. Максимычев И.Ф. Падение Берлинской стены. Записки очевидца // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
 31. См.: Deutsche Einheit: Sonderedition aus Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90 / Bearb. von Hanns Jürgen und Daniel Hofmann. München, 1998.
 32. Кузьмин И.Н. Шесть осенних лет.
 33. Черняев А.С. М.С. Горбачёв и германский вопрос.
 34. См.: Черняев А.С. Горбачёв-Буш: встреча на Мальте в 1989 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 3.
 35. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.) М., 1997.
 36. Даже на пресс-конференции по окончанию встречи 3 декабря журналисты преимущественно интересовались германской проблемой. Materialien zu Deutschlandfragen. Politiker und Wissenschaftler nehmen Stellung 1989/91.
 37. Горбачёв-фонд. Ф. 1. Оп. 1. 2 декабря 1989 г.
 38. Яркое, запоминающееся описание решающей встречи Горбачёва и Коля в Архызе воспроизвёл ближайший помощник канцлера Х. Тельчик. Teltschik H. 329 Tage: Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991.
 39. Александров В. В., Есин Е. Н. Объединение Германии и провал германской политики советского руководства. М., 1995.
 40. См.: Квицинский Ю.А. Время и случай: заметки профессионала. М., 1999; Фалин В. М. Конфликты в Кремле. М., 2000; Шахназаров Г.Х. Встречи с лидерами социалистических стран // Новая и новейшая история. 2000. № 3.
 41. Genscher G. - D. Erinnerungen. Berlin, 1995; Во время своей встречи с Горбачёвым 5 декабря 1989 г. в Москве Геншер не скрывал, что у него есть разногласия с Колем, но программу «10 пунктов» поддержал, за что был обвинен Горбачёвым в чрезмерном «адвокатствовании». Горбачёв-фонд. Ф. 1. Оп. 1. 5 декабря 1989 г.
 42. См.: Bush G. / Scowcroft B. Eine neue Welt: amerikanische Außenpolitik in Zeiten des Umbruchs. Berlin, 1999; Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М., 2004.
 43. Представляется, что наиболее полная американская точка зрения на процесс объединения Германии изложена в книге Ф. Зеликоу и К. Райс. См.: Zelikow Ph., Rice C. Sternstunde der Diplomatie: die deutsche Einheit und das Ende der Spaltung Europas Berlin, 1997.

Басин Я. З. (БГУ, г. Минск)

ДИСКРИМИНАЦИЯ ЕВРЕЕВ ГЕРМАНИИ В 1933-1939 гг. КАК ПЕРВЫЙ ЭТАП ХОЛОКОСТА

«Евреи пользуются в Германии единственным правом – правом на смерть». (Из речи помощника гессенского штатгальтера Линдера, произнесённой во Франкфурте 21 июня 1938 г.) [1]

«Убийство не новое явление на земле, и каинов грех сопровождает род человеческий испокон веков. Но только в XX веке мы стали свидетелями убийств особого рода: не в результате преходящей вспышки страсти или душевного помрачения; не по злостному умыслу отдельной личности, а как порождение величайшего преступного заговора, в котором приняли участие десятки тысяч [людей]; не против единственной жертвы, а против целого народа». Эти слова, прозвучавшие в обвинительной речи Генерального прокурора Израиля на процессе

Эйхмана [2], очень точно охарактеризовали суть Холокоста как уникального явления мировой истории. Именно это – истребление нацистами и их пособниками в ходе Второй мировой войны более 60 % еврейского населения Европы – и лежит в основе общепринятой дефиниции слова Холокост. «Истребить» – значит «полностью уничтожить» [3]. Никаких иных значений это слово не предполагает: нацисты действительно намеревались полностью истребить еврейский народ у себя в стране и на всей оккупированной Германией и её союзниками территории. Однако то, что зафиксировано в общественном сознании, не обязательно соответствует исторической правде. Противоречие заложено уже в определённых дефиницией сроках: Вторая мировая война, как известно, была развязана 1 сентября 1939 г., а массовое планомерное уничтожение еврейского населения началось лишь после вторжения Германии в СССР.

Всякие противоречия исключает иная, более объёмная дефиниция, которая приводится в справочных и энциклопедических изданиях: Холокост (Катастрофа европейского еврейства) – гибель значительной части еврейского населения Европы в результате организованного преследования и планомерного уничтожения евреев нацистами и их пособниками в Германии и на захваченных ею территориях в 1933-1945 гг. [4]. Как мы видим, в данной формулировке раздвинулись временные рамки и добавилось такое понятие, как «организованное преследование», что означает в данном контексте дискриминацию еврейского населения Германии и в захваченных ею странах до начала Второй мировой войны.

Холокост – одна из форм геноцида (из-за беспрецедентных масштабов – самая чудовищная в истории человечества). В общественном сознании понимание геноцида утвердилось в той формулировке, которая зафиксирована Уставами Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов и Женевской Конвенции 1948 г.: «Геноцид – один из видов международных преступлений; состоит в физическом истреблении целых групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам» [5].

Менее известно также данное Женевской конвенцией 1948 г. ещё одно определение геноцида: «В национально-культурной сфере к геноциду относится уничтожение языка, религии или культуры какой-либо национальной, расовой или религиозной группы, в том числе, запрещение... пользоваться национальным языком в повседневной жизни или в школах; запрещение печатания и распространения изданий на языке такой группы; уничтожение библиотек, музеев, школ, исторических памятников, зданий, предназначенных для нужд религиозных культов и т. д.» [6]. Данное определение позволяет нам говорить о практике Холокоста ещё до начала физического истребления евреев.

Вышеприведённые дефиниции снимают возникающие противоречия и утверждают: Холокост – это не только уничтожение, но и дискриминация евреев в Германии и на оккупированных ею территориях в 1933-1945 гг. Тех самых евреев, которых Фридрих Ницше, провозглашённый нацистами своим первым философом и пророком, назвал «самой сильной, самой цепкой, самой чистой расой из всего теперешнего населения Европы» [7], а о самих немцах при этом весьма нелицеприятно заметивший, что «Германия портит культуру, лишь только она с ней соприкасается». [8].

Думается, что Холокост и соотносится в массовом сознании лишь применительно к физическому уничтожению людей, потому что серьёзных исторических исследований о дискриминации еврейского населения Германии и оккупированных ею государств до начала Второй мировой войны на русском языке до крайности мало. Наиболее фундаментальным из них является книга В. Захарова и В. Кулишова «Начало начал. Германия. 1933-1939 годы», вышедшая в Москве в 2000 г. (второе, переработанное, дополненное и расширенное издание вышло в 2003 г. под названием «В преддверии Катастрофы»). Правда, ещё в 1939 г. в ежегоднике «Еврейский мир», изданном в Париже Объединением русско-еврейской интеллигенции, были опубликованы две работы по этой тематике, но из-за отказа руководства СССР от критики национал-социализма после заключения пакта Риббентропа-Молотова эти статьи до советского читателя так и не дошли. Речь идет о работах К. Лейтеса «Основные этапы антисемитской политики Гитлера. 1933-1938» и Иоэля «Германский расизм и мировой антисемитизм». Еще две работы можно обнаружить в сборнике «Еврейский мир» 1944 г., изданном Союзом русских евреев в Нью-Йорке: Е. Кулишера «Изгнание и депортация евреев» и А. Гольдштейна «Общественные элементы в гитлеровском антисемитизме», но ко времени

их появления на свет судьба европейского еврейства уже была фактически решена. (Оба сборника «Еврейский мир» были переизданы в Минске в 2001-2002 гг.).

В Европе еврейский народ «вечно, а не только в XX веке, занимал нишу «преступника без преступления» [9]. Но поскольку в общественном сознании без вины виноватых не бывает, нацисты выдвинули политическое обоснование дискриминации евреев: они, якобы, причастны (все, весь народ!) к попытке захватить власть во всем мире и тем самым помешать немцам в достижении их национальных целей, а потому они (все, весь народ!) подлежат уничтожению. Проанализировав ситуацию, американский историк Джордж Моссе в своей книге «История европейского расизма» смог утверждать, что «Уничтожение евреев, несомненно, было его [Гитлера] конечной целью» [10]. Ему вторит современный биограф Гитлера Йен Кершоу: «Для Гитлера, какими бы ни были его тактические соображения, неизменной целью оставалось уничтожение евреев. Это была его главная политическая идея, начиная с 1919 г.» [11].

Конечно, можно просто сослаться на серьёзное психическое заболевание германского фюрера и сопутствующие этому изменения личности, и это не будет большой ошибкой. Заключение специалистов в разные годы говорят примерно об одном и том же. Уже в 1945 г. о Гитлере писали как о «тяжелом психопате, одержимом сверхценной идеей Великой Германии» (Моргентау), и как о человеке, страдавшем «тяжёлой истерией, при которой характерологические особенности находятся в связи со скрытой агрессивностью» (Мюллер-Хегеманн, 1955) [12]. В одном из более поздних заключений о личности Гитлера можно найти и социальную оценку данного случая патологии: «Крайнюю социальную опасность данного случая психопатии обусловило соединение черт психопата-фанатика с его волевой железной настойчивостью, односторонностью и безжалостностью... имеющего в качестве самостоятельных компонентов идеи антисемитизма и мирового господства при утрате какой-либо критической самооценки и формировании убежденности в своём величии (в том числе – в выдающемся полководческом таланте, избранничестве и непогрешимости)» (Гиндикин, Гурьева, 1999) [13].

На самом же деле всё было одновременно и проще и сложнее: Холокост не только решал одну из основных задач национал-социализма – достижение «чистоты расы», декларируемого гитлеровской идеологией как единственный способ спасения германского народа от грозящей ему смертельной опасности, но и стал для нацистов одним из основных средств решения экономических проблем, возникающих при глобальной милитаризации страны. Как отмечал в недавно вышедшей в свет книге «Народное государство Гитлера. Грабеж, расовая война и национальный социализм» немецкий историк Гётц Али: «Холокост останется непонятым, если не будет квалифицирован как самое последовательное массовое убийство с целью грабежа в современной истории... Выгоды от ариизации извлекали именно немцы (включая австрийцев), понимая под этим 95 % населения. Тот, кто заявляет, что это касалось лишь отъявленных наци, уходит от реальной исторической проблемы» [14]. Вывод Г. Али в этом вопросе весьма категоричен: «Тот, кто не желает говорить о выгодах миллионов простых немцев, пусть молчит о национал-социализме и Холокосте» [15]. А о том, что антисемитизм стал в Германии «движущей силой большого народного движения», с удовлетворением Гитлер писал ещё в своей книге «Моя борьба» [16].

Замысел Холокоста начал вызревать у Гитлера ещё в самом начале нацистского движения: евреи должны были стать заложниками немецкой агрессии. Уже при подготовке Мюнхенского путча прозвучала мысль о том, что «полмиллиона строго охраняемых в лагерях евреев должны быть безусловно уничтожены, если враг пересечёт немецкую границу». Позднее отвернувшийся от Гитлера и эмигрировавший из Германии писатель и политический деятель Герман Раушнинг мысль о евреях как о заложниках нацистского режима сформулировал так: «Евреи были для Гитлера залогом, дававшим гарантию, что за граница позволит ему идти своим путём» [17]. В своем маниакальном стремлении очистить Европу от евреев Гитлер пытался убедить следовать этим путём и своих союзников. В июле 1941 г. он говорил хорватскому маршалу Кватернику: «Если хотя бы одно государство по каким-либо причинам потерпит у себя хотя бы одну еврейскую семью, то семья эта превратится в очаг бацилл для нового распада» [18].

Нет сомнения, что Гитлера вдохновляли идеи пангерманцев о необходимости выселения из страны всех евреев, хотя в силу своего необузданного экстремизма он уже с самого начала

надеялся решить этот вопрос более радикально. Вот почему, когда 4 января 1933 г. в доме банкира Курта фон Шрёдера в Кёльне представители крупного капитала пришли к решению передать 30 января власть в руки правительства Гитлера-Папена, был одобрен одновременно (среди прочих) и один из программных пунктов Гитлера: устранить со всех руководящих постов в стране не только коммунистов и социал-демократов, но и евреев [19].

Приход Гитлера к власти ознаменовался мощными антиеврейскими беспорядками. Эксцессы случились уже в первую ночь после выборов – с 30 на 31 января, а 11 марта 1933 г. Геринг произнёс в Эссене злобную антисемитскую речь, которая спровоцировала «мартовский [антиеврейский] террор». Комментируя погромы, которые устраивали штурмовики, он сказал: «Я категорически против того, чтобы полиция защищала еврейские универмаги... Полиция существует не для того, чтобы охранять мошенников, жульё, ростовщиков и предателей» [20]. А спустя буквально две недели, 1 апреля, на всей территории Рейха был объявлен бойкот еврейским лавкам и магазинам.

Первые дискриминирующие еврейское население законы («запреты на профессию»), появились в Германии уже в начале апреля 1933 г. В этих законах содержался так называемый «арийский параграф», согласно которому евреи удалялись из государственного аппарата и из органов юстиции. 4 апреля был принят закон о служащих и рабочих учреждений, 7 апреля – закон о профессиональном чиновничестве, а 17 апреля – закон об адвокатах. Далее аналогичные законы посыпались как из рога изобилия: 22 апреля – о врачах больничных касс, 25 апреля – о студентах, 6 мая – о профессорах, 2 июня – о зубных врачах, 30 июня – о супругах чиновников [21].

Гитлер спешил. Тотальное ограничение прав евреев было для него не просто первоочередной задачей по выполнению одной из главных программных целей нацистского движения. Он должен был начать привлекать на свою сторону миллионы обывателей, которые с подозрительностью смотрели на новую власть, основанную (по всем внешним признакам) на силе кулаков её штурмовиков. Для этого он должен был, в первую очередь, бросить кость мелким лавочникам, которые могли бы выиграть от ущемления прав их еврейских конкурентов, и чиновникам, которые могли бы немедленно занять высвобождающиеся рабочие места. Для страны, находящейся в жесточайшем экономическом кризисе, это была бы серьёзная возможность уменьшить общественную напряжённость.

Законы, затрагивающие интересы юридического и медицинского сословий, не случайно были приняты в числе первых: именно адвокаты и врачи были той традиционной нишей, которую веками занимали в диаспоре евреи. Значительное их число было и в Германии: весной 1933 г. в Пруссии из 11814 адвокатов – 3513 были неарийцами (30 %), из 90000 врачей по всей Германии – 13000 были евреями (15 %). Трудовые суды уже в 1933 г. вынесли ряд решений, подтверждавших законность увольнения за неарийское происхождение [22]. Ликвидируя силовым путём конкуренцию в тех сферах, в которых евреи были особенно сильны, Гитлер привлекал на свою сторону симпатии значительного числа представителей среднего сословия.

Для того, чтобы избежать при решении данного вопроса чиновничьего произвола, 11 апреля 1933 г. было издано разъяснение к «еврейскому параграфу». Оно было основано на четвёртом пункте программы НСДАП, принятой ещё в феврале 1920 г.: «Предоставление гражданства [должно происходить] по расовому признаку; евреи не могут быть гражданами Германии» [23]. Разъяснение гласило: «Неарийцем считается тот, кто происходит от неарийских, в особенности еврейских, родителей или от дедушки и бабушки еврейского происхождения. Для признания неарийцем достаточно, чтобы один из родителей или только дедушка либо бабушка были неарийского происхождения. Это обязательно, если один из родителей либо дедушка, либо бабушка принадлежат к еврейской религии» [24].

Новые законы власть стала исполнять со всей присущей немцам педантичностью. А ограничения прав евреев всё росли и росли. Появился запрет на совместную врачебную практику арийцев и неарийцев (июнь 1933 г.), запрет заниматься сельским хозяйством и животноводством (Закон о наследственных крестьянских дворах, сентябрь 1933 г.), запрет служить в армии (Закон о воинской повинности, май-июнь 1933 г., и Закон об имперской воинской повинности, июнь 1933 г.) [25]. Результаты такой «кадровой» политики быстро дали себя знать. К 20 июля 1934 г. в немецких судах уже работало только 2009 адвокатов-евреев, а к

1 января 1938 г. – 1753, то есть за 5 лет их число снизилось наполовину. Декрет от 15 октября 1938 г. исключал всех евреев из адвокатского сословия. Ещё быстрее власти расправились с нотариусами-евреями. Если в начале 1933 г. в Германии из 6226 нотариусов – 2157 были неарийцами (34,6 %), то уже к концу года их осталось только 822 (16,7 %). В сентябре 1935 г. евреям было запрещено вообще выполнять какие бы то ни было нотариальные функции [26].

Дискриминационные меры, направленные против представителей медицинских профессий, были приняты властями ещё в феврале 1933 г., когда начался первый бойкот врачей-евреев. 22 апреля 1933 г. указ «О допущении врачей к деятельности в больничных кассах» запретил работу в них всех врачей-неарийцев. Это был самый сильный удар по 6000 врачей, 84 % заработка которых составляли доходы от больничных касс. Исключение составляли врачи – бывшие фронтовики и ветераны войны (так называемые комбатанты), но к ноябрю того же года и этой категории было запрещено работать в больничных кассах в городах с населением более 100 тысяч человек, а с 1 января 1938 г. врачи-евреи были из больничных касс уволены по всей Германии.

Дискриминационные законы больно ударили и по частнопрактикующим врачам-евреям, которых по всей Германии было около 7500. Им было запрещено замещать арийского врача в случае необходимости, участвовать в консилиумах вместе с врачами-арийцами, арендовать для работы помещения (в том числе операционные) в арийских больницах, выдавать детям освобождения от занятий в школах и т. д. В больницах врачи-евреи имели право лечить только больных-евреев. Всё это привело к резкому сокращению числа врачей-евреев: в 1936 г. их уже оставалось не более 3500, а к весне 1938 г. – около 2000. В августе 1938 г. евреи были вообще лишены права заниматься врачебной практикой [27]. 26 марта 1936 г. особым циркуляром евреи были лишены права быть владельцами либо арендаторами аптек. В середине 1937 г. в еврейских руках уже не было ни одной аптеки на всей территории Германии [28].

Закон о чиновничестве серьёзно ударил по евреям, занимавшимся научными исследованиями и преподававшим в университетах: 1684 из них (примерно 15 % от общего числа) были уволены уже в середине 1933 г. В некоторых университетах этот процент был значительно выше: в Берлинском, например, было уволено 32 % профессорско-преподавательского состава [29]. По всей Германии был установлен процент приёма в университеты студентов неарийского происхождения – 1,5 % [30]. Чуть позднее дискриминация по национальному признаку коснулась и преподавателей школ, а в 1936 г. специальным циркуляром имперского министра просвещения им было запрещено давать частные уроки и заведовать частными школами, в которых учились арийские дети. В начале 1937 г. евреям было предписано создавать для своих детей особые школы или, по крайней мере, особые классы в общих школах. Евреям было запрещено сдавать экзамены на аттестат зрелости экстерном.

И всё же в целом большая часть еврейского населения Германии от антисемитских законов серьёзно не пострадала, ибо государственные служащие, юристы и врачи составляли не более 10 % от общего его числа, хотя и это было немало, если учесть, что в 1933 г. в Германии проживало около 550 тысяч евреев. Ещё 30 % еврейского населения были заняты ремесленничеством и работой в промышленности, а наибольшая его часть (50 %) – торговлей [31]. Несмотря на то, что государство принимало серьёзные меры, чтобы вытеснить еврейский бизнес из хозяйственной жизни, евреям достаточно долго удавалось удерживаться на плаву, занимая весьма важные позиции, ликвидация которых могла существенно осложнить жизнь населения: хлебную и яичную торговлю, мукомольное дело, пивоваренное дело, виноторговлю, торговлю скотом, импорт пищевых продуктов и т. д. Еврейским торговым предприятиям даже в условиях бойкота со стороны арийских торговцев, отказа в получении банковских ссуд, непрекращающейся травли в прессе, невозможности размещения рекламы и т. д. удавалось как-то продолжать свою деятельность. Во многом это объяснялось тем, что «Гитлер... не принимал в течение шести лет никаких законодательных мер для ограничений торговли евреями. Германия, поставленная в тяжёлые экономические условия, не могла позволить себе роскоши расстроить свой торговый аппарат, находившийся в значительной степени в руках зарекомендовавших себя на внешнем рынке фирм» [32].

И, тем не менее, уже начиная с 1933 г., на еврейских бизнесменов оказывалось постоянное давление, чтобы вынудить их продать свое дело в «арийские» руки. Покупатель, как правило, выплачивал еврейским владельцам лишь небольшую долю от истинной стоимости

предприятия, независимо от того, что было предметом купли-продажи – сапожная мастерская, всемирно известная фирма или банк. Ситуация усугубилась после того, как экономическим диктатором государства был в 1936 г. назначен Герман Геринг, утвердивший «четырёхлетний план» – программу перевода экономики Германии на военные рельсы. В стране начался интенсивный процесс «аризации» – насильственной передачи еврейских предприятий в арийские руки. К 1938 г. предприятия, принадлежавшие евреям, переходили другим владельцам, в лучшем случае, за четвертую часть их рыночной стоимости.

Обращение в суд, как правило, не приносило пользы, ибо уже в 1933 г. судебные органы получили опубликованное в открытой юридической прессе указание, как вести дела в тех случаях, когда один из участников процесса – еврей: «В то время как у каждого германца наличие порядочности должно быть презумпцией, у еврея же как врага нашей расы заранее предполагается непорядочность. Наличие порядочности должно быть для каждого отдельного случая особо доказано» [33].

С первых же дней прихода нацистов к власти началось вытеснение евреев со всех сфер духовной жизни Германии. В созданные министром пропаганды Геббельсом творческие союзы евреев, естественно, не принимали из-за отсутствия «необходимой благонадежности». К примеру, закон от 4 октября 1933 г. предписывал, что «редактором может быть только лицо арийского происхождения, не состоящее в браке с лицом неарийского происхождения». В 1935 г. евреям владельцам кинотеатров было предложено к 10 декабря этого года продать свои предприятия под угрозой лишения лицензий. В 1937 г. вышло постановление, что к сбыту и распространению периодических печатных изданий может допускаться только лицо, которое приведёт доказательство своего арийского происхождения с 1800 г. В том же году еврейские газеты и журналы было запрещено продавать на улицах и в киосках, а их издатели не имели права приводить цитаты из немецких газет, журналов и книг и даже ссылаться на их содержание. Газеты, издательства и оборудованные по последнему слову техники типографии за бесценок перешли в руки нацистских сановников.

Мощным фактором укрепления экономики Германии стала политика насильственной эмиграции евреев, сопровождающаяся их почти тотальным ограблением. И если вначале Гитлер заявлял о своём поощрении выезда евреев из страны (он даже договорился до того, что готов дать тысячемарковый билет каждому еврею, который уберётся из Германии [34]), то позднее его отношение к этому вопросу резко изменилось, и, чем дальше, тем сложнее становилась сама процедура выезда. Уже 27 августа 1933 г. активные меры по налаживанию вывоза евреев из Германии предприняли Германский сионистский союз совместно с Англо-Палестинским банком, которые заключили с правительством Германии «Соглашение о перемещении», согласно которому евреи имели возможность эмигрировать в Палестину при условии выплаты Рейху половины своей собственности. Немцы заявляли, что «еврейские» деньги якобы пойдут на финансирование германского экспорта в Палестину, поэтому обе стороны были заинтересованы, в первую очередь, в эмиграции евреев, обладающих более или менее значительным капиталом. За пять последующих лет в Палестину выехало около 60000 евреев. По мере обнищания немецких евреев и усиления арабского сопротивления росту еврейского населения Палестины, акция заглохла сама по себе [35]. Динамику еврейской эмиграции из Германии в Палестину хорошо демонстрируют следующие данные: 1933 г. – 19 % всех эмигрантов, 1934 г. – 38 %, 1935 г. – 36 %, 1936 г. – 34 %, 1937 г. – 16 %. То есть в период 1934-1936 гг. в Палестину отправлялся практически каждый третий немецкий еврей [36].

В целом до конца 1937 г. из Германии успело выехать 135000 евреев, то есть четверть еврейского населения страны. Но по мере роста расходов государства на милитаризацию экономики росли и аппетиты нацистов по отношению к деньгам еврейских эмигрантов. Начиная с осени 1937 г. был принят ряд репрессивных мер, серьёзно затруднивших еврейскую эмиграцию. Вначале у большинства евреев отняли заграничные паспорта (декретом от 8 октября 1938 г. они вообще были аннулированы), а в феврале 1938 г. был введён так называемый «налог на бегство», составлявший 25 % от капитала, который каждый еврей должен был держать в своём распоряжении независимо от того, собирается он эмигрировать или нет. При ликвидации бизнеса, еврей должен был оставлять себе этот «неприкасаемый запас», а остальные 75 % вырученных денег шли на специальный счёт, по которому в случае эмиграции их владелец получал долларовый эквивалент, не превышающий 10 % действительной суммы. Малоимущие слои еврейского населения практически вообще теряли

возможность для выезда, поэтому позднее нацистские власти организовали дело таким образом, что состоятельные евреи оплачивали не только свой выезд, но и выезд своих менее обеспеченных сородичей. А всего за период 1933-1937 гг. нацистские власти получили от еврейских эмигрантов 186 миллионов рейхсмарок [37].

За пять лет после прихода к власти ужесточение условий грабежа еврейского населения привело к тому, что эмигранты с 25 % потери капитала в 1933 г. стали терять 90 % в 1938 г. [38]. Тем не менее, за годы нацистского правления из Германии смогло уехать 270 тысяч евреев, в том числе 90 тысяч – в США [39].

Антисемитская политика государства не была однозначной и в различные периоды отличалась по своей интенсивности и жестокости антиеврейского террора. Если после прихода к власти Гитлера возобладали агрессивность издателя иллюстрированной газеты «Дер Штюрмер» Юлиуса Штрайхера и рейхминистра народного просвещения и пропаганды Йозефа Геббельса, то с 1934 г. террор несколько спал, и решением еврейского вопроса занялись умеренные антисемиты во главе с руководителем управления расовой политики НСДАП Вальтером Гроссом. Однако уже спустя полтора года всё изменилось к худшему после речи Геббельса 29 июня 1935 г., заявившего, что Германии евреи не нужны и что высказывания некоторых немецких интеллектуалов типа «еврей – тоже человек» глупы и нелепы [40]. Точку в этой дискуссии поставили принятые Рейхстагом 15 сентября 1935 г. два закона о гражданстве и расе (Нюрнбергские законы, законы гетто), определявшие статус евреев в Третьем рейхе. Первый закон касался вопросов гражданства и вводил различие между «гражданами рейха» и «принадлежащими к государству» (теперь только «истинные немцы» могли пользоваться всеми правами гражданина Третьего рейха). Второй закон – об «охране немецкой крови и немецкой чести» запрещал браки между евреями и немцами, а также внебрачные интимные отношения между ними. Почти сразу же после опубликования этих законов в Германии развернулась подлинная антиеврейская истерия, подогреваемая выступлениями главарей Рейха типа: «Еврей может говорить только по-еврейски. Когда он пишет по-немецки, он лжёт» (Гитлер) [41]. В ноябре того же года евреи Германии были лишены избирательных прав [42].

С этого времени евреи превращаются в безусловного общественного врага № 1, и с ними почти во всех сферах жизни начинают обращаться как с людьми, морально и физически деградировавшими. Резко возрастает безработица среди евреев, обнищание еврейских масс прогрессирует с каждым днем. На еврейские общины падает непосильная задача поддержать своих безработных собратьев, но закон от 1 апреля 1938 г. лишает их и этой возможности: общины теряют права юридических лиц, и как частные союзы они облагаются огромными налогами, съедающими все их средства.

Выходит Постановление имперского министра внутренних дел «об исполнении германского положения об общинах», согласно которому евреи не могут быть гражданами общин и теряют право пользоваться общественно-благотворительной помощью. Евреи постепенно исключаются из всех союзов (спортивных, музыкальных, литературных, союзов слепых и т. д.). Евреям запрещено приобретать недвижимость (земельные участки и дома), а городские земельные участки даже брать в аренду. Вскоре евреям запрещается пользоваться городскими купальнями, пригородными дачными местами, лечебными заведениями, климатическими станциями, целым рядом курортных мест, гостиницами с женской арийской прислугой не моложе 30 лет, читальными залами и публичными библиотеками и т. д. Многие мелкие города запретили евреям въезд на свои территории, а кое-где (Магдебург) даже пользоваться городскими трамваями. С 1 октября 1938 г. автомобили, принадлежащие евреям, должны иметь особые таблички. Перечень дискриминационных мер по отношению к еврейскому населению можно продолжить.

Верхом издевательства был закон, изданный в августе 1938 г., по которому евреи Германии не имели права носить других имен, кроме тех, которые германский народ признает еврейскими, а с 1 января 1939 г. евреи должны были к своему обычному еврейскому имени прибавлять другое: мужчины – Израиль, женщины – Сара. Нарушение закона каралось тюрьмой или крупным штрафом [43]. С октября 1938 г. в заграничных паспортах евреев стал проставляться опознавательный знак – буква «J» («еврей») [44].

Совершенно унижительные формы приняла дискриминация представителей творческих профессий. Государственным учреждениям было запрещено покупать картины еврейских художников, работы которых были к тому же удалены из музеев и не принимались на выставки.

Было запрещено демонстрировать фильмы, если в их создании (явно или тайно) принимал участие хоть один еврей. Из оркестров были уволены все еврейские музыканты. Произведения еврейских композиторов (даже покойных) не допускались к исполнению. Музыкальные и театральные школы, принадлежавшие евреям, были закрыты, а их педагогам была запрещена какая-либо деятельность среди немцев, даже частного характера. В декабре 1937 г. кинематографическим фирмам было предписано уволить всех евреев в их зарубежных отделениях. К концу марта 1938 г. в стране были уничтожены все «еврейские» грампластинки [45].

Ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. была отмечена всегерманским еврейским погромом. Повод для него нацисты искали давно, и убийство в Париже 17-летним польским евреем Гершелем Грюншпаном 7 ноября советника германского посольства Эрнста фон Рата было очень кстати. Погром был санкционирован личным приказом Гитлера и инсценирован как стихийное выражение народного гнева. Было разрушено и сожжено 267 синагог, 815 магазинов и предприятий, принадлежавших евреям. В концлагерях оказалось более 20000 евреев, 36 человек было убито. Общий ущерб составил 25 млн. рейхсмарок, из которых около 5 млн. пришлось на разбитые витрины, что дало этому погрому название «Хрустальной ночи» или «Ночи разбитых витрин» [46].

Вслед за этим с 12 ноября по 8 декабря появился целый ряд законов, практически ставивших евреев вне закона: исключение всех еврейских студентов из университетов, запрет на посещение еврейскими детьми государственных школ, ограничение свободы передвижений и размеров жилой площади, конфискация имущества евреев, запрет на появление на определённых улицах и площадях, на пользование отелями, ресторанами, садовыми скамейками, спальными местами в поездах, лишение евреев водительских прав и т. д. и т. п. Общественное мнение в Германии к «окончательному решению еврейского вопроса» было готово.

30 января 1939 г. в зале берлинской Кроль-оперы собрались члены рейхстага, чтобы торжественно отметить шестую годовщину прихода Гитлера к власти. В тот день Гитлер впервые официально высказался о судьбе европейского еврейства с точки зрения нацизма. Он сказал: «В своей жизни я часто бывал пророком, но надо мной смеялись. Сегодня я снова хочу выступить в роли пророка. Если международному финансовому еврейству удастся ввергнуть народы в мировую войну, то результатом будет не большевизация планеты и не победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе» [47].

До начала Второй мировой войны оставалось 8 месяцев.

1. Лейтес К. Основные этапы антисемитской политики Гитлера // Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год. Мн., 2002, с. 56.
2. «6 000 000 обвиняют». Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана в Иерусалиме: БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ, вып. 8, 1961, с. 18.
3. Словарь русского языка. М., «Русский язык», Т. I, 1981, с. 692.
4. Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ). Т. 4. Иерусалим, 1988, с. 139; Большой энциклопедический словарь. М.-СПб., 1997, с. 1318;
5. Юридический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1984, с. 60.
6. Там же.
7. Цит. по: Патрушев А.И. Жизнь и драма Фридриха Ницше // Новая и новейшая история, 1993, № 5, сентябрь-октябрь, с. 150.
8. Цит. по: Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М.: Изд-во АПН, 1981, с. 71.
9. Хейфец М. Ханна Арендт судит XX век. М.-Иерусалим, 2003, с. 16.
10. Цит. по: Норманн М. Неймарк Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века (пер. с англ.). М.-СПб, 2005, с. 100.
11. Там же, с. 101.
12. Шувалов А.В. Безумные грани таланта. Энциклопедия патографий. М., 2004, с. 301.
13. Там же, с. 303-304.
14. Цит. по: Мадиевский С. Подкормленный нацизм, или Почему немцы так единодушно поддерживали Гитлера // Новое время, 2006, № 36, с. 27.
15. Там же, с. 28.
16. Лейтес К. Указ. соч., с. 119.
17. Цит. по: Беркович Е. Банальность добра. М., 2003, с. 245.

18. Цит. по: Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм (пер. с нем.) М., 2003, с. 426-427.
19. Опитц Р. Фашизм и неофашизм (пер. с нем.). М, 1988, с. 168.
20. Там же, с. 167-168.
21. Там же, с. 169-170.
22. Эти данные привел в книге «Путь НСДАП», вышедшей в СССР в 1936 г., бежавший из Германии немецкий журналист Конрад Гейден. Цит. по изданию 2004 г. (М., «Яуза», «Эксмо»), с. 531.
23. Энциклопедия Третьего Рейха. М., 1996, с. 326.
24. Лейтес К. Указ. соч., с. 120-121.
25. Опитц Р. Указ. соч., с. 120.
26. Лейтес К. Указ. соч., с. 124.
27. Там же, с. 126-127.
28. Там же.
29. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Арийская культура. СПб., 2005, с. 42.
30. Гейден К. Путь НСДАП. Фюрер и его партия. М., 2004, с. 532.
31. Там же, с. 130.
32. Гольдштейн А. Общественные элементы в гитлеровском антисемитизме // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Мн., 2001, с. 328-329.
33. Лейтес К. Указ. соч., с. 125.
34. Кулишер Е. Изгнание и депортация евреев. // Еврейский мир. Сборник 1944 г. Мн., 2001, с. 261.
35. Неймарк Н. Указ. соч., с. 103-104.
36. Хёне Х. Черный орден СС. История охранных отрядов (пер. с нем.) М., 2004, с. 296.
37. Захаров В., Кулишов В. В преддверии катастрофы. Германия 1933-1939 годы. М., 2003, с.310-311.
38. Лейтес К. Указ. соч., с. 52-55.
39. Хёне Х. Указ. соч.
40. Там же, с. 295.
41. Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996, с. 347-348.
42. Опитц Р. Указ. соч., с. 170.
43. Лейтес К. Указ. соч., с. 43-50.
44. Опитц Р. Указ. соч., с. 173.
45. Лейтес К. Указ.соч., с. 128-130, 137.
46. Энциклопедия третьего рейха. М., 1996, с. 502.
47. Беркович Е. Банальность добра. М., 2003, с. 244-245.

Червинская И. А. (БГУ, г. Минск)

ГЕРМАНСКИЙ ИМПОРТ БЕЛОРУССКИХ ПРОДУКТОВ ДЕРЕВООБРАБОТКИ

Социально-экономическое положение современной Германии предполагает в качестве внешнеэкономического приоритета значительное увеличение сырьевой составляющей в структуре импорта. Промышленные потребности немецкой экономики значительно превышают сырьевой потенциал страны, и одним из важных аспектов внешнеэкономической деятельности выступают поставки продуктов деревопереработки из Республики Беларусь. Значимость этого направления в импортной политике Германии обуславливают, помимо собственно экономических, имеющих непосредственное отношение к обеспечению производственных циклов мебельной и строительной промышленности, экологические причины. Белорусская древесина выступает важным фактором оптимизации условий жизнедеятельности населения Германии на восточных территориях. С середины 90-х годов прошлого столетия в этих регионах осуществляется масштабная замена строительных материалов, содержащих экологически опасные компоненты (прежде всего асбесто-цементные элементы, включая шиферные кровли) на экологически оптимальные. С этой целью из Беларуси импортировались в больших объёмах хвойные пиломатериалы: доски, брусы, рейки. При кажущейся на первый взгляд экономической неадекватности экспортно-импортной динамики (импорт сырья всегда считался экономически более привлекательным, чем его экспорт), в реальной

социоэкологической ситуации, сложившейся в Беларуси такое решение явилось оптимальным вариантом развития внешнеторговых связей. Это связано, в первую очередь, с явлением высыхания и дальнейшего загнивания на корню еловых лесов. Это явление не получило пока должного объяснения в отечественной науке, и в лесоводческих дисциплинах делаются гипотетические попытки интерпретировать его как последствие антропогенного воздействия на природную среду: изменение водного режима с понижением уровня грунтовых вод; усиление стохастической динамики температурного режима; а также факторами этимологического характера, связанными со внезапной вспышкой численности лесных вредителей в условиях хвойной монокультуры белорусских лесов. В любом случае, каким бы из факторов сложившаяся экологическая ситуация не была обусловлена, увеличение экспорта переработанной белорусской древесины в Германию представляется одним из немногих экономически обоснованных решений возникшей проблемы.

Такая форма экономических отношений между Республикой Беларусь и Германией носит временный характер, поскольку выступает вынужденной мерой экстренного реагирования на внезапно возникшую социоэкологическую ситуацию, но именно она в наибольшей мере в настоящий момент отвечает насущным экономическим реалиям в обеих странах. Дальнейшее развитие внешнеторговых связей в этой сфере связано с увеличением степени переработки белорусской древесины и постепенным переходом к экспорту готовых изделий мебельной промышленности и поставкам деревянных строительных конструкций, состоятельным как в технологическом, так и в экологическом отношении. Для достижения такого уровня внешнеторгового взаимодействия в Республике Беларусь следует шире использовать современные экологические стандарты промышленной переработки древесины. Такая форма экономического сотрудничества может быть полезна двум государствам и ориентирована на долгосрочную перспективу создания белорусско-германских консорциумов по лесоиспользованию и промышленной переработке древесины.

Баюра А. Н. (БрГТУ, г. Брест)

ГЕРМАНСКИЙ «OSTBANK FÜR HANDEL UND GEWERBE» (ВОСТОЧНЫЙ БАНК ДЛЯ ТОРГОВЛИ И РАЗВИТИЯ) В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начиная Первую мировую войну, Германия среди прочих целей преследовала экономическое ослабление Российской империи, аннексию части её территории.

Начальный период войны сложился для стран германского блока на Восточном фронте неудачно. Русские войска провели успешную наступательную операцию в Восточной Пруссии, захватили Галицию и поставили Австро-Венгрию на грань краха. Однако весной и летом 1915 года противник нанес русской армии ряд тяжелых поражений. Были оставлены Галиция, Польша, часть Прибалтики и Беларуси. К октябрю 1915 года фронт стабилизировался на линии Двинск – Браслав – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск – Луцк, и война приняла позиционный характер.

На оккупированных территориях Гродненской, Сувалковской, Виленской, Ковенской, Курляндской и Лифляндской губерний немцами была создана военная административно-территориальная единица «Обер-Ост». Возглавил её начальник Генерального штаба германской армии генерал Эрих Людендорф, а общее руководство всеми оккупированными восточными территориями осуществлял командующий Восточным фронтом фельдмаршал Пауль фон Гинденбург [1; 13], резиденция которого находилась в Брест-Литовске. «Обер-Ост» за время оккупации неоднократно менял свою внутреннюю административную структуру. К весне 1917 года он подразделялся на три округа – Литовский, Курляндский и Белостокско-Гродненский.

На территории ранее входившего в состав Российской империи Царства Польского Германия создала Варшавское генерал-губернаторство, которое должно было сыграть роль буферного государства между Германией и Россией.

На захваченной кайзеровскими войсками территории Беларуси был введён жёсткий оккупационный режим. Охватывал он и сферу денежного обращения, и кредита. Всё население обязано было выполнять различные работы для немецкой армии, а также платить натуральный и денежный налоги. Подушный налог, размер которого постоянно возрастал, платило всё население в возрасте от 16 до 60 лет. Если в 1916 году он составлял, по справкам управления «Обер-Оста», 6 марок, то в 1917 – 8 марок. [2; 99] Оккупационные власти ввели также поземельный и арендный налоги, широко практикова-

ли наложение различных денежных штрафов и контрибуций за малейшие провинности. Так, население Гродно немцы обложили контрибуцией в размере 10 тысяч рублей [3; 189].

В качестве законного платёжного средства на оккупированных белорусских землях первоначально находились российские рубли и копейки, а также немецкие банкноты номиналом в 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100 и 1000 марок, выпускавшиеся в Германии с 1903 по 1918 год, и разменные монеты в 1, 2, 5, 10 и 20 пфеннигов. Курс российской валюты был установлен следующий: кредитные билеты, серебряные и медные монеты обменивались один к одному, за один рубль в золоте платили 2,16 германских марок. [4; 205-205] Однако золотые и серебряные монеты как российские, так и немецкие к этому времени были тезаврированы населением и в денежном обороте практически не встречались.

С целью более эффективного экономического ограбления оккупированных территорий в начале 1916 года в Познани был образован Остбанк (Восточный банк для торговли и промышленности) – Ostbank für Handel und Gewerbe. Одним из структурных подразделений Остбанка была кредитная касса «Darlehnskasse Ost», которая открыла свои представительства во всех бывших уездных и губернских городах на территории «Обер Оста». В их функции входили различные операции. Вот как об этом писала газета «Беларускі шлях» летом 1918 года: «Усходняя Ссудная Каса – крэдытовая інстытуцыя, прэдстаўляючая сабою разам з тым зберагачельную касу, ёсць інстытуцыя дэргаўная, німаючая мэту нажывы і маючая сабе глаўнай задачай – нарыхтоўванне гаспадарчых адносін глаўным чынам міжы Нёмеччынай і Расіей, а таксама рэгуляванне банкаўскай чыннасці. Яна выпускае крэдытвыя біеты, прымае дэпозыты і прымае таксама на сябе пераводы, што дзеля гандлёвага свету мае асобнае значэнне. На рэшці зьвертаецца увага і на тое, што Усходняя Ссудная Каса прэдстаўляе сабою шыкоўнае памешчэнне капіталау. Прымаюцца доўгасрочныя ўклады і закладаюцца цяжкія рахункі, грошы з якіх можна ва ўсякі час атрымваць па чэках» [7].

Кроме того, Кредитная касса обладала эмиссионным правом. Ею были выпущены специально для оккупированных восточных территорий военные деньги, так называемые «оструб-ли». Бумажные деньги были выпущены следующих номиналов – 20 и 50 копеек, 1, 3, 10, 25 и 100 рублей (рис. 1).

Рисунок 1. «Оструб-ли»

На лицевой стороне данных банкнот имелись надписи на немецком языке с названием этих денег – кредитный кассовый чек (Darlehnskassenschein), указанием места и времени выпуска – Познань, 17 апреля 1916, номинала цифрами, а также название банка-эмитента с тремя факсимильными подписями его должностных лиц, внизу и вверху серия и шестизначный номер. На оборотной стороне указывался номинал цифрами и прописью и надписи на трех языках (польском, литовском и латышском) с предупреждением об уголовной ответственности за изготовление фальшивых банкнот – тюремным заключением на срок до восьми лет. Для защиты от подделок банкноты имели водяной знак.

Кроме бумажных денег, были отчеканены железные монеты (в отечественной нумизматической литературе их называют германские оккупационные боны) достоинством в 1, 2 и 3 копейки (рис. 2).

Рисунок 2.

На их аверсе обозначены номиналы по-русски и год выпуска – (1916) на фоне креста, напоминающего немецкую военную награду – Железный крест. На реверсе – легенда (надпись) GEBIET DES OBERBEFEHLSHABERS OST – Ведомство Верховного главнокомандующего Востока и знак Берлинского (А) или Гамбургского (J) монетного двора.

Данная эмиссия была осуществлена с целью выкачки финансовых средств из оккупированных территорий. Военные власти «Обер Оста» объявили о замене российской валюты на оккупационные деньги, преследуя как политические (подорвать российское влияние в регионе), так и экономические цели (создать запас полноценной российской валюты для спекуляций на международных биржах). При этом был установлен принудительный разменный курс: один острубль равнялся одному российскому рублю или двум германским маркам [4; 205].

Однако местные жители не желали совершать операции по такому обменному курсу и на имевшиеся у них острубли скупали и прятали полноценные российские рубли, вследствие чего германские оккупационные власти решили запретить использование в денежном обращении российской валюты.

Рисунок 3. Польская марка.

110 mm x 70 mm

На территории Варшавского генерал-губернаторства в декабре 1916 года также были выведены из обращения российские деньги и осуществлён выпуск военных денег – польских марок. Эмитировались они от имени польской краевой кредитной кассы в Варшаве, которая подчинялась Остбанку в Познани. Были выпущены банкноты номиналом в ½, 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100 и 1000 марок (рис. 3). Все надписи на них были на польском языке. Эти деньги нередко использовались населением белорусских и литовских округов «Обер Оста».

Для более успешного выполнения поставленных перед «Darlehnskasse Ost» задач 30 марта 1917 года кредитная касса была отделена от учредившего её Остбанка и напрямую подчинена военному командованию Восточного фронта. Месторасположение кредитной кассы было перенесено из Познани в Ковно (Каунас).

В апреле 1918 года в Ковно была осуществлена эмиссия ещё одного вида военных денег – оккупационных марок достоинством в ½, 1, 2, 5, 20, 50, 100 и 1000 марок (рис. 4).

Рисунок 4.

145 mm x 90 mm

денег постоянно менялся. Газета «Минские новости» 5 марта 1918 года в заметке о курсе валют сообщала: «В связи с подписанием мирного договора, в финансовых кругах ожидают повышение курса рубля. По сведениям из Вильно, курс русского рубля был следующий: с введением перемирия на русском фронте, виленские банки платили за 1 рубль – 2 марки 15 пфеннигов, после перерыва мирных переговоров – 1 марку 85 пфеннигов, за последние дни до подписания мирного договора – 1 марку 65 пфеннигов» [5].

После захвата в феврале 1918 года почти всей территории Беларуси немецкими войсками сложившаяся оккупационная денежная система просуществовала здесь до ноября 1918 года. Она состояла из российских денег (царских, так называемых «романовских» или «николаевских» и Временного правительства – «думок» и «керенок»), немецких оккупационных остмарок и острублей. В период с февраля до июля 1918 года основной платёжной единицей считался царский рубль и был установлен следующий курс:

- 1 царский рубль = 1 остмарке;
- 1 думский рубль = 1 остмарке;
- 1 керенский рубль = 90 пфеннигам;
- 1 острубль = 2 остмаркам.

С 10 июля 1918 г. было установлено новое соотношение различных валют: царский и думский рубль = 1,1 марки, «керенка» = 0,8 марки = 0,727 рубля, острубль = 2 марки = 1,82 рубля и основной платёжной единицей стал считаться оккупационный рубль. [6;319-320]

Оккупационные рубли имели хождение на территории Беларуси и некоторое время после окончания Первой мировой войны – они были действительны до 11 февраля 1919 года, когда вышло распоряжение правительства БССР обменять все немецкие деньги в местных Казначействах на деньги, признанные Советской властью.

В качестве эмитента уже не фигурировал Остбанк, но их внешний вид и оформление незначительно отличались от познанских выпусков, а на оборотной стороне уже были надписи на немецком, литовском и латышском языках. У населения они получили название «остмарки».

Острубли и ковенские марки имели хождение на оккупированных немецкими войсками территориях Российской империи. Первые – преимущественно в восточной Польше, западных частях Беларуси и Украины, вторые – в Литве, западной части Латвии и Эстонии, хотя и те и другие нередко служили платёжными средствами во всех указанных регионах. По мере разрастания гражданской войны этими деньгами немецкое командование оказывало финансовую помощь российским белогвардейским соединениям в Прибалтике и Северо-Западной России. В сложный период конца 1917 – начала 1918 годов курс оккупационных военных

1. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Пер. з польскай В. Ждановіч. Каментарыі А.М. Літвіна. – Мн.: Беларусь, 1993. – 236 с., 8 л. іл.
2. Бабков А.М. Аграрная политика немецких оккупационных властей в Западной Беларуси в годы первой мировой войны // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі. Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі. Брэст, 23-24 красавіка 1998 г. У 2-х частках. Ч. II. – Брэст: Выдавецтва С. Лаўрова, 1998. – 338 с.

3. История Беларуси: Учебн. пособие / Е.Л. Абецедарская, П.И. Бригадин, Л.А. Жилунович и др.; Под ред. А.Г. Кохановского и др. – Мн.: “Экоперспектива”, 1997. – 475 с.
4. Саяускас С. Германская кредитная касса “Darlehnskasse Ost” во время первой мировой войны. // Pieniadzi i wojna. Białorus – Litwa – Łotwa – Polska – Słowacja – Ukraina. Supraśl 9-11.09.2004. Materiały z VI Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. – Warszawa: Polskie Towarzystwo Numizmatyczne. Zarząd Główny. 2004/ - 264 p.
5. Минские новости. 5 марта 1918.
6. Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси / Художн. П. П. Казей. – Мн.: Полымя, 1995. – 687 с.: ил.
7. Беларускі шлях. 23 ліпеня 1918.

Самосевич В. А. (БрГТУ, г. Брест)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В начале XXI в. уровень внешних военных угроз национальной безопасности европейских стран снизился, и сами они приобрели более фрагментарный, но одновременно более диверсифицированный и многовекторный характер [12; 21].

Национальная безопасность всё шире включает в себя политические, экономические, военные, экологические, информационные, демографические и энергетические аспекты.

Перед всеми странами встали так называемые новые угрозы: терроризм, транснациональная преступность, наркотрафик, нелегальная миграция и другие.

Особенностью современной политической ситуации является то, что США остались единственной сверхдержавой, которая стремится оказывать определяющее влияние на развитие ситуации во всех важных с политической и экономической точек зрения регионах планеты. Одновременно всё более возрастает роль таких региональных военно-политических и экономических объединений, как «Большая восьмёрка», НАТО, Европейский Союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Ассоциация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и Шанхайская организация сотрудничества. Мировое сообщество сдвинулось от однополярного мира к многополярному.

Рассматривая приоритеты национальной безопасности ФРГ в политическом аспекте с 40-х годов XX века, т. е. начала противостояния Восток-Запад, отмечаем, что тогда первостепенная роль отводилась так называемой «германской политике», нацеленной на достижение единства нации и воссоздание единого национального государства.

Следующее направление – членство ФРГ в НАТО и комплекс отношений с США.

На третьем месте по важности шли вопросы инициирования взаимодействия со странами Западной Европы и позднее – сотрудничество в Европейском Союзе. На четвертом – так называемая восточная политика, которая включала в себя комплекс отношений с европейскими социалистическими странами. В этой политике особое место отводилось отношениям с Советским Союзом.

Кризис мировой социалистической системы, распад Советского Союза и объединение Германии создали качественно новый мировой порядок – однополярный мир. Изменения в мире кардинально повлияли на смену внешнеполитических приоритетов единой Германии.

Понятие «германская политика» переходит во внутриполитическую проблему. Начали выстраиваться самостоятельные внешнеполитические векторы [14; 94].

Политика в отношении США и НАТО.

Связи со странами Европы.

Политика в отношении России и других стран СНГ.

Политика в отношении развивающихся стран.

На первое место выдвигается политика в области безопасности, которая обеспечивается, главным образом, за счёт союзнических отношений с США и членством в НАТО [16; 85]. Но ФРГ по ряду ключевых вопросов имеет и отстаивает собственное мнение.

На юбилейной встрече НАТО в Вашингтоне 24-25 апреля 1999 г. опубликована новая стратегическая концепция альянса. Дискуссию вызвали вопросы: должны ли новые задачи по международному управлению кризисами выдвинуться на первое место и о географической зоне действия. Германия и ряд европейских стран выступили за то, что НАТО не должна становиться интервенционистским союзом и должна сосредоточиться на евро-атлантическом регионе. При урегулировании кризиса вне рамок коллективной обороны, Германия придаёт большое значение международно-правовой легитимности деятельности НАТО, что было принято во внимание.

Европейцы не могли по всем пунктам отстоять свою точку зрения, однако и США должны были отказаться от некоторых из своих первоначальных требований.

Германская сторона также выделила вопросы о снижении значения ядерного оружия как средства ведения войны. По настоянию Германии в коммюнике по итогам встречи констатировалось, что меры укрепления доверия и безопасности, верификации, а также обеспечения нераспространения оружия массового уничтожения и ядерное оружие должны быть подвергнуты переоценке в свете понижения значения ядерного оружия альянса. Когда осенью 1998 г. министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер начал дискуссию по вопросу о применении ядерного оружия первыми, это вызвало в альянсе немалую суматоху.

Германия видит в нём ключ к решению вопроса о нераспространении, что затрагивает самосознание, прежде всего, ядерных держав – США и Великобритании. Поэтому она не смогла добиться принятия положения об отказе от первого удара. Однако достижением стало уже то, что впервые это проблемное поле стало темой дискуссии внутри альянса и что на рабочем уровне внутри НАТО данный вопрос продолжает обсуждаться.

Используя своё членство в НАТО, наряду с обеспечением безопасности, трансатлантическим единством и коллективной обороной, Германия акцентирует внимание на разоружении и предотвращении конфликтов.

Особая роль Германии проявилась в конфликте вокруг Косово. Впервые в своей истории ФРГ принимала участие в военных действиях. Это решение от весны 1999 г., явившееся основанием для фактического участия Германии в воздушной операции НАТО, было принято значительным большинством депутатов бундестага.

Правительство Германии до последней минуты испытывало все средства, чтобы достичь дипломатического решения. В то время как другие государства ещё раньше настаивали на военной акции, Германия не хотела заслужить упрёк в том, что не сделала всего возможного для предотвращения войны. Именно это упорство помогло федеральному правительству после начала воздушных ударов НАТО выстоять во внутриполитической схватке, несмотря на многочисленные протесты из собственного лагеря [16; 86].

Участие бундесвера в составе международной коалиции войск против правительства, состоящего из талибов в Афганистане, подтверждает тот факт, что Германия тесно встроена в европейско-атлантические структуры. Война в Ираке продемонстрировала почти жёсткую позицию Германии и Франции, осуждавших применение силы в отношении Багдада.

Эти разногласия носили тактический характер и не обусловлены какими-то ни было новыми стратегическими векторами их внешней политики, что подтверждало зависимость ФРГ от США – её главного опекуна и союзника.

Во взаимоотношениях с ЕС ФРГ, во-первых, выступала и выступает в качестве «мотора» интеграционных процессов. Доля Германии в бюджете ЕС в 1998 г. составила более половины всех членских взносов – 11 млрд. евро, но с 2000 г. она постоянно снижается. Во-вторых, она уделяла внимание укреплению внешнеполитической деятельности ЕС, совершенствованию совместной внешней политики и политики безопасности, разработке «европейской политики в области безопасности и обороны» (ЕПБО), институциональные рамки которой были определены в Кёльне в июне 1999 г. В целом общая линия ЕС в этой сфере предполагает развитие постоянных военно-политических структур, взятие на себя государствами-членами обязательств по развёртыванию необходимых военных потенциалов, особенно в областях стратегической разведки, транспортных средств, углубления кооперации по вооружению, а также сотрудничества между НАТО и ЕС.

На саммите ЕС в Хельсинки в декабре 1999 г. было принято решение создать сухопутный контингент сил быстрого реагирования численностью 50-60 тыс. человек, а также дополнительно подразделения ВВС и ВМС. Эти силы в течение 60 дней совместно приводятся в боевую готовность и направляются в зону оперативных действий по урегулированию кризисов или конфликтов. Уже в ноябре 2000 г. в Брюсселе члены ЕС заявили о готовности предоставить для сил быстрого реагирования до 100 тыс. человек (Германия – 30 тыс.), 400 транспортных самолётов и 100 кораблей [11; 59].

В ноябре 2002 г. И. Фишер и Д. де Вильпен (премьер-министр Франции) выдвинули очередную инициативу «Совместные предложения в области европейской политики безопасности и обороны». Предполагалось трансформировать ЕПБО в Европейский союз безопасности и обороны. Но война в Ираке показала, что Евросоюзу очень далеко до выработки единой политики безопасности.

На саммите ЕС в 2001 г. генеральным секретарём ЕПБО Х. Соланой была представлена стратегия европейской безопасности, направленная на создание общего пространства в сфере безопасности. В этой стратегии к сферам безопасности относились: соблюдение права и принципа ООН; международный терроризм; партнёрство.

Этот проект во многих вопросах совпадает с проводимой Германией политикой безопасности. Он, в частности, предусматривает «перспективное партнёрство» с Россией, направленное на процесс формирования новой архитектуры мировой безопасности. В Москве понимают, что без участия ФРГ решение интересующих Россию континентальных и региональных проблем вряд ли возможно. В ФРГ также осознают значение России для судеб Европы и Германии. В числе совместных актуальных задач – согласование подходов, своевременная профилактика потенциальных кризисных очагов и содействие в урегулировании застарелых конфликтов на Балканах, в Закавказье и на Ближнем Востоке.

У России и Германии много совместных позиций по различным международным вопросам, в их числе – безопасность ядерных реакторов, борьба с международным терроризмом и преступностью, распространением наркотиков и решение миграционных проблем. Остаются значительные резервы, которые ещё предстоит задействовать в таких проблемных вопросах, как повышение эффективности ОБСЕ, расширение НАТО и ЕС на Восток и поиски путей обеспечения энергетической безопасности.

Для германской политики предотвращение и урегулирование военных конфликтов является приоритетной целью. Федеральный Совет Безопасности ещё в 2000 г. одобрил рамочную концепцию «Предотвращение кризисов и урегулирование конфликтов», в которой федеральное правительство взяло на себя обязательство: под руководством Министерства иностранных дел и при привлечении других министерств и ведомств разрабатывать в каждом необходимом случае соответствующую стратегию реагирования.

В рамках общей концепции внешней политики и политики безопасности ФРГ в отношении развивающихся стран проводится «политика развития», задачами которой является содействие, путём улучшения экономических, социальных, экологических и политических условий, предотвращению и ликвидации структурных причин ненасильственных конфликтов в партнёрских странах с одной стороны, а также выстраиванию механизмов ненасильственного урегулирования конфликтов с другой стороны. Кроме того, страны ЕС с созданием в 2004 г. Европейского агентства по вопросам обороны приступили к формированию Европейского оборонного рынка военной техники, что фактически способствует развитию политической и военно-политической интеграции, открывая новые перспективы военно-технического сотрудничества, подкреплению национальной безопасности стран ЕС, в том числе и Германии.

Таким образом, германская политика безопасности вместе с внешней политикой и политикой развития является мирной политикой федерального правительства, служащей интересам международной безопасности.

Германия как центральная европейская держава в сфере безопасности идёт курсом последовательности и преемственности.

Республика Беларусь также проводит многовекторную политику. Она, как закреплено в концепции национальной безопасности, последовательно развивает сотрудничество в рамках ООН, ОБСЕ, СНГ, принимает активное участие в Договоре о коллективной безопасности и Движении неприсоединения.

Глава МИД Беларуси С. Мартынов выделил долгосрочные политические цели страны. Одна из них – содействие созданию благоприятных внешних условий, обеспечивающих национальную безопасность.

Здесь важнейшим фактором внешней безопасности являются механизмы ООН и, прежде всего, Совета Безопасности, где Российская Федерация и Китай выступают как стратегические союзники Беларуси. «Партнёрство с ними обеспечивает надёжные гарантии нашей безопасности» [6; 2].

Вторым фактором безопасности должна стать Организация Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), которая наряду с НАТО призвана стать гарантом обеспечения безопасности в Европе и за её пределами.

Третий фактор: Беларусь занимает заметное место в Движении неприсоединения, что обеспечивает ей весомую поддержку стран, входящих в это движение.

Четвёртый фактор: серьёзный авторитет Беларуси в области контроля над вооружениями. С 1996 г. Республика Беларусь приобрела статус безъядерного государства. Страна впервые в мире добровольно отказалась от ядерного оружия.

На региональном уровне речь идёт о тесном сотрудничестве в оборонной сфере с Россией, создании совместной группировки войск, а также активном укреплении Организации Договора о Коллективной Безопасности, формирующей безопасность в Евразии. Развитие военно-технического сотрудничества является одним из приоритетных направлений деятельности РБ в ОДКБ. Базовым соглашением в этой сфере является Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества, подписанное в 2000 г. Именно в рамках названного соглашения в Беларусь поставлены зенитно-ракетные комплексы С-300.

Главные задачи Беларуси в сфере безопасности – «закрепить безопасность страны в региональном и глобальном масштабах, добиваться поступательного движения к многополярному миру» [5; 7].

Сравнивая подходы Беларуси и Германии к вопросам обеспечения национальной безопасности, следует также иметь в виду такие моменты. С точки зрения экономического аспекта, Германия входит в пятёрку ведущих мировых держав. Но сейчас её развитие замедлилось. «Эффективная в третьей четверти XX в. модель социального рыночного хозяйства ныне оказалась слишком дорогостоящей» [2; 10]. Перед экономикой ФРГ определены следующие задачи до 2015 г.: завершение трансформации восточной Германии, интеграция в рамках ЕС, перестройка экономики в пользу технологических и интеллектуальных производств и расширение интернет-технологий, реформа социального рыночного хозяйства.

Решение этих проблем позволит Германии не только сохранить ведущее положение в Европе, но и способствовать успешной конкуренции ЕС с США.

Беларусь – динамично развивающаяся страна, строящая свою специфическую модель социально-экономического развития. Темпы роста ВВП составляют около 10 % в год.

Больше 50 % её внешнего товарооборота приходится на Евросоюз. Особенно продуктивно развивается сотрудничество с Германией, которая занимает 2 место из европейских стран. За восемь месяцев 2006 г. объём внешней торговли с Германией увеличился на 37,7 %, 95 % немецких предпринимателей поддерживают тесные экономические отношения с Беларусью. В Беларуси с участием немецкого капитала работает более 370 предприятий, и только за последнее полугодие их число возросло на 50. Среди знаковых проектов можно выделить, прежде всего, такие: белорусско-германское СП «МАЗ-МАН», СП «ФреБор», СП «Цейс-БелОМО», СП «Алкатель-МПОВТ». Представители политических и деловых кругов ФРГ неоднократно подчёркивали большие перспективы развития двухсторонних отношений в торгово-экономической сфере, промышленной и научно-технической сфере [19; 11].

Рассматривая военную составляющую национальной безопасности ФРГ, можно сказать, что федеральное правительство твёрдо отстаивает принцип разумной достаточности обороны, проводя довольно независимую военную политику.

Сократив, согласившись с требованием Советского Союза, численность вооружённых сил до 370 тыс. военнослужащих в 1990 г., а затем до 340 тыс. по своей воле, руководство ФРГ воспользовалось благоприятными условиями во внешнеполитической сфере.

После расширения НАТО Германия впервые оказалась уже не на переднем крае блока, а в окружении союзников или дружественно настроенных по отношению к ней стран.

Поэтому ФРГ позволила себе уменьшить бремя военных расходов и в очередной раз сократить свои вооруженные силы. Реформа бундесвера будет проводиться до 2010 г., в результате её численность вооруженных сил по штатам мирного времени уменьшится с 340 тыс. до 282 тыс. военнослужащих. Однако руководство ФРГ, наряду с обеспечением безопасности страны, ставит задачу сделать вооружённые силы готовыми в сжатые сроки действовать за пределами страны.

В общемировом рейтинге военных потенциалов государств, установленным Британским Королевским объединённым институтом оборонных исследований за 2002 г., Германия занимает 10 место в мире, в Европе – 3 место, после Великобритании и Франции, обладающих ядерным оружием. Но она всё равно обладает самой мощной сухопутной армией в Европе.

В вооружённых силах Республики Беларусь также прошло реформирование, но строительство и развитие продолжится, как заявил министр обороны Республики Беларусь Л. Мальцев. Утверждены План строительства и развития вооруженных сил на очередной 5-летний план, Государственная программа вооружения на 2006 – 2015 гг.

В общемировом рейтинге военных потенциалов государств Беларусь занимает 41 место.

Беларусь тесно сотрудничает с Россией, созданы совместная региональная группировка войск и общая противовоздушная оборона. В августе 2006 г. прошли первые совместные учения «Щит Союза – 2006 год». По программе «Партнёрство ради мира» белорусские военные вышли на более высокий уровень взаимодействия. Отныне предусматривается достижение слаженности действий сил и средств, выделяемых сторонами для участия сначала в учениях, а затем и в миротворческих операциях. Беларусь готова выделить на вышеуказанные цели одну мотострелковую роту, взвод военной полиции, 7 военных хирургов и военно-транспортный самолёт [18; 12].

Содействуя антитеррористической операции НАТО в Афганистане, Беларусь ратифицировала все 12 универсальных антитеррористических конвенций и предоставляет свою территорию для транзита грузов и персонала в Афганистан [15; 61].

Одновременно Беларусь взаимодействует с НАТО по программе «Партнёрство ради мира» и по Договору об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ). На недавней 3 Венской конференции её участники не пришли к взаимному соглашению о создании дополнительных мер доверия в Европе. По ДОВСЕ белорусское агентство по контролю за вооружениями Национальное Агентство по Контролю и Инспекции (НАКИ) плодотворно взаимодействует с бундесвером.

Выводы:

- ФРГ, став доминантой в развивающемся вглубь и вширь Евросоюзе, превращается в одного из главных действующих субъектов в глобальном мире, определяющих судьбы мировой цивилизации.
- ФРГ рассматривает участие в НАТО и ЕПБО как главное составляющее своей политики национальной безопасности.
- Германия и Беларусь проводят последовательную мирную политику в интересах международной безопасности.
- Свою безопасность Беларусь обеспечивает в союзе с Россией и участием в ОДКБ.
- В отношении к НАТО Беларусь проводит политику на расширение и углубление взаимодействия по вопросам повышения уровня безопасности в Европе.
- ФРГ и Беларусь являются участниками ДОВСЕ и антитеррористической коалиции, и их сотрудничество продолжится в интересах безопасности в Евразии.

1. Князев С. Национальная безопасность как главная цель государственного управления. Управление: искусство наука, практика. – Мн., 2001, с. 14-37.
2. Гутник В.П., Подколзина И.А., Островская Е.П. Финансовая политика стран ЕС. – М.: Наука, 2004, с. 10.
3. Ананьева Е. Рекомендация Запада // Международная жизнь, 2005, № 3-4, с. 87-96.
4. Богатуров А. Время Центральной Евразии // Международная жизнь, 2005, № 3-4, с. 118-129.
5. Лукашенко А. В мире появится новая сила // Планета, 2006, № 8, с. 6-8.
6. Лукашенко А. Сильная экономика – лучшая политика // Беларусь сегодня, 2006, 2.08, с. 1-4.

7. Мартынов С. Позиция Беларуси в ООН – это честный взгляд на мир // Рэспубліка, 2006., 7.02, с. 1-3.
8. Мальцев Л. Белорусская армия – основа военной безопасности нашего государства // Белорусская думка, 2006, № 1, с. 5-27.
9. Макаров В. Консциентальное оружие: вызов нового тысячелетия? Проблемы обеспечения национальной безопасности, безопасности сознания людей, интеллектуального ресурса нации, морального духа народа // Нёман, 2003, № 10, с. 169-171.
10. Никитина Ю. Внешнеполитические ориентиры Белоруссии в сфере безопасности: между НАТО и ОДКБ // МЭиМО, 2006, № 6, с. 77-80.
11. Павлов Н. Берлин-Москва: стратегия «нового реализма» // МЭиМО, 2004, с. 57-69.
12. Павлов Н. Нормальна «ненормальная» Германия // Международная жизнь, 2005, №11, с. 14-29.
13. Примаков Е. Россия вступила в 2005 год // Международная жизнь, 2005, № 3-4, с. 51-62.
14. Погорельская С. Некоторые аспекты европейской политики объединённой Германии // МЭиМО, 2000, № 1, с. 89-95.
15. Хохлов И. Развитие наркобизнеса в условиях контртеррористической операции в Афганистане // МЭиМО, 2006, № 6, с. 58-69.
16. Эрлер Г. Внешняя политика и политика безопасности Германии после войны в Косово // МЭиМО, 2000, № 1, с. 82-88.
17. Медведев А. Будущая война // Беларусь сегодня. 2006, 19.01, с. 11.
18. Федосенко В. Вместе спасаем // Беларусь сегодня. 2006, 19.01, с. 12.
19. Федорчук В. Беларусь – Германия: партнёрство – важный аргумент // Рэспубліка, 2006, 20.01, с. 11.

Казлоў Л. Р. (ген. дырэктар УП «Арты-Фэкс», г. Мінск)

БЕЛАРУСЬ У ГЕРМАНСКОЙ КАРТАГРАФІІ (другая пал. XIX – першая пал. XX ст.)

Разглядаемы перыяд – час станаўлення і далейшага развіцця германскай нацыі, у якім патрэбна выдзяляць два асноўныя моманты. Па-першае, вядучую ролю адыграў навукова-тэхнічны прагрэс, заклаўшы падмуркі знакамітай “нямецкай якасці”, але, па-другое, германскае адзінства выразна насіла прускі акцэнт, рэйхавую гегемонію Гогенцолернаў, што стала агульнаеўрапейскім фактам, дзякуючы “жалезнаму канцлеру” Ота фон Бісмарку (1815 – 1898). Даволі хутка індустрыяльная ўпэўненасць падмацавала новыя планы адносна пашырэння тэрыторыі гэтай маладой і дынамічнай нацыі, тым болей, што ў самой Прусіі ніколі не забываліся пра ваенны гераізм продкаў. Таму не Прусія растварылася ў Германіі, а наадварот: Германія ў Прусіі. Такім чынам, сярод надзвычайна ўражлівых гаспадарчых поспехаў амаль адразу можна было разгледзець бляск германскага штыка, зробленага з першасортнай золінгенаўскай сталі. Заставалася толькі ўнутраныя дасягненні перанесці за межы дзяржавы.

У гісторыі Германіі значнае месца заўжды займалі пытанні адносін з Усходняй Еўропай, у прыватнасці, з Польшчай і Расіяй. Напэўна ўсім добра вядома, калі з Расіяй “то моцна сябравалі, то моцна ваявалі”. З-за гэтага і ў расійскай гісторыі мноства адзнак нямецкай культуры, ды шмат чаго іншага. Дарэчы, першыя крокі ў сапраўднай акадэмічнай навуцы Расія рабіла з дапамогай прафесараў, выхадцаў з розных германскіх мясцін. Што тычыцца картаграфіі, то ў гэтай галіне ў XVIII – першай палове XIX ст. амаль поўнасцю дамінуюць нямецкія прозвішчы: Л. Эйлер, А. Вільбрэхт, К. Аперман, П. Сухтэлен, К. Тэнер, В. Струве, Ф. Шуберт і інш. Практычна ў кожным са спецыяльных атрадаў Корпуса ваенных тапографіаў (КВТ), якія рабілі здымкі ў заходніх губернях Расійскай імперыі, знаходзіліся т. зв. “астзейцы” [5; 28-150]. Нельга забываць і пра картаграфічныя праекцыі (папярэчна-цыліндрычную і інш.), якія звязаныя з імем знакамітага вучонага К. Гауса (1777-1855) [2; 56-61]. Пэўны станоўчы ўплыў на развіццё гаспадарчай культуры аказалі шматлікія перасяленцы з Нямеччыны. Так, на Берасцейшчыне ў пазамінулым стагоддзі з’явіліся населеныя пункты “Нейдорф” і “Катэнборг” (зараз – “Кацін Бор”), а непадалёк ад Радашковічаў і зараз існуе вёска Карлсберг. Нярэдкасцю былі нямецкія сем’і на Палессі і ў розных беларускіх гарадах [9; т. 5, 320]. А яшчэ раней, у

сярэдзіне XVIII ст. картограф з Нюрнбергу Т. Майер на сваёй карце ўпершыню размясціў Белую Русь – “Russia Alba” па дыяганалі ад Берасцейскага да Полацкага ваяводства [16]. Пасля апошняга падзелу Рэчы Паспалітай абодвух народаў (1795) Прускае каралеўства стала непасрэдна межаваць з Расіяй, г. зн., што Беларусь апынулася ў т. зв. “Заходняй пагранічнай прасторы”, і тут пачаліся інтэнсіўныя картаздымкі. Большую цікавасць да гэтай “прасторы” сталі праяўляць і з прускага боку, асабліва з другой паловы XIX ст.

Найболей раннім падрабязным прадстаўленнем заходніх зямель у складзе Расійскай імперыі лічыцца шматаркушавая спецыяльная тапаграфічная карта нямецкага картографа Г. Рэймана, працу над якой ён распачаў у 1806 г. Амаль праз семдзесят год яе набыў прускі Генштаб, але, нягледзячы на розныя ўдасканаленні і спраўленні, “рэйманаўская карта” безнадзейна састарэла [12; 9]. Тут трэба заўважыць адну цікавасць: Рэйман увёў у назву сваёй працы слова “Цэнтральная Еўропа” (Mitteleuropa). Гэта назва неаднаразова будзе фігураваць не толькі на нямецкіх картах, але і ў розных навуковых і папулярных выданнях. У сувязі з гэтым у абход увайдзе пазней і ўсё тое, што на ўсходзе – “Ostland”, а канкрэтна да Беларусі – “Weissruthenien”, якая з берлінскага пункту бачання з’яўлялася арганічнай часткай тэрыторыі “Ostland” [27, 31]. Асабліва гэта відочна ў армейскіх картаграфічных выданнях, пачынаючы з другой паловы XIX ст. У цывільных нямецкіх публікацыях у той жа час гэтая з’ява праяўлялася ў меншай ступені [18, 20, 21]. Шэраг аўтараў (М. Гоц, А. Томас, Г. Юнд, Ф. Энгельгарт), паказваючы ў сваіх аглядальных картах Заходнюю Расію, нярэдка ўжывалі назву “Літва” ці “Польшча” у старым гісторыка-геаграфічным сэнсе. Але паступова ідэя заваёвы “жыццёвай прасторы” (“Lebensraum”) на ўсходзе становіцца дамінуючай практычна ва ўсіх картографу Рэйха. Канешне, прамогі доказу ніхто не прыводзіў, на гэта толькі намякалася. Стратэгія і тактыка будучых ваенных дзеянняў распрацоўвалася на дасканалых картах недзе ў глыбінях прускага Генеральнага штаба (А. Шліфен).

Між тым, напрыканцы XIX ст. для шырокага выкарыстання ў Нямецчыне з’явілася бліскуча аддрукаваная каляровая “Аглядальная карта Цэнтральнай Еўропы” у трохкіламетровым маштабе [19]. І, хаця пазней крытыкі знойдуць у ёй розныя хібы ды тое, што для ўсходняй часткі некрытычна выкарыстоўваліся расійскія матэрыялы [12; 10], карта застаецца каштоўнай крыніцай для гісторыі Беларусі, якая размясцілася на 24-х аркушах гэтай карты.

Вялікую асветніцкую ролю адыгралі ў той час выданні Бібліяграфічнага Інстытута ў Лейпцыгу. Напрыклад, шырока вядомы “Гістарычны атлас” сярод мноства падрабязных карт і планаў, з адпаведнымі каментарыямі і храналогіяй, утрымлівае і матэрыялы аб Беларусі [20; 50]. У тым жа “Атласе”, дарэчы, аператыўна прадстаўлены тэатр руска-японскай вайны 1904-1905 гг. [20; 51]. Словам, шырокім колам давалася магчымасць з дапамогай карт сачыць за падобнымі падзеямі, а галоўнае – дасягалася мэты карыстання картаграфічнымі матэрыяламі. Адсюль – “карта за халявай у кожнага салдата” [3; 149]. Але найбольшым аператыўна-тактычным далягядам у гэтай галіне валодаў афіцэрскі корпус, што фарміраваўся ў асноўным за кошт выхадцаў з Прусіі. Такім, напрыклад, з’яўляўся адзін з выдатных германскіх ваеначальнікаў Э. Людэндорф (1865-1957), які з пачаткам Першай сусветнай вайны (1914 – 1918) быў прызначаны галоўным кватэрмайстрам 2-й арміі, а потым стаў начальнікам штаба ўсяго ўсходняга фронту і першым генерал-кватэрмайстрам вярхоўнага нямецкага камандавання. Менавіта ён “прыклаў руку” да паражэння і адступлення расійскай арміі ў жніўні 1914 і летняй кампаніі 1915 г. [6; 25]. Падкрэслім, што ў распрацоўцы такіх паспяховых аперацый веданне мясцовасці з дапамогай адпаведных картаграфічных матэрыялаў займала адно з вядучых месцаў.

Але на практыцы далёка не кожны ўдзельнік баявых эпізодаў на ўсходнім фронце меў патрэбную карту. Тады германскае камандаванне пайшло на звычайны плагіят: стала проста перадрукоўваць расійскія “трохварстоўкі” ды іншыя картаграфічныя матэрыялы сваіх праціўнікаў [22]. На аснове той жа “Ваенна-тапаграфічнай карты Еўрапейскай Расіі” (2-е выд., 1:126000) была спешна створана шматаркушавая “кіламетроўка” [23]. Усе падобныя выданні мелі этымалагічна-слоўніковыя паясненні, якія дадрукоўваліся на бакавых палях кожнага аркуша. Тапаграфічныя кіламетровыя карты выдаваліся некалькімі пасамамі – ад поўначы (Прыбалтыкі) да поўдня (Прычарнамор’я). Беларускія землі трапілі ў трэці і апошні – чацвёрты пас (прыкладна да Пінска), што адпавядала лініі прасоўвання германскіх войскаў. Надзвычайная хуткасць выпуску “кіламетровак” стала асноўнай прычынай недакладнасцей,

асабліва гіпсаметрычнага і тапанімічнага характару [12; 11]. З расійскага боку таксама спешна друкаваліся “вярстоўкі” і “дзвюхвярстоўкі” для прыфрантавой паласы [3; 81-148], якія мелі бадзёры наддрук: “часовае выданне”. На самой справе ніхто не ведаў калі і дзе закончацца ваенныя дзеянні, а што тычыцца ваенна-тапаграфічных карт, то яны былі ў свабодным продажы (у асабістай калекцыі аўтара ёсць факсіміле аркуша “трохвястоўкі”, шэраг XV, ліст 5, са штэмпелем, на якім падаецца кошт карты ў Петраградзе – 50 кап.). Зразумела, што праз сваіх агентаў германскае камандаванне адразу ж атрымлівала такія выданні. Паралельна пашырылася колькасць тапаграфічных служб непасрэдна ў дзеючых арміях, удасканальвалася тэхніка (прымяненне аэрафотадымкаў) [3; 152-155].

У 1914 – 1918 г. для ваенных патрэб у Германіі, не зважаючы на магутныя рэсурсы, картавыдавецкая справа неаднаразова аказвалася на ўскрайку магчымасцяў. Прыходзілася друкаваць некаторыя карты нават на зваротным баку старых выданняў. У Берліне выдавалася толькі нязначная іх частка – стратэгічныя і аглядальныя карты, а падрабязныя – друкаваліся непасрэдна ў паходных літаграфіях. Германскія ваенныя тапографы выдалі тады 275 мільёнаў адзінак, а ўсяго ў карыстанні абарочвалася звыш 800 мільёнаў рознага кшталту картаграфічных аркушаў. Такім чынам, усеразбуральная вайна рэзка падняла колькасць узровень германскай картаграфіі [1; 32]. У якасці гістарычных крыніц нямецкая картаграфічная спадчына часоў Першай сусветнай вайны, якая непасрэдна закранула і Беларусь, застаецца важным элементам.

Пруская Германія, якая так імкнулася да гегемоніі ў свеце праз “бліцкрыгавыя” ваенныя дзеянні, на стадыёне гісторыі паказала сябе выдатным спрынтэрам, але дрэнным стаерам. Увосень 1918 г. яна пацярпела канчатковае паражэнне, кайзераўскі рэйх перастаў існаваць, а ў чэрвені 1919 г. Версальскі дагавор паставіў кропку ў так званай “еўрапейскай вайне”.

Хаця Германія фармальна прызнавалася прайграўшым бокам і несла за злоўчынэнні адпаведную кару, яе асноўная індустрыяльна-тэхнічная база захавалася, як захавалася аснова прускага афіцэрскага корпуса, і недзе ў гэтым асяроддзі стане выпяваць мара аб рэваншу. Адною з галоўных ідэй Версале, навязанай амерыканцамі, была ідэя дэмакратызацыі самой Германіі праз яе народ, які не жадаў больш вайны. Ды хутка стала стварацца сітуацыя, калі толькі прамысловыя алігархі ды зямельная арыстакратыя маглі забяспечыць існаванне нацыі. Яны пры ўсялякім зручным моманце знаходзілі вінаватых, а былыя ваякі толькі і чакалі, каб “навесці парадак у краіне, патанаючай у дэмакратычным хаосе”. У такіх умовах, што пералічаны тут далёка не поўнасю, моц стаў набіраць рух нацыянал-сацыялістаў на чале з Гітлерам. Пад лозунгам аднароднага **бескласавага** грамадства і імкнення да адзінства нацыі без усялякай асабістай свабоды, яны заваёўваюць усё большую падтрымку і ў студзені 1933 г. прыходзяць да ўлады. Пачаўся самы змрочны час германскай гісторыі, вынікам якога стала новая сусветная вайна [4; 83-85; 98-99].

Гэтым разам, здавалася, падрыхтоўка вялася намнога больш дасканала: ваенізаваная прамысловасць, ідэалогія, дыпламатыя, прапаганда, армія і адзінства народа, узмоцненае тэрорам. Дарэчы, і картазабеспячэнне было спачатку дастатковым. Тым не менш, як толькі з разгортваннем Другой сусветнай вайны ў верасні была захоплена Польшча, адразу знакамітая “вігаўская сотка” (польская тапакарта ў кіламетровым маштабе) стала актыўна ужываным трафеем вермахта [26]. На яе аркушах з’явіўся надпіс: “Sonderausgabe! Nur für Dienstgebrauch!” (Спецыяльна для службовага карыстання!). Цікавасць узнікла не толькі да этнічна польскіх ваяводстваў, але і да “усходніх крэсаў” – Заходняй Беларусі, якая толькі што ўвайшла ў склад БССР. Занадта даверлівае стаўленне тагачаснага саветскага кіраўніцтва да патэнцыяльнага ворага, рэпрэсіі ў адносінах да вышэйшага камандавання, адсутнасць рэальнага забеспячэння войскаў і інш. – з бляскам выкарыстала нямецка-фашысцкае камандаванне на пачатковай стадыі плана “Барбароса”. Дастаткова сказаць, што нярэдка чырвонаармейскае камандаванне карысталася састарэлымі картамі, пераробленымі з дарэвалюцыйных часоў. Толькі пазней з’явіцца больш дасканалыя топакарты (з надпісам “Сістэма каардынат 1942 года”), якія яшчэ доўга будуць сакрэтнымі. Таму, відаць, да гэтае пары вядуцца спрэчкі: чые ж карты былі лепшымі? [7; 81].

Вышэйшае германскае кіраўніцтва з пачаткам вайны супраць СССР надавала значэнне не толькі тыпова ваенным картаматырыялам, але арганізавала і даволі шырокую картаграфічную прапаганду. Актыўна выдаваліся тэрытарыяльна-адміністрацыйныя карты з папярэднім [27] і новым дзяленнем “Остланда” [31], дзе Беларусь ізноў як у старых германскіх традыцыях насіла назву “Weissruthenien”.

Калі больш уважліва прыглядзецца да “Ostland-Verwaltungskarte” (стан межаў на 1 студзеня 1944 г.), то ад традыцыйнай тэрыторыі Беларусі адсякаліся: Ашмяншчына на карысць “Літвы” (мяжа ішла ля самай Смаргоні) і амаль усё Палессе, якое падпарадкоўвалася рейхскамісарыату “Украіна” (параўнайце з “Этнаграфічнай картай беларускага племені” Я. Карскага). Беларусь падзялялася на акругі (Kreisgebiete), на чале якіх стаялі гебтскамісары, у Мінску знаходзіўся генеральны камісар. Апрача гэтага, у стратэгічна важных гарадах (Віцебск, Магілёў, Баранавічы і Мінск) размяшчаліся яшчэ гаўпткамісары [31].

Картаграфічныя службы германскіх узброеных сіл (Armee-Kartenstelle) у першую чаргу друкавалі падрабязныя планы буйных гарадоў і іх наваколля. Пацвярджаннем гэтага могуць служыць даволі вялікія па памерах схема [28] і дэталёвая (1:25000) карта мінскага наваколля [29]. На схематычным плане Мінска відочны разбураная частка горада, тэрыторыя гета, акупацыйныя назвы вуліц, дзейнічаючыя прадпрыемствы, але галоўная ўвага надаецца ваенным аб'ектам і службам. Некаторыя вуліцы носяць імёны тых грамадска-палітычных дзеячаў Беларусі, якіх немцы лічылі ворагамі бальшавізма.

Крыніцазнаўчую цікавасць прадстаўляе карта наваколля Мінска (Umgebung Minsk). Шматкаляровая, зробленая даволі якасна, тыповая тапаграфічная карта захавала, як не дзіўна, большасць тапанімаў даваенных часоў, перададзеных, праўда, па-нямецку (Sowch. Lekkerta, Sowch. Ludamont, Kolch. O.G.P.U., Kolch. Stalina). Ёсць і чыста нямецкія тлумачэнні: Höfe (двары), Schule (школа), Militar lg. (ваенны лагер). Легенда з умоўнымі знакамі надрукавана адпаведна патрабаванням нямецкай картаграфіі. Вялікая ўвага нададзена гіпсаметрыі рэліефа: рэльеф рупліва перадаецца шматлікімі гарызанталямі і адзнакамі вышынь, што становіцца ўплывала на дзеянні артылерыі. Дасканаласць падобных картаграфічных твораў тлумачыцца шырокім выкарыстаннем германскім бокам аэрафотаздымаў (гэта спецыяльна пацвярджаецца ў суправаджальным тэксце і схеме).

На жаль, не ўсе карты, выдадзеныя Германіяй падчас Другой сусветнай вайны, што тычацца тэрыторыі Беларусі, да гэтай пары з'яўляюцца даступнымі для навуковых даследаў і выкарыстання ў якасці крыніц. Тут яшчэ патрэбна пошукавая і бібліяграфічная праца, таксама, як і адпаведнае супрацоўніцтва з нямецкім бокам.

1. Бёльке. Военно-топографическая служба в германской армии в войну 1914 – 1918 гг. (пер. с немецк. В. Демьяновского). – М.: Изд. ВТУ Ген. штаба Красной Армии, 1939.
2. Берлянт А. М. Картография. – М.: Аспект-Пресс, 2002.
3. Глушков В. В., Долгов Е. И., Шаравин А. А. Корпус военных топографов Русской армии в годы первой мировой войны. – М.: ИПВиА, 1999.
4. Дроз Ж. История Германии (пер. с французск. Б.А. Шуринова). – М.: АСТ-Астрель, 2005.
5. Исторический очерк деятельности Корпуса Военных Топографов. – СПб., 1872.
6. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг., Т. 1 – 2 (пер. с немецк.). – М., 1923-1924.
7. Шаравин А.А., Молчанов В.В. Чьи топокарты были лучше? // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 4.
8. Шерр И. Германия. История цивилизации за 2000 лет. Т. 1 – 2 (пер. с немецк.). – Мн.: ФЦП, 2005.
9. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 тамах. – Мн.: БелЭн, 1993-2003.
10. Köhler F. Beiträge aus dem 200jährigen Verlagschaffen in Gotha zur Entwicklung der Kartographie. Peterm. Geogr. Mitt., 1985.
11. Lencewicz S. Stan i potrzeby Polskiej Kartografii. – Warszawa, Bellona, 1919.
12. Sienkiewicz W. Słownik historii Polski. – Warszawa, Demart, 2005.
13. Szaniawska L. Mapy Królestwa Polskiego wydane w latach 1815 – 1915 w zbiorach Biblioteki Narodowej. Warszawa, BN, 1997.
14. Sydow-Wagners methodischer Schul-Atlas, 23 ed. 1888 – 1944.
15. Treitschke H. Politik, bd. 1-2. Lpz., 1897-98.
16. Mauero Tob. Mappa Geographica Regni Poloniae... Norimb., Hommanianos Heredes, A. MDCCV.
17. Reumann G. Topographischen Specialkarte von Mitteleuropa. 1:200000. 1806...
18. Engelhardt F. Karte von Ost-Preussen, Lithauen, West-Preussen... 1:325000. – Berlin, bei S. Schropp & Compagnie, 1859.

19. Übersichtskarte von Mitteleuropa. 1:300000. Herausgegeben von Kartogr.Abtteilung der Kgl. Preus. Landesaufnahme. 1896 –1900.
20. Meuers Historischer Handatlas. Lpz., BI, 1911.
21. Kettler J. Flemmings Kriegskarte. Das Russische Kriegsgebiet...1:2000000. – Berlin, Carl Flemming A.G., 1914.
22. Военно-топографическая карта Европейской России. 1:126000. (Трёхверстка). Karte des westlichen Russlands. Bearbeitet i. d. Kartogr. Abt. d. Stallv.Generalstabes d. Armee. 1914 – 1915.
23. Karte des westlichen Rußlands. 1:100000. Kartographische Abt. d. Königl.Preyss.Landes-Aufnahme. 1914.
24. Freytag G., Peucker K. Generalkarte von West-Russland ... 1:15000000. Wien, Eigentum und Verlag von Artaria & Comp., 1915.
25. Der Sommerfeldzug gegen Russland (karte von Ludendorf).
26. Mapa taktyczna (wigowska). 1:100000. – Warszawa, WIG, 1921-1939.
27. Verwaltungsübersicht Weißrutheniens (beilage zur "Bevölkerungsstatistik Weißrutheniens"). – Berlin, Dahlem, 1942.
28. Plan der Stadt Minsk. 1:10000. Aufnahme und Druck: Armee-Kartenstelle, 1942.
29. Umgebung Minsk (Deutsche Heereskarte, Rußland). 1:25000. Kr. Kart. u. Verm. Art. Kauen. 1.44. [01.1944].
30. Этнографическая карта Белорусского племени. Сост. в 1917 году ординарный академик Е. Карский. – М.: Отд. прос. нац. менш., 1920.
31. Ostland Verwaltungskarte.Hersg. von Reichskomissar P.O.Ostland. [01.1944].

Зубачевский В. А. (ГПУ, г. Омск, Российская Федерация)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1920 – 1923 гг.)

В конце XX – начале XXI вв. российские и белорусские историки ввели в научный оборот новые документы о советско-германских военно-политических отношениях в 1920-е годы. Большинство учёных оценивают эти отношения как позитивное явление в борьбе против "санитарного кордона", созданного версальскими миротворцами для изоляции Германии и Советской России, но исключают наличие военно-политического союза названных стран. Однако некоторые историки придерживаются другого мнения. Автор разделяет первую точку зрения. Её подтверждает, в частности, история советско-германских отношений в 1920 – 1923 гг., на которые пришлось основные военные и революционные конфликты в Центральной Европе.

Уже события 1920 г. поставили под сомнение прочность буфера-кордона. Так, Германия надеялась использовать нападение Польши на советские республики для ревизии Версальского договора. К интересному выводу пришел в феврале 1920 г. Президиум Рады Белорусской Народной Республики: в связи с политикой Польши в «Белоруссии и [на] Украине, с враждебным отношением к ней России и Германии легко придти к заключению о скорой гибели Польши, а может быть и четвертому разделу... большевики... умышленно отступали, чтобы дать возможность похозяйничать полякам в Белоруссии и тем разжечь ненависть к полякам ... через месяц-полтора большевики разобьют поляков» [1]. Позицию благоприятного для Советской России нейтралитета заняла и Чехословакия, о чём напомнил в феврале 1921 г. уполномоченный РОКК в ЧСР С. И. Гиллерсон наркому иностранных дел Г. В. Чичерину [2; Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 2]. О намерении вступить в 1920 г. в переговоры с Москвой признался в 1924 г. полпреду в Праге К. К. Юреневу президент ЧСР Т. Масарик [2; Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53971. Л. 100]. На советско-литовских переговорах обсуждались даже совместные военные действия против Польши [3; Ф. 325. Оп. 2. Д. 26. Письма председателя делегации на переговорах с Литвой А. А. Иоффе – председателю РБСР Л. Д. Троцкому. 15 мая, 25 июня 1920 г. Л. 73, 76].

Вероятные шаги Германии в связи с советско-польской войной рассматривали немецкие военные и дипломаты. Июльские (1920 г.) записи сотрудников IV (восточного) отдела МИД Германии и командующего рейхсвером генерала Г. Секта свидетельствуют, что с приближением Красной Армии к русско-германской границе 1914 г. идея возврата "области Коридора"

или создания из неё буферного государства как преграды против большевизма приобрела зримые очертания [4; Bd. III. № 207. S. 430; № 218. S. 456 – 458]. Так, 31 июля Сект писал министру иностранных дел В. Симонсу: «В случае посылки войск Антанты ... Западная Пруссия и Позен станут ареной борьбы» Антанты и Польши с Россией. Но если Антанта и не высадит войска в Данциге, «откатывающиеся польские войска превратят немецкие провинции в руины. Эта вероятность ... должна нас побудить на обращение к русским». Затем мы предложим провести плебисцит в отторгнутых от Германии провинциях [4; Bd. III. № 224. S. 466 – 468]. 12 августа представитель НКВД в Берлине В.Л. Копп заявил советнику IV отдела германского МИД А. Мальцану: советское правительство «уважает желание немцев» западных польских земель создать автономное государство и не против возвращения Германии этнографически немецких территорий «польским большевистским правительством» в случае образования последнего [4; Bd. III. № 246. S. 496 – 497].

Советско-германские переговоры нашли отражение в указаниях руководства Красной Армии от 9 и 14 августа: «Воспрещается переходить прусскую границу, существовавшую до войны 1914 г., за исключением перешедшего к Польше коридора на Данциг. В этот коридор ввод наших войск разрешается», поскольку там вероятно нахождение «большого количества военного имущества. Предревсовета Л.Д. Троцкий указал на необходимость захвата этого имущества» [5]. В августе 4-я советская армия настолько углубилась в Польский (Данцигский) коридор, что казалось, по словам французского наблюдателя, она «уже не принимает участия в войне с Польшей ... и задалась целью восстановить мост из Восточной Пруссии в Германию» [Цит. по: 6]. Кстати, немецкое население бывшей Западной Пруссии встречало красноармейцев как освободителей [7; Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Sygn. 4477. K. 34].

Польские правящие круги, раздувая антигерманскую и антироссийскую алармистскую пропаганду, пытались доказать, что союз Германии и России – свершившийся факт: распустили слух о визите Троцкого в Восточную Пруссию (Троцкий туда не приезжал); сообщили, что 17 июля 1920 г. в Берлине секретарь ИККИ К.Б. Радек, Копп и Мальцан подписали секретный германо-большевистский договор, предусматривавший оккупацию Россией Польского коридора и Данцига с последующей их передачей Германии, и соглашение о военно-технической помощи России за подписями крупнейшего германского монополиста Г. Стайнса и Коппа [7; Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 2. K. 36-37]. Но хранящаяся в ААН копия договора – фальсификация: в частности, Радек в это время участвовал в работе II-го конгресса Коминтерна. Представитель же Праги в Берлине считал, что заключение тайного советско-германского соглашения невозможно из-за вмешательства большевиков во внутренние дела Германии [8; 1920. 12.6. С. 63].

Официального советско-германского военного сотрудничества не смог доказать и министр иностранных дел Польши Е. Сапега. Действительно, переговоры Коппа с Симонсом и Мальцаном не привели к конкретным соглашениям, но советско-германское сотрудничество неофициально осуществлялось, особенно в военно-технической области. На севере советско-польского фронта в штабе Красной Армии работали немецкие офицеры под командованием генерала О. Леттов-Форбека. По информации военного атташе Польши в Финляндии, весной в Красной Армии насчитывалось 2000 германских офицеров и солдат, а летом было переброшено ещё 300 офицеров и 1800 военных специалистов [9]. Посланник в Варшаве А. Оберндорф также сообщал 8 июня в МИД Германии о немецких офицерах, служащих в Красной Армии [10]. Насколько далеко зашли военно-политические отношения – этот вопрос остаётся предметом дискуссии. Во всяком случае, позднее кандидат в члены Политбюро ЦК РКП (б) Н.И. Бухарин предлагал «оформить положение немецких формирований на западном фронте» [11].

Отступление советских войск изменило позицию Германии, но, по мнению Коппа, она не нарушит нейтралитет: «Образцовое поведение наших войск в коридоре» опровергло «сказки о Красной армии, как о недисциплинированном сброде и о большевизме, как о движении, разрушающем всякую культуру». Германия вступит в антибольшевистскую коалицию только при нашем «военном вторжении в Восточную Пруссию или при насильственной советизации коридора ... установление дружеских отношений с буржуазным правительством Германии и нами будет воспринято рабочими как их победа, а не как наш отказ от революционного пути» [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 73. Д. 1037. Копп – Чичерину. 1 сентября 1920 г. Л. 111, 112]. Вместе с тем, писал Копп Чичерину 7 сентября 1920 г.: «Мы отброшены в Германии дипломатически на исходные позиции начала текущего года».

27 сентября Копп заметил: «Охлаждение явилось ... реакцией на те преувеличенные надежды, которые возлагались ... в Германии на освободительную роль Красной Армии в Западной Пруссии ... медленно созревает более благоприятный для нас поворот» [3; Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 21, 41]. По словам же наркома иностранных дел РСФСР Чичерина, германские правящие круги не использовали конъюнктуру «нашей борьбы с Польшей» [12]. Они оказались правы, выжидая развития событий. Несомненно, соответствовавшие настроениям части правящих кругов и населения Германии, приготовления к войне с Польшей были, но конкретные решения о вмешательстве в советско-польскую войну не принимались.

Подписание 12 октября 1920 г. прелиминарного советско-польского мирного договора перенесло советско-германские военно-политические отношения на уровень обсуждения возникших проблем. В ноябре Копп и Мальцан рассмотрели вопрос о координации советско-германских усилий по оказанию помощи Литве в борьбе с войсками Л. Желиговского, оккупировавшего по плану Ю. Пилсудского Виленский край [4; Bd. IV. № 51. S. 96], но этим и ограничились. Однако в связи с предстоящим в марте 1921 г. плебисцитом в Верхней Силезии Копп писал Троцкому в декабре 1920 г.: «следовало бы не давать Польше окончательного мира до выяснения исхода верхнесилезского голосования ... Если Красная армия будет у Варшавы в тот момент, когда польская армия будет отступать из коридора и из Познани, судьба белой Польши будет решена безвозвратно». Главнокомандующий германского рейхсвера фон Сект «убеждён в том, что мы воспользуемся польско-германским конфликтом в военном отношении», предлагает России помощь оружием и специалистами, желает провести переговоры для обсуждения практических вопросов [3; Ф. 325. Оп. 2. Д. 45. Л. 6, 7]. В феврале 1921 г. крупный советский дипломат Иоффе советовал В.И. Ленину «доказать Германии, что мы, даже подписывая мир с Польшей, можем оказать ей серьёзную поддержку в вопросе в [верхне]-силезского плебисцита» [3; Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 31]. В 1921 г. начались неофициальные контакты доверенных лиц советского полпредства в Каунасе с представителями националистических организаций Восточной Пруссии: обсуждались вопросы о военной помощи Красной Армии, координации действий «на случай войны между Россией и Польшей» и разведывательных возможностях Кёнигсберга против Варшавы [2; Ф. 151. Оп. 7. П. 7. Д. 7. Секретная референтура. Л. 135 – 137, 145 – 146].

Вместе с тем, Симонс, выступая 21 января 1921 г. в рейхстаге, говорил: «в принцип своей восточной политики Антанта возвела создание ... прослойки в виде ... окраинных государств», препятствующих «обмену между Центральной Европой и Россией ... Германия является естественной страной транзита из России на Запад <...> любые меры, которые государства Антанты принимают по отношению к Востоку, если они не привлекают Германию, всегда будут только временными и иллюзорными» [13; № 169. С. 270, 275]. После подписания 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора вновь начался постепенный переход большевиков к защите интересов Российского государства путем сближения с Германией, что стало крупнейшим провалом версальских миротворцев. Однако, хотя влияние среди большевиков сторонников реальной политики, видевших в Германии союзника России, возрастало, противоречивый характер советско-германских отношений сохранялся, поскольку концепцию мировой революции Кремль сдавать в архив не торопился.

Накануне Генуэзской конференции ситуация в регионе несколько нормализовалась. Но после подписания в апреле 1922 г. Рапалльского договора издаваемая в Варшаве под патронажем видного деятеля российской эмиграции Б.В. Савинкова газета «За свободу» напечатала текст секретного военного соглашения между Советской Россией и Германией. Правда, уже на другой день газета вынуждена была опровергнуть германского посольства [8; 1922. 5.5. С. 62]. Канцлер И. Вирт заявил 29 мая 1922 г. в рейхстаге: «Рапалльский договор не содержит никаких секретных политических или военных соглашений» [13; № 310. С. 551]. Посол в Москве У. Брокдорф-Ранцау к советско-германскому соглашению в военной сфере относился скептически, но после прихода к власти в ноябре 1922 г. кабинета В. Куно, начавшего «политику катастроф», посол спросил в декабре у Троцкого о военных пожеланиях России «в связи с военным давлением Франции против нас». Председатель РВСР ответил: «Если Польша по указанию Франции захватит Силезию, то «мы ... вмешаемся!». Посол расценил заявление Троцкого как «политический успех» Германии [4; Bd. VI. № 145, 171, 176, 289. Записки Брокдорфа-Ранцау. S. 301, 357, 365, 590 – 591].

Начало политического кризиса 1923 г. в Центральной Европе обусловило обострение международной обстановки в связи с оккупацией в январе Рура Францией. Польские военные считали возможным франко-польское выступление против Германии. Поступавшая в Берлин информация о планах Варшавы заставила Германию обратиться за помощью к СССР. В январе Радек информировал И.В. Сталина о свидании своим и полпреда в Берлине Н.Н. Крестинского с Сектом: «Главком ... спрашивал нас, как будет реагировать Совроссия на германо-польскую войну». Радек считал, что мы не должны «связывать себя конкретными обещаниями», предложив немцам укреплять советскую военную индустрию [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49936. Л. 1 – 3]. Брокдорф-Ранцау писал: «это прежняя Россия могла вести “освободительную войну” à la 1812 за Германию»; для СССР целью является мировая революция [4; Bd. VII. № 102, 109. S. 227 – 228, 247]. Но в феврале в Москве прошли переговоры между делегацией министерства рейхсвера и советскими военными во главе с зампреда РВСР Э.М. Склянским, в ходе которых обсуждались вопросы о совместных военных действиях против Польши с участием Литвы в качестве союзника, немецких военных поставках и финансовой помощи в восстановлении советских военных заводов [14]. После переговоров Брокдорф-Ранцау спросил Чичерина о реакции России, в случае оккупации Польшей части немецкой территории. Нарком уклонился от прямого ответа, отметив, что «наши силы едва ли достаточны» и неизвестно, как отнесутся к Красной Армии в Германии в случае её там появления [4; Bd. VII. № 125. Записка Брокдорфа-Ранцау. 6 марта 1923 г. S. 302 – 304]. Но в донесении Куно 21 марта Брокдорф-Ранцау сообщил и о другом заявлении Чичерина: «дружественные отношения германского и русского правительств важнее революционного взрыва» [4; Bd. VII. № 157. S. 372–375].

Упомянутые советско-германские встречи и дипломатическая переписка осуществлялись в рамках постановления Политбюро ЦК РКП (б) от 18 января 1923 г.: 1. «Поручить РВСР в срочном порядке разработать план ... сосредоточения необходимых сил на западном фронте». 2. «Правде» и «Известиям» напечатать статьи о польских авантюристах, стремящихся к нападению на Германию. 3. Поручить Крестинскому выяснить политику Германии в связи с занятием Рура и возможностью выступления Польши [3; Ф. 17. Оп. 163. Д. 313. Л. 6].

Переписка советских и германских дипломатов в январе-мае свидетельствовала о благоприятных возможностях для развития советско-германских отношений. Большевики внимательно следили за подготовкой Польши к возможным акциям против Германии. Чичерин подчеркнул в марте: «Мы ... считали бы крайне для нас ... опасным переход Данцига в польские руки» [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 77. Д. 49933. Л. 11]. Замнаркома иностранных дел М.М. Литвинов сообщил тогда же Брокдорф-Ранцау информацию о приготовлениях Польши к захвату Данцига, советуя «заблаговременно поднять шум вокруг этого вопроса в ... прессе, чтобы Европа не была застигнута врасплох» [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 3]. Москва же получила из Берлина текст секретного румыно-польского договора, носившего антисоветскую направленность [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Из беседы члена коллегии НКВД А. А. Штанге и статс-секретаря МИД Германии Мальцана. 14 апреля 1923 г. Л. 11]. «Германия, писал в июне посланник Австрии в Венгрии, - готовится к обороне от польского наступления. Министр внутренних дел Пруссии К. Зеверинг привлёк к этой работе бывших офицеров генштаба» [15].

Германские политики поддерживали прагматиков в советском руководстве. В мае в германском посольстве в Москве состоялась беседа Штанге с экс-министром иностранных дел Германии А. Кёстером. Брокдорф-Ранцау сказал Штанге: «Я показал ему (Кёстеру. – В.З.) мои секретнейшие документы, в которых пишу, что только единение с Россией может спасти Германию от обращения в страну илотов» [2; Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 23]. Германское посольство в Москве, «на основании разговоров с Чичериным» констатировало в мае советские «успехи “континентальной” ориентации, рассчитанной на ... сближение с Германией», обращая внимание, что идея “континентального блока” позаимствована наркомом у министра финансов С.Ю. Витте [2; Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 24. Л. 34; 16]. Вместе с тем, Брокдорф-Ранцау писал Куно 29 июля 1923 г.: «О политическом или военном союзе (с СССР. – В.З.) нет речи» [4; Bd. VIII. № 84. S. 220].

В июле Германия прекратила военные переговоры и ограничила поставки советской оборонной промышленности, поскольку ЦК РКП (б) предпочёл использовать нараставший в Германии политический кризис в интересах европейской революции. Не были случайными и опасения Германии о готовности большевиков спасти немецкую революцию путем уступок Польше за счет Веймарской

республики. 28 октября – 5 ноября 1923 г. член коллегии НКВД Копп провел переговоры в Варшаве, но Польша, – писал Чичерин Сталину, – отказалась подписать «документ, заключающий невмешательство во внутренние дела Германии и гарантии транзита при всяких переменах в её строе» [3; Ф. 17. Оп. 163. Д. 373. Л. 8]. Троцкий считал: невмешательство свяжет Польшу руки «и в отношении Восточной Пруссии, и Данцига ... Польша ... не прочь захватить под шумок Восточную Пруссию, дав нам за это транзит» [3; Ф. 17. Оп. 163. Д. 373. Л. 13]. По мере уменьшения остроты политического кризиса Веймарской республики, готовность большевиков спасти ожидаемую немецкую революцию путем уступок Польше за счет Германии исчезала: «Поездка Коппа, – по мнению руководителя IV отдела МИД Германии В. Вальрота, – не принесла желаемой поддержки коммунистическому движению в Германии» [4; Bd. VIII. № 235. Оценка поездки Коппа. 7 ноября 1923 г. S. 604]. Брокдорф-Ранцау сообщил МИД о состоявшейся 11 декабря 1923 г. беседе с Радеком. По словам Радека, «советское правительство может хорошо работать с немецким реакционным правительством» [4; Bd. IX. № 55. S. 139].

Во второй половине 1920-х гг. советско-германские военно-политические отношения приобрели масштабный характер, но приводимые в некоторых работах ссылки на «советско-германский военный альянс 1923 – 1933 гг.» и на то, что «фашистский меч ковался в СССР», представляются явным преувеличением. Официально оформленного военного-политического союза между СССР и Германией в 1920-е гг. не существовало. Уместна выдержка из письма Крестинского в мае 1933 г. своему преемнику на посту посла Л. М. Хинчуку: «Мы не возражали, когда немцы говорили об общем враге, то же делали наши военные ... но ... мы никогда ... не давали обещания поддерживать герм[анское] пра[вительство] в его реваншистской войне против Польши» [Цит. по: 16]. Однако сочетание локальной и рапалльской линий в политике Германии помогало ей готовить «мирную ревизию» Версальской системы, что было выгодно и СССР.

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.
2. Архив внешней политики Российской Федерации.
3. Российский государственный архив социально-политической истории.
4. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Ser. A: 1918 – 1925. Bd. III – IX. Göttingen, 1985 – 1991.
5. Директивы Главного командования Красной Армии (1917 – 1920). Сб. документов. – М., 1969. № 643. С. 649; № 647. С. 655.
6. Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. – Смоленск, 1923. С. 90 (сноска).
7. Archiwum Akt Nowych w Warszawie.
8. Archiv Ministerstva zahraničních věcí České Republiky. Zastupitelské úřad. Německo. Berlin. Politické věci.
9. Wojna polsko – sowiecka 1920 roku: Przebieg walk i tło międzynarodowe. Materiały sesji naukowej w Inst. Historii PAN 1-2 paźdz. 1990. W., 1991. S. 178.
10. Jonca K. polsko – sowiecka 1920 roku w dokumentach niemieckiej dyplomacji. Wrocław, 2002. № 29. S. 159.
11. Польско-советская война. 1919 – 1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. II. – М., 1994. № 182. Из протокола заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 14 октября 1920 г. С. 92 – 93.
12. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. – М., 1961. С. 158.
13. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов. Т. 2. – М., 1971.
14. Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин, 1920 – 1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). – М., 2001. С. 79 – 80.
15. Österreichische Staatsarchiv. Neues politisches Archiv. Liasse Polen. K. 642. 2 / 1. Fol. 462.
16. Советско-германские отношения 1922 – 1925 гг. Документы и материалы. Ч. 1. – М., 1977. С. 236.
17. Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. – СПб, 2000. С. 83.

УРАНОВЫЙ ПРОЕКТ: АВАНТЮРИЗМ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

После поражения Германии во Второй мировой войне и применения американцами ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки, «чтобы, – как сказал Г. Трумэн, – побыстрее закончить войну и выполнить свои обязательства» [1, 18], в научной литературе развернулась полемика о моральной ответственности учёных за результаты своих работ. Особое место в ней занял вопрос об участии немецких учёных в ядерных исследованиях, которые осуществлялись в рамках так называемого «Уранового проекта». И не только потому, что он лежал в сфере профессиональной этики, но и потому, что породил гипотетическую проблему: чем бы все закончилось, если бы Германия получила атомную бомбу до 1945 года?

Атомный проект Германии не состоялся, но стремление оценить истинные мотивы и практические шаги ученых Рейха актуально и 60 лет спустя.

В 1942 г. Гитлер поставил своего друга архитектора А. Шпеера во главе военной промышленности Третьей империи, которая под его руководством поставляла на фронт непрерывным потоком самолеты, танки, снаряды. Во время Нюрнбергского процесса теперь уже военный преступник Шпеер рассказал и о своих усилиях форсировать подготовку атомного оружия.

Деление ядра впервые было открыто в лаборатории немецкого физика О. Гана. Этим открытием заинтересовались крупные монополистические объединения. Так, директор Физического института Г. Гофман получил письмо (19 января 1938 г.), в котором председатель президиума фирмы «Сименс и Гальске» писал, что фирма с особым вниманием следит «за сообщениями о циклотронах, публикуемыми в литературе, и результатами, достигнутыми в связи с этим в области ядерных исследований» [2, 41].

Позднее сотрудник Химического института Общества кайзера Вильгельма З. Флюгге недвусмысленно высказался о возможности создания атомного оружия. В июне 1939 г. он опубликовал статью «Возможно ли техническое использование энергии атомного ядра?», где говорил об огромной мощи и взрывном характере ядерных реакций. Автор не то упрекал, не то предупреждал, что в мире скоро появится новый фактор, влияющий на политику, экономику, на всю общественную жизнь [2, 223]. Этим фактором была атомная энергия. И не оставалось сомнений, что физики, оставшиеся верными Гитлеру, надеются использовать его в своих интересах. По утверждению академика А. П. Александрова, «немецкие ученые были первыми, кто начал работы по созданию атомной бомбы» [3, 5].

Гитлеровская Германия в 1939 – 1941 гг. располагала соответствующими экономическими условиями для создания атомного оружия: она имела необходимые производственные мощности в химической, электротехнической, машиностроительной промышленности и цветной металлургии. У неё были также финансовые средства и материалы общего назначения, располагала она и достаточными знаниями в области физики атомного ядра, имела таких учёных с мировым именем, как О. Ган и В. Гейзенберг.

24 апреля 1939 г. имперское военное министерство Германии получило письмо за подписью профессора Гамбургского университета П. Хартека и его сотрудника доктора В. Грота, в котором указывалось на принципиальную возможность создания нового вида высокоэффективного взрывчатого вещества. В конце письма говорилось, что та страна, которая первой сумеет практически овладеть достижениями ядерной физики, приобретает абсолютное превосходство над другими. Это был уже не единственный и не первый сигнал. К этому времени был проведён ряд совещаний и встреч с учёными.

В августе 1939 г. военное руководство гитлеровской Германии заинтересовалось ядерными исследованиями, возможностью применить атомное оружие в своей борьбе за мировое господство. Для рассмотрения способов решения атомной проблемы Управление армейского вооружения в сентябре 1939 г. собрало осведомлённых учёных. На совещании присутствовали: профессор П. Хартек, физик Г. Гейгер, З. Флюгге, статья которого так встревожила Запад, профессор И. Маттаух, который был приглашен для работ на «урановой» машине, и ряд видных немецких физиков: Э. Багге, В. Боте, К. Дибнер и Г. Гофман. Были приглашены В. Гейзенберг — лауреат Нобелевской премии за работы в области квантовой механики, и молодой К. Вайцзеккер. Существо задачи изложил один из руководителей Управления, председатель совещания Ваше. Он сказал, что с учётом полученных из-за рубежа сведений необходимо наметить план производства оружия нового вида. Участники совещания одобрили поставленную задачу, так как на этом этапе они не предвидели больших трудностей в решении проблемы.

Осуществление программы было возложено на Физический институт Общества кайзера Вильгельма, Институт физической химии Гамбургского университета, Физический институт Высшей технической школы (Берлин), Физический институт медицинских исследований (Гейдельберг), Физико-химический институт Лейпцигского университета и другие научные учреждения. Вскоре число институтов, занятых основными исследованиями, достигло 22. Основной целью ядерных исследований Уранового проекта являлось создание атомного оружия. Все работы, имевшие прямое отношение к урановой проблеме, засекречивались.

Разработка теории атомного реактора — в Германии его называли «урановой» или «тепловой» машиной — позднее была возложена на профессора В. Гейзенберга. В отчёте «Возможность технического получения энергии при расщеплении урана», напечатанном в декабре 1939 г., он подытожил результаты работ Бора, Ферми, Сциларда и других учёных и привёл главные параметры и конструктивные особенности атомного реактора.

К началу 1940 г. немецкие учёные убедились в необоснованности своего оптимизма в вопросе быстрого осуществления цепной ядерной реакции. Но в середине 1940 г. теоретическое рассмотрение процессов привело К. Вайцеккера к открытию нового элемента, который он назвал окаосмий. Теперь его называют плутонием. Вайцеккер сообщил об открытии военным властям и оформил патентную заявку. Теперь немецкие ученые имели полное представление о возможности получения плутония и уяснили возможность создания плутониевой бомбы. Факт подачи патентной заявки Вайцеккером говорит о том, что немецкие учёные нисколько не скрывали от военных властей известные им способы создания атомного оружия. То же самое можно сказать о Ф. Хоутермансе, который несколько позже Вайцеккера пришёл к той же концепции плутония.

Гейзенберг подверг обстоятельному разбору все варианты возможного развития Уранового проекта и разработал план мер, необходимых для создания атомного оружия в Германии. Его мысли были сформулированы в записке от 27 ноября 1941 г., которую по праву можно назвать «Программой Гейзенберга».

С 26 по 28 февраля 1942 г. в Берлине состоялось еще одно совещание участников ядерных исследований, крупнейшее за все время существования Уранового проекта. Первым стоял доклад Э. Шумана «Ядерная физика как оружие». Заканчивалось это совещание докладом А. Эзау «Расширение масштабов работ в области ядерной физики с привлечением правительственного аппарата и промышленности». На совещание были приглашены: министр просвещения Руста, рейхсмаршал Г. Геринг, фельдмаршал В. Кейтель, министр вооружений и боеприпасов Шпеер и даже шеф гестапо Г. Гиммлер с руководителем партийной канцелярии М. Борманом. Ган, Гейзенберг, Боте и Хартек познакомили присутствующих с перспективами своих работ. Учёные готовы были воплотить в жизнь поручение армии и указывали способ создания оружия.

4 июня 1942 г. имперским министром вооружения и боеприпасов А. Шпеером, по рекомендации руководителя вооружения армии генерал-полковника Ф. Фромма, было созвано новое совещание.

Взгляды учёных к этому времени не изменились: они с прежней энергией трудились над осуществлением намеченной программы — созданием атомного оружия, но, сталкиваясь с финансовыми и организационными трудностями, они более осторожно оценивали перспективы исследования.

Совещание отличалось от теоретической конференции, прошедшей в феврале 1942 г., своим составом и целями. Председательствовал имперский министр вооружения и боеприпасов Шпеер. Среди присутствующих были представители всех родов войск: фельдмаршал Э. Мильх, генерал Ф. Фромм, адмирал Витцель, прямой заказчик ядерных разработок начальник Управления армейского вооружения генерал фон Лееб. Учёных представляли В. Гейзенберг, О. Ган, К. Дибнер, П. Хартек, К. Вирт и другие.

В то время Германия уже начала испытывать военный и экономический кризис. Военные и политические руководители Германии после лёгких побед в Польше, Норвегии и Франции считали военный успех в Европе предрешённым. Первые месяцы войны против СССР, казалось, подтверждали правильность этой оценки. Однако разгром немецких армий под Москвой выявил крупный стратегический просчет гитлеровского руководства, вызванный недооценкой сил СССР. Уже в начале 1942 г. министр снабжения Тодт докладывал фюреру об огромных экономических трудностях Германии. В Германии срочно пересматривали планы производства вооружения. Был издан приказ: осуществлять лишь те разработки, которые могут дать эффект в ближайшем будущем. Нужно было найти решение вопроса о проведении ядерных исследований.

На совещании докладывал Гейзенберг, как научный руководитель Уранового проекта. Были указаны варианты применения атомной энергии и обсуждена перспектива получения взрывчатого вещества.

Доклад произвёл сильное впечатление. Но Шпеер вынудил Гейзенберга высказаться точнее о сроках. Гейзенберг ответил, что научное решение не составило бы трудностей, но решение производственно-технических проблем займёт не менее двух лет и то при условии, если каждое требование учёных будет выполняться. Хотя решение об интенсивном развитии Уранового проекта принято не было, Шпеер оказал проекту поддержку.

В 1969 г. Шпеер писал, что его якобы не устраивал названный Гейзенбергом срок. Подлинной же причиной было неверие военных властей в осуществимость планов о создании атомного оружия, предложенных учёными [5, 165]. Шпееру в 1969 г. не хотелось сознаться в своей недалёковидности в 1942 г., вот он и ссылался на сроки, желая объяснить свои половинчатые решения.

23 июня 1942 г. Шпеер докладывал Гитлеру о мерах по обеспечению армии вооружением. Именно тогда Гитлер впервые получил более или менее конкретную информацию о планах создания атомного оружия: Шпеер сообщил ему, что для этого потребуется не менее пяти лет, но не указывал точно, что оно будет собой представлять и какова будет его разрушительная сила [5, 201].

В марте 1943 г. работы по Урановому проекту были переданы в ведение Имперского исследовательского совета; при этом полностью сохранилась преемственность целей, ранее поставленных перед учёными главным командованием армии. А учёные продолжали систематически информировать военное руководство о ходе работ.

8 мая 1943 г. руководитель планового управления Имперского исследовательского совета В. Озенберг в связи с получением соответствующих разведывательных данных из США докладывал Г. Герингу, что и в Германии проводится работа над созданием урановой бомбы.

В ноябре 1944 г. В. Герлах, последний руководитель ядерных исследований в Имперском исследовательском совете, писал руководству об активности работ в Германии над атомной бомбой. Но учёные Германии так и не успели создать свою бомбу до окончания войны [2, 214].

В процессе расследования гитлеровских преступлений против человечества обсуждался вопрос об отношении немецких учёных к целям и задачам Уранового проекта.

Надо отметить, что после сообщения о взрыве американской атомной бомбы над Хиросимой немецкие учёные-атомщики выступили с коллективным заявлением. Они писали, что трудились над применением атомной энергии для приведения в движение различных машин. В 1946 г. В. Гейзенберг выступил с таким же утверждением. Он заявил, что в Германии не предпринимались попытки создать атомную бомбу. Он объяснил это рядом технических, экономических причин и психологическим настроением фашистской верхушки, ожидавшей ещё в 1942 г. победного окончания войны и поэтому препятствовавшей началу крупных разработок, которые не обещали быстрых и осязаемых результатов.

Р. Юнг в книге «Лучи из пепла» писал, что немецкие учёные не ставили своей целью добиться успеха в работе по созданию атомной бомбы, они пытались отвлечь внимание нацистских властей от атомной бомбы, не сообщали военному руководству о возможности получения ядерного взрывчатого вещества [8, 67]. Юнг предполагает, что Гейзенберг, Вайцзеккер, Хоутерманс, и, по меньшей мере, десять других известных германских физиков, вели тактику задержки и промедления. Их общая линия, по словам Юнга, заключалась в том, чтобы ни единым словом не напоминать высокопоставленным персонам об атомной бомбе [8, 64].

Некоторые другие исследователи также высказывают предположение, что немецкие учёные не хотели давать в руки Гитлера атомное оружие. Так, С. Гоудсмит в книге «Миссия Алсос» высказывает такое же предположение, говоря о работах М. фон Лауэ и О. Гана [9, 89]. Р. Кларк в книге «Рождение бомбы» отмечает слова М. фон Лауэ: «Если кто не желает сделать открытия, он его не сделает» [10, 134].

Но известны и другие высказывания. Д. Ирвинг («Вирусный флигель») [7] считает ошибочным мнение, что немецкие учёные намеренно не работали над атомной бомбой. Сам бывший министр вооружения и боеприпасов Германии А. Шпеер в своих воспоминаниях утверждает, что предложение о создании атомной бомбы шло от физиков [5, 193].

Поэтому рассуждения Юнга о том, что немецкие учёные проводили работы по использованию энергии атома лишь в мирных целях, что они скрывали результаты исследований, опровергаются фактами.

Безусловно, в Германии тех лет царила атмосфера страха и взаимного недоверия. Учёные стремились оградить себя от провокаций. Можно понять, что помыслы о противодействии, если они и были у немецких ученых, не могли проявиться до капитуляции фашистской Германии. Даже в первые годы после капитуляции Германии ни один немецкий учёный не заявил о своем «пассивном сопротивлении». Лишь в 1969 г. В. Гейзенберг в книге «Часть и целое» по-своему истолковывает отношение немецких учёных к целям и задачам Уранового проекта. Умозаключения В. Гейзенберга в большой мере повторяют выводы Юнга, но не подтверждаются.

Гейзенберг констатирует, что он и Вайцзеккер в сентябре – октябре 1939 г., то есть спустя некоторое время после совещания в Управлении армейского вооружения, решили принять участие в работах по Урановому проекту, с тем, чтобы помешать изготовлению атомного оружия [4, 291]. С этой целью они якобы взяли в свои руки основные участки исследования, «не доверяя его другим людям или случаю» [4, 292]. Заявление Гейзенберга ложно потому, что на первом совещании в Управлении армейского вооружения, где учёные получали задания, он не был, так как еще не привлекался к работам по Урановому проекту.

Гейзенберг пишет, что он и Вайцзеккер приняли решение реже информировать власти о продвижении работ по созданию атомной бомбы. Однако их поступки говорят об обратном. Чего стоят все разговоры о «пассивном сопротивлении», если вспомнить, кто разрабатывал способ получения плутония, кто выступил с предложением о резком ускорении реакторной программы. Нельзя не учитывать и показаний бывшего министра вооружения и боеприпасов Германии А. Шпеера на Нюрнбергском процессе о том, что Гейзенберг в июне 1942 г. говорил о готовности создать атомное оружие в течение двух лет [6, 187].

Всё это позволяет сделать заключение, что утверждение Юнга и Гейзенберга о существовании «идейного сопротивления» немецких учёных созданию атомного оружия в годы Второй мировой войны не соответствует действительности.

Среди учёных-атомщиков и руководителей ядерных исследований было мало членов национал-социалистической партии или лиц, солидарных с фашизмом. Однако, несмотря на это, немецкие учёные принимали активное участие в создании атомного оружия. Здесь уместно обратиться к характеристике личности Вернера Гейзенберга – руководителя Уранового проекта. В его характере соседствовали научный гений и близорукое тщеславие, глубокая человечность и неприятное высокомерие. Стивен Гоудсмит писал, что крайний национализм приводил Гейзенберга во время войны к серьёзным ошибкам: «Он был настолько увлечён идеей о величии Германии, что считал усилия нацистов сделать Германию могущественной более важными, чем их эксцессы». Гейзенберг всегда был убеждён, что Германия нуждается в великом руководстве, и что сам он мог бы быть одним из лидеров. «Придёт день, – говорил он, – гитлеровский режим рухнет, и это будет момент, когда люди, подобные мне, смогут вмешаться» [9, 78].

Нет письменных доказательств, что участники Уранового проекта разделяли милитаристский дух фашистской Германии. Но именно эти идеи согласуются с практическими действиями немецких учёных-атомщиков: настойчивыми усилиями по созданию атомного оружия в условиях недостаточной помощи со стороны властей, фанатичными потугами привести в действие атомный реактор и организовать обогащение урана-235 даже в последние дни войны. В 1944 г. немецкие учёные были готовы к постройке атомного реактора. Основные запасы урана, тяжёлой воды, оборудование для атомных реакторов, а также личный состав лабораторий были эвакуированы на самый юг Германии. Глубоко под землёй, в горах, немецкие физики во главе с Гейзенбергом, Ганом и Вайцзеккером вновь и вновь налаживали работы по сооружению ядерного реактора.

В конце 1945 г. два американских ученых из Ок-Риджа, А. Вейнберг и Л. Нордхейм, сделали попытку выяснить, какого же уровня достигли эти исследования в Германии за период с 1939 по 1945 г. Они пришли к выводу, что за это время немецкие учёные добились несомненного успеха и что эти достижения стали возможны только в результате сотрудничества военных учреждений, промышленных объединений и научных лабораторий [11, 29]. Однако, несмотря на это, цель, поставленная перед Урановым проектом, не была осуществлена: фашистская Германия не стала обладательницей атомного оружия.

Имелись и другие причины, вынуждавшие учёных энергично вести ядерные разработки. Это и стремление некоторых из них избежать службы в армии, и большая материальная заинтересованность: выполнявшие военные заказы получали сверх заработной платы вознаграждение в виде так называемых «пакетов Шпеера».

В гитлеровской Германии все было построено на безоговорочном подчинении низших звеньев высшим. Так было и в науке, в частности в Урановом проекте. Гитлеровское руководство знало об Урановом проекте и санкционировало его осуществление. Оно с самого начала выразило и свое положительное отношение к ядерным исследованиям.

Гитлер был знаком с проектом создания атомного оружия. Он нуждался в новом мощном оружии, однако не смог оценить его перспектив и не принял надлежащих мер к тому, чтобы создать необходимую научную базу для реализации Уранового проекта и ускорить производство атомного оружия. Геринг имел достаточно полное представление об Урановом проекте, считал, что осуществление его нуждается в ещё большей секретности, но и он проявил инертность. Имперское министерство вооружения и боеприпасов и имперское военное министерство проявляли иное отношение к ядерным исследованиям: они были прямыми заказчиками и руководителями Уранового проекта, финансировали и контролировали его работы. Шпеер систематически получал отчёты по проекту и состоял в личной переписке с научным руководителем работ Гейзенбергом. Военное министерство держало под наблюдением работу научных лабораторий.

Вначале эта задача казалась легко разрешимой. Поэтому и возникло авантюристическое искушение «сотворить» атомное оружие без особого труда. Это был политический авантюризм, проявившийся в неспособности фашистского руководства и самого Гитлера предвидеть изменение стратегического соотношения сил, последствия развязанных войн, развитие науки и техники.

Урановый проект располагал очень умеренными возможностями: не было налажено производство основных материалов, Урановым проектом занимался небольшой круг исследователей. Военно-хозяйственное руководство Германии и учёные-атомщики не смогли оценить чрезмерной трудности поставленной задачи – использования атомной энергии.

Результатом неверного замысла, положенного в основу Уранового проекта, было то, что исследования велись стихийно. Несостоятельность попытки создать атомное оружие незначительными силами первыми поняли учёные. Они настойчиво стали доказывать, что для изготовления ядерного взрывчатого вещества необходимо осуществить большие подготовительные работы. При этом они указывали, что имеют в виду большие средства, новых сотрудников в лабораториях и новых работников в промышленности, увеличение производства основных материалов.

В 1941 – 1942 г. военные власти также порывались изменить свои старые планы развития Уранового проекта. На это были объективные причины – ухудшившееся военное положение Германии: они надеялись поправить его, применив мощь нового оружия. Можно было бы предположить, что такая обстановка послужит толчком для ускорения атомных исследований. Однако поведение военного министерства и министерства вооружения и боеприпасов были диаметрально противоположными.

Военные власти с 1942 г. начинают двойственно относиться к Урановому проекту. Военное министерство рассматривает вопрос об отказе от руководства атомными исследованиями. Но длительное время не принимает никакого решения.

Шпеер после войны заявил, что немецким учёным «ни разу не удалось выйти за пределы примитивных лабораторных экспериментов» [5, 23]. Сказано это было для того, чтобы оправдаться: якобы именно это не позволило ему сделать решающие выводы. Учёные не оценили сложности решения проблемы использования атомной энергии, предприняли попытку создать атомное оружие без фундаментальной научной и инженерной подготовки, небольшими силами и в короткий срок. А это был авантюризм в науке.

Эти внутренние причины, тормозившие немецкие исследования, на первых порах могли быть и преодолены. Но уже с 1943 г. начали действовать новые, внешние факторы. Атаки участников норвежского движения Сопротивления вывели из строя единственный источник получения тяжёлой воды; воздушные налеты дезорганизовали работу немецкой промышленности и нанесли ряд чувствительных ударов по заводам, выполнявшим заказы для Уранового проекта. Наступление советских войск и войск союзников, последовавшая капитуляция фашистской Германии положили конец Урановому проекту.

Но была и ещё одна сторона авантюризма немецких учёных, это – авантюризм нравственного выбора. Еще в 1933 г., т. е. задолго до открытия О. Гана, М. Планк предупреждал Гейзенберга о неминуемой ответственности, которую понесут те, кто примет решение сотрудничать с Гитлером [4, 263]. Позднее Гейзенберг признается: «...Я принял решение остаться в Германии, в Лейпцигском университете и посмотреть (!), куда меня приведёт этот путь» [4, 272]. Гейзенберг и другие члены немецкого «уранового клуба» понимали, к чему приведут исследовательские работы в условиях гитлеризма, но сделали ставку именно на него. Поэтому

их послевоенные оправдания, такие, например, как: «...в Германии во время войны не предпринималось никаких попыток создать атомную бомбу», (В. Гейзенберг, 1954 год), [4, 330] – не более чем фальшивая исповедь проигравшихся игроков.

1. Дзелепи Э. Секрет Черчилля. – М. Прогресс, 1975
2. Иойрыш А. И., Морохов И. Д. Хиросима. – М.: Атомиздат, 1979
3. Александров А. П. Щит Родины // За рубежом. – 1979. – № 7
4. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1990
5. Шпеер А. Воспоминания. Пер. с нем. И. В. Розанова. – Смоленск: Русич, М.: Прогресс, 1997
6. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах / Отв. ред., автор предисловия Рекунков А. М. – М.: Юридическая литература. Т. 7
7. Ирвинг Д. Вирусный флигель. – М.: Атомиздат, 1969
8. Юнг Р. Лучи из пепла. – М.: Иностранная литература, 1962
9. Гудсмит С. Миссия «Алсос». – М.: Госатомиздат, 1962
10. Кларк Р. Рождение бомбы. – М.: Госатомиздат, 1962
11. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. – М.: Атомиздат, 1964

Малыхіна Л. Ю. (БрДТУ, г. Брэст)

БРЭСЦКІ МІР 1918 г. У ЛЁСЕ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА

Несправядлівы падзел этнічнай тэрыторыі Беларусі па Брэсцкаму дагавору і разгон Першага Усебеларускага кангрэса ў снежні 1917 г. Мінскім гарнізонам ад імя Савета народных камісараў Заходняй вобласці і фронту істотна змянілі настроі дзеячаў беларускага нацыянальнага руху. Пад вырасальным уплывам гэтых фактараў яны ўсвядомілі, што бараніць цэласнасць і непадзельнасць сваёй Айчыны ім давядзецца самастойна, не разлічваючы на дапамогу Савецкай Расіі, якая была зацікаўлена выратаваннем большавіцкай улады любымі сродкамі і ахвярамі ў карысць суседніх краін, якія прэтэндавалі на беларускую этнічную тэрыторыю. Беларускім гісторыкам неабходна раскрыць у адзіным кантэксце гісторыю падрыхтоўкі і падпісання міру ў Брэст-Літоўску і абвяшчэння першага беларускага ўрада, якія супадалі храналагічна і былі ўзаемаабумоўлены.

Прынята лічыць, што грабежніцкія ўмовы названага дагавору сталі следствам зрыву расійска-германскіх перамоваў наркамам замежных спраў РСФСР Л. Д. Троцкім. Сапраўды, сітуацыя магла скласціся для Беларусі іншым чынам. 22 снежня 1917 г. у Брэст-Літоўску пачала працу мірная канферэнцыя, і ўжо 28 снежня старшыня германскай дэлегацыі Р. фон Кюльман уручыў савецкаму боку аўстра-германскія ўмовы міру, па якіх ад Расіі адрываліся Польша, Літва, Курляндыя, частка Эстоніі і Ліфляндзіі, якія пераходзілі пад пратэктарат Германіі. Мір, заключаны на гэтай стадыі перамоў, мог адвесці ад беларускага краю пагрозу акупацыі тэрмінам у год. Але ж праз тры тыдні – 18 студзеня ўпершыню прагучала патрабаванне аддзяліць ад РСФСР яшчэ і значную частку Беларусі. Ад Расіі ў такім выпадку адыходзілі тэрыторыі агульнай плошчай больш 150 тыс. кв. км.

Сярод большавікоў і эсэраў разгарнулася ўнутрыпалітычная барацьба па пытанню: заключаць дагавор на такіх анексіённых і эканамічна цяжкіх для Расіі ўмовах ці не. Выказанае пры галасаванні сярод членаў ЦК РКП(б) 21 студзеня рашэнне У. І. Леніна – не адцягваючы заключыць мір – пяць разоў большасцю не падтрымлівалася. Больш спрыяльнай ім здавалася прапанова Л. Д. Троцкага спыніць ваенныя дзеянні без падпісання анексіённага міру з Германіяй і яе саюзнікамі. Гэтая пазіцыя, падтрыманая большасцю галасоў, і была агучана на перамовах 10 лютага, а 16 лютага Германія заявіла аб узнаўленні ваенных дзеянняў. Новы германскі ўльтыматум патрабаваў ад Расіі акрамя пералічаных раней тэрыторый не толькі аддаць поўнасцю Эстляндзію, Ліфляндзію (сучасныя Эстонія і Латвія), яшчэ большую частку Беларусі, але і вывесці Чырвоную Армію з Украіны і Фінляндзіі. Усяго краіна Саветаў губляла каля 1 млн. кв. км. Гісторыя паказала, што рана ці позна пытанне аб самавызначэнні пералічаных тэрыторый ў Прыбалтыцы зноў паўстала б, вось толькі лёс беларускіх зямель ад прынятага Троцкім рашэння не змяніўся – яна ў любым выпадку падзялялася на часткі.

Адначасова з перамовамі ў Брэст-Літоўску надзвычайная сітуацыя разгортвалася яшчэ ў адным з гарадоў Беларусі. У ноч на 21 лютага, калі нямецкія войскі яшчэ не ўступілі ў Мінск, Выканкам Першага Усебеларускага з'езда абвясціў сябе вышэйшай уладай – Народным Сакратарыятам. У яго першай “Устаўной грамаце да народаў Беларусі” падкрэслівалася, што “беларускі народ павінен здзейсніць сваё права на поўнае самавызначэнне” [5, 105]. Падкрэслім, што ў першыя дні пасля вяртання нямецкіх улад у Мінск іх адносіны з членамі першага беларускага ўрада былі стрыманымі. Хаця па-ранейшаму абсалютная большасць расійскіх гісторыкаў працягвае лічыць, што “у сакавіку 1918 г. германскія акупацыйныя ўлады ўтварылі марыянетачную БНР” [3, 46].

Між тым, 24 лютага германскія ўмовы міру былі прыняты савецкім бокам. Наўрад ці паўнамоцныя прадстаўнікі РСФСР у Брэст-Літоўску ўлічвалі пры гэтым незалежніцкую пазіцыю Народнага Сакратарыята, а вось члены апошняга пачалі з таго моманту адрасаваць свае надзеі да больш мацнейшага на той момант суседа – да Германіі. 28 лютага беларуская дэлегацыя наведала рэзідэнцыю германскай адміністрацыі ў Мінску і выказала лаяльнасць да акупацыйных улад. Рэакцыя акупантаў на прапанову прызнання была адмоўнай, паколькі Беларусь германскі ўрад бачыў “часткай Савецкай Расіі і па Берасцейскаму ўгавору без ураду Леніна гэта пытанне вырашыць не мог” [5, 35]. Нягледзячы на нярэдка гучаўшыя папрокі, што дэлегацыя ад Беларусі нават не прысутнічала пры падпісанні Брэсцкага міру, трэба прызнаць, што ў пачатку сакавіка 1918 г. беларускае прадстаўніцтва ад яшчэ не абвешчанай рэспублікі, ад гэтага не прызнанага ні міжнароднай супольнасцю, ні акупацыйнымі ўладамі ўрада, не мела юрыдычных паўнамоцтваў, каб змяніць умовы прынятага дакумента.

У адпаведнасці з III артыкулам Брэст-Літоўскага мірнага дагавора, падпісанага 3 сакавіка 1918 г. паміж Савецкай Расіяй, з аднаго боку, і Германіяй, Аўстра-Венгрыяй, Балгарыяй і Турцыяй, з другога боку: “Области, лежащие к западу от установленной договаривающимися сторонами линии и принадлежавшие России, не будут больше находиться под её верховной властью, установленная линия обозначена на приложенной карте”. Што тычыцца Беларусі, дык яе этнічная тэрыторыя згодна з гэтай картай “была падзелена па лініі Дзвінск – Свянцаны – Ліда – Ружаны – Брэст-Літоўск. Гродзеншчына і Віленшчына адыходзілі да Літвы, якая знаходзілася пад пратэктаратам Германіі (з 11 снежня 1917 г., калі Літоўская Тарыба абвясціла дэкларацыю аб аднаўленні дзяржавы ў саюзе з ёю. – Л.М.) Міншчына, а таксама частка Віцебскай і Магілёўскай губерняў з’яўляліся часова акупаванымі кайзераўскімі вайскамі. Брэстчына з гарадамі Брэст-Літоўск, Кобрын, Пружаны, Драгічын, Лунінец, Пінск і Столін, а таксама Гомельшчына з Гомелем, Рэчыцай і Мазыром адыходзілі да Украіны. Усходнія раёны Беларусі заставаліся ў складзе РСФСР” [7, 4].

Якімі б цяжкімі не былі для беларусаў такія ўмовы міру, яны мелі тэрміновы характар, іх напісанне было вымушаным крокам расійскага ўрада. У той час як РСФСР чакала здзяйснення германскай рэвалюцыі і паражэння Германіі ў Першай сусветнай вайне, Народны Сакратарыят паспрабаваў утварыць рэспубліку. Ва ўмовах, калі тэрыторыя Беларусі была практычна расцягнута па кавалках, 9 сакавіка 1918 г. адбылося абвешчэнне Беларускай Народнай Рэспублікі, а потым і яе суверэнітэту (25 сакавіка) ў рамках этнічнай тэрыторыі.

29 сакавіка 1918 г. на пасяджэнні Рады БНР была створана камісія міжнародных спраў, якая стала працаваць над апісаннем межаў [6]. За аснову была ўзята этнаграфічная “Карта разсялення Беларускага племяні” прафесара Я. Карскага, складзеная ў 1917 г. і выдадзеная ў С-Пецярбурзе Расійскай Акадэміяй Навук. Нельга сказаць, што гэтыя намаганні не мелі пад сабою юрыдычнай асновы – існавалі адпаведныя нормы выпрацаванага на той час міжнароднага права, ужо быў вядомы прэцэдэнт падтрымкі Германіяй буржуазнай Украінскай Рады, 23 сакавіка 1918 г. яе ўрад прызнаў незалежнасць Літвы [11, 385], акрамя таго фармальна давала права на самавызначэнне “Дэкларацыя правоў народаў Расіі”. Што тычыцца апошняга дакумента, бальшавіцкая партыя паспела даказаць, што нават прадстаўнічы з’езд у колькасці 1872 дэлегатаў не можа дапамагчы ў тым выпадку, калі яго рашэнні супярэчаць праграмным задачам РКП(б).

Спадзяванні Рады БНР на станоўчае вырашэнне беларускага пытання з дапамогай акупацыйных улад, як вядома, не спраўдзіліся. Канчатковы разрыў дыпламатычных сувязей з

Масквой не лепшым чынам паўплываў на далейшую дзейнасць радаўцаў. Між тым тлумачэнні такога выбару заўсёды зводзіліся членамі апальнага ўрада БНР да Брэсцкага дагавору, як быццам бы не Германія, а РСФСР была ініцыятарам яго заключэння. У артыкуле “Лёсы зроблены!” ад 8 красавіка 1918 г. выдатны беларускі дзеяч, прафесар М. В. Доўнар-Запольскі прызнаваўся ў крыўдзе: “Мы не спяшаліся адыйсці ад нашай усходняй сястры, але пецярбургскія правіцелі абрабавалі нашу бедную краіну, не далі ў ёй скласціся праўленню на федэратыўных або аўтаномных пачатках і кінулі нашу Радзіму на волю лёсу” [1, 2]. Ён жа ў маі – кастрычніку 1918 г. у складзе дыпламатычнай місіі БНР у Кіеве вёў перамовы з прадстаўнікамі РСФСР, Украіны, Дона, Германіі, Аўстра-Венгрыі аб прызнанні Беларусі суб’ектам міжнароднага права. Для гэтага па даручэнню ўрада гісторык склаў “Мемуар” (“Асновы дзяржаўнасці Беларусі”), у якім абгрунтаваў неабходнасць гэтага [2], упершыню ўключыў туды этнаграфічную карту Беларусі, пазней прадстаўленую на Парыжскую мірную канферэнцыю.

Калі па пастанове ад 22 чэрвеня 1918 г. Народны Сакратарыят Міжнародных спраў БНР выдаў пад рэдакцыяй Я. Салаўя брашуру “Усходняя Беларусь” (Мінск, 1918), статыстычныя дадзеныя аб тэрыторыі Усходняй Беларусі ў ёй сведчылі, што пераважная колькасць насельніцтва тэрыторый, якія пасля Брэсцкага дагавору апынуліся на баку Расіі мела беларускае паходжанне. “Беларусы маюць веру, што Нямеччына прызнае праклямацую незалежнасці (24/25 сакавіка) і акажа ёй помач у будаванні новага жыцця, прыбавіўшы гэтак сабе ўдзячнага саюзніка” [8]. У сувязі з пераходам ініцыятывы ў вядзенні вайны да краін Антанты, раскол у кіраўніцтве беларускай рэспублікі яшчэ больш паглыбіўся, разгарнулася рознабакая знешнепалітычная дзейнасць Міністэрства міжнародных спраў, якое ставіла за мэту прызнанне БНР краінамі свету.

“У адпаведнасці з Дадатковым расійска-германскім дагаворам, падпісаным у Берліне 27 жніўня 1918 г., кайзераўскія войскі павінны былі пакінуць акупаваную тэрыторыю Беларусі на ўсход ад р. Бярэзіны. Адыход германскай арміі пачаўся ў другой палове верасня 1918 г. У вызваленых раёнах ўступала Чырвоная Армія. Так, 31 кастрычніка зноў савецкім стаў г. Магілёў. Да таго часу нямецкія войскі пакінулі Лепельскі і Сенненскі паветы” [7, 5]. У лістападзе 1918 г. буржуазная рэвалюцыя ў Германіі звергла кайзераўскую манархію. 11 лістапада, пасля падпісання перамір’я паміж Антантай і германскім урадам, скончылася Першая сусветная вайна. Па ленінскаму дэкрэту УЦВК ад 13 лістапада 1918 г. усе абавязацельствы Расіі па Брэсцкаму дагавору і ў першую чаргу па тэрытарыяльных уступках і выплаце кантрыбуцыі былі ануляваны. Заключаны і праз восем месяцаў адменены Брэсцкі мір даўно прызнаны несправядлівым і цяжкім для Расіі: акупацыя Германіяй Украіны, Беларусі і Паўночнага Каўказа адрэзала хлебныя раёны, умацніла разгортванне грамадзянскай вайны ў краіне. З іншага боку, ён даў магчымасць кароткатэрміновай перадышкі для краіны Саветаў. На гэтым гісторыю Брэсцкага міру можна было б і скончыць, калі б не тыя наступствы, якія ён меў.

Па-першае, ён з’явіўся каталізатарам узаемаадносін паміж дзеячамі нацыянальнага руху на Беларусі і савецкім урадам Расіі. Заканчэнне вайны, вяртанне Чырвонай Арміі на вызваленую ад немцаў тэрыторыю, фактычна прадвызначыла канец першай спробе ўтварэння беларускага ўрада.

Па-другое, канчатковае скасаванне пастаноў Брэсцкага дагавору адбылося на Парыжскай мірнай канферэнцыі 1919 г., але далёка не ў карысць Савецкай Расіі і навароджанай БССР. Абмеркаванне на канферэнцыі беларускага, польскага, расійскага і літоўскага пытанняў ва многім паўтарала анэксіённыя замахі Германіі, вынікам чаго стала замежная інтэрвенцыя краін Антанты на Усход.

У прыватнасці, літоўская дэлегацыя вылучыла патрабаванне “аднаўлення літоўскай дзяржавы” ў граніцах Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай і Сувалкаўскай губерніяў, а таксама асобных раёнаў Курляндый і Усходняй Прусіі, што закранала інтарэсы беларускага народа.

Адным з пытанняў, якія паўсталі на канферэнцыі, было вызначэнне ўсходняй граніцы Польшчы. Як вядома, абвешчаная ў лістападзе 1918 г. польская дзяржава не мела ўстаноўленай граніцы як на захадзе так і на ўсходзе. Адна з галоўных яе задач заключалася ў тым, каб акрэсліць дзяржаўныя граніцы Польшчы і падабраць дасканалыя факты, каб мірная канферэнцыя згадзілася на ўключэнне беларускіх зямель у склад Польшчы. Для гэтага, на думку новых палітыкаў, трэба было садзейнічаць адрыву ад Расіі прыгнечаных ёю народаў – беларусаў, украінцаў, літоўцаў, латышоў і фінаў.

Найбольш аптымальным варыянтам лічылася аднаўленне “Вялікай Польшчы” ў форме ўнii Польшчы, Літвы, Беларусі і Украіны ў межах 1772 г. Яшчэ да пачатку канферэнцыі вялася перапіска паміж міністрам замежных спраў Польшчы Л. Васілеўскім і народным камісарам Расіі – Г. Чычэрыным. Так, ўноце ад 30 снежня 1918 г. Л. Васілеўскі абвінаваціў савецкі бок у тым, што Расія праводзіла агрэсіўную палітыку ў адносінах да народаў Літвы і Беларусі і адказала ім у праве распаджацца сваім лёсам [4, 31-34]. Камуністычная рабочая партыя Польшчы 15 студзеня 1919 г. звярнулася да савецкага ўрада з прапановай стварыць камісію з прадстаўнікоў ЦВК КРПП і савецкіх органаў РСФСР, якая пры ўдзеле літоўскіх і беларускіх савецкіх прадстаўнікоў тэрмінова азначыла б граніцу Польшчы. Аднак вызначыць такое пытанне дыпламатычна было немагчыма, таму што адзін і другі бок хацелі бачыць тэрыторыю Беларусі ў сферы свайго ўплыву. Хоць 1 студзеня 1919 г. была абвешчана Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка Беларусь, яна не мела ніякай самастойнасці і кіравалася з Масквы.

Аднак у той час, яшчэ да пачатку работы канферэнцыі, у Вярхоўнага Савета Антанты пасля капітуляцыі Аўстра-Венгрыі і Германіі зараджалася ідэя дэмаркацыйнай лініі, як граніцы Польшчы на ўсходзе. Для яе абмеркавання была створана асобая следчая камісія ў Варшаве, а на тэрыторыю Беларусі, Усходняй Украіны і Літвы былі высланы дэлегацыі для збірання канкрэтнага матэрыялу аб пануючым становішчы ў іх польскага насельніцтва, што магло абгрунтаваць тэрытарыяльныя прэтэнзіі Польшчы. Прымаючы за аснову лінію трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай, маршал Фош 25 студзеня 1919 г. аддаў загад нямецкім акупацыйным сілам у акрузе Беласток – Гродна аб перадачы палякам тэрыторыі на захад ад лініі Брэст – Нарва – Крынкі – Кузніца – Новы двор – Сапоцкін.

Для вырашэння польскага пытання на канферэнцыі была створана камісія па польскіх справах, якую ўзначальваў француз Ю. Камбон, састаўлены адпаведныя карты, на якіх вызначалася граніца Польшчы, якая ўключала большую частку тэрыторыі Беларусі з Мінскам. Камісія па польскіх справах стварыла падкамісію па пытанню ўсходніх граніц Польшчы, у склад якой уваходзілі Ле Ронд (Францыя, старшыня), Р. Лорд (ЗША), Х. Патан (Вялікабрытанія) і Дэлла Тарэтта (Італія). Падкамісія працавала з 22 сакавіка па 7 красавіка, а 10 красавіка прадставіла справаздачу на пленарным пасяджэнні камісіі па польскіх справах.

На Парыжскай мірнай канферэнцыі прысутнічала і беларуская дэлегацыя. Пытанне аб прысутнасці беларусаў пры падпісанні мірнага дагавора было пастаўлена яшчэ ў канцы 1917 г. на Першым Усебеларускім кангрэсе, за некалькі дзён да пачатку перагавораў у Брэст-Літоўску. Кіраўніцтва БНР дабівалася ўдзелу ў Парыжскай мірнай канферэнцыі, пасылала туды мемарандум, звяртанні, матэрыялы картаграфічнага характару. Першым прадстаўніком урада БНР на канферэнцыі быў Д. Сямашка, які прыбыў у складзе агульнай літоўска-беларускай дэлегацыі ў пачатку 1919 г. Аднак на пасяджэнні “Савета дзесяці” 12 студзеня 1919 г. было вырашана не дапускаць на пасяджэнні канферэнцыі як прадстаўнікоў Расіі, так і прадстаўнікоў народаў, якія ўваходзілі ў яе склад на 1 жніўня 1914 г., акрамя Польшчы [9, 31]. Папоўнілася беларуская дэлегацыя ў той час, калі польска-савецкая вайна прывяла да захопу значнай часткі Украіны, Беларусі з г. Вільня – сталіцай Літоўска-Беларускай ССР. 29 красавіка 1919 г. з Берліна ў Парыж выехалі К. Кандратовіч, Азнабішын, А. Баркоў, а ў маі яны сустрэліся з старшынёй канферэнцыі і атрымалі дазвол на прысутнасць беларускай дэлегацыі. Крыху пазней – 25 мая 1919 г. – у сталіцу Францыі прыехала асноўная частка дэлегацыі на чале з А. Луцкевічам, якая прадставіла мемарандум беларускага ўрада ў эміграцыі з просьбай прызнаць незалежнасць БНР. Аднак гэтае патрабаванне засталася непачутым.

Пазіцыя, якую занялі кіраўнікі канферэнцыі, спрыяла далейшаму разгортванню польскай агрэсіі на беларускіх землях. З аднаго боку, яны прызналі расійскую юрысдыкцыю над Беларуссю ад усходняй межы польскай дзяржавы, якая праходзіла па лініі Гродна – Ялаўка – Няміраў – Брэст-Літоўск. А з другога боку, краіны, якія вызначылі ход канферэнцыі, дапамаглі фарміраванню польскай арміі і не перашкаджалі прасоўванню польскіх войск ва ўсходнім напрамку. Прадказальным аказалася меркаванне, выказанае дзеячом БНР А. Цвікевічам у рабоце “Беларусь”, якая была складзена яшчэ ва ўмовах нямецкай акупацыі 1918 г. і выдадзена Надзвычайнай Дыпламатычнай Місіяй БНР ў Берліне (1919 г.): устанаўленне ўлады толькі расійскай ці толькі польскай на тэрыторыі

Беларусі ён тады палічыў малаверагодным: “Более грозна третья альтернатива: раздел Белоруссии на великорусскую и польскую сферу влияния” [10, 3].

Пад час работы Парыжскай мірнай канферэнцыі беларуска-польская граніца так і не была вызначана. У рэшце рэшт 8 снежня 1919 г. старшыня Вярхоўнага Савета Антанты Ж. Клемансо зацвердзіў яе лінію праз Гродна – Ялаўку – Няміраў – Брэст-Літоўск. 3 ліпеня 1920 г. гэтая лінія ўвайшла ў гісторыю як “лінія Керзана”. Аднак яе вызначэнне не вырашыла праблемы, паколькі на той час польска-савецкая лінія фронту праходзіла ўздоўж рэк Дзвіны і Бярэзіны. Палякі не змаглі дыпламатычным шляхам даказаць прыналежнасць беларускіх зямель да Польшчы і паспрабавалі ваенным шляхам уваскрасіць Рэч Паспалітую. Беларусь у чарговы раз стала арэнай барацьбы паміж Расіяй і Польшчай, а заключанае пасля польска-савецкай вайны Рыжскае пагадненне 1921 г. мела яшчэ больш цяжкія наступствы для беларусаў, чым Брэсцкі мір.

1. Довнар-Запольский М. В. Жребий брошен! // Цвикевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. – Киев, 1918.
2. Доўнар-Запольскі. Асновы Дзяржаўнасці Беларусі. Нарыс. – Гродно, 1919.
3. Зубачевский В. А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917-1923 гг.): Геополитический аспект. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005.
4. Красная книга: Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях в 1918-1920 гг. – М., 1920.
5. Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920 гг.). – Мн.: БДУ, 1999.
6. Мазец В. Межы БНР // Спадчына. – 1993. – № 2.
7. Міхнюк У. М. Першае абвяшчэнне ССРБ: умовы, прычыны, значэнне // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 3.
8. Усходняя Беларусь: статыстычныя і гістарычныя матэрыялы. Рэпрынт выд. – Мн.: друкарня Я. А. Грынблята, 1918. – Мн.: Бел каап. выд. “Адраджэнне”, 1993.
9. Ціхаміраў А. Беларуская праблематыка на Парыжскай мірнай канферэнцыі 1919-1920 гг. // Весці АН Беларусі. Сер. грам. навук. – 1996. – № 6.
10. Цвикевич А. Беларусь: Полит. очерк. Пер. с белорус. – Берлин: Изд. Чрезв. дипломат. миссии Белорус. Нар. Республики, 1919.
11. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 тамах. Т. 4. – Мн.: БелЭн, 1997.

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Стрелец М. В. (БрГТУ, г. Брест)

ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНЫЙ СОЮЗ В БАВАРИИ (ФРГ) И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современный Христианско-социальный союз остается активным субъектом обсуждения внешнеполитических вопросов внутри ФРГ, что находит постоянное отражение в программных установках, инициативах в компетентных органах. Правительственная ответственность на федеральном уровне воспринимается социальными христианами с точки зрения более широких возможностей реализации этих установок и инициатив.

В процессе разработки коалиционного соглашения между ХСС, ХДС и СДПГ, подписанного 11 ноября 2005 года, прослеживалось чёткое понимание, что Германия должна быть сознающим ответственность партнером в Европе и мире. Социальные христиане считают, что деятельность федерального канцлера Ангелы Меркель на международной арене соответствует данному соглашению.

По мнению ХСС, коалиционное соглашение дало новые импульсы европа-политике ФРГ, которой партия придает первостепенное значение. Важно отметить, что, делая акцент на европа-политику, эта партия не допускает её строгого отождествления с одним из направлений внешней политики. Нынешний председатель ХСС, премьер-министр Баварии Эдмунд Штойбер ещё в 1987 г., будучи руководителем Баварской государственной канцелярии, заявил, что европейская политика «для ХСС никоим образом больше не классическая внешняя политика, а европейская внутренняя политика» [1; 3].

Важнейшие приоритеты современной европа-политики социальных христиан таковы:

- 1) упрочение правового базиса функционирования Евросоюза;
- 2) целенаправленная реализация принципа субсидиарности, последовательный учёт баварских интересов;
- 3) строгое соблюдение ранее согласованных критериев для стран-кандидатов на вступление в ЕС;
- 4) расширение полномочий Евросоюза в связи с новыми вызовами Старому Свету.

Наполнение реальным содержанием первого приоритета осложняется тем фактом, что в 2005 г. участники референдумов во Франции и Нидерландах проголосовали против ратификации Европейского Конституционного Договора. В ХСС весьма удовлетворены следующим моментом коалиционного соглашения: «Ратификация Европейского Конституционного Договора будет продолжена. Ещё до вступления в силу Конституционного Договора национальные парламенты должны быть своевременно вовлечены в законодательство ЕС» [2; 4].

В отношении дальнейшего развития процесса единения ХСС требует, чтобы Европа строилась «на принципах федерализма и субсидиарности». «Дальнейшее единение Европы должно вести к сокращению централизма и бюрократии» [ACSP, DS 12/3]. Конечной целью интеграции для ХСС является не федеративное государство, а «союз государств», как его описал Федеральный Конституционный Суд в октябре 1993 г. в решении по Маастрихту. Это означает «с одной стороны, дееспособный союз, который в целом обеспечивает Европе мир и свободу, усиливает экономическое благосостояние и решает задачи и только эти, которые недостаточно могут решаться на государственном и региональном уровнях, с другой стороны, остаются неизблемыми сохранение национального и регионального пространства для преобразования на всех других полях, национальная идентичность и региональное многообразие» [13; 10].

«В среднем уже 50 % германской внутренней политики определяется правом ЕС, в отдельных важных отраслях, таких как экономическая, сельскохозяйственная политика, политика в области окружающей среды уже 70 %. Представительство баварских интересов в Брюсселе и Страсбурге на европейском уровне поэтому точно так же важно, как представительство интересов на федеральном уровне» [14, 3].

«По своим экономическим результатам и населению Бавария (в 2003 г. – М.С.) находилась на 6-ом месте среди 15 государств-членов ЕС» [14, 4].

В Европарламенте из Баварии представлено 14 депутатов, из них 10 членов ХСС. Координация Баварской европа-политики есть задача государственной канцелярии. Для представительства интересов свободного государства Бавария по отношению к институтам ЕС премьер-министр Эдмунд Штойбер назначил государственного министра по делам федерации и европейским делам.

Особое значение придаётся деятельности Баварии в комитете регионов Европейского Союза. Этот комитет регионов вновь создан в 1994 г. по инициативе Баварии и делает регионы и коммуны участниками процесса европейских решений. Бавария посылает в комитет регионов премьер-министра Эдмунда Штойбера и упомянутого государственного министра (заместитель). На основании статьи 23 Основного Закона земли через бундесрат содействуют европа-политике федерального правительства. Точка зрения бундесрата находит, как правило, отражение в переговорной позиции федерального правительства в Совете министров ЕС. При принятии решений, для которых законодательная компетенция находится исключительно у земель, в Совете министров ЕС должен быть представлен назначенный бундесратом представитель земель Германии [14; 7]. Правительство Баварии, возглавляемое ХСС, считает, что комитет регионов «должен обеспечить регионам и коммунаам право решающего голоса там, где затрагиваются их интересы» [14; 18].

Обращаясь по второму приоритету, партия предпринимает энергичные шаги по соответствующей адаптации внутрифедерального законодательства, используя факт своего представительства в Европарламенте и комитете регионов ЕС.

Участвуя в работе коалиционной группы по реформе федерализма, Эдмунд Штойбер добился внесения в итоговый документ от 7 ноября 2005 г. проекта некоторых изменений в Основной закон ФРГ. Дословно предложены следующие формулировки:

«новый абзац 6 статьи 23 Оз:

«Если по сути затрагиваются исключительные законодательные компетенции земель в сферах школьного образования, культуры или радиовещания, соблюдение прав, которые принадлежат Федеративной Республике Германия как государству-члену Европейского Союза, передается от федерации к назначенному бундесратом представителю земель. Соблюдение прав происходит при участии (федерального правительства. – М. С.) и согласовании с федеральным правительством; при этом сохраняется общегосударственная ответственность».

Новый абзац 3-а статьи 52 Оз: «По вопросам Европейского Союза бундесрат может образовывать европалату, решения которой имеют силу как решения бундесрата; число единообразно подаваемых голосов земель определяется по статье 51 абз. 2» [3; 28].

В период председательства Австрии в ЕС (1 января – 30 июня 2006 г.) депутаты Европарламента от ХСС активно использовали тот факт, что действующий председатель федеральный канцлер Вольфганг Шюссель является лидером Австрийской народной партии (АНП). АНП как и ХСС входит во фракцию европейской народной партии Европарламента. При посещении этим деятелем данной фракции в начале 2006 г. с ним встретились докладчик по аграрно-политическим вопросам от ХСС Альберт Дес со своим нижнебаварским коллегой Манфредом Вебером. Депутаты от ХСС говорили с Шюсселем о способствовании регионам, создании метропольного региона Восточной Баварии с приграничными регионами Верхней Австрии и Западной Богемии и будущем сельского пространства [4; 7].

Учёт интересов Баварии, как и других субъектов германской федерации, несомненно, прослеживается в той позиции, которую занял видный деятель ХСС, федеральный министр экономики и технологий Михаэль Глос в дебатах о перемещении производств внутри ЕС. Известно, что соотечественники федерального министра воспринимают данные дебаты сквозь призму усугубления проблемы занятости и чрезмерной нагрузки на бундесбюргеров [5; 10].

М. Глос заявляет: «Хотя производственные перемещения являются выражением срастания рынков ЕС, способствование производственным перемещениям есть все же нарушение норм политической морали» [6]. Дело в том, что в настоящее время эти перемещения оплачиваются со средств ЕС. Данная практика, прежде всего, всё больше наталкивается на отказ у неттоплательщиков ЕС М. Глос глубоко прав, утверждая, что «современные правила способствования вряд ли идут навстречу бюргерам и затронутым работополучателям [6]. Федеральный ми-

нистр экономики и технологии уверен: «Мы (в ЕС. – М.С.) найдём решение, чтобы в будущем обеспечить, чтобы производственные перемещения не способствовались средствами ЕС. В период председательства Австрии в Евросоюзе видный деятель ХСС занимал в этом вопросе поддержку со стороны официальной Вены [7].

Позиция ХСС по вопросу о расширении ЕС на Восток была чётко прописана в Правительственной программе 2003 – 2008 гг.: «Мы приветствуем расширение Европейского Союза на Восток. Европейский союз открыт также другим государствам после того, как они выполнят предпосылки для вступления» (в ЕС. – М.С.) [8; 42].

Партия традиционно демонстрирует позицию по вопросу о возможности членства Турции в ЕС, которая не удовлетворяет официальную Анкару.

В своём выступлении на предвыборном съезде ХСС (2-3 сентября 2005 г., Нюрнберг) Э. Штойбер заявил: «Для нас Европа не только экономическое сообщество, но и сообщество ценностей. Европа также нуждается во внутренней духовной консолидации. Поэтому мы говорим ясно и чётко: «Кто форсирует вступление Турции (в ЕС. – М.С.); тот предъявляет чрезмерные требования ЕС не только политически, не только экономически, но и культурологически. Мы говорим «да» привилегированному партнерству с Турцией, но «нет» её полному членству в ЕС» [9; 18-19].

После выборов в бундестаг 2005 г. ХСС пришлось брать в расчёт и подвижки в отношении данного вопроса со стороны ЕС. Эта организация начала 3 октября 2005 г. переговоры с Анкарой с целью вступления в неё Турции. В ХСС были вполне удовлетворены тем, что в коалиционном соглашении от 11.11.2005 г. данные переговоры характеризуются как «процесс с открытым концом, который основан на отказе от автоматизма и исход которого не гарантируется заранее» [10; 28].

Главная баварская партия занимает чёткую позицию и по вопросу о расширении ЕС за счёт официальных Софии и Бухареста. Она, как и ХДС, и СДПГ, считает: «О ратификации договора о вступлении Болгарии и Румынии (в ЕС. – М.С.) следует решать лишь на основе докладов о прогрессе (в этих государствах. – М.С.) и рекомендации Европейской Комиссии» [11; 4].

Касаясь четвертого приоритета, депутат Европарламента от ХСС Бернд Поссельт в начале 2006 г. потребовал проведения германо-французской акции по созданию профессиональной европейской армии. Внешнеполитический эксперт данной партии в этом органе призвал федерального канцлера Германии Ангелу Меркель и президента Франции Жака Ширака ещё в 2006 г. выступить с соответствующей инициативой. По мнению парламентария, эти высокоспециализированные войска могли бы в любое время направляться в кризисные очаги и дополнять национальные армии, которые должны концентрироваться на территориальной обороне. Поссельт указал на то, что в настоящее время «от Конго через Средний Восток и Персидский залив до Кавказского региона с их сырьевыми конфликтами пролегает круг взрывоопасных угроз Европе» [4; 7]. Однако призыв парламентария пока не возымел действия.

У ХСС есть полное согласие с ХДС и СДПГ в том, что «трансатлантическое партнёрство с США, НАТО и европейская политика безопасности и обороны есть столпы германской политики безопасности» [ACSP, DS 92/717].

ХСС выступает за эффективный мультилатерализм, при котором приходят в движение международные организации, лучше всего приспособленные для решения мировых проблем. Партия отводит ООН ключевую роль для сохранения мира и решения глобальных задач будущего. Она придает большое значение детально продуманной реформе этой организации, считая одним из важнейших элементов данной реформы реформу Совета Безопасности. По мнению ХСС, Германия вполне созрела для того, чтобы стать ещё одним постоянным членом Совбеза ООН [ACSP, DS 7/418].

Социальные христиане оптимистически настроены на предмет потенциала ОБСЕ. Они считают, что «ОБСЕ должна превратиться в эффективный инструмент превентивной дипломатии. Как единственная общеевропейская организация, она создаёт подходящие рамки для стабильных и кооперативных структур безопасности, которые охватывают как США и Канаду, так и постсоветские государства. Уже сегодня ОБСЕ со своими многочисленными миссиями вносит незаменимый вклад в стабильность мира во всей Европе» [ACSP, DS 7/418].

На современном этапе возрастает интерес ХСС к повышению уровня сотрудничества ФРГ со странами Восточной Европы, государствами, которые возникли на постсоветском пространстве.

Отношение партии к восточноевропейскому и СНГ-овскому аспектам политики Берлина, трансформационным процессам на постсоциалистическом пространстве базируется на следующих предпосылках.

1990-ые гг. – начало XXI века – качественно новый этап в германской **Ostpolitik**. Его старт совпал с распадом де-факто СССР, началом системных преобразований в бывших соцстранах. Правопреемник СССР – Россия оказалась неспособной сохранить ключевые позиции исчезнувшей сверхдержавы в Восточной Европе. Москва была здесь вытеснена Берлином.

На ФРГ работали следующие обстоятельства. В постсоциалистическом мире заметно возрастал интерес к германской модели социально-экономического и политического развития. С учётом гигантской экономической мощи объединённой Германии, её весомого места в системе современных международных политических координат, превращения ФРГ в центрально-европейский центр силы там строились надежды на спонсорские возможности Берлинской Республики для поддержки становления рыночных структур, на лоббирование германской стороной намерения вступить в НАТО и ЕС. Внутриполитическая нестабильность, кризисные явления в экономике, социальная напряженность, нарастание активности сепаратистских сил предопределили явное ослабление международных позиций России в целом и на восточноевропейском направлении в частности. Кроме того, восточноевропейцы были убеждены, что в Москве по-прежнему мыслят имперскими категориями.

Восточноевропейский аспект современной внешней политики ФРГ включает двусторонние отношения, сотрудничество и взаимодействие в рамках международных организаций, участие Берлина в определении общих подходов группы постиндустриальных стран «восьмерки» к проблемам постсоциалистического пространства в Европе.

Отношения Федеративной Республики Германии с основной частью государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) базируются на солидной договорно-правовой базе. С учетом взаимных интересов созданы стабильные организационные структуры, имеющие целью эффективное партнерство во имя безопасности, максимальное использование преимуществ международного разделения труда, наполнение реальным содержанием духовно-культурной составляющей межгосударственных отношений.

В бундестаге стали создаваться специальные рабочие группы, задействованные на новых для ФРГ векторах восточной политики. Высший орган исполнительной власти сделал акцент на создание четких механизмов межведомственного взаимодействия и координации. Функциональное назначение этих механизмов – придание **Ostpolitik** системного характера, выделение и обоснование главного направления в этой политике, из которого будут вытекать все остальные.

Ключевой аспект современной германской **Ostpolitik** – способствование трансформации политической, экономической и социальной системы на постсоциалистическом пространстве. Германский вклад в решение данной сложнейшей задачи – это, прежде всего, концепция консультаций (TRANSFORM-Konzept) и её реализация. Благодаря целенаправленным усилиям боннского кабинета заработал на постоянной основе политико-экономический Совет по вопросам содействия экономическим реформам в странах СНГ, ЦВЕ. В дипломатических представительствах Федеративной Республики Германии в восточноевропейских и СНГ-овских столицах стали открываться бюро Совета. В этих же городах появились представительства широкого спектра экономических, научных, культурных организаций Германии. Принципиально новым моментом стало установление партнерских отношений между отдельными федеральными землями и государствами ЦВЕ, СНГ. В деловые связи с Восточной Европой активно включились банковские, кредитные учреждения ФРГ. В регионе постоянно наращивал активность германский предпринимательский корпус.

Точно так же следует оценить завязывание политическими партиями ФРГ контактов с родственными партиями в этих государствах.

Опыт 1990-ых гг. – начала XXI века свидетельствует, что федеральное правительство в политике на восточноевропейском направлении отдает приоритет Вышеградской группе, в которую входят Чехия, Словакия, Польша, Венгрия, в балканском регионе особое расположение объединенной Германии имеют Хорватия и Словения.

Достижение ключевых позиций в ЦВЕ вписывается в намерение Берлина существенно повысить удельный вес европеистского аспекта внешней политики ФРГ, активно способствовать интеграционным процессам на старом континенте, делает его сильным игроком на европейской политической арене и вполне может стать прологом для глобальной вовлечённости объединенной Германии.

Таковы основные черты современной германской **Ostpolitik**. Коалиция в составе ХДС, ХСС, СвДП, правившая в объединенной Германии с 1990 по 1998 гг., стояла у истоков этой

политики, имеет основания, прежде всего, записать себе в актив все вышеперечисленные сдвиги в данном направлении. Осознание необходимости данных сдвигов – общий знаменатель подходов всех партий указанной коалиции. «Красно-зеленая» коалиция в целом сохраняла преемственность в политике в отношении постсоциалистического пространства. Не внесло в данную политику кардинальных изменений и правительство А. Меркель.

А сейчас попытаемся проследить конкретную роль ХСС в разработке и осуществлении Ostpolitik.

Правящий ХСС активно использовал организационные структуры, созданные с целью эффективного участия Баварии в осуществлении германской Ostpolitik, а именно, действующие на постоянной основе рабочие группы, комиссии. Их учреждение началось ещё в эпоху холодной войны. В эру Гоппеля, премьер министра Баварии с 1962 по 1978 г., были созданы рабочие группы по связям с Сербией (1970г.), с Хорватией (1972 г.), со Словенией (1975 г.). Функционирование первой из названных групп было приостановлено в 1990 г. и стало вновь реальным только в начале XXI века. После краха коммунизма заработали организационные структуры по связям свободного государства с Чешской Республикой (с 1990 г.), Словакией (с 1991 г.), Венгрией (с 1991 г.), Болгарией (с 1995г.), Украиной (с 1990 г.), Москвой (с 1991г.), Московской областью (с 1994 г.), Польшей (с 1996 г.), Македонией (с 1999 г.) [15, с. 46-47].

Исходный пункт позиции ХСС – его восточноевропейская концепция. В сентябре 1994 г. федеральный министр финансов, председатель ХСС Тео Вайгель так обозначил её ключевой аспект: «...Нужно оказывать помощь извне для самопомощи. Помощь для этих государств есть инвестиции в будущее для свободы, демократии и реформ в целях формирования рыночной экономики. Поддержка не только материального рода, но, прежде всего, в форме консультаций, передачи технических и организационных знаний и умений – правильное средство. ...Решительные меры по оказанию помощи этим странам в любом случае обойдутся дешевле, чем в случае, если процесс реформ в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе провалится. Если новые демократии останутся одни со своими экономическими трудностями, то вполне возможно, что это приведёт к новым потокам беженцев и другим неконтролируемым процессам» [ACSP, DS9/14].

Над реализацией данного аспекта активно и целенаправленно работают нынешние министры федерального правительства от ХСС, представители партии в генераторе идей правительства А. Меркель – комитете «семи», члены земельной группы социальных христиан в германском бундестаге. Его важность постоянно подчёркивается в процессе разработки новой программы ХСС, принятие которой намечено на 2007 г.

В партии в целом удовлетворены нынешним состоянием реформ в ЦВЕ, уровнем связей данного региона с Баварией и германской федерацией в целом.

Социальные христиане выступают за то, чтобы прибалтийский вектор был приоритетным в политике ФРГ на постсоветском пространстве. Они считают, что в государствах Балтии значительно больше шансов для успешного осуществления системных преобразований, чем на СНГ-овском пространстве [ACSP, DS 7/74].

Вместе с тем СНГ-овский вектор внешней политики Берлинской Республики был и остается объектом пристального интереса ХСС. С момента образования СНГ политики и эксперты данной партии считали, что оно должно стать фактором стабильности на постсоветском пространстве, эффективно способствовать решению проблем переходного периода. Однако, как неоднократно отмечалось социальными христианами, СНГ представляет собой аморфную структуру, явно неэффективную, не имеющую никаких шансов для превращения в обозримом будущем в один из центров силы в мировой политике. Партия со скепсисом воспринимает интеграционные группировки, которые создаются отдельными членами СНГ. Это касается Союза Беларуси и России, ЕврАзЭС, Единого экономического пространства (ЕЭП), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ГУУАМ, Центрального азиатского союза (ЦАС) и т. д. [ACSP, DS 7/80].

На СНГ-овском направлении приоритетными для ХСС являются российский и украинский векторы.

Партия выступает за продолжение курса официального Берлина на формирование широкой антитеррористической коалиции, включая Россию, который стал чётко прослеживаться после из-

вестных событий 11 сентября 2001 г. в США [16; 14]. ХСС замечает принципиально важные изменения в России в эру В. Путина, в результате которых создан более благоприятный климат для вложения иностранных инвестиций: укрепление российской государственности, заметное ускорение формирования адекватной рыночной экономике правовой базы, достижение правительством М. Касьянова устойчивого экономического роста, целенаправленные действия кабинета М. Фрадкова по пути модернизации России. Вместе с тем социальные христиане считают, что выборы в Государственную Думу РФ от 7 декабря 2003 г. проходили с существенным отклонением от цивилизованных стандартов, с грубейшим нарушением принципа равенства участников предвыборной гонки, не исключают повторения подобного прецедента [ACSP, DS 7/75].

Широкий резонанс в ХСС вызвал визит главы российского государства в ФРГ 10-12 октября 2006 года. 11 октября 2006 г. в Мюнхене состоялась встреча президента Российской Федерации В. В. Путина с премьер-министром Баварии Эдмундом Штойбером.

«А. Меркель в Мюнхен не поехала, и почти весь день Путин провёл в общении баварского премьера... Российский президент напомнил историю знакомства: «С момента нашей последней встречи в 2002 г. и в России и в Германии произошло немало событий, и, к счастью, по большей части, позитивного характера». Таким образом, Путин охватил почти всю новейшую политику ФРГ: за это время Штойбер успел не только проиграть Шрёдеру в борьбе за пост федерального канцлера, но и отказаться после победы Меркель от должности министра экономики.

Впрочем, он остаётся одним из лидеров правящей коалиции. А оттого мог с полным правом говорить с Путиным вовсе не как региональный лидер. По крайней мере, подробности своих переговоров с главой другого государства Штойбер, обращаясь к российскому президенту перед журналистами, изложил так: «Вы подтвердили, что вы в усиленной мере будете внедрять в своей стране свободу мнений и свободу печати, и мы будем держать кулаки, чтобы убийство журналистки Политковской было раскрыто как можно скорее».

Путину эти слова уважаемого, но всё же не первого лица пришлось не слишком по душе. Но своё отношение он выразил более чем корректно, объяснив, что целью поездки в Баварию видит исключительно развитие экономических связей с крупнейшими компаниями этого региона. Ровно с той же целью Путин вечером встретился с представителями сначала научных, а потом и деловых кругов Баварии. И те, и другие заверили, что всерьёз настроены расширять сотрудничество с Россией [12; 22]. Такой настрой позитивно воспринимается в правящей в Баварии партии, которая обоснованно может записать в свой актив серьёзные достижения в данном направлении.

«Активность баварских предпринимателей распространяется на всю территорию России. Наряду с такими глобальными игроками, как «Сименс», МАН и БМВ, большую роль в России играют средние предприятия. Из примерно 4500 активно присутствующих в России немецких фирм треть приходится на Баварию. Только на территории Московского региона работает около 800 баварских фирм. Они представлены филиалами, производственными предприятиями или участием в российских партнёрских предприятиях в многочисленных регионах между Калининградом и Владивостоком, Республикой Коми и Чёрным морем. Более половины крупных немецких инвесторов являются баварскими предприятиями.

Среди баварских фирм в России поистине выдающие позиции, вне всякого сомнения, занимает фирма «КНАУФ» из Ипховена. Недавно совладелец и управляющий фирмы Николаус Кнауф вместе с губернатором Санкт-Петербурга Валентиной Матвиенко открыли новый завод по производству гипсокартонных листов у самой городской черты Санкт-Петербурга. «КНАУФ» располагает в России 10 производственными предприятиями и 9 маркетинговыми фирмами, в 9 учебных центрах прошли обучение почти 20 тысяч человек. Для 4000 работников в России фирма является не только крупным работодателем, но и определяющим мотором баварско-российских экономических отношений» [18; 14].

Министр экономики и технологий ФРГ Михаэль Глос в силу должностного положения имел самое непосредственное отношение к принятию решения о строительстве Северо-Европейского газопровода (СЕГ). В его партии это решение было встречено весьма позитивно. Германский интерес относительно СЕГ таков: «Благодаря Штокмановскому месторождению «Газпром» сможет только в Германию отправлять около 50-55 млрд. кубометров газа в год, причём это – в добавку к тем 40 млрд., которые немцы покупают сейчас» [17].

По мнению политиков и экспертов ХСС, Германии важно развивать эффективное сотрудничество и с другими странами СНГ. Вместе с тем в данном плане у этой партии чётко прослеживается дифференцированный подход. ХСС весьма оперативно излагал позитивную реакцию на «цветные революции» в некоторых странах СНГ, ратуя за повышение уровня сотрудничества с ними [ACSP, DS 20/993]. При этом политики и эксперты ХСС почему-то не замечают проявлений признаков политического шарлатанства в деятельности президента Грузии М. Саакашвили, наличия явного тупика, в котором оказались оранжевые революционеры на Украине, разочарования широких масс населения последствиями «тюльпановой» революции в Киргизии.

Христианско-социальный союз не проявляет активности на белорусском направлении, не планирует открытия в РБ представительства фонда Зайделя, не считает, что в республике существуют родственные ему партии. Его подход к Минску не отличается от курса федерального правительства независимо от того, входит партия в это правительство или нет. ХСС не участвует в белорусских делах в том объёме, как другие парламентские партии. Например, свободные демократы Г.-Д. Геншер и К. Кинкель посещали Минск с официальными визитами в качестве федеральных министров иностранных дел. Член СДПГ возглавляет рабочую группу «Беларусь-Германия» в германском бундестаге. Представители социал-демократов и «Зелёных» постоянно выступают докладчиками по Беларуси во влиятельных европейских организациях, были вначале задействованы в Консультативно-наблюдательной группе (КНГ) ОБСЕ в Минске, а затем в пришедшем ей на смену офисе ОБСЕ в белорусской столице. Такого рода факты не имели места в деятельности ХСС. Бавария, в отличие от некоторых федеральных земель, не имеет базирующихся на договорной основе партнёрских отношений с Беларусью [ACSP, DS 19/990].

Вместе с тем, земельная группа ХСС в германском бундестаге голосовала за все резолюции по Беларуси, которые принимал этот орган. Подход Европарламента к Минску не отличается от позиции представленных на нём социальных христиан. Действуя в унисон с данными органами, эта партия с середины 1990-ых годов неизменно оценивает политический режим в Республике Беларусь как антидемократический [ACSP, DS 17/9923].

Подход ХСС к ближневосточному урегулированию включает следующие аспекты:

1. Германия находится на основании своей истории в особой ответственности за Израиль.
2. Израиль имеет неотъемлемое право на существование. Следует уважать право граждан данного государства жить в гарантированных границах, жить свободными от страха, террора и насилия.
3. С юридической, исторической и политической точек зрения представляется вполне логичным право палестинского народа на собственное государство, которое сосуществует с Израилем в безопасности и признанных границах.
4. Германия должна вместе со своими партнерами выступать за мирное решение на основании «дорожной карты», которое отвечает интересам всех участвующих сторон и создает основы для прочного мирного сожительства израильтян и палестинцев в двух суверенных государствах [ACSP, DS 11/519].

В кругах ХСС весьма пессимистично оценивают перспективы ближневосточного урегулирования после прихода к власти в Палестинской автономии организации ХАМАС. Социальные христиане считают эту организацию террористической, вполне обоснованно прогнозируют контрпродуктивность переговоров с руководимым ей правительством Палестины на предмет данного урегулирования. В качестве примера они приводят безрезультатность бесед представителей российского МИДа с ХАМАС в начале марта 2006 г. в Москве. Эксперты партии высоко оценили инициированный премьер-министром Израиля Ариэлем Шароном вывод еврейских поселений из сектора Газа [ACSP, DS 11/520].

Социальные христиане видят в качестве приоритетов германской африканской политики борьбу с бедностью, защиту естественных основ жизни, политику, направленную на стабилизацию и восстановление слабых и потерпевших крушение государств [ACSP, DS].

В партии пристально следят за развитием ситуации вокруг ядерной программы Ирана. При этом ХСС последовательно опирается на следующий пассаж из коалиционного соглашения от 11.11.2005 г.: «В конфликте вокруг иранской ядерной программы наша цель – решение путём переговоров. Мы хотим совместно с нашими европейскими и американскими партнёрами достичь того, чтобы международное сообщество получило объективные гарантии того, что иран-

ская ядерная программа служит исключительно мирным целям. С этой целью мы хотим продолжить переговоры и при этом достичь в качестве первого шага, что Иран ратифицирует дополнительный протокол к договору о нераспространении ядерного оружия. Мы едины с нашими европейскими и американскими партнерами в том, что Иран имеет право именно на мирное использование ядерной энергии, но не на ядерное оружие. Мы настойчиво будем выступать за то, чтобы Иран внёс свой необходимый вклад в мир и стабильность в регионе и признал право на существование всех государств в регионе» [ACSP, DS 93/78].

Касательно последнего предложения в цитируемом пассаже отметим, что в 2006 г. в ХСС были крайне негативно восприняты антиизраильские заявления, сделанные президентом Ирана в 2006 г., в которых он отрицал право Израиля на существование, называл Холокост мифом. В партийных кругах обращают внимание на то, что такие заявления исходят от лидера страны, которая в случае отсутствия адекватного международного контроля могла бы пополнить ядерный клуб. Социальные христиане возлагают надежды на успех миссии евротройки, в которой представлен германский министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер, подчёркивают необходимость максимального использования возможностей ООН и МАГАТЭ в разрешении анализируемого конфликта.

Партия считает, что ключевые игроки на международной политической сцене должны проводить скоординированную, высокоэффективную политику в отношении развивающихся стран.

ХСС постоянно демонстрирует свою заинтересованность в том, чтобы международное сообщество строго следовало целям и принципам заявления, подписанного главами государств и правительств на саммите тысячелетия, решениям конференции по финансированию развивающихся стран в Монтеррее, а также плану действий всемирного форума по устойчивому развитию в Йоханнесбурге.

В политике развития партия придает особое значение:

- ❖ более справедливому развитию глобальных структур;
- ❖ дальнейшей реформе политики развития ЕС;
- ❖ продолжению реформ международных финансовых институтов: Всемирного Банка и МВФ;
- ❖ усилению готовности развивающихся стран к продуктивным переговорам и оперативному реагированию;
- ❖ улучшению возможности развивающихся стран мобилизовать собственные средства для их развития [ACSP, DS 61/610].

Близкий к ХСС фонд Ханнса Зайделя осуществляет 82 проекта в 54 странах с целью оказания помощи в борьбе с бедностью, в стремлении достичь стабилизации демократических, государственно-правовых, социальных и рыночных структур [ACSP, DS 63/612].

ХСС поддерживает участие Германии в миротворческих акциях на основании Устава Организации Объединенных Наций и Основного закона.

В кругах ХСС значительный резонанс вызвала статья президента Российской Федерации Владимира Путина «Энергетический эгоизм» – это путь в тупик». Эта статья, приуроченная к председательству России в «восьмёрке», была опубликована в более 100 странах мира, в том числе и в ФРГ. Эксперты ХСС находят, что ключевые темы, обозначенные российским лидером (энергетическая безопасность, борьба с инфекционными заболеваниями, образование), которые предлагалось обсудить на Санкт-Петербургском саммите, состоявшемся в июле 2006 г., являются весьма своевременными [ACSP, DS 88/610].

Таким образом, Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ) в поиске ответов на вызовы XXI века исходит из христианского понимания политики, строго и последовательно учитывает баварские и общегерманские интересы, постоянно демонстрирует заинтересованность в торжестве идеалов демократии, справедливости, социального процесса в глобальном масштабе.

1. Stoiber E. Bayerns Stellung in Europa // Bayernkurier. – 1987 – 17. Januar. S. 3.
2. Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit. Auf einen Blick: Der Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Die wichtigsten Vereinbarungen. – München: Landesleitung der CSU, 2005. S. 4.
3. Ergebnis der Koalitionsarbeitsgruppe zur Federalismusreform (Stand: 7. November 2005) // Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD 11.11.2005. – München: CSU. – Landesleitung, 2005. Anlage 2. S. 28

4. Aus der Europagruppe // Bayernkurier. – № 5/4. – Februar. – 2006. S. 7.
5. Glos: Anderung bei EU – Forderregeln // Bayernkurier – Nr. 5/4 Februar 2006. S. 10.
6. Ibidem.
7. Ibidem.
8. Landtagswahl 21. September. Regierungsprogramm 2003-2008. Damit Bayern stark bleibt! – München: Bayerische Staatskanzlei, 2003. S. 42.
9. Deutschland bewegen – Bayern stärken. Rechenschaftsbericht des Vorsitzenden der CSU. Ministerpräsident Dr. Edmund Stoiber. MdL. 70. Parteitag der Christlich – Sozialen Union 2/3. September 2005. Messe Nürnberg München. 2005. S. 18 – 19
10. Gemeinsam für Deutschland mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD 11.11.2005 – München: CSU – Landesleitung, 2005. S. 130D
11. Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit. Auf einen Blick: Der Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Die wichtigsten Vereinbarungen. – München, 2005. S. 4.
12. Archiv für Christlich-Soziale Politik (далее: ACSP), Druckschrift (далее: DS).
13. Weige 1, Theo. Rückblick in die Geschichte-Weichenstellungen für die Zukunft. – München, 1995.
14. Bayern in Europa. – München, 2001
15. Bayern. Zahlen. Politik. – München, 2000
16. Stoiber E. Ja zu wehrhafter Demokratie und Leitkultur. – München, 2001
17. Григорьева Е. Путин предложил изменить лицо Германии. Энергетическое // Известия. – 2006. – 12 октября. – С. 2
18. Министр экономики, инфраструктуры, транспорта и технологий земли Бавария Эрвин Хубер: «Многообразие сотрудничества впечатляет» // Известия. – 2006. – 3 октября. – С. 14
19. Григорьева Е. Путин призвал немцев не бояться России // Известия. – 2006. – 13 октября. – С. 2

Н.Н. Ковалёва (БрГТУ, г. Брест)

ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ: РОЛЬ ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В НЕЙТРАЛИЗАЦИИ АНГЛИИ (1938-1939 гг.)

Готовясь к новой мировой войне, германское руководство изменило стратегию своей внешнеполитической деятельности, отказавшись от дипломатических приёмов кайзеровской Германии, идеалом которой была «политика силы». Германия времён кайзера Вильгельма II активно использовала так называемую «дипломатию неожиданностей», угрожая войной европейским государствам. Подобная позиция Германии во многом предопределила сближение трёх крупнейших европейских держав (Англии, Франции и России) и образование антигерманской коалиции.

Гитлер обвинил германскую внешнюю политику времён Вильгельма II в отсутствии целеустремлённости и в порочности её системы союзов, обусловленной неумением отбирать союзников, обладающих не обманчивой, а действительной мощью. Не мощную, разлагающуюся монархию Габсбургов, а Англию (в борьбе за континентальную экспансию) или же Россию (при ориентации на колониальную экспансию) должна была, по мнению Гитлера, иметь на своей стороне кайзеровская Германия в войне 1914-1918 гг.» [1, 413].

Германская дипломатия межвоенного периода, действительно, проявила больше целеустремлённости в достижении целей внешней политики, полностью извратив смысл известного изречения Бисмарка: «политика есть искусство возможного», которое стало трактоваться, как ориентация на необходимость использовать все возможности для достижения поставленной цели, не считаясь с какими-либо международно-правовыми, моральными и другими ограничениями в применении внешнеполитических средств.

Поставив цель достичь «мировой гегемонии», Германия, естественно, должна была вступить в войну с крупнейшими мировыми державами. Поэтому главной задачей германской внешней политики стало так называемое «фракционирование» (т. е. расчленение) войны. Задача заключалась в недопущении образования антигитлеровской коалиции с участием Англии, Франции и Советского

Союза. Для этого германская дипломатия, прежде всего, использовала враждебность и недоверие западных держав к Советскому Союзу, заявляя о своей готовности спасти Европу от угрозы большевизма. Очевидно, что война на Западе, как подтвердили последующие события, была для Германии более актуальной и первоочередной задачей, чем война на Востоке.

В частности, для нейтрализации Англии германской дипломатией использовались самые различные средства – от заключения межгосударственных соглашений для усыпления бдительности до формирования нужного настроения английской общественности. Германии важно было, чтобы Англия отгородилась от событий, развернувшихся на континенте: захвата Австрии и Чехословакии, готовящегося нападения на Польшу. Документы кануна Второй мировой войны, в частности архив бывшего германского посла в Москве, Токио, и Лондоне Герберта фон Дирксена, позволяют получить представление о том, какими методами это делалось. Фон Дирксен сменил на посту германского посла в Лондоне Йоахима Риббентропа, возглавившего министерство иностранных дел Германии. За 18 месяцев своей работы на посту посла в Лондоне Риббентроп сумел сплотить вокруг себя профашистские элементы в Англии и запастись разведывательными данными, необходимыми для реализации установок МИДа.

Важнейшей победой германской дипломатии стала отставка английского министра иностранных дел Антони Идена, который требовал организации отпора фашистским агрессорам, когда итало-немецкие войска оказывали вооруженную помощь Франсиско Франко в Испании. Эта отставка была хорошо режиссирована из Берлина, в результате чего против Идена ополчились не только итальянская и германская пресса, но и реакционная печать Англии. Свою лепту в отставку популярного и влиятельного министра внесла и итальянская дипломатия. Итальянский посол в Англии Гранди дерзко заявил главе английского кабинета министров Невиллу Чемберлену, что «пока внешней политикой Англии руководит Антони Иден, нечего и думать о каком бы то ни было англо-итальянском соглашении» [2, 614]. Англия, действительно, проявляла большую заинтересованность в заключении соглашения с Италией, которое ограждало интересы Англии в районе Средиземного моря и Ближнего Востока. После того, как в конце февраля 1938 года состоялась отставка Идена, 16 апреля 1938 года в Риме было подписано англо-итальянское соглашение.

Германские дипломаты, в частности упомянутый выше Дирксен, поддерживали тесные связи с лондонскими журналистскими кругами, что давало им возможность не просто отслеживать важные для Германии публикации в газетах, а даже получать информацию о содержании публикаций за несколько дней до выхода газеты. Дирксен приводит выдержки из письма редактора газеты « Дейли Мейл » от 5 мая 1938 года (когда шла подготовка к разделу Чехословакии), который заранее проинформировал посла о публикации в ближайшем номере статьи Ротермира под многозначительным заглавием « Нам нет дела до чехов ». Автор статьи заявляет: « До Чехословакии нам нет никакого дела ». И далее выдвигает обвинения в адрес Чехословакии: « Чехословацкое государство, созданное недалёковидными договорами 18 лет тому назад, с самого начала не только подавляло национальные меньшинства внутри страны, но и вело себя странным образом » [3, 12].

Следует заметить, что изучение общественного мнения страны пребывания путём использования различных методов, в том числе, и путём анализа содержания газетных публикаций является в практике международных отношений обычной дежурной работой дипломатических представительств, так же как и своевременное информирование своего правительства о настроениях общественности. Однако изучение переписки германского посла Дирксена с германским МИД позволяет сделать вывод, что министерство иностранных дел Германии давало задание своему дипломатическому представительству найти посредника, который « мог бы оказывать воздействие на английскую прессу в судето-немецком духе » [3, 16], выступая под видом корреспондента газеты. Подобное манипулирование общественным мнением страны пребывания является в дипломатической практике явно запрещённым приёмом.

Германская дипломатия пыталась, и безуспешно, оказывать влияние на лиц, занимавших в английском правительстве высокие посты. Тот же Дирксен в донесении в МИД Германии, анализируя состояние германо-английских отношений, признаёт, что « весь комплекс германо-английских отношений всё более и более втягивался в сутолоку английской внутренней политики » [3, 26]. Поэтому Германия делала ставку на Чемберлена, целью внешнеполитической программы которого было достижения соглашения с тоталитарными государствами и дискредитацию его оппонентов (как было в случае с Иденом). Германская дипломатия действовала

весьма осторожно, устраивая встречи с влиятельными людьми, близкими к Чемберлену, каковым был, к примеру, лорд Горацій Вильсон, с тем, чтобы выяснить до конца, на какие уступки готов пойти Чемберлен в своём стремлении достичь соглашения с Германией. Окольными путями позиция английского правительства была выяснена, о чём посол Дирксен поспешил сообщить своему руководству 10 июля 1938 года: «...Данное правительство по отношению к Германии проявляет такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков... Оно было бы готово принести большие жертвы во имя удовлетворения других справедливых немецких требований при *одном* (выделено в оригинале. – Н. К.) только условии, что к этим целям будут стремиться мирными путями» [3, 33]. Заручившись поддержкой английского правительства и обработав английское общественное мнение, Германия осуществила то, к чему она стремилась (раздел Чехословакии и последующую ликвидацию независимости страны) «мирными» средствами: заключив официальное соглашение в Мюнхене с Англией и Францией в сентябре 1938 года.

После захвата Чехословакии Германия предъявила Польше требования о передаче ей Данцига и Польского коридора, одновременно ведя переговоры с Польшей о разделе Литвы с тем, чтобы вознаградить «дружественную» ей Польшу за потерю территорий. Учитывая, что после выдвижения Германией новых территориальных претензий к сопредельным государствам, настроение английской общественности существенно изменилось (о возможной войне стали говорить, как о чём-то неизбежном), германская дипломатия предприняла все усилия, чтобы нейтрализовать английское общественное мнение, добившись заключения соглашения с Англией о невмешательстве, которое должно было включать «разграничение расширенных пространств» (т. е. о разделе сфер влияния). В условиях предвыборной борьбы, когда главный оппонент Чемберлена Черчилль сделал своим лозунгом политику «окружения» Германии путём заключения союзов с Францией и с Россией, Германия оказывает усиленную поддержку Чемберлену, который стремится вернуть Англию на путь политики умиротворения. Отдавая себе отчёт в том, что английское общественное мнение слишком возбуждено «данцигским кризисом», в силу чего правительство Англии не может позволить решиться на открытые переговоры с Германией, последняя делает ставку на тайную дипломатию.

Встречи работников германского дипломатического представительства с лицами из английских правительственных кругов дают возможность Германии выяснить условия, при которых Германия: а) отказалась бы от поддержки Польши; б) прекратила бы ведение переговоров с Советским Союзом; в) признала бы за Германией право проводить самостоятельную политику в Восточной и Юго-Восточной Европе. Германские дипломаты доносили в Берлин, что Великобритания желает получить от Германии согласие на всеобщее сокращение вооружения и заверения о готовности к европейскому сотрудничеству, а также гарантии относительно предоставления через некоторое время своего рода автономии Богемии и Моравии [3, 126]. Великобритания хотела подписать с Германией пакт о ненападении, включающий отказ от принципа агрессии. Как предполагали германские дипломаты, сокровенная цель этого договора заключалась в том, чтобы дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств по отношению к Польше на том основании, что они этим договором установили бы отказ Германии от методов агрессии. Великобритания предполагала также заключить с Германией широкомасштабные соглашения в экономической сфере по колониальным вопросам, об обеспечении Германии сырьём, о разграничении индустриальных рынков, по международным долгам и т. д. [3, 216]. Германские дипломаты расценили стремление Великобритании поднять вопросы столь крупного значения как уловку в отношении рядовых англичан с тем, чтобы будоражащие английское общественное мнение ближневосточный вопрос, а также данцигский и польский отодвинулись на задний план.

Ведя закулисные переговоры с политическими деятелями Англии, германские резиденты в Лондоне одновременно изыскивали возможности воздействия на настроения рядовых англичан с целью изменения отношения к Германии, в целом, и к проблемам Польши и Данцига, в частности. В качестве методов пропагандистской деятельности активно использовались: статейный материал, письма в редакцию, рассылка брошюр. Но теперь отдел информации и печати германского посольства в Англии строжайшим образом отслеживал попадавшие в английские газеты переводные немецкие статьи, оскорбляющие английский образ мыслей либо слишком открыто формулирующие подлинные цели Германии. По-прежнему активно использовались «письма в редакцию» в качестве прекрасной возможности проведения пропагандистской рабо-

ты. Но, учитывая, что британская печать принципиально не публиковала никаких материалов извне, германским дипломатам приходилось идти на различные ухищрения, чтобы протолкнуть подходящий материал в первоначальном виде.

Вполне очевидно, что усилия германской дипломатии не были безрезультатными: Великобритания фактически сорвала переговоры с Советским Союзом и достаточно спокойно взидала на приготовления Германии к войне. Рейхсминистр иностранных дел Германии был уже практически убеждён, что дело сделано и, в случае германо-польской войны, Англия не выступит на стороне Польши. Почему же всё-таки Великобритания объявила войну Германии после 1 сентября 1939 года? Посол Дирксен считает, что причина кроется в излишней поспешности Германии, в её стремлении форсировать события. «Трагедией и решающим моментом в возникновении новой англо-германской войны следует считать то, что Германия требовала для себя равного места мировой державы рядом с Англией. И Англия в принципе была готова согласиться на это... но с тем, что всё это должно быть достигнуто путём переговоров и *постепенного* (подчёркнуто в оригинале. – Н. К.) изменения английской политики. Это изменение должно быть осуществлено в течение месяцев, а не дней или недель» [3, 224].

1. Гольдштейн И., Левина Р. Германский империализм. ОГИЗ. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1947.
2. История дипломатии. Том 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919-1939 гг.) / Под ред. В. П. Потёмкина. ОГИЗ. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1945.
3. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Том II. Архив Дирксена (1938-1939 гг.). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1948.

Карпович О. В. (БрГТУ, г. Брест)

РУССКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРМАХТА

В годы Второй мировой войны на стороне фашистской Германии воевало либо в той или иной степени сотрудничало с оккупационными властями от 250 тысяч до 1 миллиона советских граждан и эмигрантов первой волны.

Известно, что довольно значительную часть пополнения вермахт получил из числа народов Кавказа и кубанских казаков. Именно на этой территории гитлеровцы пользовались значительной поддержкой населения. С приходом в 1942 г. вермахта на эти земли оккупационные власти стали вести себя довольно лояльно, если не сказать большего, по отношению к местному населению. Казачеству были возвращены имущество и земля, отобранные за годы советской власти. Неудивительно, что приход немцев население восприняло как долгожданное освобождение от коммунистического ига. Многие казаки добровольно вступали в германскую армию в надежде, что не знающий поражений мощный германский кулак свергнет ненавистную советскую власть и вернёт былое привилегированное положение казачества в составе России. На фоне этого у ряда казачьих лидеров возникли совершенно фантастические идеи о создании независимого государства Казакия. Не секрет, что немецкие власти поощряли такие сепаратистские настроения. В октябре 1942 года на Кубани немцами был основан марионеточный Казачий округ с населением около 160 тыс. человек. Под немецким влиянием была создана так называемая Национальная партия казаков во главе с В. Глазковым, который сразу же объявил Гитлера защитником казачества. 28 июня 1941 г. так называемый Донской атаман в изгнании, генерал императорской армии граф М.Н. Граббе, нашедший приют в Париже, издает приказ № 190 со следующими словами (стилистика и орфография сохранена – О. К.): «Донцы! 22 сего июня Вождь Великогерманского Рейха Адольф Гитлер объявил войну Союзу Советских Социалистических Республик. От Ледовитого океана до Черного моря грозною стеною надвинулась и перешла красные границы мощная германская армия, поражая полки Коминтерна. Великая началась борьба. Донское казачество! Эта борьба – наша борьба! ...Цель этой борьбы – свержение советской власти и возвращение в чести и достоинстве домой для возобновления и возрождения Родных Краёв при помощи дружественной нам Германии». [1]

Первый крупный переход казаков на сторону врага произошел 22 августа 1941 г. под Могилевом. Командир 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии майор И.Н. Кононов обратился к бойцам со следующими словами: «Мои победоносные солдаты, я решил обратиться к вам от глубины всего своего сердца. Я выбрал этот день, чтобы объявить войну Сталину и коммунистическому режиму. Поэтому я решил пересечь линию фронта вместе с теми, кто желает присоединиться ко мне. Те, кто хочет идти со мной и сражаться за нашу матушку Россию, встаньте справа от меня, а те, кто предпочитает остаться – слева». [2, 14] После этого почти половина солдат этого полка, в основном кубанских и донских казаков, перешла на сторону противника и сдалась в плен. Сам Кононов происходил из семьи донских казаков, отец которого – есаул императорской армии – был повешен большевиками, а двое старших братьев погибли в лагерях. Позднее из сдавшихся в плен бойцов Красной Армии был создан 102-й казачий полк под командованием того же Коконова, воевавший против регулярных частей Красной Армии, партизан и мирного населения. Первое боевое крещение полк Коконова получил уже 28 октября 1941 г. под тем же Могилевом, когда в ходе боя был разбит советский десантный отряд майора Яснова. Потери советских солдат составили 171 человек убитыми и 257 пленными, казаки потеряли убитыми 29 человек. [3, 203] Под впечатлением этих успехов проживающий с 1930 г. в Берлине бывший генерал-лейтенант русской императорской армии германофил П.Н. Краснов 20 декабря 1941 г. направляет Кононову приветственное послание: «Дорогой Иван Никитович! Примите, пожалуйста, искренние поздравления от меня и от всех пожилых казачьих офицеров. С большим интересом следим мы за Вашим выдающимся подвигом в борьбе против коммунизма». [2, 15] Во второй половине января 1942 г. 102-й казачий полк был реорганизован в 600-й Донской казачий батальон. Примерно в это же время в состав батальона влилась группа русских офицеров из Югославии во главе с полковником императорской армии А. Пуговичниковым, который стал заместителем Коконова. В дальнейшем батальон прославился своими карательными акциями против мирного населения и партизан на территории Беларуси, а с весны 1943 г. в Польше и Югославии. Об этом свидетельствует запись в дневнике начальника тыла группы армий «Центр» генерала графа фон Шенкендорфа: «Настроение казаков хорошее. Боеготовность отличная. Поведение казаков по отношению к местному населению беспощадное».

Ещё одни «борцы с коммунизмом» – казаки так называемого Особого казачьего отряда подполковника Пешкова, действовавшего осенью 1942 г. на территории Гомельской области. Личный состав этой банды насчитывал около 530 человек при 20 офицерах и формировался в основном из уголовного элемента. В конце ноября полусотня этого отряда, дислоцированная в Житковичах, заживо сожгла все население деревни Селютичи по обвинению их в помощи партизанам. На территории западных областей России действовал 624-й казачий батальон. Из показаний полковника вермахта фон Рентельна, бывшего ротмистра лейб-гвардии Конного полка русской императорской армии сотруднику СМЕРШ: «В начале декабря 1942 г. 624-й казачий батальон принял участие в карательной экспедиции севернее ст. Дорогобуж. Было захвачено 12 партизан, затем расстрелянных. В начале января 1943 г. батальон завязал бой с партизанским отрядом в 15 км юго-западнее ст. Дорогобуж. Убито 20 партизан и семь захвачено в плен. Пленные затем были расстреляны в Вязьме». [4, 24]

Зимой 1941-1942 гг. из русских военнопленных, добровольцев из числа пострадавших от Советов и уголовников было создано крупное формирование – Русская освободительная народная армия (РОНА) под руководством инженера Бронислава Каминского. К середине 1941 г. это воинство насчитывало уже около 10 тысяч человек, разделенное на 5 полков, оснащенных немецким и трофейным советским оружием. У немецкого командования эта часть проходила как «бригада Камински», отличившаяся в карательных операциях против партизан и мирного населения на территории России. В июле 1944 г. она была включена в состав частей ваффен СС и получила наименование 29-я гренадерская дивизия СС или 1-я Русская дивизия СС. Каминский получил при этом звание бригаденфюрера СС (генерал-майор). Позднее сводный полк этой дивизии под командованием оберштурмбанфюрера Ивана Фролова «отличился» при подавлении Варшавского восстания. За «успешные боевые действия» Фролов получил два Железных креста, посыпался наградной дождь и на остальных «легионеров». При этом русские эсэсовцы по части насилия и звериной жестокости превзошли даже своих учителей. Но предметом истинной «гордости» полка стали все-таки грабежи и мародёрство. [5, 165] Также недоб-

рую память о себе оставил у варшавян «Казачий полк» есаула Бондаренко, бывшего майора Красной Армии. Из горящей польской столицы этот полк выехал на собственных пролётках и машинах, отобранных у поляков и доверху нагруженных награбленным барахлом. Почти как отряд атамана Таврического из «Свадьбы в Малиновке»...

Это лишь ничтожная часть айсберга под названием «Русские формирования вермахта». По современным подсчётам к сентябрю 1943 г. было сформировано 90 батальонов из числа советских граждан (по 400-450 человек в каждом) под командованием немецких офицеров. В 1942 г. после создания в составе германской армии нескольких казачьих частей министр по делам оккупированных территорий Третьего рейха А. Розенберг создает Главное казачье ведомство с целью управления казаками, поступившими на службу в вермахт. Во главе этого ведомства по личной просьбе Розенберга с 25 января 1943 г. соглашается стать незабвенный генерал Краснов. Своим манифестом от 27 января того же года Краснов призывает казаков бороться за восстановление «казачьей автономии в составе будущей России». Непонятно, на какую Россию ссылался неудавшийся атаман Всевеликого войска Донского, находясь на немецкой службе. Тем или иным образом сотрудничали с нацистами до 15 бывших казачьих генералов белой армии, среди них такие известные в прошлом генералы, как Шкуро и Улагай. В апреле 1942 г. Гитлер официально, уже задним числом, разрешил создание казачьих частей. Правда, особо оговаривалось, что большая часть старшего офицерского состава формируется из немцев. Вступающие в ряды казачьих частей вермахта давали присягу на верность Гитлеру и получали за свою службу денежное вознаграждение: холостой казак довольствовался 250 рублями в месяц, женатый – 300 рублями. [6, 267] Таким образом, поднятая в ряде российских СМИ истерия о борьбе казачества за Россию, просто неуместна. 8 ноября 1942 г. с подачи рейхсфюрера Генриха Гиммлера командующим всех казачьих формирований вермахта назначен бригаденфюрер СС Гельмут фон Паннвиц. Спустя 2 года фон Паннвицу, очевидно за большие успехи, присвоили звание группенфюрера СС. Летом 1943 г. фон Паннвиц формирует 1-ю казачью дивизию из семи полков. В 1946 г. находясь на одной скамье подсудимых с Паннвицем в Москве, Краснов откровенничал: «Эмигрантские круги за границей, в том числе и я лично встретили нападение Германии на Советский Союз с восторгом. Тогда господствовало среди нас мнение: хоть с чёртом, но против большевиков... С первых же дней нападения Германии я принял активное участие совместно с немцами в мобилизации реакционных сил на борьбу против большевиков». [3, 197]

12 июля 1942 г. в плен сдался командующий 2-й Ударной армией, один из удачливых полководцев Красной Армии генерал-лейтенант А.А. Власов. С первых же дней он дал согласие сотрудничать с гитлеровцами, выпустив воззвание к советским военнопленным о начале борьбы с большевистским режимом Сталина. Разумеется, под чутким руководством германского командования. Власов выдвинул фантастическую идею создания Русской освободительной армии. Между тем, Гитлер 3 июня 1943 г. заявил: «Мы никогда не создадим русской армии – это фантазия первого разряда. ...Будет гораздо проще, если я из этих русских сделаю рабочих для Германии; ибо это в гораздо большей степени является решающим фактором. Мне не нужна русская армия, которую мне придется целиком пронизывать немецким скелетом. Если я взамен получу русских рабочих, это меня вполне устраивает». [7, 62] Время доказало правоту Гитлера. Одновременно с переговорами о создании русской армии велись дебаты по вопросу организации русского правительства будущей России в случае победы немцев. С идеей создания Комитета освобождения народов России (КОНР), как будущего правительства, еще в 1942 г. выступил Г.Н. Жиленков, до войны секретарь Ростокинского райкома партии Москвы. Повторно вернулись к этой идее только в 1944 г., но занялся ей уже Власов. По заданию германского руководства Власов вступил в переговоры с представителями русских эмигрантских организаций. По указанию Генриха Гиммлера первое организационное собрание КОНР состоялось 11 ноября 1944 г. в Праге. Председателем КОНР был избран А. Власов, в состав руководства вошли представители Российского общевойскового союза, Народно-Трудового Союза, Национального союза участников войны (первой мировой – О. К). В оперативных документах вермахта руководство КОНР было зачислено в состав СС. Генерал Власов в роли председателя КОНР постоянно конфликтовал с Красновым, который подозревал окружение Власова в симпатиях к марксизму, «выражал сомнения в подлинной независимости КОНР и утверждал, что русское казачество никогда не примет вассальную Россию» [2, 210].

Формирование РОА началось в декабре 1944 г. Собственно как таковая русская армия создана так и не была, т. к. нельзя назвать формирования в немецкой форме и вооруженные немецким оружием, финансируемые Третьим рейхом, русской армией. В декабре 1944 г. на базе 1-й Русской дивизии СС была образована 1-я дивизия РОА под командованием бывшего генерала Красной Армии С. Буняченко. До этого части «восточных батальонов» Буняченко отличались в боях с союзниками на территории Франции, где бывший советский генерал получил свой первый Железный крест. В январе 1945 г. была сформирована 2-я дивизия РОА под командованием бывшего советского полковника Г. Зверева. В феврале было начато формирование 3-й дивизии РОА бывшего советского генерал-майора М. Шаповалова. Но до конца эта дивизия так и не была сформирована. На службу в РОА поступили бывшие офицеры императорской армии – полковники Архипов, Сахаров, генералы Архангельский, Драгомиров, фон Лампе, Балабин и целый ряд других. Под руководством известного военного теоретика, в прошлом преподавателя Николаевской Академии Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина был разработан Устав внутренней службы РОА.

В конце зимы 1945 года Русская освободительная армия насчитывала около 50 тыс. человек. В отличие от казачьих и других вооруженных формирований из советских граждан и русских эмигрантов, РОА так и не довелось вести боевые действия против частей Красной Армии. Первое небольшое столкновение 1-й дивизии Буняченко с передовыми частями 33-й армии советских войск под Фюрстенбергом закончилось бегством власовцев. Этим и ограничивается боевой опыт власовской армии.

Сейчас модно говорить о борьбе с коммунизмом среди русской эмиграции. Но, наверное, нельзя путать борьбу с коммунизмом и борьбу с Россией. Нет более последовательного борца с коммунизмом, чем Черчилль, который четко выразил свою позицию вечером 22 июня 1941 г., выразив поддержку Советскому Союзу. Нет более последовательных и непримиримых врагов советской власти, чем генерал-лейтенант А.И. Деникин и бывший премьер «свободной России» А.Ф. Керенский. Однако они четко определили понятия «коммунизм» и «Россия», перефразируя крылатое выражение Сталина: большевики приходят и уходят, Россия остается.

Ни одна уважающая себя страна мира не любит предателей из числа собственных граждан. Не была исключением и советская власть. Она в каждом гражданине на протяжении десятилетий пыталась разглядеть потенциального предателя и шпиона. Поэтому вполне логично, что Краснов, Власов, Шкуро и прочие «борцы с коммунизмом» получили свою награду в виде петли на шею. Заодно был казнён и фон Паннвиц. Странно другое – 17 июля 1996 г. Главная военная прокуратура России в лице помощника прокурора генерал-полковника юстиции В.М. Крука реабилитировала группенфюрера СС Гельмута фон Паннвица «на основании ст. 38 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий от 18 ноября 1991 года». Таким образом, согласно логике военной прокуратуры, Паннвиц стал ...жертвой политических репрессий. Это могло быть смешно, если бы не было так грустно. Страна, наиболее пострадавшая от ужасов фашизма, вопреки решению Нюрнбергского трибунала, признавшего СС – преступной организацией, выдала индульгенцию одному из высокопоставленных генералов этой структуры Третьего рейха. А пока в Москве на территории храма Всех Святых (Ленинградский проспект, 75, м. «Сокол») красуется «Памятник Вождям Белого движения и казачьим атаманам». На нём выбиты имена Краснова, Шкуро, Доманова – всех тех, кто боролся против собственного народа. Наряду с ними значится имя «казачьего атамана» фон Паннвица. Как мог немец по национальности, военный служащий германской армии, стать казачьим атаманом? Но вдвойне становится дико, что памятник установлен с «благословения Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II»... [8] История учит тому, что ничему не учит. Особенно на просторах бывшего СССР.

1. Дробязко С. Казачьи формирования вермахта. <http://www.antibr.org>
2. Ф. де Ланнуа. Казаки Паннвица. – М., 2006
3. Литвин А. Казачий стан в Беларуси (1941-1944) // Неман. – № 8, 1996
4. Решин Л. «Wlassow action», или как германское командование пыталось разложить Красную Армию в 1941-1945 гг. // Военно-исторический журнал. – № 3, 1992
5. Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. – № 8, 1994
6. Неизвестная Россия. XX век. Книга 4. – М., 1995
7. Колесник А. Генерал Власов – предатель или герой? – М., 1991
8. Официальный сайт диакона Андрея Кураева <http://www.kuraev.ru/forum/>

ФРГ И ЕВРОСОЮЗ: В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

На территории Европы единственными государственными образованиями, сравнимыми по размерам с Евросоюзом, были Западная Римская империя, Франкское государство, Священная Римская империя. В течение последнего же тысячелетия Европа была раздроблена. Европейские мыслители старались придумать способ объединить Европу. Идея создания Соединённых штатов Европы первоначально возникла после Американской революции.

Эта идея получила новую жизнь после Второй мировой войны, когда о необходимости её осуществления заявил Уинстон Черчилль, призвавший 19 сентября 1946 года в своей речи в Цюрихском университете к созданию «Соединённых штатов Европы», аналогичных Соединённым Штатам Америки. Как результат, в 1949 году был создан Совет Европы – организация, существующая до сих пор. Совет Европы, однако, был (и остаётся) чем-то вроде регионального эквивалента ООН. Эта структура сосредоточила свою деятельность на проблемах обеспечения прав человека в европейских странах [4].

В 1950 году ФРГ вступила в Европейский Совет [1]. В 1951 году ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция, Италия создали Европейское объединение угля и стали (ECSC – European Coal and Steel Community), целью которого стало объединение европейских ресурсов по производству угля и стали. Данное объединение, по мысли его создателей, должно было предотвратить очередную войну в Европе [4]. Ведущую роль в ЕОУС занимала ФРГ, на её долю в конце 50-х годов приходилось 60 % добычи каменного угля и 46 % производства стали [1]. Великобритания отказалась участвовать в этой организации по соображениям национального суверенитета [4].

С целью углубления экономической интеграции те же шесть государств в 1957 году учредили Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, Общий рынок) (EEC – European Economic Community) и Европейское сообщество по атомной энергии (Euratom – European Atomic Energy Community). ЕЭС было создано в первую очередь как таможенный союз шести государств, призванный обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, капиталов и людей. Евратом должен был способствовать объединению мирных ядерных ресурсов этих государств. Самым важным из этих трёх европейских сообществ являлось Европейское экономическое сообщество, так что позднее (в 1990-е годы) оно стало именоваться просто Европейским сообществом (ЕС – European Community). ЕЭС было учреждено Римским договором 1957 года, который вступил в силу 1 января 1958 года. В 1959 году членами ЕЭС был создан Европейский парламент – представительный консультативный, а позднее и законодательный орган.

Процесс развития и превращения этих европейских сообществ в современный Европейский Союз происходил путём одновременной структурной эволюции и институциональной трансформации в более сплочённый блок государств с передачей всё большего числа функций управления на наднациональный уровень (так называемый процесс евроинтеграции, или углубления союза государств), с одной стороны, увеличения числа участников европейских сообществ (и позднее Европейского Союза) с 6 до 25 государств (расширения союза государств), с другой стороны [4].

В январе 1960 года Великобритания и ряд других стран, не вошедших в ЕЭС, сформировали альтернативную организацию – Европейскую ассоциацию свободной торговли. Великобритания, однако, вскоре поняла, что ЕЭС – гораздо более эффективное объединение, и приняла решение о вступлении в ЕЭС. Её примеру последовали Ирландия и Дания, чья экономика существенно зависела от торговли с Великобританией. Аналогичное решение приняла и Норвегия.

Первая попытка расширения ЕЭС в 1961 – 1963 годах, однако, закончилась неудачей в связи с тем, что французский президент де Голль наложил вето на решение о вступлении новых членов в ЕЭС. Аналогичным был результат и переговоров о вступлении новых государств в 1966 – 1967 году.

В 1967 году три европейских сообщества (Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии) объединились в Европейское Сообщество.

Дело сдвинулось с мёртвой точки лишь после того, как генерала Шарля де Голля в 1969 году сменил Жорж Помпиду. После нескольких лет переговоров и адаптации законодательства Великобритания вступила в ЕС 1 января 1973 года. В 1972 году прошли референдумы о вступлении в ЕС в Ирландии, Дании и Норвегии. Население Ирландии (83.1 %) и Дании (63.3 %) поддержало присоединение к ЕС, но в Норвегии это предложение не получило большинства (46.5 %).

Греция подала заявку на вступление в ЕС в июне 1975 года и стала членом сообщества 1 января 1981 года.

В 1979 году были проведены первые прямые выборы в Европейский парламент.

В 1985 году Гренландия получила внутреннее самоуправление и после референдума вышла из ЕС.

Португалия и Испания подали заявки в 1977 году и стали членами ЕС с 1 января 1986 года. В феврале 1986 года в Люксембурге был подписан Единый европейский акт (Single European Act) [4].

Высокий уровень безработицы в странах-членах ЕС в 1984 году (12 млн. человек, из которых более 5 млн. – молодёжь), как подчеркивал, в частности, видный деятель ХСС в Баварии (ФРГ) Ф. Пиркль, угрожал в перспективе политической стабильности и социальному миру в Европе. Опасность сокращения экспорта в ФРГ в другие страны Сообщества (а в Баварии, например, каждое шестое рабочее место зависело от производства экспортной продукции) и другие факторы делали борьбу с безработицей одной из первоочередных задач.

Баварские эксперты считали также необходимым усовершенствовать систему финансирования самого Сообщества, поскольку ФРГ является самым крупным государством, которое выплачивало ЕС валюту в чистом виде [1].

Качественно новый этап в истории ФРГ начался после заключения Маастрихтского договора.

Связь с Западом, географическое положение и исторический опыт определяют три ключевых аспекта германской внешней политики:

1. Упрочивать сообщество мира, стабильности и благосостояния Европейского Союза и расширять его поэтапно на восток;
2. Сохранять и обновлять жизненно важную трансатлантическую связь с Северной Америкой;
3. Совместно с партнёрами оправдывать глобальную ответственность Европы за мир, стабильность и развитие [1].

В 1992 году все государства, входящие в Европейское Сообщество, подписали Договор о создании Европейского Союза.

В 1994 году в Австрии, Финляндии, Норвегии и Швеции проводятся референдумы о вступлении в ЕС. Большинство норвежцев вновь голосуют против.

Австрия, Финляндия (с Аландскими островами) и Швеция становятся членами ЕС с 1 января 1995 года.

Членами Европейской ассоциации свободной торговли остаются лишь Норвегия, Исландия, Швейцария и Лихтенштейн.

9 октября 2002 года Европейская Комиссия рекомендовала 10 государств-кандидатов на вступление в ЕС в 2004 году: Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Словению, Кипр, Мальту. Население этих 10 стран составило около 75 млн.; их совместный ВВП по ППП – примерно 840 млрд долларов США, примерно равный ВВП Испании.

Это расширение ЕС можно назвать одним из самых амбициозных проектов ЕС на настоящее время. Необходимость такого шага была продиктована желанием подвести черту под разъединением Европы, длившимся с момента окончания Второй мировой войны, и прочно привязать к Западу страны Восточной Европы, чтобы не допустить их отката обратно к коммунистическим методам правления. Кипр был включён в этот список, поскольку на этом настояла Греция, которая в противном случае угрожала наложить вето на весь план в целом.

По завершении переговоров между «старыми» и будущими «новыми» членами ЕС положительное окончательное решение было объявлено 13 декабря 2002 года. Европейский парламент утвердил решение 9 апреля 2003 года.

16 апреля 2003 года в Афинах 15 «старыми» и 10 «новыми» членами ЕС был подписан Договор о присоединении. В 2003 году в девяти государствах (за исключением Кипра) были проведены референдумы, а затем подписанный Договор был ратифицирован парламентами.

1 мая 2004 года Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Кипр, Мальта стали членами Евросоюза.

После присоединения к ЕС десяти новых стран, уровень экономического развития которых заметно ниже среднеевропейского, лидеры Евросоюза оказались в положении, когда основной груз бюджетных расходов на социальную сферу, дотации сельскому хозяйству и т. д. ложится

именно на них. В то же время эти страны не желают увеличивать долю отчислений в общесоюзный бюджет сверх определённого документами ЕС уровня в 1 % ВВП.

Вторая проблема состоит в том, что после расширения Евросоюза фактически неработающим оказался действовавший до сих пор принцип принятия важнейших решений консенсусом. В нынешней ситуации, если в любой из 25-ти стран референдум или парламентское голосование по проекту Конституции ЕС провалится, то весь Евросоюз может остаться без основного закона.

Дальнейшее расширение Евросоюза – вхождение в него Болгарии и Румынии – планируется на 1 января 2007 года. Евросоюз предупредил эти страны, что Румынии и Болгарии предстоит ещё немало сделать в области борьбы с коррупцией и реформирования законодательства. В этих вопросах Румыния, по мнению европейских чиновников, пока отстаёт, сохраняя пережитки социализма в структуре экономики и не отвечая стандартам ЕС. В случае, если Румыния и Болгария не устранят недостатки, Брюссель вправе отложить их вступление в ЕС на год.

17 декабря 2005 года официальный статус кандидата на вступление в ЕС был предоставлен Македонии.

21 февраля 2005 года Европейский Союз подписал план действий с Украиной. Вероятно, это стало результатом того, что к власти на Украине пришли силы, внешнеполитическая стратегия которых направлена на вступление в Евросоюз. В то же время, по мнению руководства ЕС, о полноправном членстве Украины в Евросоюзе пока говорить не стоит, так как новой власти необходимо сделать очень много, чтобы доказать, что на Украине существует полноценная демократия, отвечающая европейским стандартам, и провести политические, экономические и социальные реформы [4].

Произошедшее в 2004 году расширение ЕС на Восток означает масштабную реструктуризацию европейского политического, социально-экономического и культурного пространства. Фундаментальный характер происходящих изменений позволяет прогнозировать широкий спектр последствий, в том числе этнополитических.

В организм ЕС вживляется этнически весьма разнородный регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). На его неоднократно перекраивавшейся политической карте можно отметить множество этнических групп, либо вообще не имеющих собственной государственности, либо находящихся частично за пределами государства своих соотечественников. С этнополитической точки зрения регион имеет репутацию «кипящего котла», из которого вовне неоднократно выплескивались межнациональные конфликты, отрицательно сказывавшиеся на стабильности Европейского субконтинента в целом [3].

Пятое расширение ЕС имеет серьёзные социально-экономические последствия, и не только для вновь вступивших государств. Оно влечёт за собой важные изменения в характере экономических связей и развитии хозяйственных комплексов на всём европейском пространстве, во-первых, значительно увеличивая экономическую мощь ЕС и повышая его вес на мировом рынке; во-вторых, способствуя укреплению конкурентоспособности в мире за счёт динамично развивающихся экономик новых стран-членов ЕС и увеличению торговых потоков со странами ЦВЕ.

Объединённая Германия как один из главных локомотивов европейской интеграции интенсивно участвует в углублении и расширении этого процесса. Для неё открывается перспектива расширения гарантированных рынков сбыта товаров и осуществления прямых инвестиций, использования более дешёвой рабочей силы.

Для ФРГ этот регион имеет важное экономическое значение, прежде всего как перспективный рынок сбыта. С начала 1990-х годов внешняя торговля Германии со странами-кандидатами растёт более быстрыми темпами, чем с другими регионами мира. Так, если в период с 1993 по 2002 год внешнеторговый оборот с регионом ЦВЕ утроился, то с остальным миром составил только 60 %. При этом страны ЦВЕ стали для германской внешней торговли так же важны, как и торговля с США. Экспорт Германии в эти страны возрос (с 1993 по 2002 год) с 20 до 65 млрд. евро, составив 8 % объёма всего экспорта. Самые крупные торговые партнёры среди стран ЦВЕ – Польша, Чехия и Венгрия. Бурными темпами растёт и импорт из них. За этот же период он увеличился с 17 млрд. до 62 млрд. евро, составив 7,6 % всего объёма. Германия является первым торговым партнёром для своих ближайших восточноевропейских соседей. Её доля в товарообороте Чехии, Венгрии, Словакии и Польши превышает 25 %.

Если посмотреть на объёмы торговли со странами ЦВЕ на уровне федеральных земель Германии, то выявляется, что, несмотря на географическое соседство, восточные земли в настоящее время всё ещё отстают от большинства западногерманских земель. Новые федеральные земли до сих пор не преодолели жесткого, по существу, разрыва внешнеторговых связей с восточноевропейским регионом начала 1990-х годов.

В советский период география экспорта и импорта ГДР практически полностью сводилась к странам СЭВ (71 % экспорта и 65 % импорта). Ежегодные торговые протоколы со странами СЭВ, так же как и долгосрочные торговые и кооперационные соглашения, гарантировали стабильный рынок сбыта. Следствием оказалось всё большее удаление производства восточногерманских предприятий от мировых стандартов качества и всё меньшее соответствие рыночным требованиям западной торговли.

Неблагоприятные последствия торговой политики ГДР выявились быстро и резко уже в первые годы после объединения Германии. Особенно драматично ситуация развивалась в торговле с малыми государствами Центральной и Восточной Европы, экспорт в которые с 1989 по 1991 год упал на 76 %, а сокращение импорта произошло на 66 %.

После снижения объёмов торговли восточных земель в начале 1990-х годов активность внешней торговли Германии в целом и Восточной Германии со странами ЦВЕ в частности снова стала нарастать. За этот же период продажа промышленных товаров Восточной Германии в пяти ведущих торговых странах региона ЦВЕ утроилась, составив 12 %, а импорт увеличился более чем в два раза, достигнув 17 %. Тем не менее, несмотря на географическую близость к рынкам сбыта и либерализацию торговли, производители из Восточной Германии едва ли достигли больших успехов на восточноевропейских рынках.

По оценкам немецких экспертов, сделанным на основе построения гравитационных моделей торговли, объёмы экспорта Восточной Германии, например, в Чехию и Польшу ниже среднего уровня всех федеральных земель. При прочих равных условиях любая из новых федеральных земель экспортирует в Польшу и Чехию меньше, чем любая западногерманская земля, на 25 %.

Причины кроются в отраслевой структуре восточногерманского хозяйства. Экономика новых земель сохраняет сильную региональную направленность: обрабатывающая промышленность, на которую приходится основная доля экспорта, по-прежнему имеет сравнительно низкий экономический вес в хозяйстве новых земель (16,4 % в создании добавочной стоимости, в то время как в Западной Германии – 22,8 %), а доля экспорта промышленности в целом составляет 25,1 % (при западногерманском показателе в 39,5 %). В результате экспорт в страны ЦВЕ играет слабую роль в экономическом подъёме новых земель. К тому же в регионе ЦВЕ специализация восточногерманских предприятий проигрывает в сравнении с Западной Германией. Они не только узко специализированы на производстве часто менее продаваемой продукции, но, что важнее, это часто менее высокотехнологичная и более трудоёмкая продукция, что снижает её экспортные шансы. При этом имеет значение присутствие в странах ЦВЕ не только самостоятельных восточногерманских предприятий, но и филиалов как раз тех предприятий, размещаемых в Восточной Германии, которые находятся во владении западногерманских предпринимателей. Последние зачастую вкладывают инвестиции с целью открытия новых рынков, в первую очередь в самой Восточной Германии.

Ответственными за такое положение дел являются структурная характеристика хозяйства Восточной Германии, которая в большей степени сложилась во времена планового хозяйствования в ГДР, а также сильное технологическое отставание (первоначально), что привело в результате к формированию производства стандартизированной продукции, для выпуска которой роль технологий была незначительна. Кроме того, из-за более низких заработных плат в сравнении с Западной Германией здесь разместились более трудоёмкие отрасли хозяйства.

Все эти аспекты также свойственны специализации хозяйств и в странах ЦВЕ. Поэтому неудивительно, что структура отраслей экономики в новых федеральных землях во многих случаях едва ли отличается от восточноевропейских государств, а зачастую производители из этих регионов необязательно выглядят слабее, чем восточногерманские предприятия. Прежде всего, это касается развившейся благодаря иностранным инвестициям отрасли автомобилестроения (в Словении, Словакии, Чехии и Венгрии), в меньшей степени – пищевой промыш-

ленности (Чехия, Словения), машиностроения и производства мебели (Словения). Таким образом, возрастающая конкуренция из стран ЦВЕ осложняет положение на рынках восточногерманских предприятий. Поэтому им труднее использовать шансы, которые даёт расширение ЕС другим государствам ЕС-15, и в особенности Западной Германии.

С переориентацией экономик восточноевропейских стран на рыночный путь развития регион ЦВЕ вошёл в число приоритетных для германских прямых инвестиций. Сегодня Германия является основным инвестором в эти страны. Объёмы её инвестиций достигли 30 млрд. евро. Уже в середине 1990-х годов удельный вес ФРГ в общем объёме прямых инвестиций ЕС в странах ЦВЕ колебался от 35 % до 48 %. По этому показателю она далеко опередила всех остальных членов ЕС-15. Так, у Голландии, занявшей второе место, после Германии, эта доля составляла в 2002 году лишь около 15 %. За ними следовали Франция - около 12 %, Австрия – 10,5 %, Великобритания – около 5 % и Италия – около 4 %.

Основным конкурентным преимуществом стран ЦВЕ являются низкие издержки на заработную плату по сравнению с Западной Европой, в особенности с Германией. К примеру, в Словении в 2004 году размер средней заработной платы в обрабатывающей промышленности за год составил около 10,4 тыс. евро, в остальных странах ЦВЕ он не превысил уровень в 6,2 тыс. евро. В Германии же уровень зарплаты в промышленности в том же году был 39,7 тыс. евро. Именно большие различия в оплате труда привлекали западноевропейских и в особенности немецких предпринимателей с целью размещения своих производств, требующих значительных трудовых ресурсов, прежде всего в текстильной, дерево- и металлообрабатывающей промышленности и в других трудоёмких отраслях.

Крупный приток иностранных прямых инвестиций в эти страны вместе с обширной приватизацией, а также наличие высокообразованных специалистов в регионе способствовали росту производительности труда, повышению роли более наукоемкой и технологичной продукции. С 1993 по 2001 год доля такой продукции в торговле с Германией выросла на 55 %.

Совершенно очевидно, что расширение ЕС и углубление международного разделения труда между странами ЕС-15 и новыми членами Евросоюза будет вести к изменению отраслевой специализации в государствах ЦВЕ, а интеграционные процессы на едином внутреннем рынке ЕС-25 – способствовать модернизации и обновлению (благодаря факторам производства и возрастающему уровню заработной платы) ассортимента из региона ЦВЕ, который по примеру южно-азиатских стран новой волны охватывает более стандартизированные, но при этом высокотехнологичные и поэтому востребованные товары.

Германия демонстрирует лидирующие позиции среди старых стран ЕС в развитии внешне-экономических связей с восточными соседями – новыми членами ЕС. Противоречивый момент в новых для Германии возможностях торгово-экономических связей со странами ЦВЕ заключается в том, что её вполне очевидные экономические преимущества в расширенном ЕС нивелируются сложным положением восточногерманских земель, которое затрудняет развитие хозяйственных связей с регионом ЦВЕ в отдельных сферах. Поэтому на какое-то время для неё останется открытым вопрос, насколько нивелируются эти преимущества и соответственно о позитивно-негативном балансе социально-экономических последствий расширения.

Для лучшей адаптации восточных немецких территорий к новым интеграционным условиям предприятиям этих земель, видимо, нужно сконцентрироваться в большей степени на производстве науко- и капиталоемкой продукции, тем самым завоёвывая те сектора рынка, где конкуренция из стран ЦВЕ менее выражена, и одновременно усиливать свою готовность к конкуренции и рискам.

Увеличению германского экспорта могут содействовать исследовательские проекты, разрабатываемые в инновационных центрах новых федеральных земель. Может быть востребован, в частности, специфический восточногерманский опыт и ноу-хау в экологическом менеджменте, санировании панельных домов и реструктуризации городов.

Думается также, что опасения в Германии по поводу наплыва трудовых мигрантов из региона ЦВЕ после расширения ЕС, останется только опасением. Всё дело в особенности регулирования занятости на германском рынке труда, когда минимальный уровень заработной платы фиксирован институционально. Поэтому маловероятно, что приток рабочей силы приведёт к увеличению предложения труда нужного качества. Скорее всего, в этом случае произойдёт

рост безработицы. Но даже при этом большинство экспертов приходит к выводу, что миграция в Германию не приведёт к значительному повышению рисков безработицы и уменьшению уровня заработной платы немецкого населения [2].

1. Стрелец М.В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): Идеология и политика. – Брест: БрГТУ, 2004. – 410 с.
2. Екатерина Романова. Германия и расширение ЕС на восток // Журнал общественно-политических исследований Современная Европа. – 2006. – № 2 (26). – С. 72-82
3. Тэвдой-Бурмули А. Расширение ЕС и эволюция этнополитической ситуации в Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 10. – С. 33-44
4. www.wikipedia.org.ru

Толочко Д. М. (ГГМУ, г. Гомель)

ПРОБЛЕМА ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ ПОЛЬШИ В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (СЕНТЯБРЬ 1939 – ИЮНЬ 1941 гг.)

В истории XX века есть немало «трудных» тем, к числу которых, безусловно, относится всё, что связано с переделом Европы накануне и в ходе Второй мировой войны. Одной из недостаточно изученных проблем является вопрос о беженцах из Польши в БССР в советско-германских отношениях в течение сентября 1939 – июня 1940 гг. В советской историографии указанная тема не рассматривалась вовсе. Современные отечественные исследователи также обходят данную проблему стороной. Исключением являются отдельные публикации Э. Г. Иоффе [1], С. В. Талеронка [2] и др.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев, в основном еврейской и в меньшей степени польской национальности, двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. О масштабах бегства со стороны населения Польши свидетельствует, в частности, фрагмент из письма Я. Говорской (непосредственной очевидицы указанных событий): «Весь край был в походе на восток. В этом непрерывном потоке беженцев, бежавших от немцев, были и дети, и грудные младенцы, которые попросту умирали с голоду, так как ничего нельзя было купить» [3; л. 1-13].

Подавляющее большинство беженцев составляли представители еврейской национальности. Это обстоятельство было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, евреи не занимались сельским хозяйством, а, главным образом, ремеслом и торговлей, в этой связи они легко становились на путь бегства. Во-вторых, немалую роль здесь оказала политика немецких властей по отношению к еврейскому населению. Так, в сообщениях беженцев, прибывших с территории Польши, оккупированной Германией, приводятся факты такого рода: «...Почти все 100 % евреев безработные. С нового года евреям не будет выдаваться право на промышленные патенты. Евреев избивали, ловили и ежедневно направляли на работу ...из одного дома арестовали 53 еврея и всех расстреляли за то, что еврей-спекулянт из этого дома убил полицейского. В городке Гарболина приказали 30 евреям выкопать себе могилу, после чего их расстреляли...» (письмо П. Варгафтер, г. Белосток). В письме бывшей политзаключенной П. Кварта читаем следующее: «В последнее время гитлеровцы вывезли из Калиша почти все еврейское население в закрытых вагонах в неизвестном направлении, разделяя жен от мужей, детей от родителей. Вид этих людей ужасающий ...» [3; л. 13]. В докладной записке «О положении дел на границе и в пограничной полосе» секретаря Брестского обкома Киселева отмечалось следующее: «Немецкие власти издеваются над еврейским населением, выгоняют из городов и местечек, старикам обрезают бороды, заставляют ходить по улицам и заниматься какой-либо торговлей. Кроме того, евреев используют на черновых работах по очистке городов» [15; л. 3].

17 сентября 1939 г. началась операция Красной Армии в Польше. В этой связи большинство беженцев – поляков бросилось из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, некоторая часть в Румынию, Литву. Однако и оставшихся в западном регионе Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населенных пунктов Западной Украины и Западной Беларуси.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует несколько определений понятия «беженец». Одно из них более широкое и используется чаще всего в обыденном употреблении. В данном случае оно означает всех, кто стремится спастись от обстоятельств естественного или личного характера. Причин для беженства может быть множество: угроза для жизни или свободы, война или гражданский конфликт, стихийные бедствия, голод и т. д. [4; с. 15].

В международном праве ограничено содержание понятия «беженец». Под беженцем здесь понимается лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений находится за пределами страны своей гражданской принадлежности, не может или не желает пользоваться защитой этой страны вследствие таких опасений, или, не имея определённого гражданства и находясь вне страны своего предыдущего проживания в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в неё вследствие таких опасений» [5; с. 29]. Вместе с этим из категории беженцев исключаются лица, которые скрываются от правосудия за совершение преступлений. Кроме того, в это понятие не входят также «экономические беженцы», т. е. лица, которые оставляют свою страну добровольно в поисках лучшей жизни. Это определение понятия «беженец» в международном праве впервые было зафиксировано в Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и в Протоколе 1967 г., касающегося статуса беженцев. В этих документах были также предусмотрены обязательства для государства, куда прибыли беженцы, по обеспечению их работой, жильем, недопустимости какой-либо дискриминации и т. д.

К 1939 г. универсального понятия «беженец» в международном праве не существовало. В период с 1921 по 1939 гг. в рамках деятельности Лиги Наций был принят ряд соглашений и конвенций, в которых были только лишь сделаны попытки сформулировать определение «беженец», выработать необходимые мероприятия по защите соответствующей категории людей. Среди них необходимо выделить следующие: «Соглашение о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам...», подписанное в Женеве в 1926 г.; «Конвенция о международном статусе беженцев» и др. Однако в указанных документах по отношению к определению беженцев был использован категориальный или групповой подход. Т. е. в число лиц, которые могли считаться беженцами, попадали только лица определённой национальной группы [6; с. 37]. Относительно тех, кто стремился покинуть оккупированную Германией Польшу, то есть согласно действующему на тот период международному праву, они не могли быть отнесены к категории беженцев. Так, исходя из Конвенции о статусе беженцев, прибывающих из Германии 1938 г., беженцами считались лица, «обладающие или обладавшие германским гражданством и не обладающие каким-либо иным гражданством, в отношении которых установлено, что они не пользуются, по закону или фактически, защитой германского правительства». Либо «лица без гражданства..., которые покинули германскую территорию после того, как поселились в ней, и в отношении которых установлено, что они не пользуются, по закону или фактически, защитой германского правительства» [6; с. 49]. Однако, согласно нормам международного права, проигранная война и оккупация территории не являются концом государства. В случае с Польшей непрерывно существовало конституционное польское правительство, по-прежнему признанное международным сообществом. Т. е. формально люди покидали территорию Польского государства, хотя и оккупированную Германией, являясь при этом гражданами Польши. В этой связи, исходя из действовавшего на тот период международного права, беженцами они не являлись. И никакие гарантии со стороны принимающих их государств на них не распространялись.

В официальных советских и партийных документах того времени (спецсводках, докладных, отчётах) мы регулярно сталкиваемся с понятием «беженцы из оккупированной Германией Польши, беженцы из бывшей Польши и т. д.». Исходя из общей канвы документов, можно констатировать, что официальные власти под этой категорией понимали лиц, которые до сентября 1939 г. постоянно проживали в центральных и западных районах Польши, Литве, затем, в силу различных причин, оказались на территории, отошедшей в сферу влияния СССР. В этом контексте мы и будем рассматривать эту категорию населения в настоящей работе.

В советско-германских отношениях по вопросу еврейских беженцев можно выделить 2 этапа. Первый охватывал период с 28 сентября 1939 г. по 25 декабря 1939 г. Так, 28 сентября

1939 г. был подписан советско-германский договор о дружбе и границах. В соответствии с ним произошел раздел Польши между договаривающимися сторонами. Уже в секретном протоколе к отмеченному договору указывалось, что правительство СССР берёт на себя обязанность не препятствовать лицам немецкого происхождения при их желании переселиться в Германию. Аналогичные обязательства в отношении украинцев и белорусов брала на себя немецкая сторона [7; с. 165-166].

Для урегулирования вопроса о перемещённых лицах и военнопленных в середине октября 1939 г. была создана совместная советско-германская комиссия по переселению. С немецкой стороны её возглавил советник посольства Германии в СССР Ф. Твардовский, с советской – бывший нарком иностранных дел М. Литвинов. В результате переговоров 16 ноября 1939 г. в Москве было подписано межправительственное соглашение об эвакуации украинского, белорусского, русского и русинского, а также немецкого населения с территории бывшей Польши. Документ не был опубликован ни в СССР, ни в Германии и носил, по сути, секретный характер. Он состоял из 23 пунктов – статей, в которых подробно была расписана процедура переселения. Эвакуация должна была начаться со времени подписания соглашения (16 ноября 1939 г.) и продолжаться до 1 марта 1940 г. В развитие этих положений затем был принят дополнительный протокол, что говорит о спешке, с которой заключалось соглашение об эвакуации.

Непосредственная деятельность представителей немецкой стороны советско-германской смешанной комиссии на территории Беларуси началась в начале декабря 1939 г. Как свидетельствуют документы Национального архива Республики Беларусь, 4 декабря 1939 г. в Белостокскую область прибыл из Германии районный уполномоченный вместе с территориальными уполномоченными – всего 30 человек. Органы НКВД БССР отмечали, что «немецкие представители пытаются использовать легальные возможности для шпионажа». Например, 30 ноября 1939 г. к одному из членов комиссии подошла гражданка Сульцева М. (беженка из Польши) передала ему какую-то связку бумаг и затем скрылась. Более того, немцев посещал даже майор Красной Армии (его личность установить так и не удалось) [3; л. 110-113].

К началу ноября 1939 г. на приграничной с СССР территории Германии находились тысячи еврейских беженцев, стремившихся любой ценой попасть в число эвакуированных. Однако СССР совсем не был заинтересован в этом контингенте. Так, 17 октября 1939 г. уже упомянутый нами Ф. Твардовский докладывал в Берлин о позиции представителей советской комиссии, которые заявляли, что «заинтересованы в переселении только украинского и белорусского пролетариата и широких масс, а не богатеев и евреев». 21 октября 1939 г. по итогам первого дня заседания советско-германской смешанной комиссии представители немецкой делегации сделали вывод, что «советскую делегацию не интересует судьба евреев» [1; с. 323]. Эта позиция советской стороны объяснялась различными обстоятельствами. Но главным, на наш взгляд, было то, что к середине октября 1939 г. в западных областях УССР и БССР уже находились десятки тысяч беженцев из Польши, которые в значительной мере осложняли социально-экономическую обстановку в регионе.

Не имея возможности попасть в число эвакуированных, еврейские беженцы из Польши пытались самостоятельно пересечь советско-германскую границу. Немецкие власти со своей стороны не чинили препятствий для этого.

Руководство советских пограничных войск, начиная с сентября 1939 г., неоднократно обращалось к германской стороне с просьбами прекратить массовый переход беженцев на территорию СССР. Так, в сентябре 1939 г. на переговорах между представителями пограничных ведомств СССР и Германии со стороны начальника отдела Владимир-Волынского было заявлено следующее: «В настоящее время германская пограничная охрана не препятствует массовому переходу на советскую территорию беженцев и пленных... Прошу господина представителя запретить незаконный переход границы, в противном случае я буду вынужден передать этот вопрос на рассмотрение НКВД». На что представители немецкой стороны ответили, что примут все необходимые меры, чтобы в дальнейшем не допускать подобного [8; с. 178-179].

Однако немецкие власти не только не препятствовали переходу беженцев на советскую сторону, но и пытались всеми средствами содействовать этому. В качестве примера можно привести фрагмент из сообщения начальника штаба Верховного Главнокомандования вооружённых сил Германии В. Кейтеля: «Выдворение евреев на русскую территорию происходило не так гладко, как, вероятно, ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте в

лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу; в 15 километрах (от этого места) они снова вернулись к границе вместе с русским офицером, который пытался заставить немецкого (офицера) принять их обратно» [9; с. 31].

Подобные факты к началу декабря 1939 г. приобрели столь массовый характер, что вынудили вмешаться высшее руководство СССР. 17 декабря 1939 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потёмкин во время официальной встречи с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом высказал свое возмущение многочисленными случаями насильственной переброски германскими военными беженцев еврейской национальности. Потёмкин потребовал посла немедленно связаться с Берлином, «чтобы оттуда германскому командованию были даны распоряжения немедленно прекратить указанные действия» [11; с. 421].

Однако вплоть до января 1940 г. немецкая сторона продолжала, хотя и с меньшим размахом, осуществлять указанные мероприятия. Свидетельством тому является беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с Ф. Шуленбургом от 25 января 1940 г. Здесь Молотов, в частности, упомянул о необходимости прекращения насильственного перемещения еврейских беженцев на территорию СССР. В ответ Шуленбург заверил министра, «что по его представлению германским властям даны указания не допускать подобного» [10; с. 50]. В дальнейшем такого рода действий со стороны немецких властей в источниках не фиксируются.

Не имея возможности разместить и трудоустроить всех беженцев из Польши, руководство СССР посчитало возможным переправить их в Германию. С 25 декабря 1939 г. начинается второй этап в советско-германских отношениях по вопросу беженцев. 25 декабря 1939 г. эта проблема была обсуждена в Москве на встрече заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потёмкина с советником посольства Германии в СССР В. Типпельскирхом. Инициатором её проведения выступила советская сторона. Советские представители предложили Германии вывезти из пределов западных областей страны порядка 60 тыс. беженцев. В качестве основного мотива отмечалось, что «наплыв беженцев причиняет большие затруднения СССР» [10; с. 273]. Немецкая сторона была вынуждена согласиться. Исходя из тех условий, которые она при этом выдвинула, можно констатировать, что это согласие было вызвано целым рядом причин. Во-первых, руководство Германии рассчитывало в первую очередь переселить тех этнических немцев, которые ещё не успели эвакуироваться с территории СССР. Во-вторых, возвратить в Германию арестованных лиц немецкой национальности, которые находились в заключении на территории Западной Украины и Беларуси, а также семьи польских чиновников, «ныне работающих на территории, находящейся в сфере германских интересов». Принятое решение гласило, что в ближайшее время будут вывезены с советской стороны 60 тыс. беженцев, а с германской – 14 тыс. [11; с. 446-447].

Подписанный 29 марта 1940 г. протокол являлся, по сути, дополнением к соглашению от 16 ноября 1939 г. Однако теперь в документе речь шла не об эвакуированных, а о беженцах. Под беженцами понимались лица, которые «в 1939 г. находились на работе (вне родных мест) и в результате военных действий оказались отрезанными от своего постоянного места жительства, своих семей и своего имущества». Кроме того, сюда включались также те, кто находился вне родных мест на учебе или в отпуске. Эта категория населения по желанию могла быть эвакуирована на место своего постоянного проживания [12; с. 138-140].

Такое половинчатое толкование понятия «беженцы», на наш взгляд, было обусловлено нежеланием немецкой стороны принимать беженцев, в первую очередь, еврейской национальности, т. е. тех, кто оказался «вне своих родных мест», просто-напросто спасая свою жизнь. Начиная с декабря 1940 г., зарегистрироваться на выезд из СССР стремилось значительное число еврейских беженцев. Это объяснялось отсутствием у значительной части из них работы, жилья, желанием воссоединиться с семьями. Так, один из свидетелей тех событий Ю. Блюменстраух отмечал следующее: «Если евреи бегут из страны, где свобода, равенство и счастье, под нож гестапо, то, наверное, нет необходимости добавлять, что в этом раю им было во сто раз хуже, чем у явного врага – немца. Полагаю, что любые объяснения излишни. Хотелось бы привести маленький фактик. Когда во Львов, Владимир и Брест прибыли немецкие комиссии для реализации выезда за Буг, именно массы добровольцев – евреев сотнями и тысячами прославляли Германию и Гитлера. Только представьте себе толпы евреев кричащих: «Да здравствует Гитлер!». Другой свидетель Х. Хедес: «Во время регистрации, по несколько часов в очереди, я, наконец, получил карточку на выезд, что тогда воспринималось как счастье. Один немецкий офицер обратился к толпе евреев и спросил: «Евреи, куда вы едете? Вы что не понимаете, что мы вас убьём?» [13; с. 223].

Однако немецкие власти вовсе не стремились принимать еврейских беженцев. Об этом они говорили без обиняков: «О возвращении еврейских беженцев на территорию Германии не может быть и речи». Обоснование было следующим: «С точки зрения Германии, при рассмотрении еврейского вопроса мы имеем дело не с принадлежностью людей к определённой национальности, а с их принадлежностью к определённой религии и расе» [14; с. 58]. Представители германской делегации отмечали, что эти люди с вечера занимали очередь, пытаясь получить разрешение на выезд. Зимой 1940 г. без еды, на лютom морозе многие не выдерживали, и с отдельными из них случались обмороки. Попав на прием и узнав, что из-за своей национальной принадлежности они не подлежат эвакуации, мужчины и женщины падали на колени и просители представителей германской делегации разрешить им выезд [14; с. 58].

Однако документы свидетельствуют, что части еврейских беженцев всё же удалось покинуть пределы СССР. Некоторые проходили под видом лиц польской национальности. По свидетельству Н. С. Хрущева, некоторые еврейские беженцы даже давали представителям немецкой комиссии взятки. Последние охотно их брали и переправляли беженцев на территорию Польши, отошедшую к рейху [15; с. 95-96].

Первоначально закончить работу по переселению беженцев планировалось к началу мая 1940 г. Однако к указанному сроку комиссией было эвакуировано с немецкой стороны – 13 319, с советской – 40 тыс. человек. Это объяснялось в первую очередь желанием немцев максимально продлить её работу, для того чтобы выявить и переправить в Германию как можно большее число переселенцев из числа этнических немцев. Значительная часть из них к этому времени уже была арестована и находилась в советских тюрьмах по подозрению в шпионаже. Однако руководство СССР со своей стороны всячески препятствовало этому [14; с. 59-60].

Так, 20 мая 1940 г. на встрече В.М. Молотова с Ф. Шуленбургом, последний поднял вопрос о продлении сроков работы комиссии по переселению беженцев, заявив при этом, о своей заинтересованности в эвакуации только около 3 тыс. лиц немецкого происхождения и заключённых. В ответ Молотов дал понять, что вопрос об эвакуации указанных категорий граждан является исчерпанным и подлежит обсуждению только на правительственном уровне. Он подчеркнул, что «нельзя смешивать вопросы эвакуации лиц немецкого происхождения и эвакуации» [10; с. 274]. В этот же день последовало официальное разъяснение НКВД СССР, где выражалось согласие руководства СССР на продление сроков работы комиссии в течение 15 дней [14; с. 59].

5 июня 1940 г. деятельность советско-германской комиссии была завершена. Документальные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают точного ответа на вопрос, какое количество еврейских беженцев было переселено из СССР в Германию на протяжении второго этапа эвакуации, т. е. с января по июнь 1940 г.

В дальнейшем германской стороной неоднократно поднимался вопрос об эвакуации лиц немецкой национальности, однако руководство СССР отвечало неизменным отказом.

В заключение можно сделать следующие выводы. В период германо-польской войны десятки тысяч жителей Польши, в основном еврейской национальности, опасаясь преследований со стороны немецких властей, оказались на территориях, отошедших в дальнейшем к СССР. Формально, согласно действовавшему тогда международному праву, они не могли быть отнесены к беженцам. Однако, исходя из трактовки данного понятия, которое присутствует в официальных партийных и советских документах того времени, мы считаем возможным применять в отношении к ним определение «беженцы». В советско-германских отношениях по данной проблеме можно выделить два этапа. Первый: сентябрь – декабрь 1939 г. Основным содержанием его являлось проведение политики по переселению русских, белорусов и украинцев из оккупированной Германией Польши на территорию СССР. В Германию из СССР переправлялись лица немецкой национальности. Одновременно с этим Германия проводила политику насильственного переселения на территорию СССР беженцев еврейской национальности. Следующий этап можно датировать январём 1940 г. – июнем 1940 г. Он характеризовался стремлением руководства СССР ослабить социально-экономическую напряжённость в западных областях УССР и БССР путем эвакуации из пределов страны беженцев по большей части еврейской национальности из бывшего Польского государства. Значительная часть из них, не имея средств к существованию, стремилась покинуть территорию СССР. Несмотря на то, что немецкие власти отказывались принимать последних, какая-то часть из них сумела перебраться на территорию Германии.

1. Іофе, Э. 3 Польшчы ў Беларусь (Яўрэйскія бежанцы з Польшчы на тэрыторыі Беларусі ў 1939-1941 гг.) / Э. Іофе // Палымя. – 2002. – № 11 – 12. – С. 321-335.
2. Таляронак, С. Да пытання аб перасяленні заходніх беларусаў і заходніх украінцаў у 1939 г. / С. Таляронак // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 4. – С. 82 – 90.

3. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1777.
4. Гудвин-Гилл, Г.С. Статус беженца в международном праве / Г.С. Гудвин – Гилл; пер. с англ. М.И. Левиной. – М.: ЮНИТИС, 1997. – 647 с.
5. Тодорович, И. Решение проблемы беженцев в начале XXI в. / И. Тодорович, Ю.Ф. Моргунов, А. В. Селиванов // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – №1. – С. 29-34.
6. Документы Лиги Наций, касающиеся беженцев // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 1. – С. 37 – 55.
7. Знешняя палітыка Беларусі: 36. дакументаў і матэрыялаў: У 6 т. / Бел НДІДАС. – Мінск, 1997 – 2003. – Т. 3: 1928 – чэрвень 1941 г. / Склад. У.М. Міхнюк, У.К. Ракашэвіч, Я.С. Фалей, А.В. Шарапа. – 2001. – 321 с.
8. Пограничные войска СССР 1939-июнь 1941. – М.: Наука, 1970. – 811 с.
9. СССР-Германия 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г.: В 2 т. – Vilnius: «Mokslas», 1989. – Т. 2. – 192 с.
10. Документы внешней политики. – Т. XXIII: В 2 кн. – Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940 г. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 752 с.
11. Документы внешней политики. – Т. XXII: В 2 кн. – Кн. 2: Сентябрь – декабрь 1939 г. – М.: Междунар. отношения, 1992. – 688 с.
12. Вишлев, О. «Дружба, скрепленная кровью?» / О. Вишлев // Молодая гвардия. – 1996. – № 12. – С. 121 – 142.
13. Розенблат, Е. Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939 – 1941 гг.) / Е. Розенблат, С. Струнец // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 202 – 227.
14. Иларионова, Т.С. Обмен населением между СССР и Германией накануне и в начале Второй мировой войны / Т.С. Иларионова // Отечественная история. – 2004. – №4. – С. 54-62.
15. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. – 1990. – № 7. – С. 75-106.
16. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1585.

Кондратюк Г. Н. (Крымский ИПУ, г. Симферополь)

НЕМЕЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ КРЫМСКОЙ АССР в 1920-1930-х годах

Исследование процессов межвоенного периода, происходивших в Крымской АССР и УССР, вызывает особое внимание современных исследователей. Можно выделить несколько причин интереса учёных. Длительное время свободное изучение общественных процессов находилось под запретом. Историки должны были помещать свои исследования в прокрустово ложе идеологических схем. Особое место в исторических исследованиях заняло изучение этнополитики 1920-1930-х годов. Распад Советского Союза, сложные современные межнациональные проблемы, рост радикализма и ксенофобии заставляют пристальнее всматриваться в прошлое.

Цель настоящей статьи – изучить процессы, происходившие в немецких национальных районах Крымской АССР в межвоенный период, преломление политики коренизации по отношению к немцам Крыма. При подготовке данной статьи использованы документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Автономной Республики Крым, в частности фонда П. – 1 областного комитета РКП(б) – ВКП(б), так как именно этот орган реализовывал государственную этнополитику во всех сферах экономической и культурной жизни, являлся инициатором административных изменений. Использованы стенограммы выступлений лидеров крымской партийной организации. Также нашли отображение публикации в периодической печати 1930-х годов: в журнале Наркомнаца РСФСР «Революция и национальности» и газете Наркомпроса РСФСР «За коммунистическое просвещение».

В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) была объявлена политика коренизации. Основные тенденции политики коренизации 1920-х годов весьма существенно отличаются от последующего десятилетия. Коренизацию 1930-х годов отличают административно-территориальные изменения, кампания выдвиженчества и рост роли идеологии. Общесоюзные тенденции нашли свою реализацию и в Крымской АССР.

Постановлением ЦИК Крымской АССР от 15 сентября 1930 года в Крыму было проведено новое районирование. Было образовано 16 районов, из них 8 по национальному критерию. Был создан немецкий национальный Биюк-Онларский район. На территории района насчитывалось 242 населённых пункта. Район был основан на территории бывших Джанкойского, Симферопольского, Евпаторийского района. Площадь созданного немецкого района составила 2491,4 км. кв., или 9,6 % территории полуострова [1, л. 18].

В резолюции по вопросам национальной политики, принятой на XV областной партийной конференции в 1930 году, определялись новые приоритеты в реализации национального строительства: «...осуществление быстрого темпа индустриализации, проведение земельной реформы, подъём и переделка с/х и усиление социалистического наступления на эзпмана и кулака, должны составлять основное содержание работы крымской парторганизации по национальному строительству КрымАССР» [2, л. 13]. 85 % населения немецкого района было занято в сельском хозяйстве. На 1932 год насчитывалось 146 колхозов. Драма колхозного строительства затронула все немецкие зажиточные хозяйства. По отношению к немецким колониальным хозяйствам проводилась особенно жёсткая политика. Раскулачивания вызвали массовые попытки эмиграции, особенно среди меннонитов. Эмиграционное движение приняло настолько широкие масштабы, что была проведена проверка деятельности местных органов власти. По её итогам ЦИК Крымской АССР принял постановление «О результатах обследования т. Клингером по поручению ВЦИК немецкого населения Крымской АССР». Наиболее одиозные меры были осуждены и говорилось о местных недостатках в деятельности партийных чиновников.

В 1935 году в состав Биюк-Онларского района входило 36 сельских советов, 137 колхозов и 2 МТС. Из общего количества сельских советов 16 были немецкими. Немецкие сельсоветы располагались в бывших колониях. Приоритеты в национальном курсе диктовались изменением концепции ВКП (б), усилившейся тоталитарной системой. Возросла роль идеологического компонента не только в работе местных органов власти, но и народных комиссариатов Крымской АССР. Для крымского Наркомпроса были определены новые направления деятельности: «...задачи культурного строительства должны занять одно из первых мест в общей работе, причём парторганизация должна вести самую решительную борьбу против недооценки важности этих задач в практической работе» [3, л. 18]. Биюк-Онларский немецкий район, среди сельских районов Крыма, отличался высоким уровнем грамотности населения. В 1931 году в немецком национальном районе насчитывалось 111 начальных школ с 5020 учащимися, 3 библиотеки, 30 изб-читален [4, с. 140-150]. В начальных школах обучение велось на немецком языке. На родном языке обучалось в 1930/31 учебном году 4805 учеников, а в 1934/35 - 5571. Цифры не должны вводить в заблуждение. В процентном соотношении количество немецких детей, учившихся на родном языке, сократилось, старшая школа вела обучение на русском языке. Кардинальным образом изменилось содержание учебного процесса. Новые учебные планы и программы были проникнуты идеологией.

Характер и содержание автономии существенно изменились на протяжении 1920-х – 1930-х годов. Но в восприятии партийных работников даже начала 1930-х годов Крымская АССР воспринималась всё ещё как национальная крымско-татарская автономия. Так, выступая на VI Объединённом Пленуме ОК и ОКК в 1931 году, представитель агитпропа обкома И. Козлов говорил: «...мне кажется, не вызывает никаких разногласий в парторганизации то положение, что нацстроительство в Крыму – это в основном вопрос, связанный с татарским населением, как с коренной национальностью Крыма. Это объясняется не только тем обстоятельством, что в силу своего бытия дореволюционного, как наиболее угнетавшееся царизмом, татарское население оказалось наиболее отсталым в культурном, хозяйственном и политическом отношении по сравнению с другими национальностями. Это вытекает из того положения, которое татары занимали и занимают в Крыму. ...Нельзя не учитывать того обстоятельства, что Крым граничит с Турцией, буржуазно-кемалистской Турцией. Наши успехи в нацстроительстве не могут не оказывать революционизирующего влияния на трудящиеся массы Турции». Весьма показательным является, как этот партийный идеолог трактует характер автономии в Крыму: «Что Крымская республика имеет свои особенности – это бесспорно, и эти особенности необходимо учитывать. Но, учитывая особенности Крыма, как края многонационального, нельзя допускать, чтобы под этим флагом пытались протаскивать мысль, которая сводится к ликвидации Крыма, как национальной республики» [5, с. 10-47].

В коренизации 1930-х годов важным являлся административный аспект. В 1935 году в Крымской АССР была проведена административная реформа. Количество районов увеличилось. Постановлением ЦИК Крымской АССР от 26 января 1935 года «Об образовании новой сети районов в Крымской АССР» был создан немецкий Тельманский район. Район территориально был выделен из Биюк-Онларского района. В состав района входило 18 сельских советов со 130 населёнными пунктами. Половину населения района составляли немцы. Образование этого района произошло в период, когда программу коренизации начали сворачивать, и национальная специфика учитывалась мало. Создание района носило исключительно формальный характер.

Эволюция партийной этнополитики находила отображение в проводившихся общественно-идеологических кампаниях. В докладе на XVII партконференции, проходившей 16-20 января 1934 года, секретарь крымского обкома Б.А. Семёнов говорил: «Мы обязаны решительным образом усилить огонь по великодержавному шовинизму, подняв на новую высоту дело социалистического развития нашей национальной республики, дело развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры» [6, л. 40]. Объявленная борьба с великодержавным шовинизмом носила декларативный характер, русификаторские тенденции в СССР всё более усиливались. 1933 и 1934 годы отмечены репрессиями против немецкой интеллигенции и учительства как в Украинской ССР, так и в Крыму. Выступая на Пленуме крымского обкома 15 октября 1934 года, секретарь ОК Б.А. Семёнов констатировал: «...решение ЦК КП(б) Украины по национальному вопросу в значительной мере относится и к Крыму». В своём выступлении Семёнов определил две задачи – борьбу с великорусским шовинизмом и местным национализмом. При этом акцент ставился на борьбе с последним.

При этом во всесоюзном аспекте указывалось на усиление борьбы с обоими уклонами: «XVII партконференция выдвинула в качестве боевой задачи необходимость борьбы с правым оппортунизмом, как главной опасностью на данном этапе, и «левыми» загибами. Современный этап нашего развития, с другой стороны, выдвигает перед нами задачу борьбы с уклоном к великодержавному шовинизму, как главной опасности, и уклоном к местному национализму. На этом участке ещё неизбежно обострение классовой борьбы в отдельных районах и на отдельных участках» [7, с. 74]. В результате объявленной кампании борьбы с местным национализмом в 1934 году был осуществлён настоящий погром немецкой просвещенческой интеллигенции.

Под воздействием партийных органов процессу коренизации после разгрома Наркомпроса Крыма в 1928 году стремились придать новый характер. Коренизацию рассматривали через призму выдвиженческой кампании, надлежало коренизировать государственные учреждения надёжными, с точки зрения большевиков «националами». Резолюция Бюро обкома ВКП (б) от 22 августа 1929 года определила ряд приоритетов: «...а) решительное выдвижение во все звенья советского, кооперативного и профсоюзного аппарата как на руководящую, так и на техническую работу рабочих, батраков и крестьян бедняков и середняков татар и нацмен, вплоть до замены лиц, не владеющих местным языком, в организациях, непосредственно связанных с нац. массой; г) расширение и переустройство работы высших и средних учебных заведений в соответствии с задачами подготовки нац. кадров; д) перевод делопроизводства низовых советов на национальные языки и реализация их языка...» [8, с. 7].

Для реализации поставленных задач при Президиуме Крымского ЦИКа была создана в сентябре 1929 года Комиссия по коренизации (татаризации) государственного, кооперативного и профсоюзного аппаратов и общественных организаций Крыма. В задачу Комиссии входило контролировать, как государственные учреждения выполняют процентные нормы по коренизации, содействовать организации на крупных предприятиях фабрично-заводского ученичества из молодёжи [9, с. 2]. Были определены квоты в учебных заведениях и на производстве для немецкой молодёжи. Это поколение комсомольцев должно было быть надёжной опорой и проводником коммунистических идей в консервативную среду немцев Крыма.

В начале 1930-х годов изменился и характер коренизации советского административного аппарата. Коренизация приобрела плановый характер и реализовывалась также через выдвиженческую кампанию. Выдвиженцы, не обладавшие необходимым опытом работы и знаниями, должны были соответствовать признаку «идеологической выдержанности» и иметь соответствующее социальное происхождение. В январе 1931 года в Симферополе состоялось областное Собрание по вопросу коренизации аппарата и национальному строительству. С содокладами выступили руководители республики Вегер и Кешишьянц. Последний был вынужден признать: «Если сравнить коренизацию, проведённую в наших крымских условиях, с другими националь-

ными республиками, то увидите, что наша коренизация занимает последнее место. ...В течение 10 лет процент коренизации аппарата составляет всего лишь 10,8 %. Минимально за это время мы должны были бы иметь 25 %» [10, л. 4]. Причин у этого скромного результата было несколько. Во-первых, любой общественный процесс требует времени для своего развития, так как общественные явления обладают определённой инерционностью. Во-вторых, коренизация осуществлялась либо за счёт технических работников, либо партийных функционеров и управленцев нижнего и среднего звена. Формирование этого звена руководителей являлось наиболее зримым достижением коренизации. В-третьих, подготовка специалистов из представителей немецкой национальности требовала времени. Именно в учреждениях Наркомпроса Крыма были достигнуты самые значительные успехи коренизации.

Программа коренизации первой половины 1930-х годов должна была также реализовать две важнейших задачи: подготовить новую «красную» интеллигенцию и создать национальный пролетариат из крымских немцев. На Совещании представитель агитпропа крымского обкома сформулировал эту задачу следующим образом: «...На завод коренное население попадает из среды крестьянства, зараженного старыми национальными традициями... того специфического подхода, который нужен был бы в отношении коренного населения, для того чтобы помочь ему переродиться в коренного пролетария, – такого подхода мы не имели» [11, л. 15].

Безусловный приоритет в курсе национальной политики отдаётся разжиганию классовой борьбы. В 1934 году, после завершения XVII съезда ВКП (б), официальная доктрина формулируется так: «Наша марксистская установка в том, что национальный момент является подчинённым классовому моменту, со всей отчётливостью выявляется в наше время на примере той классовой борьбы, которая происходит внутри отдельных национальностей... В период, предшествовавший XVII съезду партии, мы наблюдали усиление проявлений местного национализма главным образом в создании ряда контрреволюционных организаций и развёртывании местных национальных уклонов в некоторых крупных партийных национальных организациях» [12, с. 5]. На деле это означало стравливание различных поколений немцев Крыма, преследование немецких пасторов и интеллигенции.

Трансформируется понимание и назначение в обществе национальной культуры. 1923-1927 годы в Крымской АССР могут быть охарактеризованы как краткий период расцвета национальных культур и развития образования в условиях относительного политического плюрализма. С усилением тоталитарной системы национальная культура должна была выполнять роль одного из элементов коммунистической идеологии. Её назначение было сформулировано так: «Надо тщательно следить за тем, чтобы национальная культура народов СССР была пролетарской по своему содержанию. Следует сознаться, что на этом фронте мы имеем немало прорывов, использованных национальной интеллигенцией. Работники национальных районов часто хорошо усваивают необходимость развития нацкультуры, но мало заботятся об её интернациональном содержании. Из каждого национала надо воспитать интернационалиста, чтобы на первое место он ставил классовые интересы пролетарской революции и не замыкался в узконациональном круге интересов» [13, с. 75]. Но по своему социальному составу подавляющую часть немцев Крыма составляли крестьяне. Крестьянство – это фундамент национальной народной культуры, языка, религии и традиций. Эта культура никак не могла быть пролетарской и классовой. Создание национального пролетариата должно было привести к выработке идеологии, одним из элементов которой должен быть пропагандируемый фальшивый интернационализм. Выступая на VIII Всесоюзном съезде работников просвещения, нарком просвещения А.С. Бубнов так определил новое назначение культуры: «В основу всех культурных мероприятий, намеченных на второе пятилетие, должны быть положены решения 17-й партконференции о построении бесклассового социалистического общества, о переделке всех трудящихся в сознательных строителей этого бесклассового общества» [14, с. 1].

Таким образом, в 1930 – 1936 годах сформировался совершенно иной вектор в национальной политике, в культуре и образовании. Центр постепенно стал ликвидировать негативные для себя последствия национально-культурного возрождения 1920-х годов. Этот «ренессанс» стал возможен потому, что в Крыму и в Украине коммунизм в период НЭПа отличался известной долей либерализма. Наличие определенных государственных прерогатив, прежде всего в сфере культуры, обеспечило быстрое национальное возрождение. Этому способствовал политический курс на коренизацию. Коренизация стала фактически процессом на укрепление советской власти среди населения национальных республик. В Украине коренизация приняла форму украинизации. В Крыму определённое внимание уделялось немецкой общине.

1937 – 1938 годы – это время «расстрелянного возрождения» как в Украине, так и в Крыму. В 1938 году было принято решение о ликвидации школ национальных меньшинств, в частности немецких. Таким образом, все позитивные достижения в этнополитике, коренизации были перечеркнуты сталинизмом.

1. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГА АРК). – Ф. 137, оп. 7, д. 45, л. 18.
2. Там же. – Ф. П. –1, оп. 1, д. 1032, л. 13.
3. Там же. – Л. 18.
4. Материалы к отчёту правительства Крымской АССР VIII съезду Советов Крымской АССР. – Симферополь, 1931.
5. Козлов И. О национальном строительстве в Крыму. Переработанная стенограмма доклада на VI Объединённом Пленуме ОК и ОКК. – Симферополь, 1931.
6. ГААРК. – Ф. П. – 1, оп. 1, д. 1290, л. 40.
7. Революция и национальности. – 1933. – № 4.
8. Коренизация аппарата КрАССР (к вопросу о вовлечении трудящихся татар в производство, государственные, кооперативные учреждения и общественные организации). – Симферополь, 1929.
9. Там же. – С. 2.
10. ГААРК. – Ф. П. – 1, оп. 1, д. 1074, л. 4.
11. Там же. – Л. 15.
12. Революция и национальности. – 1934. – № 3.
13. Революция и национальности. – 1930. – № 1.
14. За коммунистическое просвещение. – 1932. – 7 апреля.

Пичуков В. П. (ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель)

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БССР И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В постановлении Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР «По докладу о хозяйственном и социально-культурном обслуживании немецкого населения в Союзе ССР» от 12 декабря 1929 г. отмечалось, что «бедняцко-середняцкие массы немцев с успехом проводят социалистическое переустройство деревни путём широкого развития коллективизации». 3 марта 1930 г. ЦИК СССР поручил ЦИКам союзных республик «обратить большее внимание на организационно-хозяйственное укрепление немецких колхозов» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 83. Л. 30; 2, Ф. 1235. Оп. 125. Д. 40. Л. 96]. Жизненные реалии опровергли официальный оптимизм. Немцы СССР противостояли коллективизации. Рассмотрим данный сюжет на материалах БССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., 3294 сельских немца – 69,2 % всех сельских немцев БССР, проживали на Мозырщине. Именно здесь находились два немецких национальных сельсовета БССР – Березовский и Анзельмовский (Роза-Люксембургский). Анализируя тревожное состояние с коллективизацией многонационального населения, ЦИК БССР в постановлении от 5 декабря 1930 г. обращал «особенное внимание на коллективизацию в немецких поселениях» [3, № 307].

Сельские немцы БССР стойко не желали коллективизировать свои хозяйства. Так, к концу 1928 г. в Березовском сельсовете «вопрос о коллективизации не ставился». Власти отмечали, что «большинство немецких крестьян настроено против колхозов». «Население за последние годы пообустроилось, несколько укрепило экономическое положение и сейчас абсолютно ничего не хочет знать об объединении в коллективы. ... Приверженность к индивидуально-собственническому хозяйству у немцев значительно сильнее, чем у прочего населения», – информация на начало 1930 г. К весне 1930 г. в Березовском и Роза-Люксембургском сельсоветах прошло до 20 собраний по вопросу коллективизации с участием районных и приезжавших из Минска советско-партийных работников. «Однако голосование за организацию сельхозартелей всегда давало одни и те же результаты: почти единогласное голосование против. Мало того, немецкое население не хочет слушать и бесед о колхозах и всякое упоминание о последних возбуждает у них недоверие» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 67. Л. 236; Д. 102. Л. 20; 4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723.

Л. 9-10]. В январе 1931 г. на заседании Нацкомиссии ЦИК БССР по результатам перевыборов национальных сельсоветов акцентировалось, что немцы – жители Березовского сельсовета «о колхозе даже и слушать не желают, они не хотят идти в колхоз» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 104. Л. 19].

С 1931 г. власть постоянно подчеркивает необходимость «добиться решительного перелома в организации колхозов в немецких деревнях и создать все условия для втягивания основной массы немецкого ... крестьянства в колхозы». При этом большое значение придавалось и «женскому фактору» – «усилить активность трудящихся женщин, чтобы они являлись застрельщиками коллективизации». С этой целью власти пытались использовать различные формы работы среди немок-крестьянок, например, ознакомление их с передовыми колхозами в регионе и за его пределами. Так, в 1932 г. Национальная Комиссия ЦИК БССР организовывала экскурсию «трудящихся немцев БССР» в Республику немцев Поволжья. Для Лельчицкого района была выделена одна единица – для женщины-немки. При этом отмечалось, что «для выдвижения кандидатур для отправки на экскурсию необходимо подойти со всей серьезностью и выдвинуть лучших проверенных товарищей, которых бы по возвращении с экскурсии можно было использовать как актив в деле передачи опыта в развертывании коллективизации среди трудящегося немецкого населения» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 28; Д. 107. Л. 306об. 5, Ф. 3650. Оп. 2а. Д. 6. Л. 17-18]. Но немецкая женщина не соглашалась играть роль социального «фактора» для преобразования немецких крестьян-колонистов в советских колхозников. «Когда учительница белорусской школы в сельсовете им. Розы Люксембург пытается прочесть женщинам про колхозы, про выгоды последних для улучшения положения женщины, то последние (немки. – В. П.) или не хотят слушать, а иногда попросту расходятся» (1930 г.) [4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 15] – характеристика властей типичного отношения женщины-немки к коллективизации.

Неприятие немцами крестьянами колхозной организации сельского хозяйства, на наш взгляд, было обусловлено рядом причин. Немцы, имевшие в основной своей массе устойчивые, рентабельные хозяйства, не хотели терять своей относительной, но все же экономической самостоятельности. Высоким уровнем развития отличалась кооперация в среде немецких крестьян-колонистов, – как потребительская, так и производственная. Успешно функционировали молочные общества (артели) – объединения по сбору и переработке молока. В Березовском сельсовете общество «Чырвоная кветка» на 1 января 1927 г. насчитывало 195 пайщиков, на 1 августа 1927 г. – 317, в 1928/29 г. объединяло 667 семей, в 1929/30 г. – 675. Молочная артель «Колонист» Анзельмовского сельсовета в 1927 г. объединяла 61-68 хозяйств, в 1928 г. – 165, в 1929 г. – 218, в 1930 г. – 250-268. Во всех указанных случаях количественно доминировали немецкие хозяйства. К 1930 г. молочные общества этих сельсоветов объединяли около 900 хозяйств, в том числе основную часть немецких крестьян Мозырщины. Официальный источник отмечал, что немецкое население охвачено обществами почти полностью и является главным сдатчиком молока [4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 1206. Л. 48; Д. 145. Л. 40; Д. 696. Л. 150; Д. 723. Л. 10, 50; Ф. 72. Оп. 1. Д. 191. Л. 4-5; 1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 67. Л. 241; Д. 92. Л. 67, 191; Д. 109. Л. 12 об.; 5, Ф. 69. Оп. 1. Д. 609. Л. 31-32].

К тому же экономически слабые, практически находившиеся на содержании государства первые колхозы не могли являться для немцев, с их высоким хозяйственным стандартом, примером преимущества коллективного хозяйства. «У немцев нет колхоза и как на диво все колхозы, находящиеся в соседстве с немцами, находятся в безхозяйственном положении», – отмечалось в отчете по результатам обследования Наровлянского района инструктором ЦИК БССР в феврале 1931 г. Как констатировало Наровлянское партийное руководство в марте 1932 г., в целом для местных крестьян-единоличников была характерна позиция, что «мы ещё не видели хорошего колхоза. Увидим, тогда пойдем (вступим. – В. П.)» [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 17; 5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 161. Л. 26].

Также педантичные и законопослушные немцы, которые, по убеждению властей, «привыкли точно выполнять всякого рода постановления, но в то же время требуют такого же точного выполнения обещаний со стороны органов власти», убедились, что власть нарушает равновесие взаимобязательств. В ряде официальных документов отмечалось, что «главным источником доходов для немцев-колонистов является обработка молочных продуктов, а не земледелие, вследствие чего немецкий крестьянин принужден покупать хлеб и другие ... продукты». При этом власть, «принуждая немцев продавать свои молочные изделия только в кооперацию», допускала сбои в снабжении немцев хлебом, другими продуктами питания, промтоварами, концентрированными кормами для коров. По данным на 1930 г., «лишь самые бедные крестьяне» получали по 6 кг муки в месяц по факту сдачи молочных продуктов, сдаваемое молоко

низко оплачивалось даже по мнению властей – 7 коп. за 1 л. Всё чаще практиковался принудительный ассортимент в кооперативных лавках – «покупаешь мыло, дают пудры в нагрузку». Часто товары, предлагаемые потребительской кооперацией, были низкого качества или не нужны крестьянам – «больше всякая посуда, водка, а не мануфактура (ткань. – В. П.)», «жёлтый крем для обуви, а жёлтых ботинок не носят». Естественно, что немецкое население было недовольно. Абсурдность данной ситуации признавалась даже органами ГПУ: «Выходит, что сдавая в кооперацию все излишки своего молочного хозяйства по твердым ценам, немцы-колонисты должны покупать хлеб на частном рынке по спекулятивным ценам» [1, Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 9-10; Ф. 701. Оп. 1. Д. 102. Л. 19; Д. 111. Л. 9; 4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 12, 50].

Чаша терпения была не бездонна у покладистых немцев. В 1930 г. они сократили количество сдаваемой молочной продукции, а 16 июля 1930 г. прекратили сдачу молока в Роза-Люксембургском сельсовете. Эта «забастовка» (по определению властей) продолжалась несколько дней до нормализации (отметим, что временной) снабжения населения промтоварами [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 12 об.; 5, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 50].

Колхозное устройство было несовместимо и с глубокой религиозностью немцев. Так, немцы-баптисты проповедовали, что каждый, кто вступит в колхоз, будет иметь «печать на лбу». Эта аллегория, воплощавшая негативное отношение к контактам с официозом (отказ от различных подписей, паспортов, «запечатывания» договоренностей), по официальным данным, в первую очередь действовала на немцев. Среди них распространилось мнение, что «в колхозах будут насильно заставлять отказываться от религии». С Украины доходили слухи о якобы изданном властями приказе, по которому «вступающие в колхоз могут 3 месяца верить в бога, а после должны отказаться от веры». Немцы интересовались у представителей власти – «а можно ли организовать религиозный колхоз?». По официальным данным, жена баптиста Лапса (кол. Хатки) в начале 30-х годов предостерегала женщин от вступления в колхоз: «Лучше умереть с голоду, потому что там могут заставить идти против религии» [1, Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 13; Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 11 об., 13; 6, Д. 12903-с.]. Усиление насилия над религией и церковью, совпавшее по времени со сплошной коллективизацией, не прививало симпатии к колхозам.

В 1930-1931 гг. в немецких крестьянских хозяйствах Мозырщины наблюдалась массовая распродажа и забой скота. По объективному мнению властей, основной причиной данного явления была боязнь раскулачивания и коллективизации. За первые 2-3 месяца 1930 г. в Роза-Люксембургском сельсовете было продано около 90 голов, в Березовском – около 250. В Хатковском сельсовете Наровлянского района за 1930 – начало 1931 г. убой молочного скота составил около 300 голов. Источник отмечает, что «на убой идет племенной скот высокого качества». Воистину нужны были веские причины, чтобы немцы-крестьяне пошли на такое. В 1931 г. на одно немецкое хозяйство Роза-Люксембургского сельсовета коров в среднем приходилось – 3,2, в 1933 г. – 1,5 [1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 111. Л. 6; Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 10; 4, Ф. 60. Оп. 1. Д. 723. Л. 6-7; 5, Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 67].

Превращение немецкого крестьянина в советского колхозника не имело под собой добровольной основы. В октябре 1931 г. бригада ЦК КП(б)Б по проверке Ельского района отмечала, что сельсовет им. Розы Люксембург «колхозом не интересуется и игнорирует его. Председатель сельсовета заявляет: «Зарежьте, а в колхоз не пойду» [1, Ф. 6. Оп. 1. Д. 2932. Л. 59]. Нежелание вступать в колхозы было побудительным мотивом массового движения немцев за выезд в Германию. «Быстрый рост колхозного строительства привел к взрыву эмигрантских настроений среди немцев-колонистов», – отмечалось в докладной записке местного ГПУ в 1930 г. Многие немцы стали получать письма от родственников в Германии и Америке с приглашениями о выезде [1, Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 11]. В 1930 – 1932 гг. в немецких колониях неоднократно проходили многочисленные собрания. Избирались делегаты для обращения в германское посольство в Москве и консульство в Киеве, собирались деньги на поездки. Однако – безрезультатно. В конечном счёте, немцам разъяснили, что получить иностранные паспорта, визы и выехать могут только германскоподданные [6, Д. 12903-с.]. Таковых практически не было. Немцы не могли знать, что еще 24 января 1930 г. по линии ОГПУ БССР была спущена директива «решительно пресечь эмиграционное движение», которое квалифицировалось как «особая форма антисоветского движения» и было недопустимым и в экономическом, и в политическом отношениях [1, Ф. 4. Оп. 21. Д. 249. Л. 1-2; 7].

Власть ломала крестьян, принуждая их вступать в колхозы. Использовались экономические (величина налога, выплачиваемого единоличниками, во много раз превышала налог на колхозников;

постоянно собирались различные «разовые сборы» – натуральные и денежные; для наиболее зажиточных крестьян вводилось так называемое «твердое задание» по сдаче государству сельскохозяйственной продукции; вершиной экономического насилия было «индивидуальное обложение» – налог, выплатить который могли лишь единичные хозяйства) и политические («раскулачивание» с высылкой крестьян, отдача под суд за невыплату налогов) методы давления. Так, на 1929/30 г. житель Роза-Люксембургского сельсовета Густав Эльке был обложен индивидуальным налогом на сумму 61 руб. 20 коп. вместо ранее установленного сельскохозяйственного налога в размере 13 руб. 35 коп. Его односельчанин Рудольф Матнер – соответственно 219 руб. 80 коп. вместо 23 руб. 95 коп. В 1931 г. Г. Эльке должен был выплатить уже 183 руб. налога, 183 руб. «самообложения» и 113 руб. 97 коп. страховки. Р. Матнер – соответственно 275 руб. 60 коп., 275 руб. 60 коп. и 83 руб. 02 коп. «Кулакам» этого же сельсовета Адольфу Заржицкому и Юлиусу Крейнику было начислено сельхозналога, добавлено сельхозналога и страховки соответственно: Заржицкому - 362 руб., 331 руб. 17 коп., 20 руб. 51 коп.; Крейнику – 224 руб. 40 коп., 224 руб. 40 коп., 33 руб. 08 коп. [4, Ф. 72. Оп. 2. Д. 39. Л. 38; Д. 57. Л. 31, 52]. В 1933 г. из колхоза «Роза-Люксембург» были исключены 3 семьи «твердозаданников»: Густава Брандта, Владимира Папроцкого и Эвальда Крона [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 174. Л. 137].

Несмотря на все невзгоды, немцы держались за свою, пусть и деформированную властями, но все же хозяйственную самостоятельность. В своем антиколхозном противостоянии немцы лидировали в общей массе многонационального населения. В октябре 1931 г. Наровлянский РК КП(б)Б отмечал «безусловный сдвиг в отношении охвата колхозами польского и украинского населения района». При этом – «только среди немецкого населения дело коллективизации не получило должного массового сдвига» [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 123. Л. 345]. По данным на февраль 1932 г., при общем проценте коллективизации в Наровлянском районе – 29,3, в Березовском сельсовете было коллективизировано лишь 12 хозяйств из 324, что составляло 3,7 %. В августе 1933 г. в этом же сельсовете было коллективизировано 36 из 382 хозяйств. Процент коллективизации составлял 9,4 при общерайонном 31,2 [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 161. Л. 3; Д. 245. Л. 19].

Насилие власти над крестьянами вызывало протест и сильный отпор. 13 марта 1931 г. президиум Хатковского сельсовета единогласно, за исключением председателя сельсовета, высказался против дополнительных поставок хлеба государству (в связи с обращением X Съезда Советов БССР о «прорывах заготовки») и против выявления кулацко-зажиточных хозяйств. Из протокола заседания: «пусть стреляют, чем хлеб последний отдать, то лучше пусть застрелят», «у нас кулаков и зажиточных нет». Накануне, 12 марта, заседание сельсовета (из 21 члена сельсовета 5 – поляков, 4 – немца, 12 – украинцев) прошло аналогично. Присутствовавшие районные советско-партийные работники отметили: «Настроение собрания было явно антисоветским. ...Было большое возмущение коллективизацией со следующими выкриками: «не хочу идти в колхоз, что вы мне сделаете». Секретарь райкома партии постановил: «послать комиссию для «восстановления» советской власти». Президиум сельсовета был распущен [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 132. Л. 256-257 об., 329; 1, Ф. 701. Оп. 1. Д. 111. Л. 6]. В марте 1932 г. немецкий колхоз «Роза Люксембург» отказался от контрактации молока. В октябре 1934 г. общее собрание колхозников этого же колхоза не поддержало кампанию по «продаже излишков зерна государству». На повторное собрание не явился ни один член правления колхоза, за исключением председателя колхоза [5, Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 167. Л. 65; Оп. 2а. Д. 37. Л. 568-568 об.].

По официальным данным в Роза-Люксембургском сельсовете в 1932 г. было «коллективизировано» 25 крестьянских хозяйств – 10 % от всех хозяйств сельсовета. При этом в колхозах не было ни одной немецкой семьи. В 1933 г. в колхозах находилось 38 хозяйств – 17,5 % от общего количества, в том числе одно немецкое хозяйство. В ноябре 1934 г. – 87 хозяйств (41,4 %), из них – 30 немецких. В Наровлянском районе в 1934 г. из 430 немецких семей в колхозах находилось 46, причем 28 из них вступило в колхозы в этом же году. С удовлетворением отмечаемый властями «надлежащий сдвиг – перелом по коллективизации немецкого крестьянства» в 1934 г. был вызван голодом 1932-34 гг. и массовыми репрессиями немецкого населения с осени 1933 г. [5, Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 1; Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 54].

Во время голода, охватившего и Мозырское Полесье [8], обсуждение ситуации, сложившейся в среде немецкого населения, становится злободневным и регулярным на всех уровнях советско-партийного руководства – от местных райкомов партии и райисполкомов до Бюро ЦК КП(б)Б. Оказывается целенаправленная финансовая, продовольственная помощь, списывают-

ся прежние кредиты, проводится значительная работа по усилению кадрового состава советских, партийных, хозяйственных работников в немецких сельсоветах. В апреле 1934 г. секретарь Наровлянского РК КП(б)Б докладывал в ЦК КП(б)Б, что местное белорусское, польское, украинское население «ревнует немцев» в связи с большей помощью, в частности, продовольственной, оказываемой властями последним. При этом местное руководство отмечало, что «при выдаче продовольственной помощи *в порядке ссуды новым колхозникам* (выделено нами. – В. П.), у нас есть реальная возможность *втянуть в колхозы* этих сельсоветов большее количество единоличников» [5, Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 32. Л. 30, 56].

Безусловно, продовольственная помощь в условиях, когда смерть от голода становилась в регионе всё более распространенным явлением, несколько нейтрализовала антиколхозное противостояние немцев. Тем не менее, основным рычагом «втягивания» немцев в колхозы явились чрезвычайные меры – репрессии.

В первой половине 30-х гг. органы ОГПУ провели ряд операций по аресту местных немцев из Наровлянского, Ельского, Лельчицкого, Василевичского (Речицкого) районов – якобы участников самими же органами придуманных, инспирированных «антисоветских, контрреволюционных организаций». Оперативно-следственные названия этих «организаций» красноречиво свидетельствуют о характере инкриминированных обвинений: «контрреволюционная группировка из состава бывших кулаков и руководителей религиозных общин» (1932 г.), «бандгруппа из бывших и настоящих кулаков», «немецкая контрреволюционная повстанческая фашистская организация» (1933 г.), «немецкая националистическая диверсионно-повстанческая организация» (1934 г.) и т. п. Наряду с предъявляемыми обвинениями в антисоветском характере кампании обращения за помощью в зарубежные организации во время голода 1932-34 гг. [9], контрреволюционной деятельности религиозного руководства немецких общин, попыток организации массового эмиграционного движения, диверсиях и т. д. основной фабулой-штампом проходит обвинение в «противодействии всем мероприятиям Советской власти, проводимым в деревне, и особенно коллективизации». В следственных делах приводятся примеры антиколхозной мотивации: «колхозники – советские рабы», «коллективизация довела всех до голода», «все немцы (местные. – В. П.), состоящие в колхозах – враги немецкого народа», «лучше умру, но в колхоз не вступлю, душа колхозника в рай не попадёт, колхозы – это пекло», «если мы вступим в колхозы, нас всех будут жечь на костре». Отмечаются конкретные результаты антиколхозного противостояния. Так, на июль 1932 г. ни один из 2027 немцев-крестьян Роза-Люксембургского сельсовета не состоял в колхозе. По данным на февраль 1934 г. в этом сельсовете «коллективизация проведена на 1,8 % и колхоз «Ротэ Фанэ» в 1933 г. развален». Подчеркивается «антиколхозная активность» религиозного актива. Из 35 немцев – членов общины баптистов Лельчицкого района (д. Дубровка, Дубницкое, Средние Печи) на февраль 1933 г. колхозником не был ни один. По информации на начало 1934 г. два раза предпринималась и провалилась попытка организовать колхоз из немцев – жителей х. Заходы Речицкого района из-за «происков сектантов».

В итоге арестованные, как правило, подвергались заключению в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) на разные сроки. А в начале 1934 г. 6 местных немцев из осужденной группы в 15 чел. получили приговоры от 8 лет ИТЛ до расстрела в том числе и за «призывы к невступлению в колхозы и выходу из колхоза колхозников» [6, д.10757-с, 11853-с, 12169-с, 12903-с, 15129-с, 16568-с, 17070-с, 17296-с].

1934 г. можно считать веховым в «приобщении» немцев к колхозам. В ноябре 1934 г. секретарь Ельского РК КП(б)Б докладывал, что «до 1934 г. коллективизация проходила только среди белорусского и украинского крестьянства. ...И только вторая половина 1934 г. дала надлежащий сдвиг – перелом по коллективизации немецкого крестьянства». В это время в Роза-Люксембургском сельсовете имелось 2 колхоза: «Шлях Рэвалюцыі» – интернациональный (20 немецких хозяйств из 74 хозяйств колхоза, организован в 1930 г.) и «імя Тэльмана» – немецкий (10 немецких хозяйств из 11, организован в октябре 1934 г.) [5, Ф. 3465. Оп. 2а. Д. 304. Л. 1].

В Березовском сельсовете на декабрь 1934 г. наблюдается следующая картина. В Березовке – колхоз «імя Розы Люксембург» (16 из 23. Всего немецких хозяйств в деревне – 62. Организован в 1931 г.). В Осиповке – 40 немецких хозяйств из 80 были организованы в 2 колхоза: «Красны каланіст» (28 хозяйств, организован в 1933 г.) и «імя Тэльмана» (12 хозяйств, организован 3 декабря 1934 г.). В Майдане (62 немецких хозяйства), в Антоновке (70), в Красиловке (40) колхозов не было. В Хатках Хатковского сельсовета в это же время в интернациональном кол-

хозе «Новая Искра» было 64 немецких хозяйства из всех 84 хозяйств немцев этого населённого пункта. Обобщая ситуацию с коллективизацией немцев в Наровлянском районе в целом, начальник местного райотдела НКВД отмечал, что в колхозах находится 36 % немецких хозяйств. При этом 25 % – только вступивших, «после ликвидации (подчеркнём, очередной. – В. П.) к/р формирований» [5, Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 57. Л. 10-11].

На «Схематическом чертеже земель колхоза «Шлях Рэвалюцыі» Роза-Люксембургского сельсовета», датированном 1 марта 1935 г., среди колхозных земель отмечены массивы и дисперсные участки единоличников: Драта Адольфа и Рейнгарда, Верман Герты и Гульды, Бульца Ивана, Педа Альберта, Лангаса Августа и Карла и др. [4, Ф. 75. Оп. 1. Д. 162. Л. 1].

При компактном проживании немецкого населения в Мозырском регионе именно здесь находились практически все немецкие национальные колхозы БССР. По данным на 1935 г., из 10926 колхозов республики 246 колхозов были национально польскими, 25 – русскими, 19 – украинскими, 10 – немецкими [1, Ф. 4. Оп. 3. Д. 247. Л. 79]. На 1 января 1936 г. в Мозырском округе имелось 8 национальных немецких колхозов: 2 («Шлях Рэвалюцыі» и «імя Тэльна») в Роза-Люксембургском сельсовете и 6 («імя Розы Люксембург», «імя Карла Лібкнехта», «Чырвоны камуніст», «Новы Майдан», «імя Тэльна», «Новая Антоўка») – в Березовском. Аналогичная картина наблюдается и на 1 сентября 1937 г. – те же колхозы при отсутствии «Чырвонага Камуніста» [5, Ф. 69. Оп. 3. Д. 58. Л. 222-223; Оп. 4. Д. 87. Л. 1]. В конце 1937-38 гг. устраняется само понятие «национальные колхозы» одновременно с реорганизацией национальных школ в обычные, усилением практики «денационализации» национально-культурных автономий – сельсоветов, местечковых советов.

В арестах, проводимых органами НКВД в среде местного немецкого населения во второй половине 30-х гг., ярко выражен «антиколхозный след». Так, в 1936 г. в Ельском районе была «вскрыта» очередная «контрреволюционная националистическая группировка из немцев-единоличников». Помимо прочего арестованные в разные годы и по разным «операциям» НКВД обвинялись в «срыве коллективизации немецких хозяйств» (1935 г.), «разложении колхозов» (1937 г.), «активной вредительской деятельности в колхозе» (1938 г.). По данным следствия и обвинения на 1936 г. в д. Антоновке в колхозе состояло 28 немецких хозяйств из 58. В д. Красиловке этого же Наровлянского района 15 хозяйств немцев-единоличников к июлю 1938 г. не вступили в колхоз [6, д. 10007-с, 11376-с, 13834-с, 17113-с, 18319-с].

В целом сочетание понятий «местные немцы-крестьяне» и «колхоз» представляет собой ярко выраженную антиномию.

Коллективизация являлась для немцев конкретным выражением формировавшейся «оси зла» в проводимой по отношению к ним государственной политике. Как немецкое население все более становилось для власти «неудобным этносом», так и власть для немцев всё более олицетворялась с насилием, очередной раз реализованным в депортации немецкого населения БССР в связи с началом Великой Отечественной войны.

1. Национальный архив Республики Беларусь.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Сбор законов БССР. №38. 15 съезжа 1930 г. Аддз. II.
4. Зональный государственный архив в г. Мозыре.
5. Государственный архив общественных объединений Гомельской области.
6. Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области.
7. Пичуков В. П. Миграции немецкого населения белорусского Восточного Полесья в 20-30-е годы XX в. // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур. Мат. междунар. научно-теорет. конф. Витебск, 2003. С. 167-168.
8. Пичуков В. П. Немецкое население Мозырского Полесья в условиях голода 1932 – 34 гг.: экологический и социальный аспекты // Гомельщина: Экологические проблемы региона и пути их решения. Мат. Гомельской обл. научно-практической конференции (14 апреля 2004 года). Гомель, 2004. С.79-84.
9. Пичуков В. П. К вопросу о политических репрессиях в БССР в 1930-е гг. в связи с немецкой благотворительной помощью // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур. Мат. междунар. научно-теорет. конф. Витебск, 2001. С.103-105.

ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ В ИСТОРИИ РОССИИ (XIX – начало XX в.)

Прежде чем перейти к изложению основного материала, отметим следующее:

1. В данном сообщении речь будет идти о роли и месте немецко-меннонитского населения лишь одного из регионов их поселения, а именно, юга Российской империи, ставшего позже органической частью Украины.

2. Крупные анклавы немцев и меннонитов, занятых сельскохозяйственным производством в других районах Российской империи (в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке), процессы, проходившие в них, сознательно нами опущены по причинам масштабности материала и невозможности в одном сообщении представить его даже фрагментарно. Кроме того, при наличии ряда специфических особенностей процессов, проходивших в них, присутствуют и явно доминируют элементы, свидетельствующие о системной унификации важнейших черт событий и явлений, имевших место на всей территории Российской империи и СССР.

3. За рамками сообщения остались городские немцы и меннониты. Изучение их судеб в контексте истории дореволюционной, межвоенной и послевоенной ещё во многом предстоит.

4. Не касаемся мы и вопросов религиозной, социокультурной жизни колонистов.

Последние полтора десятилетия стали периодом напряжённой работы по восстановлению отечественной истории. Немалое место среди проблем, ранее практически не освещавшихся, занимает история пребывания этнических немцев на территории нашей страны, их участие в хозяйственной, культурной и общественной жизни.

С середины 90-х гг. XX ст., когда появились первые работы, посвящённые немцам и меннонитам в России [1], объём литературы по проблеме начал стремительно увеличиваться. Особенно активно изучаются вопросы переселения в Россию [2], внутренней миграции в XIX-XX ст. [3], правовые и государственно-политические аспекты жизнедеятельности немецкой диаспоры в России и в СССР [4], экономическая [5] и духовная жизнь немецкого населения в контексте исторического развития государства [6], влияние социальных потрясений на судьбы народа, когда немецкие и меннонитские сообщества оказывались в экстремальной ситуации как в силу этнической принадлежности, так и в связи со спецификой религиозных воззрений, хозяйственной деятельности и т. д. [7].

Большой массив литературы относится к периоду Великой Отечественной войны, повлекшей за собой кардинальные изменения в жизни украинских и российских немцев [8].

Заметный вклад в исследовательскую работу внесли сотрудники Института украинско-германских исторических исследований, работающего при кафедре всемирной истории Днепропетровского национального университета. Среди нескольких сотен подготовленных ими материалов – статьи, монографии, освещающие различные аспекты проблемы [9].

Итогом многолетней историко-этнографической, экспедиционной и исследовательской работы стала вышедшая в июле 2006 г. коллективная монография, освещающая историю меннонитских колоний Екатеринославщины [10], включившая в себя лишь небольшую часть собранного и обработанного материала.

Комплексные исследования аналогичного характера предпринимаются учёными Одессы [11], Симферополя [12], Донецка [13], Николаева [14].

Важно отметить, что большинство авторов стремится объективно показать особенности жизни немецкого населения в условиях специфического этнонационального окружения, оценить вклад колонистов в социокультурное развитие регионов.

Вместе с тем в некоторых исследованиях встречаются бездоказательные положения (часть которых носит сугубо политизированный оттенок) о том, что этнические немцы так и остались инородным телом на территории России. Есть случаи, когда их рассматривают как людей, захватывавших всё новые и новые земли в ущерб автохтонному населению. При этом авторы оперируют статистическими данными, не удосуживаясь проанализировать причины увеличения сельскохозяйственных площадей, принадлежащих немцам и меннонитам. И уж совсем ненаучной оказывается оценка немцев и меннонитов как своего рода «туристов», побывавших на просторах Украины и отбывших в другие, более «комфортабельные» места.

Подобные заявления в определённой степени перекликаются с утверждениями ряда российских авторов, прозвучавшими в конце XIX ст. и особенно усилившимися накануне Первой мировой войны, о «немецком засилии», о «немцах-колонизаторах», о «мирном завоевании немцами России» [15].

Эти, с позволения сказать, «исторические пассажи» давно уже были опровергнуты серьёзными исследователями и осуждены общественностью как шовинистические. Однако, к сожалению, мы вынуждены сегодня констатировать, что в отдельных работах стал вновь появляться явный негативизм в оценке роли и места немецкого этноса в судьбах России и Украины.

Ни в малейшей степени не идеализируя образ «российского немца», мы хотели бы высказать свою точку зрения по поводу того, кем же были немцы и меннониты, проживавшие на территории нашей страны – поселенцами-колонистами или колонизаторами.

Прежде всего, нужно отметить, что термин «колонизация» означает массовую иммиграцию граждан из какой-либо страны в силу перенаселения, политических и религиозных гонений и т. д. и освоение, «обживание» ими новых территорий [16]. Напомним, что это явление не имеет ничего общего с колониализмом – государственной политикой, направленной на приобретение и расширение владений в других частях света с целью найти рынки сбыта для избытка товаров фабрично-заводской промышленности [17].

Исходя из установившейся трактовки данных терминов, рассмотрим историю появления и пребывания представителей немецкого этноса на землях отечества. Первое упоминание о немцах на юге относится к X ст. (купцы, миссионеры, путешественники). В XI ст. в Киеве, Луцке и Владимир-Волынском были основаны торговые представительства ганзейских купцов. Расширению немецких поселений способствовали политические контакты, династические браки. В XI ст. известны три брачных союза киевских князей с немецкими династиями. В частности, дочь киевского князя Всеволода Ярославовича, Евпраксия, была супругой германского императора Генриха IV.

Позже в западных регионах Украины появились немецкие торговцы, ремесленники, крестьяне. Последних было меньше, чем городских немцев. Немецкое купечество, ремесленники добились для себя в XII-XIV ст. Магдебургского права, которое со временем получили целые города (Киев, Львов, Луцк, Каменец-Подольский). Эти контакты прервало татаро-монгольское нашествие. После изгнания захватчиков галицко-волыньские князья встали на путь приглашения в свои земли немецких мастеров, строителей, торговцев. Встречались немцы и среди украинского казачества на Запорожской Сечи.

Присоединение Украины к России в XVII ст. усилило турецкую экспансию на эти земли. Результатом стала русско-турецкая война 1676-1681 гг., закончившаяся подписанием Бахчисарайского мирного договора 1681 г., признавшего присоединение Левобережной Украины и Киева к России. Границей между нею и Турцией становился Днепр. Серия русско-турецких войн (1686-1699, 1735-1739, 1787-1791) имела своим итогом присоединение к России Азова, побережья Азовского моря, Крыма, а значит – получение ею свободного выхода к Чёрному морю.

Новые территориальные приращения России в XVIII ст. и ликвидация Запорожской Сечи резко изменили миграционную и демографическую ситуацию. В начавшемся интенсивном заселении южных земель, обозначились две тенденции: свободная народная колонизация и регулируемое и стимулируемое властями переселенческое движение. Народная и правительственная колонизации переплетались и сосуществовали параллельно. Каждая из них имела свои цели и решала свои задачи.

Доступ иностранным колонистам в новые владения Российской империи открыли специальные правительственные мероприятия, начатые с 1751 г. На первый план в тот период выходили военно-стратегические соображения: с помощью иностранных переселенцев планировалась защита границы малозаселённых районов Малороссии и Слобожанщины. Однако практика создания военизированных поселений впоследствии не оправдала себя.

Следующий этап переселенческой политики российского правительства начался в 60-е гг. XVIII ст. Теперь на первый план выдвинулись вопросы хозяйственного освоения новых земель. С момента публикации Манифеста Екатерины II от 4 декабря 1762 г., приглашавшего переселяться в Россию «всех желающих иностранцев», под практику привлечения в Россию немцев была подведена юридическая основа [18]. Необходимость активизации переселенческого движения, поиск путей повышения его эффективности, заставили обратиться к международному опыту. Так появился Манифест от 22 июня 1763 г., где была оговорена система льгот и обязательств правительства России по отношению к переселенцам.

Первые немецкие колонии на юге появились в 1763-1774 гг., тогда на Черниговщине возникли шесть поселений (Кальчиновка, Рундевизе, Белые Вежи, Городок, Большой Вердер, Малый Вердер). В конце 80-х гг. XVIII ст. переселились ещё 228 немцев – данцигских лютеран и меннонитов. Они основали восемь колоний: Хортица, остров Хортица, Нейндорф, Розенталь,

Эйнлаге, Кронсвейде, Нейнбург, Шенгорст. Немецкие колонии возникли в Херсонской, Таврической губерниях, на Киевщине, Харьковщине.

Основными регионами расселения немцев стали южные, имевшие название Новороссии, а также западные земли. В 1858 г. в южных губерниях проживало 138,8 тыс. немцев. Спустя сорок лет, по первой переписи населения России здесь уже было 377,8 тыс. человек, что составляло 3,5 % населения Новороссии [19].

В 50-х гг. XVIII ст. немецкие колонии стали появляться в Галиции, на Буковине, в Закарпатье. Со временем возникли немецкие поселения и на Волыни, где по переписи 1897 г. немцы составляли 5,7 % (171,3 тыс.) всего населения края [20].

Немецкие колонисты и меннониты, прибывшие на эти земли, были разнородны в социальном отношении. У них существовали разные побудительные мотивы для переселения. Одни выезжали в силу религиозных мотивов (меннониты), другие спасались от неблагоприятной для них политической обстановки в условиях наполеоновских войн, третьи покидали родные места вследствие аграрного перенаселения, четвёртые своей миграцией выражали протест против существовавших на родине социальных отношений. Таким образом, стартовые условия для развития колоний были неодинаковы.

Процесс адаптации в новых условиях проходил достаточно сложно. Колонисты оказались в условиях социально-экономического, этнического и естественно-географического контекста, далёкого от условий жизни на земле предков. Кроме того, уже в 1810 г. положением российского Кабинета министров была отменена выплата субсидий переселенцам, а после 1842 г. приехавшие в страну не только перестали получать льготные казённые наделы, но постепенно лишились всех ранее предоставляемых льгот [21]. Тем не менее, наличие плодородных почв, близость к азово-черноморским портам, рациональное использование земли, работоспособность, любовь к порядку, проявление этноконфессиональной специфики в производственной деятельности стали реальными факторами, позволившими колонистам добиться значительных успехов в хозяйственном развитии.

Уже с самого начала своего существования немецкие и меннонитские колонии юга России стали наглядным примером того, что национальное самосознание может длительное время сохраняться при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра. Имевшая место в южном крае естественная ассимиляция инонациональных переселенцев доминирующим этносом региона для немецких и меннонитских колонистов была исключена. Немецко-меннонитские переселенцы не только не подверглись естественной ассимиляции, но наоборот вобрали в себя отдельные малочисленные этносы, приехавшие подобно им осваивать Новороссию (пример франкоязычных швейцарцев колонии Шабо).

Немецкие колонисты и меннониты перенесли на новую почву свои формы материального быта, моральные нормы, этнические идеалы, в меньшей степени общественные институты. Их населения представляли собой вполне определённое хозяйственно-административное и идеологическое целое, включающее общую религию, общинные связи, систему взаимопомощи. Это помогало сохранять высокий уровень национального самосознания в инонациональном окружении. Национальный характер, особенности национальной психологии дополняли особый статус колонистов и отгораживали их от других жителей края. Однако культурно-бытовая изоляция со временем стала нарушаться, и главной причиной этого становились товарно-денежные отношения, необходимость общения в сфере хозяйственной деятельности. Шёл процесс взаимообогащения культур.

В силу объективных и субъективных причин колонисты имели высокий уровень обеспеченности землей. В конце XIX – начале XX ст. зажиточность немецких колонистов, ремесленников, предпринимателей имела тенденцию к непрерывному увеличению [22].

Темпы роста численности колоний были значительны. Так, если в 20-х гг. XIX ст. в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях численность колоний была соответственно следующей: 40, 50, 26, то в 1915 г. их число достигло соответственно 182, 329, 233 [23]. После отмены крепостного права (1861) массовыми стали поселения немцев на Волыни, Киевщине, Слобожанщине.

В ряде районов Юга России группы близкорасположенных немецких и меннонитских колоний образовали целые административно-территориальные единицы – волости, созданные после ликвидации округов в 70-е гг. XIX ст. Удельный вес колонистского населения в них состав-

лял от 50 до 100 % [24]. К 1917 г. подобных колониистских волостей было более 40. Кроме колоний, немцы-колонисты и меннониты проживали в многочисленных хуторах и имениях, купленных или основанных крупными и средними землевладельцами из числа колониистов. К началу революции 1917 г. такие имения и хутора имелись практически в каждом уезде.

Одним из условий наделения колониистов землёй было развитие ими садоводства и степного лесоводства. Первые образцовые лесные массивы были созданы уже в 1806-1810 гг. Большая заслуга принадлежала в этом деле соответствующему обществу, во главе которого стоял И. И. Корнис. На лесопосадки колониисты тратили большие суммы из общественных фондов. Наличие общественного сада было обязательным для каждой колонии [25].

Экономическая деятельность колониистов распространялась на промышленность, связанную с сельским хозяйством. Особенно преуспели в этом меннониты. К 1912 г. им принадлежало на Юге России 25 предприятий, изготовлявших плуги, молотилки, веялки и различный земледельческий инвентарь. Они выпускали продукцию на сумму 23 млн. руб. в год [26]. Во владении немцев-колонистов находилось 12 таких предприятий с годовым оборотом в 3 430 тыс. руб. Роль колониистов в сельскохозяйственном машиностроении была велика. В 1911 г. из 200 паровых молотилок, произведенных в Российской империи, 68 были изготовлены на двух предприятиях меннонитских предпринимателей «Лепп и Вальман» и «Братья Классен» [27]. Важным было влияние колониистов на развитие мукомольной промышленности, но не менее значительным был их вклад в развитие предприятий, производивших строительные материалы. В Мелитопольском уезде (Таврическая губ.) немецким колониистам принадлежали 17 из 22 имевшихся там кирпично-черепичных заводов. В Бердянском уезде (Таврическая губ.) меннониты владели 12 из 37 таких предприятий [28]. Только меннонитская промышленность четырех волостей (Хортицкой, Гальбштадтской, Гнаденфельдской и Николайпольской) производила более 6 % сельскохозяйственной техники всей России и более 10 % – Украины [29].

Крупным торгово-промышленным центром Причерноморья стала Одесса [30]. Иными словами, немецкое и меннонитское производство играло значительную роль в социально-экономическом развитии Юга России.

В целом же немецкие и меннонитские переселенцы, обустроившиеся здесь в XIX в., полностью адаптировались в новой для них обстановке и, по мнению известного исследователя того времени А. Скальковского, составляли лучшую часть земледельческого населения.

Однако со временем в пореформенной России возник и стал набирать силу так называемый «немецкий вопрос», переросший в тезис «о мирном завоевании немцами» России [31]. Появление этого «вопроса» не было чем-то особенным. Ибо в обществе не менее активно обсуждались «польский», «еврейский», «украинский» вопросы.

Специфика «немецкого вопроса» в южных губерниях состояла в том, что он был отягощён экономическими и геополитическими факторами и порождал страх возможности сецессионных настроений.

Дело в том, что немецко-меннонитские хозяйства достаточно быстро и органично вмонтировались в новые социально-экономические условия [32]. Определённая часть колониистов вела свое хозяйство по капиталистическому типу, формируя слой торгово-промышленной буржуазии, создавая особые экономические зоны. Более того, идеологические постулаты протестантизма и вероучения меннонитов играли роль своеобразных катализаторов хозяйственной, предпринимательской энергии колониистов. Всё это создавало условия для быстрого развития колоний, усиливая тем самым конкуренцию российским производителям, порождая в последних чувство зависти, создавая почву для германофобии. Немецкие колониисты были органически связаны с сельскохозяйственным производством, с землей. Аграрный вопрос у них, как и в России в целом, был главным.

Основной сферой экономической деятельности немецкого и меннонитского населения России в начале XX ст., как и в предшествующий период, оставалось сельское хозяйство. Однако к этому времени существенно изменились роль и место колониистов в аграрном секторе экономики региона. Колониисты заняли лидирующие позиции в некоторых из её отраслей. Мощь колониистского хозяйства в первую очередь была обусловлена значительными массивами пахотных земель им принадлежащих. Основу владений составляли так называемые надельные земли, дарованные царским правительством колониистам в конце XVIII – первой половине XIX ст. в вечное наследственное владение. Площадь таких земель на Юге России составляла 650 тыс. дес. [33]. Однако со временем повсюду стало возникать аграрное перенаселение, наблюдался рост социального напряжения. Не

миновала эта беда и населения немецких, меннонитских колоний. В некоторых из них число безземельных достигало 56-70 % [34].

Желая изменить ситуацию, общины колонистов стали на путь покупки или аренды земли для безземельных, создавая тем самым дочерние колонии. В результате постоянных покупок земель как колонистскими общинами, так и отдельными колонистами, их земельные владения увеличились в несколько раз. К началу Первой мировой войны колонистам принадлежало на Юге России 20 022 035 дес. пахотной земли. Особенно большой их массив располагался в Причерноморье. Так, в Екатеринославской губернии земельные владения колонистов составили 10 % от всей площади обрабатываемых земель, при доле их среди населения – 3,8 %. В Херсонской губернии колонисты владели 8,6 % земли, при доле их среди населения – 4,5 %. В Таврической губернии – 19 % земли, при численности их среди населения – 5,4 %. В некоторых уездах процент земель, принадлежавших колонистам, был значительно выше, чем в среднем по губерниям, в состав которых они входили. В Одесском уезде Херсонской губернии колонисты владели 27,3 % земель, в Тираспольском уезде (Херсонская губ.) – 16,2 %; в Екатеринославском уезде Екатеринославской губернии 19 %, Александровском (Екатеринославская губ.) – 18 %, Бахмутском (Екатеринославская губ.) – 14 %; Перекопском (Таврическая губ.) – 32,7 %. В среднем на каждое немецкое хозяйство приходилось земли в 3 раза больше, чем на проживающего там же украинского крестьянина. Показательной была ситуация и в социальном плане: в 1905 г. из 300 помещиков одесского региона 176 были немцами.

Параллельно этому шёл процесс разрушения дворянского землевладения и продажа земли немецким колонистам. Ситуация усложнялась и ростом цен на землю, увеличением размеров арендной платы, нехваткой земельных площадей у российского крестьянства, проживавшего рядом с немецко-меннонитским населением.

Такое положение не могло не вызвать соответствующей реакции части общества, что и положило начало антиколонистскому, фактически антинемецкому движению. Эти настроения нашли своё отражение в национальной политике государства. Национализм постепенно вытеснял аристократически-космополитический традиционализм, заменяя его православным традиционализмом, ксенофобией национализма.

И, наконец, создание в 1871 г. Германской империи, превратило часть колонистов, ранее остававшихся подданными Баварии, Вюртемберга, Гессена и т. д., в подданных вильгельмовской Германии. Большая политика делалась за столом дипломатических переговоров, на поле боя. Разменными пешками в ней стала судьба российских немцев.

Многочисленные журналы и газеты публиковали материалы по «немецкому вопросу» [35]. С началом Первой мировой войны в России началась широкомасштабная антинемецкая кампания. В ней патриотизм солидаризовался с шовинизмом, национализм шёл рядом с этнофобией. Прозвучал призыв к борьбе с «внутренним врагом». Государство приступило к созданию и практической реализации «ликвидационных законов», направленных, прежде всего, против лиц немецкого происхождения как выходцев из страны, с которой Россия находилась в состоянии войны [36].

Дело не ограничилось вопросами землевладения, землепользования, права собственности, использования родного языка. Согласно этим законам (2 февраля и 13 декабря 1915 г.) из прифронтовой зоны высылались все немцы, в том числе и те, чьи сыновья и мужья находились в действующей армии. Запрещалось использование немецкого языка в школах и церквях, издание немецкоязычных газет и книг. В ряде губерний запрещалось собираться вместе больше чем 2-м немцам-мужчинам, ликвидировалось «немецкое землепользование». Речь шла не просто о нарушении прав граждан, но и прав частной собственности. Во многих случаях закон февраля 1915 г. не только не имел здравого смысла, но и оскорблял этнические чувства. Несправедливым в этом законе было и то, что в то время как «немецкий колонист шёл как русский солдат на войну, рискуя своей жизнью», в тылу у него отбирали землю» [37]. Действительно, в годы Первой мировой войны в русской армии находилось около 250 тыс. бывших колонистов. Были среди них раненые и убитые, награждённые орденами, медалями. Более 15 % меннонитского населения проходили санитарную службу в военных ведомостях. Кроме того, ряд меннонитских предприятий успешно выполнял большие военные заказы.

Земля была одной из ключевых проблем России того времени. От способа решения аграрного вопроса, зависело не только социальное спокойствие страны в будущем, но и само её будущее. Российская армия в большинстве своём состояла из вчерашних крестьян. И им было обещано, что

после возвращения с фронта они получают землю из земельного фонда, созданного за счёт земель немецких колонистов. Эта идея многократно повторялась на страницах прессы.

В такой обстановке трудно было рассчитывать на цементирующий эффект морального фактора (в личности самодержца) в воюющей стране. Напротив, социально-политическая обстановка России 1915-1917 гг. даёт в определённой мере ключ к пониманию последующих политических событий, связанных с отречением Николая II, гибели царской семьи, революции и кровопролитию гражданской войны, последовавшей за ней. Именно в этот период произошло своеобразное наложение экономического, политического и национального факторов. Это придавало происходившим процессам характер тектонической катастрофы, последствия которой сказались на всей последующей истории. События периода Первой мировой войны стали начальным этапом разрушения национальной самобытности немцев России.

Февральская революция 1917 г. была воспринята немцами и меннонитами в основном с удовлетворением, ибо в ней они увидели силу, освободившую их от самодержавия, нанесшего им в последние годы своего существования тяжёлые материальные и моральные утраты.

Провозглашённые Временным правительством демократические свободы: равноправие всех граждан, свобода слова, совести, печати, союзов и т. п. отвечали их политическим идеалам. Весной 1917 г. Временное правительство приостановило (но не отменило) исполнение ликвидационных законов и сняло запрет на издание немецкоязычной прессы.

Однако Временное правительство не смогло удержать ситуацию под своим контролем. Усталость от войны, нерешённость основных вопросов и, в первую очередь, земельного, политизировало общество, подталкивая наиболее заинтересованные его силы (крестьян, солдат, основная масса которых рекрутировалась из тех же крестьян, рабочих) на сторону радикальных политических сил. Революционные волны одна за другой катились по просторам империи. За февралем последовал Октябрь 1917 г. [38].

В Украине события развивались согласно общероссийскому «сценарию», но при наличии своих национальных и региональных особенностей. После Февральской революции крестьяне, страдавшие от аграрного перенаселения, присвоили около 60 % земли и инвентаря, ранее принадлежавшего помещичьим хозяйствам. Но земля была не только у помещика, ею владели хуторяне, колонисты. Они также становились объектом насилия. Процесс этот принял лавинообразный характер и не прекращался вплоть до подписания Брестского мира в марте 1918 г. и вступления в Украину немецко-австрийских войск.

Положение в Украине не позволяло ей выполнять межгосударственные договоренности о поставках продовольствия, жизненно необходимого для немецкого командования. Это заставило его встать на путь непопулярных мер – с помощью австро-немецких войск изымать хлеб у населения [39]. В этот момент стали выявляться моменты этнофобии, породившие «революционный национализм».

Если до войны и революции украинское население проявляло в отношении немцев и меннонтов этнотерпимость, которая обуславливалась, скорее всего, общей архаичностью политической культуры и неразвитостью отечественного национализма, то присутствие и действия австро-немецких войск в Украине в 1918 г. стали своего рода катализирующим фактором для развития межэтнических конфликтов. Кроме того, правительство П. Скоропадского, пришедшее к власти после роспуска австро-немецким командованием Центральной Рады, восстановило право частной собственности на землю. А это означало необходимость возвращения крестьянами захваченной самочинно или полученной от Советов земли и инвентаря бывшим владельцам. Для реализации этого в села направлялись карательные отряды, действовавшие совместно со специальными немецкими и австро-венгерскими военными частями. Тем временем на хутора, в имения стали возвращаться колонисты. Они обращались за помощью к этим воинским подразделениям.

Следующим моментом, провоцировавшим этнофобию, было активное участие колонистов, главным образом из числа потерпевших от экспроприации, вместе с другими крупными землевладельцами, в акциях по ликвидации революционного движения в украинских селах [40]. Всё это усиливало антинемецкие настроения в обществе. В то же время богатые хлебом, скотиной, имуществом, их поселения стали объектом реквизиций и грабежей различных военно-политических формирований, просто преступных банд. В этой ситуации с лета 1918 г. немецко-меннонитское население начало принимать меры по организации самообороны. Помощь им в этом оказывало командование австро-немецких частей.

В то же время создание отрядов самообороны противоречило одному из основных постулатов меннонитской веры – отказу от ношения оружия и прохождения военной службы. Однако угрозы самой жизни заставила меннонитов создавать отряды самообороны во многих своих колониях.

Вывод австро-венгерских и немецких войск с Украины и очередной этап гражданской войны, порождавший лютое противоборство между белыми, красными, сторонниками С. Петлюры, зелёными, махновцами обернулся для населения Украины очередным витком кровавых столкновений [41]. Для немецко-меннонитского населения такое развитие событий стало поистине трагичным. Ненависть украинского населения к политике реквизиций, реставрации прав собственности, проведённая раньше немецко-австрийскими войсками, обрушилась на колонистов. Кроме того, часть политических деятелей почувствовала возможность, с выгодой для себя, манипулировать различными сочетаниями социализма и национализма. Небывалых размеров достиг этнонациональный компонент.

Таким образом, можно утверждать следующее:

– немецко-меннонитские поселения сформировались в специфических экономических районах, главной чертой которых было свободное развитие товарно-денежных отношений и предпринимательской деятельности. Формирование «особых зон» было результатом асинхронности исторического развития региона в условиях специфической политики колонизации. Однако изучение механизмов, стимулов и факторов развития, особенно меннонитского предпринимательства, показывает, что следует отказаться от популярной в современной историографии идеи отводить меннонитскому региону роль своеобразного движущего механизма, который способствовал экономическому развитию окружающих территорий. Данный тезис можно считать за истину лишь при рассмотрении отдельных периодов истории меннонитов на Юге России. Для Российской империи наличие таких промысловых центров, в сравнении с соседними большими угольно-металлургическими комплексами Донбасса и Криворожья, безусловно, имело локальное значение, но оно содействовало общему экономическому развитию южного края;

– жизнь немецко-меннонитского населения южных регионов России на протяжении XIX–XX вв. зависела не только от внутренней политики государства, в условиях которых они существовали, но и от внешнеполитической ситуации. Отношения с Германией проецировались и на отношение правительства к «внутренним немцам». Социально-экономические изменения второй половины XIX в. в российском обществе и развитие международных отношений стали основой начала процесса трансформации позитивного образа «русского немца» в негативный. Коренным перелом в отношении к русским немцам в общественном сознании значительной массы россиян произошёл непосредственно под влиянием Первой мировой войны. Если до войны и революции население Юга России проявляло в своей массе по отношению к немцам и меннонитам этнотерпимость, то присутствие и действия австро-немецких войск в 1918 г. стали своеобразным катализатором для развития межэтнических конфликтов.

Однако в 20-е гг. XX в. в условиях известной нормализации межнациональных отношений (на советских принципах), реализации политики коренизации и нормализации отношений с Германией, немецкое население России получило шанс для своего развития в новых социально-политических условиях. Однако уже в 30-х гг., в связи с формированием тоталитарной системы в СССР, на фоне ухудшения отношения с нацистской Германией против немецкого населения начались масштабные политические репрессии. Гильотина репрессий практически непрерывно опускалась на жителей немецких сёл, на немцев, проживавших в городах. Все они обвинялись в шпионаже, вредительстве, контрреволюционной деятельности. Репрессивная политика в отношении советских немцев не прекращалась фактически до конца 50-х гг. XX ст. Это привело почти к полной утрате Советской Украины своего немецкого населения и уничтожения его культуры.

1. Кулинич І. М., Кривець Н. В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. – К., 1995: Чирко Б. В. Національні меншості України в 20-30-х рр. – К., 1995: Малиновский Л. В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998: Ченцов В. В. Трагические судьбы. – М., 1998.
2. Плеве И. Р. Приём иностранных колонистов в России и отправка к месту переселения в 60-х годах XVIII в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998.
3. Малиновский Л. Столыпинская реформа и немецкая деревня в России 1900-1917 гг. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941. – М., 2002.

4. Шадт А. Правовой статус немецких колонистов в России XVIII – XIX вв. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941. – М., 2002; Бобилева С. Міжнародний досвід у європейському законодавстві про іноземних колоністів XVIII ст. // Німецькі колонії Галичини. – Львів, 1996.
5. Венгер (Осташева) Н. Формирование торгово-промышленной элиты на территории меннонитских колоний юга Украины (вторая половина XIX в. – 1917) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941. – М., 2002; Малиновский Л.В. Немецкие фермеры-колонисты и капиталистическое развитие Юга России в XIX-начале XX вв. // Немцы России в контексте Отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М., 1999; Бобылева С. И. Немецкие колонисты и социально-экономическое развитие Юга Украины первой половины XIX // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 1995.
6. Черказьянова И. В. Школьное образование российских немцев (Проблема развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII-XX вв.). – СПб., 2004; Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917-1938). – М., 1999; Безносова О. В. «Германский вопрос» глазами русских баптистов: религиозная вера и национальная самоидентификация // Немцы России в контексте Отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М., 1999; Бобилева С. Система освіти в німецьких та меннонітських колоніях Півдня України: становлення та розвиток (XIX – початок XX ст.) // Етнічна історія народів Європи: 36. наукович праць. Вип. 16. – К., 2004.
7. Осташева Н. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. – М., 1998; Турченко Г. Ф. Політичне життя німецькомовної етнічної групи Південної України в 1917-1918 рр.: проект «Крим-Таврида» // Південний архів. Історичні науки. Вип. 15. – Херсон, 2004; Безносов А. И. Гражданская война // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вип. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002; Он же: К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917-1921) // Вопросы германской истории. Немцы в Украине. – Днепропетровск, 1996; Бобылева С. И., Кадол А. И. Антинемецкие кампании в России и судьбы немецкого населения в начальный период Первой мировой войны // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2005; Бобылева С. И. К вопросу о причинах трагических событий в меннонитских колониях Юга Украины в годы гражданской войны // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2005.
8. Айсфельд А. Немецкие этнические меньшинства в странах Средневосточной и Восточной Европы накануне и в первые месяцы Второй мировой войны в политике Третьего рейха / Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941-1945. – М., 2001; Герман А. А. Советские репатриационные документы Великой Отечественной войны в послевоенное время // Велика Вітчизняна війна 1941-1945 років: Сучасні проблеми історичної освіти і науки. – Дніпропетровськ, 2005; Клец В. К. Эвакуация и репатриация немцев и меннонитов Украины в 1943-1945 гг. // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2005; Он же: Участие этнических немцев Советского Союза в антифашистском движении на оккупированной территории (1941-1944) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941-1945. – М., 2001.
9. Осташева Н. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914-1931 гг. – М., 1998; Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII- первая половина XIX в.) / Под ред. С. И. Бобылевой. Арт-Пресс, 1999; Вопросы германской истории: Сб. научн. статей. – Днепропетровск, РИО (РВВ) ДНУ, 1995-2005.
10. Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. – Днепропетровск: Оксамит-Текс, 2006.
11. Плесская-Зебольд Э. Г. Одесские немцы. 1803-1920. – Одесса, 1999; Шевчук В.А. О проблеме «мирного завоевания» Юга Украины немецкими колонистами (вторая половина XIX в. – 1914 г.) // Вопросы германской истории. Немцы в Украине. – Днепропетровск, 1996.
12. Дынгес А., Дынгес Ю. Кто такие российские немцы? – Донецк, 2004.
13. Немцы в Крыму. – Симферополь, 2000.
14. Козирева М. Е. Слідча справа Новоамериканського загону самооборони // Велика Вітчизняна війна 1941-1945 років: Сучасні проблеми історичної освіти і науки. – Дніпропетровськ, 2005.
15. Велицын А. А., Платов А. А. Немцы в России. – СПб., 1893; Шелухин С. Немецкая колонизация на Юге России. – Одесса, 1915; Сергеев И. И. Мирное завоевание России немцами. –

- Петроград, 1917; Ренников А. (Селитренников А. М.). Золото Рейна. – Петроград, 1915.
16. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: Эксмо, 2002. – С. 296.
 17. Там же.
 18. Мыш М. И. Об иностранцах в России. Сб. указаний, трактатов, конвенций с правительственными и судебными разъяснениями. – СПб., 1888; ПСЗРИ. – Т. XVI. – № 11853, № 11879, № 11880.
 19. Линдеман К. Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников: Указы 2.02 и 13.12 1915 и 19.08 1916 и их влияние на экономическое состояние Южной России. – М., 1917.
 20. Костюк М. П., Нойтац Д. Волынские немцы // Немцы России: Энциклопедия. – Т. 1. А-И. / Редкол.: В. Карев (пред. редкол.). – М.: ЭРИ, 1999. – С. 395.
 21. ЦГИАП. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 30. Л. 48, 49; Линдеман К. Э. Указ. соч. – С. 132.
 22. Список населенных мест Херсонской губернии (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.). Изд. Херсонской Губернской Земской Управы. – Александрия, 1917.
 23. Український Vaterland. – Дніпропетровськ: Січ, 2005. – С. 11-12.
 24. Линдеман К. Э. Указ. соч. – С. 132. Там же.
 25. Український Vaterland.- Дніпропетровськ: Січ, 2005. – С. 13-14.
 26. Осташева Н. Промышленность и предпринимательство // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002. – С. 186.
 27. Осташева Н. «Лепп и Вальман» // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002. – С. 119.
 28. Осташева Н. Промышленность и предпринимательство // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002. – С. 187.
 29. Epp G. Mennonite – Ukrainian relation (1879-1945) // J.M.S. – 1989. – № 7. – P. 136.
 30. Плесская-Зебольд Э. Г. Одесские немцы. 1803-1920. – Одесса, 1999.
 31. Велицын А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. – СПб., 1893; Каменский П. В. Вопрос или недоумение. – М., 1895.
 32. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М., 1997; Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973; Дякин В. С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. – Л., 1971; Зеев В.С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 1. Германские капиталы. – СПб., 1915.
 33. Линдеман К. Э. Указ. Соч., – С. 132.
 34. Вестник Европы, 1860. – Т. 3. Ч. 4. – С. 710.
 35. Бобылева С. И. Общественное мнение России конца XVIII – начала XX в. о российском немце // Вопросы германской истории: Днепрпетровск, 2004. – С. 23.
 36. Бобылева С. И. Материалы Особого Комитета как источник по истории судеб немецкого населения периода Первой мировой войны // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871-1941 г. – М., 2002. – С. 495-506.
 37. Михайловский Г. М. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920. – М., 1993. – Кн. 1. – С. 68.
 38. Анатомия революции 1917 года в России: массы, партии, власть. – СПб., 1994.
 39. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. – Ф. 1216, Оп. 1, д. 96, л. 233, 235.
 40. Гражданская война на Екатеринославщине. – Днепрпетровск, 1968. – С. 35-36.
 41. Михайлюк О. В. Про деякі особливості соціально-політичної психології українського селянства в період революції та громадянської війни (1917-1920 рр.) // Питання аграрної історії України та Росії (XVIII-XX ст.). – Дніпропетровськ, 1999. – С. 146-152.

РАЗДЕЛ III. ДОСТИЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЁ РОЛЬ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ БЕЛАРУСИ

Стариков В. И. (ГИПКиПРРиС Министерства торговли РБ, г. Минск)

ГЕРМАНИЯ В КОНТАКТЕ С МИРОМ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

2001 год был объявлен ЮНЕСКО международным годом диалога культур. И это символично и актуально, ибо современные нации определяют себя не через разграничение, а на базе диалога, консенсуса относительно действующих в обществе правил взаимоотношений и сотрудничества. Этот общий базис создает пространство для признания множества правил, культурно-обусловленных индивидуальными жизненными формами. Только на основе такого консенсуса индивиды и целые страны могут выходить из заданных культурных рамок и уважать другие идентичности. Искусство и культура – наиболее адекватные средства трансцендирования собственной культурной идентичности и лучшего понимания самих себя как во внутриобщественном, так и в международном диалоге. И хотя 2001 год уже принадлежит истории, диалог культур не закончился и должен продуктивно продолжаться.

Понятно, что наибольший вклад в диалог культур вносят международные метрополии: Нью-Йорк с его галереями, Париж с его музеями, Венеция с Биеннале и другие. Но, несомненно, серьёзным «собеседником» в диалоге являются немецкий город Кассель и Германия в целом. Официальным вкладом Германии в диалог культур считается, например, берлинский Интернет-проект «lyrikline», «Строительство Вавилонской башни» – многонационального творчества театра в Мюльхайме, годовая программа берлинского Дома культур. Что касается города Касселя, то здесь регулярно, каждые четыре – пять лет, проходит dokumenta – одна из крупнейших выставок современного искусства, «шоу мирового искусства», показатель интенсивности творческого брожения в мастерских различных стран мира. Ей предшествуют международные конференции, на которых идет речь о политико-социологических темах, о вопросах демократии и различных правовых системах, о культурных переменах или урбанизации.

Примечательно, что немецкая культура не сосредотачивается в столице, как это наблюдается во многих странах, а рассредоточена по всей стране. Примечательно и то, что различные города Германии постепенно как бы специализировались на какой-то одной области культуры. В Дармштадте, например, находится Германская академия языка и литературы, ежегодно присуждающая самую важную в Германии литературную премию – Премию имени Бюхнера. В городе Донаушинген проводится знаменитый Фестиваль современной классической музыки. Город Вупперталь считается колыбелью и бастионом театра танца (сочетает в себе драматическое и балетное искусство), который приобрел мировую славу.

Кроме того, Германия располагает большим числом музеев (около 5600): Национальные картинные галереи 19-20 веков, Пергамон-музей с одной из лучших в мире коллекцией античного искусства, Брюкке-музей, два музея искусства Египта (Берлин), Городской музей изобразительных искусств, Музей природоведения имени Зенкенберга, Музей архитектуры, Музей прикладного искусства, Музей еврейской истории и культуры (Франкфурт-на-Майне), Земпер-галерея, которая может похвалиться непревзойденными собраниями картин художников ренессанса, барокко, романтизма и реализма (Дрезден), в Старой и Новой пинакотеке выставлены знаменитые шедевры европейской живописи (Мюнхен), Международной известностью пользуются Шпренгелль-музей в Ганновере, Гамбургская государственная картинная галерея, Фолькванг-музей в Эссене, государственные картинные галереи в Дюссельдорфе и Штутгарте. Ни для кого не секрет, что именно экспонаты музеев восполняют проблемы высшей школы, делают историю, культуру осязаемой. Музеи накопили не только богатые экспозиции, но и методы работы с посетителями и, прежде всего, с молодежью. Краеведческие научные конференции, предполагающие активные диалоги участвующих сторон, общие и тематические экскурсии по залам музеев, лекции на самые разнообразные темы – всё это и многое другое вносит значительный вклад в обретение культурных ценностей молодым поколением, от уровня развития которого зависит, какое общество сформируется в будущем.

Ежегодно в Германии проводится множество репертуаров и премьер. Превосходными театрами располагают Дрезден, Мюнхен, Гамбург, Дюссельдорф, Бохум. Театры оперы и балета есть почти во всех крупных городах Германии (в Берлине их целых три!). А вот оперетта почти изжила себя. Её место занял мюзикл, центрами этого жанра считаются Гамбург, Берлин и Бохум. Кроме того, в стране работают 180 общественных театров, 190 частных и фестивальных сцен.

В центре внимания современного немецкого общества, что отрадно, продолжает оставаться литература. Одна из самых популярных телепередач в стране посвящена новым изданиям. Важным событием культурной жизни являются две международные книжные выставки – Лейпцигская (проводимая весной) и Франкфуртская (осенью), на которые граждане многих стран мира стремятся в поисках бестселлеров, талантов, открытий. И здесь они стараются и в различных диалогах могут получить ответы на интересующие их вопросы: Кто дебютант года? Что занимает авторов? Какие темы актуальны, а какие устарели?

Настоящим «окном в мир» считаются институты имени Гёте, крупнейшая культурно-посредническая организация, отметившая в августе текущего года своё пятидесятипятiletие. Они есть почти в каждой стране мира (148 филиалов), и в них местных жителей знакомят с немецкой культурой и немецким языком. Институты принимают участие в организации гастролей драматических, оперных, балетных театров, устраивают выставки изобразительного искусства.

Германская политика в области культуры ставит целью информировать людей на всех континентах о Германии. Для этого используются и перечисленные нами и другие различные формы. Одной из таких форм мог бы и должен стать международный туризм. Но здесь, к сожалению, ещё очень много проблем и нерешённых вопросов. Особенно это касается работы белорусских министерств – иностранных дел, образования, спорта и туризма. Посещающие Беларусь граждане Германии увозят домой богатые впечатления о первозданной красоте озера Нарочь и Беловежской пуши, величии Полоцкого Софийского собора, средневекового Мирского замка, о музее белорусской культуры в Дудутках и многих других памятниках истории и культуры, которые по количеству занимают четвертое место после России, Украины и Польши. А вот наиболее посещаемыми белорусами являются 11 стран (хотя туристические организации Беларуси сотрудничают более чем с 70 странами мира), первое место из которых занимает Польша, последнее – Германия.

А ведь в этой стране есть что посмотреть, о чём вести культурный диалог: город Любек внесен в список наследия мировой культуры ЮНЕСКО и может гордиться церковью Святой Марии, ратушей, Хольстенскими воротами. Достойны внимания дворцовый комплекс и собор в городе Шлезвиг. Интересны здания ратуши и биржи, причальные пирсы, старый туннель под Эльбой, готический собор Святого Петра, барочная церковь Святого Михаила в городе Гамбурге. В городе Бремен интересны собор XI века, здание ратуши с роскошным фасадом в стиле ренессанс, мощная статуя Роланда – символа городских свобод и прав. Привлекают внимание туристов города Хильдесхайм (собор с тысячелетним розарием, романская церковь Святого Михаила, Дом резчиков по кости), Брауншвайг (крепость Данквардероде, собор, большое число старинных церквей), Гослар (императорская резиденция XI столетия, средневековое здание ратуши), Росток (здание ратуши, церковь Святой Марии, старинные бюргерские дома), Штральзунд (церкви и монастыри XIII – XV веков), Кельн (собор – лучший образец немецкой готики, средневековые церкви), Ахен (часовня с усыпальницей и троном Карла Великого), Бонн (здание ратуши, университет, собор), Потсдам (барочные дворцово-парковые ансамбли и в первую очередь дворец Сан-Суси; дворец Цецилиенхоф, в котором в 1945 г. было подписано Потсдамское соглашение) и, конечно же, Берлин. Об этом городе, являвшемся резиденцией дома Гогенцоллернов и столицей Германии с 1871 по 1945 гг., Бертольт Брехт как-то сказал: «Есть причина, по которой Берлин можно предпочесть другим городам: он постоянно меняется». И это действительно так. Берлинский центр в 20-х годах был интернациональным, сюда съезжались со всего мира, чтобы хоть краем глаза взглянуть на авангардную культурную метрополию. Теперь здесь вновь хозяйничают дизайнеры из разных стран, мультинациональные компании, компьютерные эксперты со всего мира и работники рекламных компаний. Кроме того, сегодня здесь сосредоточено громадное количество культурно-исторических и архитектурных памятников: Бранденбургские ворота, дворец Бельвю, дворец Шарлоттенбург, церковь па-

мента императора Вильгельма, здание рейхстага, колонна Победы, Германская государственная опера, площадь Академии, Французский и Немецкий соборы, десятки музеев мирового значения (Египетский музей, Далемская картинная галерея, Этнографический музей, Национальные картинные галереи, Пергамон-музей, Боде-музей). Поэтому не случайно столица Германии занимает в настоящее время четвёртое место в Европе по развитию сферы туризма, отставая от Лондона, Парижа и Рима.

То же самое (в плане опыта) можно сказать и о сфере образования. Гуманитаризация педагогического процесса в средней общеобразовательной школе Германии свидетельствует сегодня не просто о перестройке преподавания, а о приоритете гуманитаризации в этом процессе. Причём во многих гимназиях проводится эксперимент по введению новой модели «европейской гимназии» – через усиление иноязычного профиля (обязательное изучение трёх иностранных языков). Фундамент гуманитарной подготовки в общеобразовательной средней школе Германии составляют следующие учебные дисциплины: немецкий язык и иностранные языки (английский, греческий, итальянский, французский или латинский, русский или испанский), религия, история и политика, география и экономика, обществоведение и окружающая среда, музыка и изобразительное искусство.

Как известно, одним из основных направлений внешней политики Республики Беларусь является проблема построения общеевропейского дома, которое нуждается в материальном фундаменте – в деловом сотрудничестве в самых различных областях. Растущая политическая и экономическая взаимосвязь стран Европы постепенно ведёт к приданию сходства характеру отношений между европейскими государствами. Это выражается и в том, что в последние годы всё более проявляется интерес к странам с высокой плюралистической культурой (к Германии в том числе), просматривается всеобщая готовность к заимствованию зарубежного культурного наследия, к диалогу культур, ярким примером которого и может служить сегодня Германия.

Высокий уровень общественного сознания, развитие многосторонних политических отношений, динамика сотрудничества, оживление общественных и культурных связей – вот факторы, позволяющие с оптимизмом смотреть на будущее Европы. Все это возможно только в тесном контакте с остальным миром, предполагающем компромиссы, консенсусы, диалоги и, в том числе, диалог культур.

Попко О. Н. (БрГТУ, г. Брест)

КОЛЛЕДЖ ДЛЯ АСПИРАНТОВ «ОСТ-ВЕСТ» ПРИ РУРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (г. БОХУМ, ГЕРМАНИЯ)

В августе 2006 г. исполнилось 5 лет со дня основания колледжа для аспирантов Ост-Вест при Рурском университете (г. Бохум, Германия). Работа колледжа представляет собой интересный и своеобразный опыт для европейского последидипломного образования. Основателями колледжа являются два научно-исследовательских института, работающие в системе Рурского университета: Институт исследования Германии (Institut für Deutschlandforschung) и Институт русской и советской культуры имени Ю. Лотмана (Lotman Institut für russische und sowjetische Kultur). Цель, которая преследовалась при создании колледжа – содействие контактов и сотрудничества молодых учёных Востока и Запада. Финансирование работы колледжа осуществляется за счёт средств, которые представляют следующие немецкие фонды: Фольксваген, Меркатор, фонд Магды и Курта Мёлльгаард и другие.

Рурский университет основан в 1965 г. Это был первый университет в Рурском промышленном регионе. В настоящее время он относится к числу самых крупных высших учебных заведений в Федеративной Республике Германии (35 тыс. студентов и 7 тыс. сотрудников, 20 факультетов). Одним из наиболее многочисленных является филологический факультет, который готовит специалистов в области немецкого, английского, романских, славянских, восточных и других языков. В 1989 г. на базе филологического факультета был создан Институт русской и советской культуры имени Ю. Лотмана. Этот научно-исследовательский институт получил имя русского исследователя в области семиотики Юрия Лотмана (1922-1993). Главной исследовательской проблемой, которой посвящена работа института, является анализ вопроса о взаимосвязи культуры и общества, а также

сравнение процессов, происходящих в России и странах Восточной Европы, с процессами развития культуры в западных странах. Во главе Института русской и советской культуры имени Лотмана встал известный славист и советолог, профессор, доктор Карл Аймермахер. Также в 1989 г. был основан Институт исследования Германии. Институт со дня его основания возглавляет известный германист, профессор, доктор Пауль Герхард Клуссманн. Идея создания колледжа появилась у сотрудников этих двух институтов.

В 2001 г. для обучения в колледже (можно охарактеризовать эту форму обучения как очно-заочную) было отобрано 34 человека из 80 подавших заявки. Отбирали аспирантов-гуманитариев из стран бывшего Советского союза и докторантов из стран Восточной и Западной Европы, которые достаточно хорошо владеют немецким языком, чтобы понимать лекции и участвовать в дискуссиях. Тематика диссертаций должна была соответствовать общей теме, разработанной организаторами колледжа. Для первого цикла была предложена тема «Культура – Власть – Общество». Для второго отбирали аспирантов, чьи темы относились к следующей проблематике: «Национально обусловленные формы сознания и культурные феномены». Тема третьего цикла: «Миграции людей и идей по пути в Европу современности».

Обучение продолжалось в течение 2 лет и было построено следующим образом. Раз в полгода обучающиеся к колледжу приезжали в Бохум на месяц (август 2001 г., март 2002 г., март 2003 г. для первого цикла). После второй сессии каждый получал право провести один месяц в любом городе Германии с целью осуществления своих собственных исследований. Таким образом, каждый из обучающихся проводил в Германии в общей сложности 4 месяца. Для чтения лекций в колледж приглашались известные учёные Германии, лучшие специалисты в области истории, искусствоведения, социологии и других гуманитарных дисциплин. Для ознакомления с культурой и историей Германии во время каждой сессии организаторы проводили экскурсии на три дня в различные регионы страны. В рамках экскурсий обучающиеся в колледже посещали музеи, предприятия, театральные постановки, концерты, открытые лекции и круглые столы.

Участники первого выпуска посетили:

Август 2001 г. – Берлин.

Март 2002 г. – Льеж (Бельгия) – Брюссель (Бельгия) – Маастрихт (Голландия) – Аахен (Германия).

Март 2003 г. – Иена-Веймар – Лейпциг – Эрфурт.

Колледж активно работает над формированием международных научных связей, которые помогут молодым учёным Восточной и Западной Европы лучше понять друг друга, проводить совместные исследования. За те 5 лет существования колледжа для аспирантов Ост-Вест при Рурском университете, в нём обучалось 100 молодых учёных из 22 стран Европы. Самым большим было представительство Германии (26 человек), России (23) и Польши (10).

Таблица 1.

Национальный состав обучающихся в колледже Ост-Вест

Страна	Выпуск 1 (2001-2001 гг.)	Выпуск 2 (2003-2005 гг.)	Выпуск 3 (2005-2007 гг.)
Германия	6	10	10
Россия	10	9	4
Беларусь	2	1	1
Австрия	2		2
Румыния	2	2	1
Грузия	1		
Швейцария	1	1	1
Франция	1		1
Словения	1		
Латвия	1		1
Украина	1	2	
Молдова	2		
Польша	4	4	2
Казахстан		1	

Швеция		1	2
Венгрия		1	
Дания		1	
Литва		2	
Италия		1	1
Нидерланды		1	
Чехия			2
Финляндия			1
Итого – 100	34	37	29

За этот период колледж закончили трое представителей Беларуси, одна белоруска продолжает обучение на третьем цикле.

Таблица 2.

Белорусы в колледже для аспирантов Ост-Вест.

№	Фамилия, имя	Город	Тема кандидатской диссертации
11	Лабода Сергей 1 цикл	Минск	Развитие высшего образования в новых федеральных землях ФРГ между 1990 и 2000 годами.
22	Попко Ольга 1 цикл	Брест	Государственная политика Беларуси в сфере профессиональной художественной культуры (1985-2000 гг.)
33	Буко Валентин 2 цикл	Минск	Католицизм в системе духовной культуры Беларуси и Германии (XIX-XX вв.)
44	Беланович Алесь 3 цикл	Минск	Белорусские оstarбайтеры в Третьем Рейхе с 1941 по 1945 гг.

В первом наборе колледжа проходили обучение 34 аспиранта (докторанта по западной системе), из которых 16 защитили кандидатские (докторские) диссертации по ходу обучения или после окончания. Во втором наборе учились 37 человек, из них 11 на данный момент получили научную степень. В третьем наборе, который проходит своё обучение с 2005 г., обучается 29 человек.

Раз в год колледж выпускает научный журнал «Ост-Вест перспективы», первый номер которого увидел свет в 2002 г. [1; 3] В 2003 г. были опубликованы работы коллегiantов в отдельном сборнике «Культура – Власть – Общество» [2]. В сентябре 2004 г. для выпускников первого набора была организована научная конференция, которая проводилась в университете имени Лучиана Блага в Румынии. 15-19 июня 2006 г. подобную конференцию проводили для выпускников второго цикла во Вроцлавском университете. В сентябре 2006 г. в рамках работы сессии третьего набора колледжа проводился съезд выпускников под названием «Наука и миграция. Мобильность как стимул, шанс и провокация научного исследования». Организаторы и руководство колледжа для аспирантов Ост-Вест при Рурском университете разработали уникальный опыт подготовки научных кадров и содействия их профессиональному росту. Предложенные колледжем занятия по методике ведения научных исследований в гуманитарной сфере, лекции и семинары представляют собой оригинальную модель постдипломного образования.

1. Burka A., Popko O. Die großen und die kleinen Nachbarn. Zu Bestrebungen kultureller Grenzziehungen am Beispiel des Umgangs mit der Sprache in Österreich und in Weißrussland // Ost-West Perspektiven. Eine Schriftenreihe des Promotionkollegs Ost-West. Band 2, Bochum, 2003, s. 155-169.
2. Popko O. Sprachproblem in den kulturellen Prozessen Weißrusslands // Kultur – Macht – Gesellschaft. Beiträge des Promotionskollegs Ost-West, hg. Von Anne Hertmann und Frank Hoffmann, Münster und Hamburg, 2003, Bd. 2, s. 63-74.
3. Popko O. Vorstellung // Ost-West Perspektiven. Eine Schriftenreihe des Promotionkollegs Ost-West. Band 2, Bochum, 2003, s. 236-238.

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ КАРЛА АЙМЕРМАХЕРА

Карл Аймермахер – немецкий учёный, профессор славистики, директор Славянского семинара и руководитель Института русской и советской культуры им. Лотмана в Рурском Университете в Бохуме (Германия), специалист в области русской культуры и её знаток, не только исследователь и коллекционер произведений современного русского искусства, но и внимательный наблюдатель того, что происходит у нас в гуманитарной сфере. К. Аймермахер был практически первым, кто познакомил западного читателя с первыми опытами «московско-тартуских» семиотиков. Он дважды издавал библиографию семиотических работ «Московской Тартуской школы» (1974 г. и 1977 г.) [1]. Выход русского издания книги К. Аймермахера «Знак, текст, культура» [2] позволяет надеяться, что взгляд немецкого исследователя на проблемы развития культуры, позволит нам по-новому осмыслить столь сложный феномен, каким выступает культура. В этом труде автор представляет конкретный анализ и решение методологических вопросов, которые тесно переплетены с общими размышлениями над советской и русской культурой в «теоретико-моделирующем» аспекте. Наиболее важные тематические разделы книги посвящены семиотике, структурализму, культурологии, литературоведению, изобразительному искусству, культурной политике в СССР после революции.

Культурологические исследования К. Аймермахера ориентированы как на широкую базу материала (структурализм и семиотика), так и на создание более строгих верифицируемых методов анализа. Содержание первого раздела книги составляют методологические проблемы: отношение метаязыка и языка-объекта, понятие модели в литературоведении, семиотика анализа и семиотика текста, семиотика и литературоведение, соотношение формализма, структурализма и семиотики. В центре внимания второго раздела книги – анализ работ «Московско-Тартуской» семиотической школы, её принципов, характера и достижений. В этом разделе анализируется становление семиотики в России как особой области целого знания.

К. Аймермахер считает, что наше понимание сущности культуры явно определяется теми же предпосылками, что и понимание текста, и, по сути, ограничено лишь познавательными способностями человека. Нельзя иначе интерпретировать культуру, если не понимать её как единое целое и, исходя из этого, придавать её частям некий «смысл», или наоборот, опираясь на гипотетический «смысл» одной из её частей, например одной из эпох, делать заключение о «смысле» культуры в целом.

В практике научного исследования важно то, каким образом может быть выявлена взаимосвязь части и целого, каким образом мы интерпретируем (т. е. снабжаем «смыслом») культуру как таковую или её отдельные области или хронологические отрезки [3; 15]. При таком подходе понимание культуры оказывается сходным с интерпретацией текста, но при этом опускается то обстоятельство, что у культуры, в отличие от текста, нет столь ясно обозначенных границ. Если же при этом молчаливо подразумевается, что наше понимание мира, культуры и текстов является целиком аналогом нашего сознания, то становится ясно, насколько универсальна и вместе с тем проблематична эта самая прописная истина. Из вышеизложенного автор делает вывод: «...Всё, именуемое нами культурой, её сущностью, её образом бытия, её развитием и даже смыслом – не более как гипотеза, опирающаяся на другие гипотезы, гипотеза, следующая из интерпретации суммированных данных о её частях, подобно тому, как смысл текста художественных произведений выводится из смыслообразующих связей многократных семантических трансформаций» [4; 16].

Всякое высказывание о культуре основано на избранных предварительных положениях, методах познания и целевых установках, а также на понимании и интерпретации взаимосвязи части и целого. Подобно «высказыванию о смысле» некоторого текста всякое высказывание о культуре как таковой или об одной из её эпох представляет собой не что иное, как результат многократно повторенной многоходовой интерпретации, направленной на её компоненты и их взаимодействие. Существенно то, что смысл текста (т. е. представление некоторого идеологического целого) оформляется лишь в зависимости от того, опознаются ли, и если да, то каким образом, его составляющие,

как они формируются и трансформируются. Существенно при этом также и то, на фоне каких иных, т. е. внетекстовых знаков и знаковых систем, тексты конденсируются в соответствующие специфические познавательные модели. В подобном процессе понимания в добавление к каждому субъективному по своему происхождению познавательному интересу существенную роль играют коллективно обусловленные ментальные, психические и социально-психологические установки восприятия, влияние которых также оказывает воздействие на постоянно меняющуюся комбинацию интерпретационных параметров [5; 17].

На основании структурного сходства направленных на цельность моделирующих мир знаковых систем различной степени сложности можно предположить, что свойства отдельных подвергнутых изучению знаковых формаций (например, текстов) действительны и для таких больших систем, как культура. Хотя культура, несмотря на известные методы изучения, не поддается аналитическому разложению вплоть до последних составляющих, и поэтому не поддается и окончательному пониманию. Но всё же есть возможность (подобно тому, как происходит с текстами) ухватить её существенные черты, опираясь на распознаваемые, по крайней мере, до определенной степени структурные принципы и интерактивные механизмы.

К. Аймермахер выделяет факторы, влияющие на интерпретацию культуры (т. е. наделение её смыслами):

- нестабильность объекта исследования – неопределённый набор фактов, гипотез, аналогий, наблюдений – на основании чего в конечном итоге и делаются заключения общего характера;
- произвольность отбора материала из всего многообразия культурных явлений;
- особенности исследовательской концепции с присущими ей специфическими исходными положениями и целевыми установками, на основании которых обобщаются полученные знания, превращая их в основание некоторой теории в соответствии с особенностями, налагаемыми базовой концепцией;
- фактор неопределённости также связан с «языковым» оформлением изучаемого объекта, что зачастую приводит к неоднозначности высказываний [6; 18-19].

Таким образом, отмечает К. Аймермахер, как бы мы не оценивали соотношение объекта исследования и исследовательского инструментария, они как раз являются нашими «костылями» в познавательной деятельности. Эти факторы неизбежно вызывают односторонний характер нашего исследовательского инструментария. Основные «костыли» – неполная рационализируемость объектов исследования и неадекватность методов исследования.

С точки зрения К. Аймермахера, сознание, знаки, знаковые модели, а также культуры – в их фрагментах или в целом – возникают, существуют и исчезают в рамках потенциально всеохватывающего процесса взаимодействия, основная тенденция которого направлена на сохранение, поддержание, но в то же время постоянно подвергается угрозе частичного или даже полного уничтожения. Если обозреть этот процесс на протяжении тысячелетий, то вполне можно проследить некую эволюцию. Качественные скачки в развитии культуры (например, от иероглифического письма к фонетическому) в семиотическом смысле действительно носят фундаментальный характер, однако отмечаются в истории далеко не часто. Вместо действительно качественных эволюционных сдвигов в истории, похоже, преобладает количественная разработка эволюционного потенциала достигнутой фазы развития. Автор отмечает, что поэтому трудно избавиться от ощущения, что значительные сегменты европейской культуры представляют собой результат прощупывания этого потенциала и непрерывной рекомбинации полученных элементов. Возникающая в результате специфика отдельного «культурного текста» (в семиотическом смысле) не является оригинальной. Нам приходится признавать, что в основе европейской культуры лежат древние универсальные возможности текстообразования, и что эта история ориентируется на индивидуальные и определяемые исторической эпохой специфические черты, основанные в первую очередь на принципе отклонения, различения, на опирающееся на них нормообразование, а не образование культуры по некоторым известным до того принципам [7, 26].

Если попытаться постичь культуру в её сущностном образе бытия, то, прежде всего, следует приняться за поиски её наиболее универсальных признаков, охватывающих все культурные явления. К числу таких минимальных универсальных предпосылок, обеспечивающих существо-

вание всякой культуры, по мнению К. Аймермахера, принадлежат следующие признаки, гарантирующие существование, преемственность и динамику культуры:

- постоянное самоутверждение,
- попытка индивидуального и коллективного освоения так называемой «унаследованной культуры», каждый раз предпринимаемая заново,
- критическое осмысление всякого культурного наследия [8; 113].

Историческая универсальность каждой определенной культурной формации (эпохи) следует из специфического образа, которым эти наиболее общие предпосылки всякой культуры характеризуются, в каких пропорциях они сочетаются и как они взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие наиболее ясно выражается в формировании определённых идеологий. Идеологии можно рассматривать как частичные интерпретации исторических ситуаций и процессов, а для отдельных людей и целых социальных сообществ их функция заключается в том, чтобы прояснить отношение к миру в самом широком смысле, к их социальной реальности. С этой точки зрения, культуры являются многократно опосредованной реакцией сознания на актуальные исторические ситуации и процессы: это выражение определённых, получивших новые импульсы идеологий, с помощью которых человек в последней инстанции анализирует общую и частную ситуацию, в которой он находится.

При изучении культуры мы имеем дело со сложным объектом. Гораздо более важными её составляющими, помимо названных идеологием, являются их изобретатели, а также те, кто их пропагандирует, и те, кому они адресованы. В рамках специфической коммуникационной системы все они пользуются подходящими социальными институтами, чтобы распространять и усваивать соответствующую идеологию.

В этом плане, как считает К. Аймермахер, интересен вопрос об историческом опыте взаимоотношений «советской системы» и «национальных государств в Восточной Европе», актуальный для послевоенной истории. Этот исторический опыт определён тем, каким образом реализовывались советские формы захвата и удержания власти с помощью тоталитарных институтов. Многие исследователи считают, что мы сталкиваемся в данном случае с феноменом «огосударствления культуры», а в применении к истории восточноевропейских государств – с трансформацией самостоятельных национальных культур в так называемых культурных сателлитов [9; 116].

Советская модель власти почти полностью охватывала все аспекты проявления культуры, принижала все культурные институты и саму культуру восточно-европейских государств. При этом она вступала во взаимодействие с национальными традициями, которые в каждом случае оказывались различными. Во всех случаях наносился ущерб национальным традициям. Они трансформировались, с течением времени возникали специфические новые национальные традиции, отчасти проявлявшиеся в интересном сочетании с другими явлениями.

На различных этапах отношений «советской системы» и «национальных государств» можно увидеть разные модели этих отношений. Они характеризовались напряжением между двумя полюсами, каждый из которых стремился стать ведущей силой, или хотя бы потенциально лишить значения другой полюс. В зависимости от того, как складывались эти отношения, можно выделить отдельные фазы развития восточноевропейских государств:

- 1) фаза консолидации под влиянием советской системы;
- 2) фаза интенсивного включения в этот процесс национального наследия и обретение нового культурного самосознания;
- 3) фаза постепенного, насколько позволяли рамки действующей цензуры, значительного расширения поля собственной новой культурной деятельности [10; 117].

Всё это порождало новые модели, в которых проявлялись новые элементы в культурных взаимоотношениях восточноевропейских стран друг с другом. Деятели восточноевропейских государств, с одной стороны, демонстрировали тесную связь между властью и культурой, как инструментом политически господствующей партии, служащим идеологической обработке и устранению противников; с другой стороны, показывали возможности культуры в воздействии на закореневшие властные отношения, вплоть до развития альтернатив существующей власти.

Специфичной для нового исторического этапа проявления национального своеобразия является задержка, с которой происходило заимствование частей инструментария сталинской культурной политики. Проблема состоит в том, что восточноевропейские государства при упрочении политической власти не смогли инструментализировать культуру в той же степени, как

было сделано в СССР. В послевоенный период эти процессы совпали с новой фазой ослабления культурно-политического ужесточения и до явного смягчения определенных нормативных принципов художественного творчества. Важно и то, что новая восточноевропейская культурная система насчитывала в послевоенный период более короткую историю, чем культурная система Советского Союза [11; 119-120].

При констатации формальных признаков «советской системы» (достаточно поверхностных), можно было наблюдать явление культурной автономии. Вместо гомогенной, иерархически структурированной модели советской культуры, важное место занимает модель, в которую могут быть включены не только сохраняющие систему принципы, но и элементы, систему нарушающие или изменяющие её. Конкуренция или взаимное оспаривание права на существование становятся характерными для формирующейся новой культурной ситуации. Здесь речь идёт не только о многообразии модификаций советской культуры, но и о ситуации, порождающей культурное многообразие и стимулирующей потенциал новых активных действий в восточноевропейской культуре.

В практике взаимоотношений «советской культуры» и «национальной культуры» постоянно пытались использовать многообразие имеющихся процессов культурной интерференции. Однако осуществлялось это не открыто и с «санкции властей», а спускалось в подполье, ниже действующих властных структур. Чаще всего это была единственная возможность обойти эти структуры и шаг за шагом подрывать их изнутри [12; 121]. Так, чтобы придать динамику своему чешскому искусству, сотрудники журнала «Plamen» в середине 60-х годов, пользуясь как образцом советского искусства, опубликовали произведения раннего советского авангарда. Сходным образом поступили и литературоведы ГДР, ознакомив своих читателей с трудами Московско-Тартуской школы семиотики.

В 70-80-е годы в ГДР появилась возможность проводить культурную политику как бы снизу, в обход центрального руководящего аппарата культурной политики. В это время многим советским авторам нелегко было найти себе читателя за рубежом из-за предубеждения ко всему русскому. Поэтому усиленно переводились авторы, выступающие с острой социальной критикой (Айтматов, Распутин, Шукшин, Трифонов и др.). Эти, так называемые, эстетически «чуждые тексты» были чуждыми потому, что представляли позицию, отличную от официальной.

Подобные культурные события происходили в истории всех восточноевропейских стран. Они наглядно показывают, что исходный вопрос о соотношении «советской системы» и «национальных государств» является, по сути, вопросом о сложной системе, характеризующейся внутренним напряжением. Для неё характерны количественные и качественные изменения, повышенная динамика. Это системы, которые всё больше отдалялись от управления из одного центра власти, приобретая тем самым характер «национальных культур нового типа». Под воздействием специфического для каждой страны и замедленного процесса эрозии этой «чуждой» системы возникли преобразённые национальные культуры, которые оказались, по причине особенно мощного потенциала развития, внутренним источником не всегда контролируемых процессов в культуре Восточной Европы.

1. Eimermacher K., Shishkoff S. Subject bibliography of soviet semiotic: The Moscow-Tartu School". – Ann Arbor, 1977.
2. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура: Пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
3. Аймермахер К. Все ярко, пестро, нестройно // Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. – М., 1998. – С. 15.
4. Там же, с. 16.
5. Там же, с. 17.
6. Там же, с. 18-19.
7. Там же, с. 26.
8. Аймермахер К. Советская система и национальные государства // Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. – М., 1998. – С. 113.
9. Там же, с. 116.
10. Там же, с. 117.
11. Там же, с. 119-120.
12. Там же, с. 121.

ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Польско-немецкие культурные связи в области изобразительного искусства закладываются в эпоху романтизма. В 20 годы XIX века в Риме группа немецких художников во главе с Фридрихом Овербеком основала назарейскую школу живописи. Польские художники заинтересовались назарейством. Войтех Корнелий Статтлер (1800-1876) установил непосредственные контакты с Овербеком. Живопись польских назарейцев приобрела значительную популярность во второй четверти XIX века. В соответствии с установкам немецких назарейцев польские мастера обращались к готическим мотивам, образам итальянской живописи XV века, наследовали манеру Рафаэля. В. К. Статтлер в своем программном полотне «Machabeusze» представил яркий пример религиозного содержания, раскрытого с помощью холодноватой классицистической формы. Польское назарейство проявлялось не только в религиозной, библейской и символической тематике, но обращалось к чисто историческому жанру, что в условиях порабощения страны было связано с поисками некоей психологической компенсации. Идеи назарейства проявились в творчестве варшавянина Александра Лессера (1814-1884), получившего образование на Отделении наук и изящных искусств Варшавского университета, а также в Дрезденской и Мюнхенской Академиях художеств, где он учился у назарейцев: Ю. Шнорра, фон Карольсфельда, П. Корнелиуса. А. Лессер был весьма плодотворен, увлекался исторической живописью («Смерть Ванды», «Скарбек Габданк и император Генрих V», «Оборона Трёмбовли»). Работы Лессера, однако, были лишены динамики и представляли собой «своего рода «живые картины» в духе холодной назарейской иллюстрации» [1; 204]. К группе польских назарейцев относились также Леопольд Новотный и Феликс Шиналевский – ученики Юшнора фон Карольсфельда и Вильгельма Каубаха. Благодаря этим художникам традиции назарейцев продержались в Польше почти до конца XIX века.

Польские живописцы не теряли связей с немецким искусством в течение всего XIX века, получая образование в художественных академиях Берлина, Дрездена, Мюнхена, Дюссельдорфа, Кенигсберга. Реализм расцвёл на немецкой почве пышным цветом. Экономический подъём Германии обеспечил необычайную популярность профессии художника. Немецкие художники искали стиль, который явился бы их выражением интенсивного, экономического, политического и научного развития страны. В середине XIX века столица Баварии Мюнхен превратилась в художественный центр Германии, соперничающий с Флоренцией. В городе появляются музеи, дворцы и виллы, воздвигаются триумфальные арки по античному образцу. В 60-е годы XIX века Мюнхен, называемый немецкими либо баварскими Афинами, становится своего рода Меккой debutирующих польских художников, которые прибывают в Германию для продолжения образования в Мюнхенской Академии изящных искусств, ректором которой был последователь назарейцев Вильгельм Каульбах. Поляки ласково называли Мюнхен Мнихов (Mnichow). Несмотря на то, что в Академии господствовали консервативные методы обучения, высокий профессиональный уровень преподавателей чрезвычайно ценился польскими живописцами. Следует отметить, что однозначно оценить значение Мюнхена как художественного центра Европы весьма трудно. Этот город был своего рода могучим магнитом, помостом, посредником в жизни европейского искусства и в течение полувека был центром паломничества тысяч художников со всего мира. Именно 60-е и 70-е годы XIX века становятся началом поразительной популярности «Афин над Изарой». Специфическую роль сыграл Мюнхен в истории европейской живописи. Это был, с одной стороны, крупный международный центр обучения и «пересылочный» пункт художественного «товара», идей и опыта, передающий с Запада на Восток Европы разного рода современные художественные течения и, наконец, центр «продукции», рынок художественных произведений, приспособленных к мещанским вкусам. Атмосфера Мюнхена богатая и значительно более свободная, чем в душной порабощённой Варшаве, чрезвычайно вдохновляюще влияла на обучающихся здесь польских художников. Современная среда и живопись Мюнхена представляли собой весьма сложную мешанину различных тенденций. Здесь существовали и взаимодействовали, прежде всего, два главных и противоположных течения искусства. Первое – это традиции немецкой современной живописи, «чья искусс-

венные роды наступили в период романтического начала века и были следствием итало-германского философского союза между итальянским ренессансом и живописью Дюрера, Кранаха и т. д.» [1; 574]. Второе направление находилось под постоянным влиянием магнетического французского искусства. Примечательно, что это противопоставление не носило формы острого полемического конфликта. Напротив, в Мюнхене бытовала атмосфера взаимоуважительности, идеологического разоружения, здесь соседствовали реализм и идеализм, рисунок и колорит, настроение и символ.

Что же представляла собой знаменитая мюнхенская Академия изящных искусств? Основанная в 1808 году, к середине века Академия располагала мастерской античности, школой техники рисования (профессоров Аншульца и Вагнера) и тремя классами композиции (религиозной - Шраудольфа, жанровой - Рамберга, и исторической - К. Пилоти). «В мастерской, – вспоминает художник С. Виткевич – «все рисунки, помещённые на стенах в качестве образцовых, были выполнены поляками» [4; 131]. Внешний вид Академии был не слишком презентабельным. Обратимся к воспоминаниям того же польского критика, художника и архитектора Станислава Виткевича: «Тогда она ещё не имела такого великолепного здания, как сейчас, а размещалась частично в стенах иезуитского монастыря вместе с палеонтологическим и зоологическим музеем. Не было внешней роскоши и даже никаких черт очага искусства. ...В мастерских стены были облеплены мозаикой красок, полы истоптаны, весь инвентарь, служащий для рисования, находился в абсолютной заброшенности и изношенности» [4; 132]. Вместе с тем, Виткевич подчеркивает, что Академия была «чрезвычайно разумно организованным учреждением для художников... Она была разделена на ряд школ, которыми руководили самостоятельно различные профессора», причем «принятие в такую школу не зависело от предшествующего пребывания в каком-то низшем классе, а только от способностей студентов и доброй воли профессора» [5; 113]. Таким образом, студент располагал определённой свободой для реализации собственных интересов, возможностью для сохранения и осмысления своей индивидуальности. Обращает на себя внимание огромная терпимость и уважение к самостоятельности студентов, примером которой может служить следующий факт: Вильгельм Каульбах, ректор Академии, эпигон назарейского романтизма, не только не препятствовал появлению новых художественных течений в стенах Академии, но и интересовался, и поддерживал движение колористов и прочих «модернистов». Рядом с мастерской традиционалиста Каульбаха находилась мастерская «модерниста» Диеза, работающего в совершенно иной манере, нежели ректор. Благодаря такой позиции ректора, в мюнхенской Академии постепенно развивались разнообразные течения, и независимые таланты могли самоопределяться. Уже тот факт, что в стенах Академии поляки, венгры, немцы и американцы, несмотря на национальные различия, всегда находили общий язык, доказывает широту и свободу организации обучения. Центральной и наиболее представительной фигурой Академии был Кароль Пилоти, который после смерти Каульбаха в 1874 году стал её ректором. Он руководил школой композиции, которая занимала высшее место в академической иерархии. Карл Пилоти (1826-1886), находившийся под влиянием Эжена Делакруа (1798-1863), изучал исторические реkvизиты и в их оправе создавал картины, являющиеся отображением драматических исторических эпизодов. «Ему хватало знаний и вдохновения, однако ощущалась нехватка темперамента» [3; 140]. Патетический реализм полотен «Смерть Валенштейна», «Приговор Марии Стюарт», «Убийство Цезаря» восхищал зрителей. В немалой степени благодаря таланту Пилоти мюнхенская школа была признана наиболее солидной в Центральной Европе.

В Мюнхене в классах профессоров Карла Пилоти и Франца Адама происходит становление таланта выдающихся художников, прославивших польское искусство, мастеров различных жанров, отличающихся неповторимым творческим почерком. В их числе: популяризаторы античной истории Генрик Семирадский (1843-1902) и Панталеон Шиндлер (1846-1905), одарённый последователь Рембранта Мауриций Готлиб (1856-1879). Год провел в Мюнхене Ян Матейко (1838-1893) – художник, произведения которого сформировали воображение и историческое самосознание нескольких поколений поляков. В разные годы в мюнхенской академии совершенствовались профессиональные навыки значительная группа мастеров, творивших в области жанровой и пейзажной живописи: Казимеж Альхимович (1840-1917), Генрик Грабиньский (1842-1903), Адам Хмелевский (1845-1916), Витольд Пружковский (1846-1896), Ипполит Липиньский (1846-1884), Тадеуш Айдукевич (1852-1916), Казимеж Похвальский (1855-1940) и многие другие.

Польские художники по достоинству оценивали Мюнхен, видя в нём подлинный европейский культурный и художественный центр. Они стремились использовать все возможности, предоставляемые им этим блестящим городом для совершенствования своего образования. Мак-

симилиан Геримский с увлечением в своей переписке отзывается об удивительных представлениях «Африканки» Меербера и «Лознгрин» Вагнера, подчеркивая богатство декораций и высокую вокальную технику исполнителей труппы мюнхенского оперного театра. Иоанна Геттер вспоминает, что в 80-е годы в Мюнхене «проводилось множество публичных лекций, философских и научных, а ежегодная выставка в Glasplsaast притягивала толпы критиков и зрителей из множества стран. Часто удавалось закончить день, слушая музыку Вагнера в опере. Приходило воскресенье, и с ним возможность посещения Пинакотекы, и других частных музеев, и наиболее притягательного среди них – графа Шака, который в своем небольшом музее собрал картины Бёклина, загадочного художника» [4; 157]. Многие польские художники, посетив Старую Пинакотеку, были просто потрясены обилием и великолепием собранных там шедевров. «Первый раз в жизни мы увидели шедевры Рембрандта, Риберы, Веласкеса, произведения голландских мастеров: Броувера, Терборха, Остаде», – вспоминал варшавянин Марианн Тшебиньский [4; 162].

Особое место среди польских живописцев, связавших свою жизнь и творчество с Германией, принадлежит Юзефу Брандту (1841-1915), специализировавшемуся в исторической живописи, увлекавшемуся жанровостью в баталистике. Ученик Юлиуша Коссака, Ю. Брандт продолжил обучение в классе французского профессора Конье в Париже. В 1862 году Ю. Брандт поступает в класс баталиста Франца Адама, затем переходит в мастерскую Карла Пилоти. После окончания Академии в 1866 году Брандт открывает в Мюнхене собственную мастерскую, вокруг которой группировались жившие на берегах Изара польские художники, причём вскоре эта группа стала основой польской разновидности Мюнхенской живописной школы. Примечательно, что Юзеф Брандт, прочно связанный с мюнхенской артистической средой, был отмечен степенями и отличиями, не доступными для прочих иностранцев. Он избирается почётным членом, а затем профессором Берлинской и мюнхенской Академии художеств, а также профессором Академии изящных искусств в Праге. При этом он не утратил связей с родиной, более того, постоянно живя и работая в Мюнхене, Брандт демонстративно подписывал свои картины «Юзеф Брандт из Варшавы», либо «Юзеф Брандт – Монахиум» – используя польское написание названия города Мюнхена. Основатель мюнхенской школы польской живописи в своем творчестве отображал жизнь на восточных окраинах Речи Посполитой, в частности в Диких Полях, где постоянно шли войны с татарами и Турцией. Рыцарские военные схватки среди степных просторов с широким открытым горизонтом составляли сюжетную основу картин славного мюнхенца. Эти полотна часто сравнивали с авантурным романом, посвящённым военным приключениям. В них мы находим ту же атмосферу буйной жизни на «крессах», которой Генрик Сенкевич насыщал свою «Трилогию». При этом произведения Брандта предшествовали появлению романов Г. Сенкевича [1; 140].

Ю. Брандт объездил все Подолье, Украину и европейскую часть Турции. Художник основательно штудировал обстановку, собирал старинное оружие и предметы, благодаря чему его мюнхенская мастерская напоминала музей. Он так же, как Сенкевич, искал сюжеты в шведском «Потопе», а затем в рыцарской эпопее Яна III Собесского и событиях, связанных с Барской конфедерацией. Основным источником творческих замыслов художника был, однако, XVII век. Художественная манера Брандта сформировалась довольно рано. В возрасте 20 лет он написал «Поход Лисовчиков» (1863 г.), в 1867 году – картину «Ходкевич под Хотинем», затем «Битва гусар со шведами» (1868 г.), «Чарнецкий под Колдынгой» (1870 г.), «Поимку арканом» (1871 г.), «Разгром турок под Веной» (1873 г.), «Барских конфедератов» (1875 г.) [5; 323].

Искусство этого талантливого живописца характеризует широта темы и пластических решений, в числе которых – панорамный и почти иллюзионистический мотив широко раскинувшейся степи, полной волнующихся трав, арб, верблюдов и латников, движущихся прямо на зрителя («Возвращение с трофеем»), или противоположный ему динамический мотив военного эпизода – сцена столкновения всадников, втянутых в омут хаотической битвы, мчавшихся словно по воздуху на разогнавшихся скакунах («Эпизод из шведских войн»). Картина «Отъезд Яна III из Вилянова» представляет собой феерическое видение великолепного шествия среди снегов, сказочных коней и гайдуков, разукрашенных саней, роскошных тканей. В эпизоде с Барскими конфедератами мастер демонстрирует своё чувство натуры, изображает битву, происходящую во время снежной метели.

Талант Брандта не всегда по-настоящему ценился. Критики упрекали его за то, что содержание его картин превалировало над формой, за беспокойство самой формы. Однако следует подчеркнуть присущую его картинам силу воздействия, умелое изображение, подлинность образов прошлого, высокие эстетические качества живописи, проявлявшиеся в гармонической и целесооб-

разной композиции картин. Примером может служить «Чарнецкий под Калдынгой», произведение целостное по своей структуре, представляющее холодную и угрюмую снежную гладь, свинцовый тон облаков, серые контуры крепости и тёмные очертания отдельных воинских отрядов. Тадеуш Добровольский, польский искусствовед полагает, что смысл брендтовских работ заключается не столько в формальных ценностях, сколько в обилии информации об историческом прошлом и мастерстве отображения жизненной правды, а также в редкостном умении при помощи иллюзионистских средств передать зрителю собственное видение событий прошлого [6; 87].

В период существования «польского штаба» (так называли мюнхенскую мастерскую Брандта), в нём пребывали наиболее обаятельные и талантливые польские живописцы. При этом польская художественная среда пополнялась всё новыми людьми. Особенно яркими фигурами были братья Александр и Максимилиан Геримские. Максимилиан участвовал в восстании 1863 года, живописи обучался в Варшавской рисовальной школе, в Мюнхен прибыл в 1867 году. Художник закончил классы античной живописи и техники рисования, его дипломная работа была отмечена золотой медалью. Обучаясь в Академии, он присутствовал на занятиях проводимых профессором Францем Адамом в его частной мастерской. В 1869 году, высоко оценивая талант своего ученика, Ф. Адам предложил польскому художнику должность придворного баталиста при турецком дворе. Геримский, однако, остаётся в Мюнхене и открывает собственное ателье. Его картины пользовались огромной популярностью у мюнхенской публики, знатоков живописи и торговцев картин, которые выкупали буквально всё, что было создано художником. М. Геримский создавал реалистические по стилю, неповторимо романтические по настроению пейзажи. При этом он творчески воспринял дух «*stimmunga*», пейзажа «настроения», господствовавшего в мюнхенских академических кругах. Геримский создал также немало модных в Мюнхене «*zorfow*» – картин, изображающих охотников в костюмах в стиле рококо на фоне романтических пейзажей [4; 123, 147]. Его брат Александр (1850-1901) по праву считался обладателем незаурядного таланта. В мюнхенской художественной среде он прослыл как интеллектуальный художник, осознающий свои цели и готовый на творческий эксперимент. В 1868 году он приезжает из Варшавы в Мюнхен, но не ограничивается посещением рисовальных классов, а совершает многочисленные поездки по наиболее живописным районам Германии, детально изучает окрестности Шлейсгейма и Куфштейнского замка, немецкий Тироль. В 1872-73 гг. художник выполняет сцену из «Венецианского купца» Шекспира, выдержанную в неоренессансном стиле. Работа заслужила высокую оценку немецкой профессуры и польских художников. В зрелые годы А. Геримский возвращается в Мюнхен, где в 1888-90 гг. пишет полотна, названные им ноктурнами: «Вительбахская площадь», «Площадь Максимилиана Иосифа», «Улица в Мюнхене». Пейзажи Германии запечатлены польским художником в картине «Вид на окрестности куфштейнского замка» и в композиции «Ангел Господен», перекликающейся с работой А. Милле. В Германии А. Геримский пребывал также в 1895-96 гг. В этот период он с увлечением изучал архитектурные мотивы г. Ротенбурга [6; 83].

Одновременно с А. Геримским в Мюнхенской Академии обучался и принадлежал к «штабу» Брандта Владислав Чахурский (1850-1911). В студенческие годы Чахурский соперничал с Геримским и в 1873 году в качестве дипломной работы также представил сцену из «Венецианского купца». В 1879 году Чахурский пишет одну из лучших своих работ «Артисты у Гамлета», в которой обращается к разрабатываемым многими польскими художниками мотивам судьбы принца датского. В дальнейшем В. Чахурский избирает Мюнхен для постоянного места жительства, его приглашают преподавать в Академию художеств. Работы польского профессора немецкой Академии исполнены, как правило, с виртуозной техникой, им, однако, не хватает индивидуальности, они отличаются «приглаженностью», а сюжеты являются, как правило, вариациями детально прописанных будуарно-салонных сцен, представляющих изысканных дам на фоне роскошных интерьеров, типичных для викторианского стиля («Перед балом», «Драгоценности», «За роялем») [1; 575].

В 1869 году в Мюнхене состоялась Всеобщая художественная выставка, в которой приняли активное участие члены польской колонии художников: Ю. Коссак, М. и А. Геримские, Ю. Хелмоньский, С. Ольшаньский, Т. Малецкий. Ю. Брандт был удостоен золотой медали Выставки за полотно «Лисовчик».

Польский искусствовед М. Масловский подчеркивает особую значимость, уникальность самого факта создания и существования в Баварии, в Мюнхене целой творческой группы, объединяющей польских живописцев. «Рискну утверждать, – пишет он, – что Мюнхен в истории нашей живописи,

истории добровольной эмиграции художников сыграл роль подобную той, которая принадлежит Парижу в истории становления польской литературной эмиграции» [4; 145].

В дальнейшем, однако, происходит следующее: свойственное второй половине XIX века стремление к реализму мышления, к наблюдению и объективному научному исследованию фактов ограничивало функцию художественного воображения во имя анализа и бесстрастного отражения предметного мира. В области искусства это вело к объединению художественных тенденций с познавательными, которые нередко преобладали над первыми. Со временем этот познавательный реализм, граничащий с фактографическим натурализмом, преобразовывался в род нового академизма, что было доказательством наличия определенных закономерностей, от которых зависела эволюция искусства. Неслучайно поэтому в эпоху модернизма Мюнхен утратил свою притягательность для польских живописцев, уступив место Парижу, чье первенство в области искусства становится общепризнанным.

1. Tadeusz Dobrowolski. Sztuka polska od czasów najdawniejszych do ostatnich. –Kraków, 1974 [s. 574, 575]
2. Dzieje sztuki polskiej pod red. Bożeny Kowalskiej. – Warszawa, 1987
3. Karol Estreicher. Historia sztuki w zarysie. – Warszawa-Kraków, 1986, s. 503-504
4. Maciej Masłowski. Maksymilian Gierymski i jego czasy. Warszawa, 1972
5. Ignacy Witz. Polscy malarze – polskie obrazy. – Warszawa, 1970
6. Słownik malarzy polskich. T. 1. – Warszawa, 1998

Кудрицкая Е. Г. (БрГТУ, г. Брест)

ОБРАЗ МОЛОДЁЖИ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИОЛОГИИ XX ВЕКА

Проблемной молодёжью всегда оказывается именно та, которая в данный момент обращает на себя внимание. Еще в 1810 году об этом говорил Г.В.Ф. Гегель, в то время директор гимназии: «Есть старая и давно набившая оскомину жалоба, которую вновь и вновь повторяют представители старшего поколения – жалоба на то, что молодёжь, с которой им теперь приходится иметь дело, куда менее покладиста и воспитана, чем были в молодости они» [1; 256]. Все исследователи проблем молодёжи с тех пор были озабочены тем же, и в XXI веке социология молодёжи редко говорит о чем-то ином. Здесь же, возможно, и сокрыта причина того обилия публикаций и исследований по данной проблематике в Германии, которое «намного превзошло всё, что было сделано в этой области в других странах и на других языках» [2; 2].

Социология молодёжи – очень молодая дисциплина. Ведь с давних пор тема молодёжи рассматривалась преимущественно в связи с практическими вопросами воспитания. Наука впервые обратилась к этому предмету в период расцвета психологии. Многие труды по истории социологии указывают именно эти корни, и не будет преувеличением сказать, что подлинное возникновение социологии молодёжи связано с критическим переосмыслением основ психологии юношества. К источникам, из которых впоследствии выросла социология молодёжи, без сомнения принадлежит исследование Шарлотты Бюлер по психологии полового созревания, проведённое в 1921 году типично социологическим методом анализа дневников. Бюлер придавала половому созреванию решающее значение, так как в этот период происходит выбор между примитивным, высвобождающим сексуальные инстинкты созреванием и одухотворенным, сублимирующим сексуальность созреванием в культуре [3; 15]. Такое разделение давало педагогике критерии воспитания, политикам – обоснование жесткого контроля, а множеству родителей – поводы для серьёзного беспокойства. Затем в 1923 году Зигфрид Бернфельд выдвинул тезис о том, что продолжительность периода молодости очень изменчива и зависит от социальных и культурных факторов [4; 64]. Второй важный и не менее критический его тезис заключался в том, что посредством воспитания общество «деформирует» молодёжь. Бернфельд считал, что прежде вместе с физической зрелостью, под которой он понимал половую зрелость, человек достигал также зрелости психической и социальной. Культура же отделила эти три процесса созревания друг от друга. Пубертатный период, по его мнению, отражает проти-

воречие между физической (половой) зрелостью и психической зрелостью, то есть способностью «выполнять взрослые функции, как в любви, так и в экономической и культурной жизни» [5; 88]. Психическая зрелость – результат «мужского» воспитания, которое противопоставляется «женскому», первичному и естественному. «Мужское» воспитание подавляет природу и готовит человека к суровой и сложной общественной реальности. Тем самым создается необходимая обществу психическая структура. Педагогика Бернфельд обвинял в том, что она не даёт человеку узнать свои естественные потребности. Пол Лазарсфельд, в свою очередь, критиковал общество, допустившее, что значительному числу молодых людей, а именно пролетариям, не дается достаточного времени для созревания. В результате фантазия их обедняется, наступает разочарование. Эмпирические исследования Лазарсфельда в пролетарских семьях показали, что «социальная стеснённость» ведёт к постоянным деформациям личности [6; 51]. Принимая слишком раннее решение о выборе профессии, молодой пролетарий сталкивается с теми жизненными формами, «до которых он ещё не дорос» [6; 58]. Впоследствии исследования Лазарсфельда оказали большое влияние на критическую социологию молодежи, а также позволили обосновать необходимость продления периода обучения в школе.

Без сомнения самая известная из классических работ в немецкой психологии молодёжи – «Психология юношества» Эдуарда Шпрангера, впервые опубликованная в 1924 году. Вплоть до 60-х гг. все педагоги ссылались на Шпрангера, социология молодёжи также во многом формировалась из критики его идеалистических представлений. Согласно Шпрангеру, молодость – это «развитие души» и обретение некоего смысла жизни, который в идеале должен быть созвучен «вечным основам» и «идейным ориентирам» объективного духа, то есть смыслового единства культуры [7]. Этапы такого развития Шпрангер описывает на примере современного ему образованного городского населения севера Германии. По его мнению, именно там сложилась социальная среда, способная обеспечить идеальные условия для развития молодёжи. Психологический этап развития он определил между 13-ю и 19-ю годами для девушек и 14-ю и 20-ю – для юношей. В этот период происходят наиболее глубокие структурные изменения в психике. Подростки открывают свое «я», постепенно формируя свои жизненные планы. Шпрангер довольно пессимистично изображает то общество, с которым сталкивается молодёжь на пути своего духовного становления. Старое общество поглощает осваивающего жизнь нового индивида, оставляя ему слишком мало места для свершений. Шпрангер также подчёркивает, что общество, как правило, использует лишь отдельные, ограниченные стороны личности (иными словами, социальные роли), а что касается молодёжи, она скорее ориентирована на целостное восприятие бытия. Общество целиком и полностью упорядочено, подростки же хотят свободы. Общество никогда не даёт жить полной жизнью, так как в нём главенствует принцип разделения труда и специализации. Механистическая фрагментация жизни полностью деперсонализирует её. В таком обществе главную роль играют искусственные, предельно рационализированные связи [7; 133]. По мнению Шпрангера, педагогика должна обеспечить некое безопасное пространство для развития молодого поколения и его постепенного ознакомления с вечными идеалами истины, добра и красоты.

После Второй мировой войны надежды общества были обращены на новую молодёжь. От неё ожидали культурного «возрождения, одухотворенного юношеской энергией», как формулировал это педагог Карл Зайдельманн. Однако эти надежды, по мнению многих педагогов, не оправдались – о высоких идеалах не было и речи. Некоторые педагоги, например, Ганс Генрих Мухов, говорили о «духовном опустошении» молодёжи, предупреждали об опасностях такой «отравы цивилизации», как кино, радио, иллюстрированные журналы, массовые спортивные мероприятия. Педагогическая и политическая дискуссия о молодёжи по-прежнему вращалась вокруг проблемы сексуальности. Политики искали пути преодоления угроз для цивилизации со стороны распространения подросткового труда – главным образом, законодательными мерами. Важнейшими решениями в этом плане были «Закон об общественной защите молодёжи» (1951) и «Закон о распространении опасной для юношества литературы» (1953). Всё это создавало образ «молодёжи в опасности», тиражируемый СМИ. Однако социолог Гельмут Шельски иначе трактовал вышеописанное положение дел. Мнимую неспособность молодых взяться за формирование нового общества он связывал с завышенными ожиданиями со стороны старше-

го поколения. В течение ещё почти двух десятилетий педагоги продолжали отвечать на его полемические замечания. Так в Германии было положено начало социологии молодежи в собственном смысле слова.

Гельмут Шельски понимал социологию как эмпирическую науку о фактах, задача которой – описывать и анализировать, а не рассуждать о желаемом. Этой позиции он придерживается и в своей книге «Поколение скептиков» (1957), стоящей у истоков социологии молодежи в Германии. Шельски критикует психологические теории созревания, равно как и их педагогическую инструментализацию. В психологии молодежи его не устраивало то, что она не учитывает «отношения, проистекающие из социальной структуры данной эпохи или из конкретно-исторической ситуации» [8; 103]. Педагогов он упрекал в том, что те используют устаревший и догматический образ молодежи, описывающий её как некую общность, занимающую как бы отдельное, автономное социальное пространство внутри общества и организованную исключительно в форме малых социальных групп. Шельски считал, что педагоги ориентируются не на ту возрастную группу. По его мнению, «структуру и поведение в этом поколении молодежи» определял не описанный Шпрангером слой образованного городского населения, а молодые рабочие и служащие в возрасте от 14 до 25 лет. В своем анализе Шельски ставит на первый план не пресловутый процесс созревания, а структурный вызов молодежи в индустриальном обществе, поэтому он вводит в социологию молодежи социологическую категорию роли. С её помощью общество определяет поведение, соответствующее определённому социальному статусу. Молодость – это лишь переход от роли ребенка к роли взрослого человека. Проблема в том, что если раньше переход от детства к взрослой жизни происходил в единой плоскости социальной структуры, то в индустриальном обществе современная социальная структура характеризуется индустриализацией, бюрократизацией, урбанизацией, анонимностью, рациональностью, мобильностью и жёстко противостоит семье. Здесь отношения персонализированы, там целесообразны и функциональны. Таким образом, в современном обществе две по-разному структурированные системы противостоят друг другу. Шельски говорит о «двух социальных горизонтах», каждый из которых предъявляет свои, зачастую противоположные требования к поведению человека [8; 39]. Для большинства переход из одного горизонта в другой происходит внезапно, с началом трудовой деятельности. Когда педагоги настаивают на некоторой социальной обособленности мира молодежи и требуют для него безопасного социального пространства, они лишь препятствуют тому, чтобы молодежь усваивала свои социальные роли. Идеальный образ молодежи в педагогике не соответствует целерациональной организации дифференцированного индустриального общества, и её представления о том, что должно быть свойственно молодым, противоречит реалиям поведения современной молодежи, чье отношение к жизни не менее прагматично, чем у взрослых. Образ мыслей и поведение современной молодежи нацелены «на практическое, конкретное, понятное, на интересы самодостигновения и самореализации» [8; 88].

В послевоенное время, когда стало понятно, насколько важна солидарность в семье, отношение молодых людей к работе стало исключительно функциональным. Что же касается политических установок молодежи начала 50-х, Шельски определяет их как «аполитично-демократические» [8; 451]. Политическую деятельность они оставили тем, кто занимается этим по профессии. Это поколение отказывает себе в возвышенных целях-идеалах – не потому, что оно к тому не способно, а потому что важным считает иное – то, чего требует и чего позволяет достичь индустриальное общество. Вывод, который делает Шельски относительно педагогов, таков: особое пространство для молодежи нужно только им, но не самой молодежи. Педагоги стремятся изолировать молодежь от реальности, и Шельски считает это непродуктивным. Данный вывод подвергся критике со стороны педагогов. Свои возражения они аргументировали знаменитой теорией Эрика Эриксона, получившей в те времена в Германии широкое распространение.

Эрик Эриксон привнес в исследования молодежи свою теорию, соединившую положения классического психоанализа о психосексуальном развитии с психологической теорией социализации. Его книга «Детство и общество» появилась на немецком языке в том же году, что и «Поколение скептиков» Шельски. В ней запечатлён следующий образ молодежи: половое созревание ощущается как значительная перемена и стимулирует повышенное внимание к себе, в то же время подростки начинают сильно интересоваться тем, «как они выглядят в глазах других» [9; 256]. То ощущение, которое они получают от себя, не сочетается ни с заученными прежде ролями, ни с имеющимися у них идеальными образами. В этот «период естественной потери опоры» наступает типичный психологический кризис, когда старые ориентации подверга-

ются проверке и пересмотру. С кризисом можно справиться, только дав подростку своего рода «психосоциальную отсрочку (мораторий)». Под этим Эриксон понимает некое духовное и социальное пространство, в котором подросток, свободно экспериментируя с социальными ролями, может заниматься поиском своего места в обществе. В этот период поиска ориентиров особенно важна идентификация со сверстниками, а экспериментирование носит ярко выраженный групповой характер. Ориентируясь друг на друга, подростки создают социальные пространства, в которых очерчиваются закономерности социальных отношений и рамки взаимной идентификации. Эти социальные пространства Эриксон называет «пред-обществом». Кратко тезис может быть сформулирован следующим образом: каждый подросток оказывается в глубоком кризисе, и для разрешения этого кризиса ему необходим другой подросток. Данный тезис опирался и на другую теорию молодёжи, связанную в свою очередь с важнейшей социологической теорией того времени – структурным функционализмом. Имеется в виду работа Самюэля Айзенштадта «От поколения к поколению», утверждавшая следующее: важным условием непрерывности социальной системы является то, что подрастающее поколение обучается своим ролям в обществе. Так как роли эти объективны и универсальны, опыта эмоциональных и личностных отношений, полученного в семье, здесь не достаточно. Так происходит некий «разрыв» в том, что касается идентификации и солидарности. По мере освоения нового эмоциональная потребность подростка в солидарности или признании продолжает существовать и даже усиливается. Он начинает искать связи, которые бы эту потребность удовлетворили и одновременно позволили бы опробовать новые отношения и поэкспериментировать с социальным статусом вне семьи. Такие связи он находит в реег групп – группе сверстников. Поэтому подросток разыскивает первичные группы, в которых у него есть возможность вступить в отношения с каждым членом своего общества, имеющим те же качества, что и он» [10; 40].

В современном обществе группам сверстников отводится, таким образом, решающая функция – осуществлять переход от первичных ролей в семье, основанных на личностных отношениях и доверии, к социальным ролям в обществе, предполагающим функциональные отношения и всеобщность. В предисловии к переизданному в 1975 году «Поколению скептиков» Шельски констатировал, что молодёжный протест, начавшийся в конце 60-х, был направлен против именно тех взрослых, которые принадлежали некогда к поколению скептиков. Шельски приходит к выводу, что социологи и педагоги односторонне истолковали научно обоснованный тезис Самюэля Айзенштадта о важности реег групп и обратили его в требование автономии молодежной субкультуры. Это отразилось на самосознании и притязаниях молодёжи, которая теперь стала претендовать на политическую и социальную значимость взрослых. Оказавшись в свободном социальном пространстве, используя его структурные возможности, молодёжь не захотела подчиниться его структурным требованиям. И снова Шельски критикует педагогов, которые, всё более изолируя подростков от реальности, привели их в результате «к организованному по образцу молодёжного поведения социально-политической структуре и модели приспособления» [11; 15]. Причины протестного поведения конца 60-х годов виделись Шельски не в чрезмерно жестких требованиях окружающей реальности, а в недостаточности требований со стороны созданных педагогикой институтов.

Совершенно иная картина выявилась, когда ведущие социологи молодёжи начали полемику о причинах кризиса их дисциплины. Они вынуждены были признать, что волнения молодежи в 1968-ом были совершенно неожиданны и никем впоследствии должным образом не были объяснены. В этой связи следует особо выделить теорию Гельмута Лессинга и Манфреда Либеля. Они утверждают, что молодёжь воспроизводит классовые отношения капиталистического общества, внутри неё назревают противоречия, так как с точки зрения формирования рабочей силы она пребывает в свободном пространстве квалификации, которое в то же время удерживает молодого человека в «состоянии неполноценности» [12; 49]. В свете такого подхода под ударом оказалась концепция защитного пространства, за которое так долго боролись. Любое образование стало ассоциироваться с некоторым отклонением с точки зрения «системы». Молодость стала рассматриваться как разновидность классового неравенства. Для рабочей молодёжи Лессинг формулировал эти положения следующим образом: «По движениям в среде рабочей молодёжи и по её общественному положению становится ясно, что молодость является возрастной фазой, удлинение которой следует выводить не из физиологических, психологи-

ческих или же юридически зафиксированных закономерностей, а из уровня развития производительных сил и, соответственно, из соотношения сил в классовом противоречии между наемным трудом и капиталом» [13; 59].

На критику общества позднего капитализма ориентирована и книга Райнера Деберта и Гертруды Нуннер-Винклер «Подростковый кризис и формирование идентичности», опубликованная в 1975 году. Авторы высказывали сомнение в том, что интеграция молодёжи в общество когда-нибудь ещё будет успешной. В возникавших в тот период контркультурных движениях и альтернативных проявлениях жизни им виделось формирование идентичности, способной создать угрозу системе. Источник такого развития – в противоречиях процесса социализации в этом обществе: «Отвечающая требованиям капиталистического производительного общества модальная личность – это организованная вокруг профессиональной роли идентичность ориентированного на результат, утилитарно расчётливого, обособленного индивида». Однако эта модальная структура личности могла стабильно существовать лишь до тех пор, «пока разрывы в системе легитимации буржуазного общества оставались скрытыми» [14; 46]. Теперь же система лишается смысла и правдоподобия, и граждане начинают избегать её институтов. Гражданские инициативы и альтернативные формы жизни – это протест против спокойствия обыденности. Противоречия производительного общества ощущаются молодёжью особенно сильно, и потому, по мнению Деберта и Нуннер-Винклер, «возрастает вероятность формирования идентичности, опасной для системы» [14; 20]. Но и молодёжь, чей возраст авторы определили рамками 13–25 лет, всё чаще оказывается в кризисных ситуациях, ведь, продлевая срок обучения, общество даёт молодым все больше и больше возможностей увидеть «непрочность оберегаемых традиций». Потенциал освобождения, таким образом, создан самой либерализацией системы образования.

Ввиду явно критического изображения молодёжи в большинстве теорий интерес представляет текст шестого исследования молодёжи, опубликованного в 1975 под заголовком «Молодёжь от 13 до 24». Это трехтомное издание содержало обширный эмпирический материал, собранный в ходе ряда репрезентативных исследований. Целью исследования было измерение социальных характеристик молодёжи. Особый интерес представляла давно занимающая политиков и педагогов тема обособления. При этом обособление рассматривалось как ослабление связей со значимыми другими и предпосылка для обретения идентичности. Станным выглядело то, что на основные вопросы исследования 1975 года большинство подростков отвечали, что вполне довольны своим положением и возрастом, и тем, что им даётся, и вовсе не хотят скорее начать работать, завести семью и самостоятельно принимать решения [15]. Это никак не сочеталось с бытующим тезисом о том, что подростки чувствуют себя обделёнными за счёт ограничения доступа к «некоторым сферам жизни, определённым ролям и формам вознаграждения» [16; 170]. Результаты исследования помогли убедить общество в том, что молодёжь вовсе не противостоит социальному порядку.

В седьмом исследовании молодежи «Молодёжь 81. Жизненный путь, культура повседневности, будущее» была предпринята попытка по-новому взглянуть на объект: во-первых, с точки зрения индивидуальных биографий и будущего общества, во-вторых, с точки зрения содержания и форм выражения молодёжной культуры. В первом случае авторы ориентировались на социальную проблему, которая формулировалась ими следующим образом: «Конвенциональный жизненный путь уже давно оспаривается и очевидно более не практикуется в массовом порядке» [17; 14]. Примеры тому можно найти в сфере гендерных, сексуальных, семейных, профессиональных отношений. Во втором случае авторы задавались вопросом, обеспечит ли сегодняшняя молодёжь будущее обществу. Ответ заставлял задуматься: «Большинство молодых людей не питали никаких надежд по поводу будущего. Индустриальная цивилизация потеряла для них свою привлекательность. Особенно явственно эта позиция обнаруживалась среди тех, кто по причине своего более высокого образовательного уровня мог бы стать носителем будущего развития» [17; 15]. Большинство представителей этого поколения рассматривали будущее как угрозу. Юрген Циннекер констатировал: «Молодость этого поколения не сдержала тех обещаний, которые были даны ей в детстве» [18; 81]. Оно более не верит безоглядно в будущее, скорее это поколение потрясённых, столкнувшихся с неизвестностью и угрозой катастрофы. Однако же реакцией этого поколения был не протест. Оно уходит из общества и

обосновывается в параллельных социальных мирах. Такова третья перспектива анализа, возникшая в этом исследовании. Было установлено, что существует множество граней молодёжной культуры, многообразные формы выражения которой служат подросткам «средством самоопределения, взаимопонимания, способом отгородиться от взрослых» [17; 14]. «Миру молодёжи 80-х годов присуща своя собственная инфраструктура, в которой всегда можно найти опору, удовлетворить свою страсть к переменам, связать с ней свои надежды на будущее. Независимые молодёжные центры, альтернативные предприятия, ориентированные на субкультуру магазины, палаточные лагеря протестующих, альтернативная пресса, автономные объединения. Такова одна из сторон явления. Другую Циннекер называет «ранним концом оберегаемой юности». Представления об авторитете в семье изменились. Эти подростки научились спорить с родителями. Они требуют обоснований и заявляют претензии. Общение на равных начинается уже с очень раннего возраста, родители выступают скорее как советчики, нежели как руководители. Всё раньше они позволяют подросткам самим решать, когда им становиться самостоятельными, и соглашаются с тем, что последние всё дольше остаются подростками. Третий аспект образа молодёжи таков: особый стиль жизни проявляется у этого поколения молодёжи раньше, чем у прежних поколений подростков, но и сохраняется дольше. Граница с детством отодвигается назад, а впереди остается неопределённость. Это дало основание исследователям выдвинуть тезис о пост-подростковом возрасте. Если прежде период обучения в школе рассматривался в качестве классического определения временных границ юности, а начало трудовой деятельности – как вступление во взрослую жизнь, то теперь эта жизненная фаза получает некоторую надстройку: всё большее число подростков переходят из школьной юности не во взрослое состояние, но в некую промежуточную фазу. Они получают самостоятельность в социальном, моральном, интеллектуальном, политическом, сексуальном плане – иными словами, в социокультурном измерении, но экономической независимости у них пока нет. Этим характеризуется третье десятилетие жизни» [18; 101].

В рамках исследования «Молодёжь+взрослые 85. Сравнение поколений» опрашивались подростки и представители поколения их родителей, то есть те, кто вырос в 50-е годы. Как выяснилось 88 % молодёжи и 76 % взрослых придерживаются того мнения, что взрослым есть чему поучиться у молодых. В исследовании соответственно были выделены два типа отношения к молодёжи: враждебность и понимание. Также подтверждалась давно отмеченная в ФРГ тенденция: отношение взрослых к подросткам постепенно улучшается. Под заголовком «Образ Я в социальном мире» в рамках исследования рассматриваются типичные образцы социального поведения: приватизация, приспособленчество, самоутверждение, отчуждённость, мечты и самостоятельность. Наиболее распространённым образцом поведения, на который ориентировалась молодёжь середины 80-х, оказалось «самоутверждение». Мотив «отчуждённости», напротив, практически отсутствовал. Что касается «мечты», в её пользу высказывались в основном представители более высоких социальных слоев. Типичным символом молодёжи середины 80-х стала также «самостоятельность»: это поколение, готовое самостоятельно отвечать за последствия собственного самоутверждения. Само собой разумеется, что столь самоуверенные подростки связывали те или иные возрастные нормы с более ранними жизненными периодами, нежели взрослые.

Объединение Германии стало вызовом и для исследователей молодёжи. Следовало предположить, что различия двух общественных систем приведут и к существенным различиям в установках. Однако же в 11-ом исследовании молодёжи, проведённом фирмой Shell, существенных различий выявлено не было. Исследование было опубликовано в конце 1992 года под заголовком «Молодёжь 92. Жизненные условия, ориентиры и перспективы развития в объединённой Германии». Было опрошено около 4000 молодых людей от 13 до 29 лет, среди которых, конечно, наблюдались определённые различия в том, что касалось вопроса об их собственном будущем. Здесь, в первую очередь, нужно отметить явный пессимизм молодых взрослых из новых земель, выросших с ожиданиями гарантированного распределения учебных и рабочих мест. Что же касается жизненных целей, здесь молодёжь восточной и западной Германии практически не различается, хотя на востоке протестантская этика долга встречается заметно чаще. С этой точки зрения говорить о каком-то радикальном смещении ориентаций немецкой молодёжи с работы на потребление, как это предсказывалось в 60-е и 70-е, не приходится. Исследование показало, что молодёжь объективно оценивает окружающий мир, однако, в отли-

чие от скептического поколения 50-х годов, большинство молодых людей обеспечены социальными гарантиями и родительской поддержкой.

Исследование молодёжи 1997 года посвящено анализу «условий, мотивов, форм и интерпретаций социальной и общественно-политической активности молодежи» [19; 11]. В результате исследования под вопросом оказалась интерпретация понятия «молодость», если рассматривать последнюю как период, в который молодые люди готовятся к исполнению роли взрослого и, в первую очередь, к трудовой деятельности. Так, исследование продемонстрировало, что молодёжь занимают не «классические проблемы поиска идентичности, выбора партнера и обретения самостоятельности», а, например, безработица: почти каждый второй считает это главной сегодняшней проблемой молодёжи. Эта обеспокоенность получает политическую окраску, так как в обозримом будущем решения проблемы не ожидают. Молодые люди ощущают себя брошенными на произвол судьбы и неспособными что-либо изменить в этой ситуации. Путь во взрослую жизнь кажется им закрытым. В отличие от 80-х, когда многие такой жизни не хотели, теперь иная ситуация: те, кто стремится к ней, не уверены, удастся ли им её достичь. Ясное представление о собственном будущем у большинства отсутствует. Учитывая весь этот скепсис, следовало бы ожидать значительной критики со стороны молодёжи в адрес политиков. И, в определённой мере, она присутствует, выражаясь в недоверии политическим институтам – в первую очередь, партиям. Но особый интерес представляет некая новая форма недовольства: молодёжь уверена, что политики и взрослые бросили её на произвол судьбы. Политика не интересуется молодёжью, но не наоборот. В результате одни уходят в свои собственные миры, и авторы исследования называют такую стратегию «приватизацией», другие также не протестуют, но стараются максимально использовать предоставленные им возможности (стратегия «приспособления»). В этой ситуации отношения между поколениями приобретают совсем иной смысл. Если раньше речь шла, в первую очередь, об обособлении и конфликте, теперь молодёжь ощущает пренебрежение со стороны взрослых. Как всякое поколение взрослых, они говорили, что будущее принадлежит молодым, но создали при этом такие социальные и материальные условия, при которых будущее может вызвать лишь страх. Поэтому беспокойство относительно возможного разрушения мира стоит у молодёжи на одном из первых мест. Для многих ощущение, что взрослые лишают их будущего, превратилось в убежденность в том, что политикам нет дела до потребностей молодёжи. Они также не верят в возможность что-либо изменить политическими средствами, но не видят для этого и альтернативных путей [19].

Хотя сегодняшняя молодёжь, избравшая стратегию приспособления, и напоминает поколение скептиков, нельзя упускать из виду существенное отличие: у молодёжи 50-х не было политического воодушевления, однако была уверенность в том, что в будущем будет только лучше. В начале третьего тысячелетия молодые люди считают, что общество либо абсолютно чуждо им, либо обещает слишком опасное будущее. Сегодня мы всё чаще слышим суждение: «Теперь я уже не хотел бы быть молодым!» Добавляя ещё один штрих к образу молодёжи в социологии, можно отметить, что сегодня имеет место смена поколений, в которой одна сторона не может предложить ничего определенного, а другая не может ничего определённого ожидать.

1. Hegel, G.W.F. *Gymnasialrede am 14. September 1810*. In: Hegel, G.W.F. *Samtliche Werke. Jubiläumsausgabe in zwanzig Banden*, 3. Band, 4. Aufl. Stuttgart, 1961.
2. Allerbeck, K.R., Rosenmayer, L. *Einführung in die Jugendsoziologie*. Heidelberg, 1976.
3. Buhler, Ch. *Das Seeleben des Jugentlichen*. 6. Aufl. Stuttgart, 1967.
4. Bernfeld, S. *Über eine typische Form der männlichen Pubertät*. In: Bernfeld, S. *Antiautoritäre Erziehung und Psychoanalyse. Ausgewählte Schriften Bd. 3*. Frankfurt a.M., 1974.
5. Bernfeld, S. *Sisyphos oder die Grenzen der Erziehung*. 4. Aufl. Frankfurt a.M. 1981.
6. Lazarsfeld, P.F. *Die Ergebnisse und Aussichten der Untersuchungen über Jugend und Beruf*. In: Lazarsfeld, P.F. *Jugend und Beruf*. Jena, 1931.
7. Cp.: Spranger, E. *Psychologie des Jugendalters*. 28 Aufl. Heidelberg, 1966.
8. Schelsky, H. *Die skeptische Generation. Eine Soziologie der Deutschen Jugend*. 4. Aufl. Dusseldorf, 1960.
9. Erikson, E.H. *Kindheit und Gesellschaft*. 5. Aufl. Stuttgart, 1974.
10. Eisenstadt, S.N. *Von Generation zu Generation. Altersgruppen und Sozialstruktur*. München, 1956.

11. Schelsky, H. Ruckblick auf die „Skeptische Generation“. Vorwort zur Taschenbuch-Ausgabe. Frankfurt a.M., 1975.
12. Lessing, H./Liebel, M. Probleme der Begriffsbildung in der empirischen Jugendforschung. In: Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend zwischen 13 und 24. Vergleich über 20 Jahre. 3 Bände. Opladen, 1975.
13. Lessing, H. Zum Begriff des Politischen in der Jugendforschung. In: Soziologie. Mitteilungsblatt der Deutschen Gesellschaft für Soziologie, 2/1974.
14. Dubert, R./Nunner-Winkler, G. Adoleszenzkrise und Identitätsbildung. Frankfurt a.M., 1975.
15. Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend zwischen 13 und 24. Vergleich über 20 Jahre. 3 Bände. Opladen, 1975.
16. Kreutz, H. Soziologie der Jugend. München, 1974.
17. Fischer, A., u. a. Zusammenfassung der wichtigsten Ergebnisse. In: Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend '81. Lebensentwürfe, Alltagskulturen, Zukunftsbilder. Opladen, 1982.
18. Zinnecker, J. Jugendstudie 1981: Portrat einer Generation. In: Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend '81. Lebensentwürfe, Alltagskulturen, Zukunftsbilder. Opladen, 1982.
19. Fischer, A. /Manchmeier, R. Die gesellschaftliche Krise hat die Jugend erreicht. Zusammenfassung der Zentralen Ergebnisse der 12. Shell Jugendstudie. In: Jugendwerk der Deutschen Shell (Hrsg.) Jugend '97 Zukunftsperspektiven. Gesellschaftliches Engagement. Politische Orientierungen. Opladen, 1997.

Лучина В. Н. (БрГТУ, Брест)

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ ГЕРМАНСКОГО НЕОНАЦИЗМА НА ЕВРОПЕЙСКУЮ МОЛОДЕЖЬ ПОСРЕДСТВОМ МУЗЫКИ

Произведения искусства представляют собой сообщение, характеризующее степень сложности или количеством информации, причём эта характеристика, в свою очередь, зависит от культуры данного общества. Ещё в 40-х годах XIX века русский литературный критик В.Н. Майков писал о «за-коне симпатии»: «Для того чтобы произведение могло действовать на людей, оно должно заключать в себе что-нибудь общее с их мыслями, чувствами и стремлениями» [1; 277].

Искусство понимается как процесс художественной коммуникации между художником и аудиторией. При этом выделяют, по крайней мере, три элемента коммуникации: художник, его произведение и аудитория.

Обратимся к музыке и рассмотрим её репрессивное воздействие на молодежь. Возникает закономерный вопрос, как музыка участвует в жизни общества и влияет на его развитие, каковы её социальные функции? Понятие «социальная функция музыки» соприкасается с такими, как «задача», «цель», «предназначение», однако отличается от них объективностью своего содержания. Задачи, цели, предназначение музыкального творчества определяются самим композитором (хотя и на основе объективных предпосылок и условий), тем самым они субъективны. Вполне возможны случаи, при которых они остаются лишь благими намерениями автора: задачи не всегда выполняются, цель не всегда бывает достигнута, предназначение не всегда реализуется.

Функции музыки – это реально осуществлённые ею действия, фактическая форма её участия в общественной жизни. Это – роль музыки в обществе, о которой можно судить по объективным данным [2; 182]. Следовательно, функции музыкального произведения – это реальный результат всей системы его воздействия на воспринимающего. И источник, и объект, и условия этого воздействия имеют общественную природу. Поэтому все функции музыки социальные. Чтобы выяснить, чем они определяются, от чего зависят, надо обратиться к общефилософскому пониманию функции. Функция предмета – это внешнее проявление его свойств в данной системе отношений. Применительно к музыке это означает, что её функции зависят, с одной стороны, от её свойств, а с другой стороны – от общества, в котором она действует.

Присущие музыке свойства определяют её способность оказывать многогранное воздействие на человека, в том числе идейное, эмоциональное (в психологическом смысле), волевое, физиологическое и т. д. Пока произведение не воспринято, эти способности воздействия существуют в потенциальном виде. Но они становятся актуальными, реализуются на деле, когда музыка соприкасается со слушателем [2; 183].

Эмоциональное воздействие музыки было очень рано осознано как средство формирования не только нравственных качеств членов общества, но и безнравственных (музыка скинхедов, «Черный металл», блатные песни и т. д.). Поэтому, влияя на нравственные и безнравственные качества слушателей, музыка, так или иначе, участвует и в формировании их идейных убеждений. Когда композитор направляет мысль слушателя и его эмоции на определённый объект, превращая тем самым беспредметные настроения в предметные, или высшие чувства в целенаправленные волевые устремления, – тогда музыка становится особенно мощным средством идейного и морального воспитания людей. Она способна не только выразить, но и усилить, развить, активизировать у слушателей такие душевные качества, как патриотизм, мужество, стойкость, душевная щедрость, доброта и т.д. Но, в то же время, музыка, как мощное оружие воздействия на человека, может развить в нём совершенно противоположные душевные качества и это не секрет. Вместе со всеми видами искусства музыка играет большую роль в духовной жизни общества. Задача музыкантов средствами своего древнего искусства содействовать воспитанию молодого поколения общества. Но, необходимо заметить, что далеко не все музыканты используют музыку для благих целей. Все чаще музыка становится средством репрессивного воздействия на молодежь и воспитания у неё отнюдь не высоких моральных качеств.

Музыка никогда не была просто искусством, *l'art pour l'art*. Вся музыка, любая организация звуков – средство коммуникации сообщества. В современном обществе музыка выполняет самые различные функции, в том числе и выступает средством идентификации для молодежных субкультур, и может использоваться в качестве мощного пропагандистского оружия. Идеология германского неонацизма, вытесненная на периферию общественного сознания, пытается вернуть себе хоть какое-то влияние с помощью различных средств, среди которых немаловажную роль играет музыка.

Очертим основные постулаты германской неонацистской идеологии, которые и пытаются донести до слушателей крайне правые музыканты:

- 1) жёсткое, иерархическое построение общества во главе с элитой и единоличным лидером;
- 2) культ насилия, используемого как одно из основных средств политической борьбы;
- 3) расизм, в котором объявляется высшей ценностью нордическая арийская раса;
- 4) антисемитизм;
- 5) апелляция к истории Третьего Рейха как идеала для подражания.

Важность музыки для распространения своих идей прекрасно понимают правые идеологи. Апелляция к нацистской эстетике часто используется музыкантами в провокационных целях для достижения шокирующего имиджа, но мы обращаемся к исследованию лишь сознательно, открытого и целенаправленного использования неонацистских идей в лирике и имидже музыкальных групп. Датский социолог Рон Эйерман, исследуя неонацистскую субкультуру в Швеции, пришел к такому выводу: «Музыка занимает центральное место в современных расистских движениях. Она формирует главный инструмент рекрутирования и главный источник пополнения для шведского движения и в то же время связывает это движение с широкой международной сетью, а также с воображаемым прошлым. Музыка – культурная форма – жизненно важна для выработки и выражения движения в социальном и политическом смысле» [3; 456].

Приведём несколько примеров германской неонацистской пропаганды в музыке. Из всего разнообразия современных музыкальных стилей можно выделить три направления, которые подпадают под выставленные нами условия:

- 1) White Power/Oi/RAC (Rock Against Communism);
- 2) National Socialist Black Metal;
- 3) Нео-фолк.

Далее подробно остановимся на каждом из этих стилей.

1. White Power (далее – WP). Эта музыка зародилась в Англии в конце 70-х годов и стилистически уходит корнями в панк-музыку. Основоположницей этого стиля считают английскую скин-группу SKREWDRIVER, которая сыграла важнейшую роль в популяризации неонацистских идей среди субкультуры скинхедов, до этого особо политикой не интересовавшихся. Один из музыкантов этой группы, Ян Стюарт, основал в 1987 году наиболее известную организацию скинхедов Blood & Honour. Излюбленными темами скин-музыки являются расовая война, города как арена боя с врагами, мужество и окончательная победа белого человека. WP рок-н-ролл – это больше, чем просто источник развлечения для движения неонацистских скинхедов. Музыка – это возбуждающее пропагандистское средство, используемое для того, чтобы распространять раси-

стскую идеологию на как можно большую аудиторию. WP рок-н-ролл является мощным фактором в распространении этой насильственной субкультуры фактически в каждом государстве Запада, а теперь и в Восточной Европе. Естественно, WP-музыку слушают в основном скинхэды, т. е. представители контркультуры, уже принявшие определенные идеологические концепции.

Нам не известны какие-либо белорусские WP-группы, но это не мешает популярности этого стиля среди молодежи. На кассетах издаются пиратские записи известных зарубежных WP-команд, кроме того, это направление стремительно растёт в России, которая традиционно оказывает огромное культурное влияние на нашу страну. Среди российских команд особо стоит отметить группу КОЛОВРАТ (коловрат – русское название свастики), выпустившую большое количество альбомов.

Первые скинхэды в СНГ, появившиеся в начале 90-х годов (несколько десятков человек), жили в разных регионах страны. Поначалу каждый из представителей этого направления думал, что он единственный в своем роде, но после 1994-го года количество «скинов» резко возросло, и этот рост продолжается до сих пор. В 1996-97 гг. не осталось ни одного города, где не было бы десятка два парней, забритых «под ноль» и называющих себя скинхэдами. Надо сказать, что среди них, как и в любом неформальном движении, существуют различные течения и группировки, зачастую враждующие друг с другом. На сегодняшний день в Беларуси и России наиболее развито наци-скинхэд движение, которому различные ультраправые партии помогли подняться на фоне идеологического и эмоционального кризиса. Многие из наци-скинхэдов поддерживают РНЕ, РНСР, ЛДПР и другие правые партии.

Органами пропаганды скинхэдов являются российские газеты-листочки «Под ноль», «Отвёртка», «Уличный боец». Одно время вплоть до своего закрытия материалы для бритоголовых публиковала газета «Штурмовик».

В Беларуси скинхэды появились в начале 90-х. В 1992-94 годах в столице их было не более десятка. На рост числа минских «скинов» в начале 1996 года повлиял период «особого положения» в Москве, быстро принявшего явно антикавказский характер. Подростки-двоечники из неблагополучных семей быстро нашли «предмет для ненависти». Война в Чечне подлила ещё больше масла в огонь, а после взрывов жилых домов в Москве и других российских городах на эту ненависть скинхэды получили полный карт-бланш.

Но это были лишь внешние факторы. В основе роста этой субкультуры в России и Беларуси лежали экономические проблемы второй половины 90-х годов. Не случайно скинхэды появились в крупных городах – там, где особенно ярко выражено имущественное расслоение (в маленьких городах, где бедны все, скинхэдов нет).

В одежде скинхэды подражают своим западным единомышленникам. Особенностью белорусских «скинов» является любовь к флагу американской рабовладельческой Конфедерации, нашиваемому обычно на рукав или на спину куртки. В ходу также нашивки в виде свастики, портрета Гитлера, числа 88 (т. е. «Heil Hitler!», где «H» – восьмая буква в немецком алфавите) или букв WP. «Скины» обычно не носят никакого оружия (чтобы не привлекли), но в драках пользуются ремнем с утяжеленной пряжкой, намотанной на руку.

Любимым времяпрепровождением у них было и осталось выпить пива, водки и пойти охотиться на улицах или в метро на какого-нибудь темнокожего студента. Кроме того, жертвами скинхэдов в последнее время все чаще становятся, наряду с представителями кавказской национальности, и другие «недочеловеки» – корейцы, африканцы, индийцы и евреи.

Дисциплина «скинам» претит – большинство скинхэдов, вступающих в ультраправые организации, вскоре их покидают: после пьяного разгула им трудно заставить себя ходить на партсобрания, зубрить фашистских «классиков», терпеливо торговать газетами.

Но нельзя упускать из виду, что музыка WP может привлекать и людей со стороны, до этого не задействованных в молодежных группировках. Через любопытство, вызванное музыкой, многие люди пришли к неонацистской идеологии.

2. National Socialist Black Metal (далее – NSBM). Black Metal зародился в 80-е годы, как музыкальное течение, непосредственно связанное с сатанизмом. Естественно, что ни о каком германском нацизме тогда и речи не шло. В начале 90-х этот музыкальный стиль пережил резкий всплеск популярности после серии поджогов церквей и убийств, прокатившихся волной по Норвегии, в которых непосредственное участие принимали и музыканты. В это время одна из наиболее авторитетных и влиятельных фигур этого музыкального направления, талантливый музыкант Варг Викернес (отбывающий срок в тюрьме за убийство) сделал резкий уклон в сторону язычества, расизма и неонацизма. После этого подобные идеи стали все более и более распространяться в среде Black Metal музыки, особенно в Восточной Европе. Сидя за решёткой, Варг Викернес, тем не

менее, сумел организовать неонацистскую организацию Norsk Hedensk Front, одной из главных задач которой стала пропаганда. Музыканты немецкой Black Metal группы ABSURD, также отбывая срок в заключении, основали немецкий филиал будущей паневропейской организации Allgermanische Heidnische Front (позже распространившей свои организационные структуры и на территорию Беларуси и России). Под конец 90-х сформировалось чёткое единство этой музыкальной сцены, получившей название NSBM. Уже по названию видно, что в качестве основного содержания лирики команд этого стиля выступает неонацистская идеология. По наследству от классического Black Metal осталась мощная антихристианская направленность, христианство обвиняют в еврейских корнях и возлагают на него ответственность за духовное разложение арийских народов.

Большинство белорусских и российских Black Metal команд положительно относятся к неонацистским идеям, что можно проследить по интервью в андеграундных изданиях и частных беседах. Тем не менее, открыто использовать неонацистскую эстетику и идеологию стремятся немногие. В порядке исключения можно назвать гродненскую группу STURM. Вот как заявляет о своей жизненной позиции один из лидеров этой группы Алекс: «Я в конспирации с Сатаной, использую политическую доктрину фашизма с целью максимального использования фактора уничтожения человеческой сущности» [4]. В качестве примера можно привести строчку, которая рефреном звучит на протяжении песни «Арыйскі штурм» из одноименного альбома: «Мільярды павінны быць знішчаны дзеля нашай улады, моцнай арыйскай улады». Большинство же представителей NSBM не решаются провоцировать конфликты с законодательством.

NSBM обладает наибольшим пропагандистским потенциалом среди вышеперечисленных стилей. Основное его преимущество в аудитории, которая не обязательно принадлежит к крайне правым сторонникам (в отличие от WP-музыки).

3. Нео-фолк. Этот музыкальный стиль нельзя так же прямолинейно и без тени раздумий отнести к неонацистским пропагандистским средствам, как два предыдущих. Крайне правая политическая ориентация нео-фолк музыки является предметом оживленных дискуссий, но общая тенденция музыкантов к использованию нацистской эстетики очевидна.

В качестве доказательства служит тот факт, что «нео-фолком» называют определённую музыкальную субкультуру, представители которой, объединённые общей идеей, приносят в свою музыку элементы самых разнообразных направлений – от милитаристских шумовых коллажей до вагнеровских симфоний, от возвышенной поэзии до языческих песнопений.

Отличительной особенностью эстетики нео-фолка являются аллюзии на темы национализма, эзотерического фашизма или традиционализма; некоторые считают это просто эпатажем, некоторые воспринимают всерьёз. Так или иначе, нео-фолк-музыканты отвергают все расовые или антисемитские теории, свойственные былым представителям данных направлений. Кредо нео-фолка: «Против современного мира, новые герои, мистические Избранные, восставшие против деградирующей современности» [5].

Западные антифашистские деятели (среди которых и известный социолог Альфред Шоберт) выступают с гневными нападками на нео-фолк, призывая начать крестовый поход против нацистской пропаганды, Запад охвачен шумными дебатами и спорами. Нашу страну они практически не затрагивают по одной простой причине: в Беларуси очень мало поклонников данного стиля музыки. Отсутствие белорусских «нео-фолк»-групп и записей зарубежных команд служат подтверждением данного предположения.

Необходимо пояснить с музыковедческой точки зрения, что же так привлекает и завораживает молодежь в столь резкой и неблагозвучной музыке перечисленных направлений. В популярной музыке чаще всего используются консонансы и конгармонии, очень мало диссонансов, так как резкость диссонанса «неприятна» для устройства человеческого уха, но допускать ли эту резкость как средство музыкальной экспрессии – это уже дело композитора, его вкуса. В классической музыке без диссонансов просто не обойтись, так как это очень необходимое средство для воплощения и передачи некоторых музыкальных образов.

Единственное физическое свойство созвучия, делающее его акустическим диссонансом, – это наличие заметных биений определённой частоты. Отсюда вытекает его способность действовать на слух раздражающе, ибо оно воспринимается как шероховатое, жёсткое, не слитое. Ощущение шероховатости диссонанса, вероятно, появляется по аналогии с осязательным ощущением: создается вибрация, подобная той, какую испытывает рука при движении по неровной, шероховатой поверхности. Жёстким диссонанс кажется потому, что сильно раздражает слух (ведь жесткие предметы не поддаются давлению осязающей руки и, значит, сами сильно давят на нее). Не слитным он кажется из-за того, что звуки «мешают» друг другу, сталкиваются между собой.

Эти ощущения обусловлены объективными свойствами созвучий и физиологическим устройством слухового аппарата. Поэтому они общие для всех людей и неизменны во времени.

Другое дело – положительная или отрицательная эмоциональная и эстетическая оценка созвучий как приятных или неприятных, «приемлемых» для слуха или «неприемлемых» и (при отвлечении от практической полезности) как красивых или некрасивых. Здесь сразу вступает в силу личные (но социально обусловленные) потребности и интересы, жизненные (и художественные) вкусы и ассоциации. Если сильное слуховое раздражение больше соответствует потребностям и вкусам воспринимающего, чем слабое, то оно, вопреки абстрактным предположениям, вызовет у него только удовольствие. Акустический диссонанс, со всей его жестокостью, покажется приятнее консонанса и наоборот.

По данным психологических опытов, отмечал А. Сохор, видно, что в отличие от немусыкантов, музыканты-профессионалы (как и опытные, хорошо знающие музыку любители) оценивают некоторые явно консонирующие интервалы (чаще всего – «пустые» по звучанию: октаву и квинту) в качестве менее приятных, чем некоторые явно диссонирующие (малая септима, тритон), хотя и ощущают неслитность последних. По-видимому, раздражение, вызываемое совершенными консонансами, недостаточно, слишком слабо для их слуха, воспитанного на музыке, насыщенной более резкими созвучиями [2; 44].

Различия между объективными свойствами созвучия и их субъективной оценкой зафиксировано и в таких понятиях, как пряность и терпкость аккорда. Эти понятия заимствованы из области вкусовых ощущений, где обозначают остроту и даже горечь, которые воспринимаются как приятные (кстати говоря, отсюда видно, что не только в слуховом, но и в любом другом чувственном восприятии, сильный резкий раздражитель, который должен был бы казаться во всех случаях неприятным, может быть источником удовольствия – и не только для ненормального, извращённого вкуса!). Так и в музыке пряными или терпкими называют акустические диссонансы, но притом лишь такие, которые в силу каких-либо причин нравятся, приятны слуху.

Роль субъективных моментов особенно велика при восприятии созвучий в музыкальном контексте. Тогда каждое из них оценивается слушателем положительно или отрицательно в зависимости от того, насколько, с его точки зрения, оно подошло для выражения конкретного образно-эмоционального содержания данного произведения и уместно в отношении музыкальной логики. Самое «дикое» созвучие может оказаться оправданным, если оно появилось логично и несёт необходимый образ.

Несколько слов необходимо сказать о конвергенции стилей. Музыкально они совершенно различны, что долгое время препятствовало объединению сцен. Но в последнее время заметна сильная тенденция к объединению WP музыки и NSBM, предпосылкой чему служит общая идеология германского неонацизма. Нормой становятся журналы, компиляции, Сплит-альбомы, лейблы, концерты, связывающие эти два стиля. Нео-фолк по-прежнему остается в гордом одиночестве, упорно отбиваясь от обвинений в фашизме. Однако уже делаются первые шаги по сближению нео-фолка с WP и NSBM, пусть даже пока на уровне музыкальной прессы.

Из этого краткого обзора можно сделать определённые выводы о том, что неонацистская идеология активно использует различные музыкальные стили и техники для распространения своих идей в молодежной среде. При этом все более заметна тенденция к принятию и одобрению неонацистских постулатов среди музыкантов, владельцев андеграундных лейблов и редакторов музыкальных изданий, т. е. тех людей, которые оказывают непосредственное воздействие на сознание слушателей. За последние годы значительно увеличилось количество музыкантов, симпатизирующих крайне правой идеологии, и можно сделать осторожный прогноз о том, что это число в ближайшие годы возрастёт, если не произойдет коренных изменений. В ситуации, когда неонацистская идеология оказалась лишённой традиционных средств политической пропаганды, музыка стала популярным инструментом прививания экстремистских взглядов молодым людям.

В связи с приведённым выше обзором репрессивного воздействия музыки, формирование жизненных взглядов и ценностей современного человека представляется как ответственный, сложный и трудоёмкий процесс.

1. Манн Ю.В. Русская философская эстетика. – М.: «Искусство», 1969. – 304 с.
2. Сохор А. Музыка как вид искусства. – М.: «Музыка», 1970. – 192 с.
3. Eyerman R. Music in Movement: Cultural Politics and New and Old Social Movements // *Qualitatively Sociology*, Vol. 25, No. 3, Fall 2002.
4. Интервью KARACHUN/STURM//Mirkwood#2.
5. Shelley. Нео-фолк // www.seidr.woods.ru.

Р. ДАРЕНДОРФ ОБ АНОМИИ

Р. Дарендорф - один из основных представителей концепций социального конфликта, критик концепций социального равновесия. Анализируя различные виды социальных конфликтов, он пришёл к выводу, что «сегодня появилась ещё одна форма воплощения конфликта. Он ныне – не линии огня в революционной войне и даже не борьба демократического класса, а anomia» [1; 241]. Теорию аномии (от франц. *Anomie* – буквально беззаконие, отсутствие норм, от греч. *a-* отрицательная частица и *nomos* – закон) ввел Э. Дюркгейм как часть своей историко-эволюционной концепции, опиравшейся на противопоставление традиционного и современного промышленного общества. В своих работах «О разделении общественного труда» (1893), «Самоубийство» (1897) он отмечал, что anomia характеризуется дезориентацией общества, все сферы которого (экономическая, социально-политическая, духовная) находятся в кризисном состоянии. Anomia характеризуется переходным состоянием общества. А конкретно, переходом от традиционного к индустриальному (в марксистском понимании от феодализма к капитализму) обществу.

По Дюркгейму традиционное общество более замкнутое и, соответственно, более устойчивое. С другой стороны, эволюция, как и социальная революция, ведущая к промышленному обществу, ставит многих индивидов в неопределённое социальное положение в смысле отсутствия твёрдых жизненных целей, норм и образов поведения между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями. Anomia возникает тогда, когда люди не могут достичь навязанных им целей «нормальными», ими же установленными средствами.

На возникающий социокультурный феномен различные страты социума реагируют по-разному. Р. Мертон различает их по пяти основным группам.

Первая из них – конформистская. Это приспособленчество, характерное для постсоветского «молчаливого большинства», общество, где доминирующее положение занимает подданнический тип политической культуры.

Для второй группы характерен инновативный тип поведения. Так, российский социолог В. В. Кривошеев, отмечая специфику аномии и её небывалую криминальную насыщенность, делает вывод, что для современной ситуации характерна «криминализация всего социума» [4].

Третья группа – это индивиды, для которых главное не достижение целей, а ритуалы, «замешанные» на бюрократизме и формализме. Это подтверждают количественные и качественные показатели постсоветских вертикалей, горизонталей и пирамид, превзошедших по этим цифрам советскую номенклатуру.

Четвёртая группа – индивиды, изолированные от своего социального окружения (ретризм). К их числу относится растущее число алкоголиков, наркоманов, самоубийц и т. д.

Пятая группа конфликтующих предпочитает бунт, мятеж и т. д.

В изданной в 1988 году Р. Дарендорфом книге «Современный социальный конфликт» один из разделов посвящён опасности аномии в современном обществе. Исследование социума в 50–80 годы показало, что «сегодня явно участились преступления против собственности, преступления, связанные с наркотиками» [1; 241]. Как отмечает Р. Дарендорф, «в нормативном мире 80-х выявились определённые «опасные зоны». Их суть частично раскрывает название: т. е. зоны, где сила закона не действует. Они связаны с тем, как работает или скорее, не работает закон. Так называемое «оправдание виновных» стало привычным явлением в современном мире. Известны люди, нарушившие закон, они даже признались в этом, но также известно, что наказания они не несут [1; 241]. ...В связи с этим особенно остро стоит проблема молодёжи. Нормативная молодежная «опасная зона» представляет, пожалуй, самую серьёзную проблему, ибо в этом случае, от ответственности освобождаются те, кто должен был бы усвоить нормы, на которых держится общество» [1; 242]. В более широком смысле anomia обозначает положение во всём обществе». Это понятие включает как жёсткое обращение с детьми и насилие над женой, так и уклонение от уплаты налогов или другие разновидности экономического преступления. Люди не заинтересованы в обществе, а следовательно, не чувствуют себя связанными его правилами. Но это лишь одна сторона дела. Другая – в том, что общество стало меньше верить в собственные правила и перестало ограждать их от посягательств [1; 242].

Специфика постсоветского общества состоит в том, что оно, пребывая уже достаточно длительное время в условиях глубочайшей трансформации, так же как и другие в подобных ситуациях,

не может не испытывать дисфункциональное напряжение. Социум в настоящем своём качестве также ориентирован на общие потребительские стандарты, которые свойственны любому другому обществу, основанному на рыночных механизмах. Это делает возможным, в определённой мере, применение к анализу всего происходящего в постсоветском социуме, в том числе и белорусском, мертоновской аналитической схемы. С другой стороны, переход к смешанному обществу в постсоветской трансформации идёт от «развитого социализма».

Ещё один аспект аномии заключается в том, что советское общество путём весьма болезненных социальных травм выросло до относительно целостного образования. Академик Е. М. Бабосов, анализируя духовное начало позднего советского общества, отметил, что социальная жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной, все советские люди – убеждённые сторонники социализма, в личной, очень многие (особенно на верху социальной пирамиды) – приспособленцы и перерожденцы, всё более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашённых норм и правил [3].

Аномия, как известно, была с национальной спецификой не только у республик и народов СССР, но и в «социалистическом лагере» Восточной Европы. Так, Президент Социологической международной Ассоциации П. Штомпка ведёт речь, в частности, «о концепции социальной травмы», позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований [5].

Концепция аномии, то есть массового отклонения от существующих в обществе норм, порождает девиацию. Наиболее часто встречающиеся формы девиантного поведения представляют собой следующий субординационный ряд.

1. Воровство – кража собственности у индивида.
2. Деловые операции лиц, обслуживающих пороки – организации сексуальных услуг.
3. Захват заложников – это болезнь планетарная от Ирака до США. Особенно трагическими были события в России (в Москве в 2003 году и в Беслане в 2004 году).
4. Коррупция – использование должностным лицом прав, для личного обогащения.
5. Мошенничество при заключении сделок, исполнении договоров, банковских соглашений и т. д.
6. Отказ матери от ребенка.
7. Наркомания.
8. Проституция.
9. Нравственные пороки – клевета, предательство, доносы, особенно анонимки, как «отрыжка развитого социализма».
10. Незаконное применение силы.
11. Торговля живыми людьми.
12. Терроризм – применение насильственных действий. Хотя Республика Беларусь является государством, где «все тихо и толерантно», однако вызывающим для общества является телефонный и электронный терроризм (хакерство, внесение вирусов в компьютерные сети и т. д.).
13. Пьянство и алкоголизм.
14. Суицид – намеренное лишение себя жизни. Дюркгейм рассматривал самоубийство как социальный факт, порождённый социальной средой. Подробно рассмотрев это в работе «Самоубийство», он делает выводы, основанные на статистике, в частности, что мужчины совершают суицид чаще, чем женщины. Летом самоубийства бывают чаще, чем зимой. Французский социолог классифицирует суициды следующим образом: 1) эгоистические, 2) альтруистические, 3) аномические. В Беларуси зафиксировано повышение уровня показателей суицида на рубеже XX – XXI веков, если в 1999 году уровень самоубийств составил 28,7 случаев на 100 тысяч населения, в 2000 – 30 случаев, в 2003 году – 32 случая. Среднемировой уровень ныне составляет 16 случаев на 100 тысяч человек населения в год [2].
15. Уклонение от уплаты налогов.

Таким образом, во всех постсоветских странах есть в большей или меньшей степени явные признаки «неуверенности в себе». В этой ситуации важно прислушаться к мыслям Р. Дарендорфа. «Осознание беспорядков, сеяние смуты, неопределённости – это уже достаточно плохо. Но еще большая

опасность заключена в другом. Состояние анонии не может длиться долго. Это приглашение узурпаторам, желающим навязать обществу ложное ощущение порядка. Либералы ненавидят в защитниках «закона и порядка» именно то, что сами провоцируют отсутствием чёткого осознания необходимости социальных институтов. Опасность анонии – тирания, в каком бы обличье она не явилась» [1; 242].

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Пер. с нем. // Иностранная литература. – 1993. – № 4.
2. Белорусская газета. – 2004. – № 4.
3. Социологическое исследование. – 1998. – № 4.
4. Социологическое исследование. – 2001. – № 2.
5. Социологическое исследование. – 2004. – № 3.

Falk Miersch (Brest (Belarus) und Freiburg im Breisgau (Deutschland))
Lektor der Robert Bosch Stiftung an der Brester
Staatlichen Technischen Universität)

DIE ROLLE DER ROBERT BOSCH STIFTUNG IN DER KULTURELLEN ZUSAMMENARBEIT ZWISCHEN DER BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND UND DEM POSTSOWJETISCHEN RAUM

Grundlage des Textes: Dr. Ingrid Hamm, 12.05.2005

61. Jahrestagung des Bundesverbandes Deutscher Stiftungen

11.05. -13.05.2005, Freiburg im Breisgau

Erfahrungsbericht aus der Praxis der Robert Bosch Stiftung

1. Die ROBERT BOSCH STIFTUNG (www.bosch-stiftung.de).

Vermächtnis des Stifters Robert Bosch (1861-1942)

„Meine Absicht geht dahin, neben der Linderung von allerhand Not, vor allem auf Hebung der sittlichen, gesundheitlichen und geistigen Kräfte des Volkes hinzuwirken. Es soll gefördert werden: Gesundheit, Erziehung, Bildung, Förderung Begabter, Völkerversöhnung und dergleichen“

(Auszug aus den Richtlinien von Robert Bosch dem Älteren für die Vermögensverwaltung Bosch GmbH, 19. Juli 1935)

„Geradezu wundern muß man sich, daß es den Menschen so schwer fällt, aus der Geschichte zu lernen, daß das Heil der Menschheit in der Verständigung in den großen Zusammenhängen liegt“

(Robert Bosch, 1931)

Die Gründung der ROBERT BOSCH STIFTUNG im Jahre 1964 geht auf das Testament des Unternehmers und Stifters Robert Bosch (1861-1942) zurück. Die Gesellschaft besitzt 92% des Stammkapitals der Robert Bosch GmbH. Somit besitzt die ROBERT BOSCH STIFTUNG ein passives Vermögen von 1,1 Mrd. Euro (ca. 1,4 Mrd. USD). Ihr aktiver Gesamtetat betrug im Jahr 2005 ca. 75 Mio. Euro (92 Mio. USD). Davon wurden 56 Mio. Euro (69 Mio. USD) für Bildungs-, Sozial- und Forschungsprojekte ausgegeben. Die Gesamtförderungssumme seit 1964 betrug 740 Mio. Euro (903 Mio. USD).

Die Zwecke der Robert Bosch Stiftung GmbH sind ausschließlich gemeinnützig und werden operativ und fördernd umgesetzt. Die Gesellschaft konzentriert sich in ihrer Arbeit auf 6 Bereiche:

- Wissenschaft und Forschung,
- Gesundheit und humanitäre Hilfe,
- Völkerverständigung in Westeuropa und Amerika,
- Völkerverständigung in Mitteleuropa und Osteuropa,
- Bildung und Gesellschaft,
- Gesellschaft und Kultur.

Sie betreibt in Stuttgart drei Einrichtungen:

- das Robert-Bosch-Krankenhaus,
- das Dr. Margarete Fischer-Bosch-Institut für klinische Pharmakologie
- das Institut für Geschichte der Medizin, das den Nachlass des Homöopathie-Begründers Samuel Hahnemann verwahrt.

Die ROBERT BOSCH STIFTUNG GmbH hat drei weitere Stiftungen unter ihrer Verwaltung:

- die Hans Walz Stiftung, die naturgemäße Heilverfahren fördert,
- die Otto und Edith Mühlischlegel-Stiftung, deren Mittel eingesetzt werden, um Themen rund um das Alter aufzugreifen,
- die DVA-Stiftung, die deutsch-französischen Beziehungen im Bereich Kultur, Literatur und Theater fördert (z.B. durch den André-Gide-Preis).

Prinzipien der Förderarbeit der ROBERT BOSCH STIFTUNG

- In Menschen investieren (nicht in Beton)
- Modelle schaffen
- Gute Praxis etablieren
- Partnerschaftlich arbeiten
- Innovationen fördern
- Am Bedarf orientieren

Warum international arbeiten ?

- Weil nur der Dialog Konflikte verhindert
- Weil aus dem Dialog der Kulturen Kreativität erwächst
- Weil Demokratieentwicklung Pflege braucht
- Weil sich gesellschaftliche Entwicklungen global vollziehen
- Weil Europa zusammenwachsen soll

Bausteine der Völkerverständigung

- Sprache
- Kultur
- Bildung und wissenschaftlicher Austausch
- Gesellschaftliches Engagement
- Information und Medien
- Nachwuchsförderung

2. Lektorenprogramm an Hochschulen in Mittel und Osteuropa (www.boschlektoren.de)

Seit 1993

- jährlich ca. 80 (insgesamt mehr als 500) Lektoren für 1-2 Jahre in 19 Ländern Mittel-und Osteuropas
- Lehre, Projektarbeit, Berufsqualifizierung, Austausch
- Trägerschaft: Osteuropazentrum an der Universität Hohenheim
- Alumni-Arbeit über MitOst e.V. (gegründet von Alumni der Robert Bosch Stiftung)

Ziele:

- Förderung der deutschen Sprache und Vermittlung eines aktuellen Deutschlandbildes
- Wissenschafts- und Kulturaustausch in beide Richtung
- Lehr-/Berufserfahrung und Kenntnisse über MOE-Länder

Lektorate:

- Germanistik / Sprecherziehung (26)
- Deutsch als Fremdsprache(20)
- Politik / Geschichte (15)
- Jura (05)
- Wirtschaft / Sozialwissenschaft (05)
- Journalistik (05)
- Dolmetschen / Übersetzen(04)
- Sozialpädagogik (01)

3. Theodor-Heuss-Kolleg (www.theodor-heuss-kolleg.de)

- Seit 2001 jährlich ca. 100 ehrenamtliche deutschsprachige Studenten aus 24 Ländern MOE
- Förderung eigenverantwortlicher Projektarbeit und Vermittlung von Team- und Führungskompetenzen
- Hospitationen in internationalen Organisationen
- Nominierung und Mentorierung durch Lektoren und andere Stipendiaten der Stiftung in MOE
- Trägerschaft:MitOst e.V.

4. Stiftung deutsch-russischer Jugendaustausch gGmbH i.Gr.

(Kooperation mit Bund, Ostausschuß der deutschen Wirtschaft)

- „Public Private Partnership“ zur Errichtung einer Stiftung mit dem Auftrag der Intensivierung und Ausweitung des Schüler-Jugendaustauschs (schulisch, außerschulisch, berufsbildend) zwischen Deutschland und Rußland
- Koordinierungsbüros in Deutschland und Rußland Sitz: Hamburg, Petersburg / Moskau
- Regierungsabkommen 21.12.2004.
- Eröffnung September 2005
- Budget jeweils 4 Mio Euro im Jahr von deutscher und russischer Seite

5. Robert Bosch Kulturmanager in Arabien

(Kooperation mit dem Goethe-Institut)

- Entsendung von Kulturmanagern an Dialogpunkte des Goethe-Instituts in Nordafrika und dem Nahen Osten für 2-3 Jahre
- Kooperation zum Aufbau tragfähiger Strukturen für einen deutsch-islamischen Dialog
- Ziele: Angebote zur deutschen Kultur und Fortbildung im Kultur- und Bildungsmanag.
- Einsatzorte:

Tschernowitz (UA) Klausenburg (RO) Temeswar (RO) Hermannstadt (RO) Odessa (UA) Nidden (LT) Klaipeda (LT) Agnetendorf (PL) Breslau (PL) Allenstein (PL) Pécs (HU) Dorpat (EST) Daugavpils (LV) Kaunas (LT) Kaschau (SK) Banská Bystrica (SK) Warschau (PL, Stiftungslehrstuhl am Europakolleg Natolin).

Потолков Ю. В. (БрГУ им. А. С. Пушкина)

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОИСКИ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУР XX ВЕКА

Сложность политических и межгосударственных взаимоотношений России и Германии в ушедшем столетии вроде бы ставит под вопрос саму идею близости двух великих литератур в их нравственно-философских поисках. Однако проблема видится по-иному, если определиться с гуманистическими позициями её изучения.

Перед всеми народами планеты (вне зависимости от конкретно-исторических обстоятельств) стояла и стоит одна и та же стратегическая, генеральная задача. Суть задачи такова: духовное и, как следствие, физическое выживание вида homo sapiens в космосе.

В статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин отметил: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Исходя из этого силлогизма, можно было бы утверждать, что русская и германская культуры в XX веке противостояли друг другу – нравственно и философски. Одной были близки идеи Фр. Ницше, проистекали из воспевания сильной личности в «Песне о Нибелунгах», другой были близки гуманистические традиции русского критического реализма XIX века.

Но мысль об отдалённости нравственно-философских поисков двух литератур окажется неубедительной, если мы обратим внимание на то, что приведённые выше слова В.И. Ленина, при всей их справедливости, достаточно локальны. Сообщество людей – лишь малая часть биосферы и не может исчерпывать собою всех процессов, происходящих в природе как окружающей нас, так и проявляющей себя во внутренней жизни каждого из индивидуумов. Поэтому, на наш взгляд, ленинский тезис необходимо дополнить следующим: «жить в космосе и быть свободным от космоса нельзя». При этом выражение «общечеловеческое» следует воспринимать как часть феномена, имя которому – социоприродность, антропокосмичность.

Исходя из сказанного, следует подчеркнуть, что на уровне социоприродности литература выступает как явление субстанциональное, то есть непреднамеренное, самодостаточное, а, следовательно, запредельное художественным интенциям писателей.

То есть, говоря о нравственно-философских поисках литератур, мы имеем в виду именно литературы, а не литераторов. Вследствие этого возникает необходимость говорить о проявлении в словесном искусстве таких бытийных универсалий, как архетип и топос, которые, как известно, выражают не личные интенции мастеров слова, а спонтанно складывающиеся (и поэтому воплощающиеся в художественном образе) настроения общества.

Итак, можно предположить, что нравственно-философские поиски русской и немецкой литератур в XX веке были едины в смысле поисков путей к духовному выживанию человечества. Для подтверждения высказанной гипотезы обратимся к материалу литературных произведений.

В романе Г. Владимова «Генерал и его армия» (1994) среди прочих персонажей представлен командир 2-й танковой армии гитлеровских войск Хайнц Гудериан. Ему поручено совершить последний, решающий танковый бросок на Москву. Вследствие этого удара, как предполагает германское военное руководство, столица СССР падёт. Однако Гудериан от броска отказывается. Существуют различные исторические объяснения этого решения. Но писатель выдвигает свою версию.

Фашистский генерал представлен в Ясной Поляне сидящим за столом Льва Толстого и читающим «Войну и мир». Чтение приводит гитлеровского стратега к выводу, что не только М.И. Кутузов со своей армией победил Наполеона. «Сумасбродная графинечка» Наташа Ростова и многие, подобные ей, словом, весь народ, ковали победу над врагом.

В эту ночь Гудериан понял, что Наташу Ростову ему не победить, и отдал первый за весь «блицкриг» приказ об отступлении. Фашист понял, что после слов И.В. Сталина «братья и сестры!» Германии «противостояла уже не Совдепия с её усилением классовой борьбы, противостояла Россия» [1, 15]. Тогда Гудериан вспомнил «нелогичную» Брестскую крепость и понял, что ещё тогда, в июне 1941 года, ему нужно было понять урок истории.

Таким образом, ясно, что нравственно-философские поиски Льва Толстого и мысли немецкого военного теоретика совпали на уровне того духовного выживания, о котором шла речь выше. Важно при этом подчеркнуть, что описание эпизода с Гудерианом возникло в романе, написанном в конце XX века. Это означает, что проблема взаимоотношений российской и германской культур приобретает в наше время новую, особую актуальность.

Мнение Льва Толстого в романе Г. Владимова выступает как выражение бытийного начала, а именно архетипа Великой Матери, патриотического, гражданственного, родительского начала в личностном менталитете индивида. Согласно формулировке Карла Юнга, архетип – это «коллективное бессознательное». Материнское содержание в мировой литературе и в психике человечества не приемлет никакого насилия. Именно это обстоятельство определило ведущее, типическое настроение и немецкой литературы XX века.

В подтверждение такого вывода можно обратиться к нравственной ситуации, представленной в стихотворении Бертольда Брехта «Баллада о солдате». Моральные взаимосвязи между архетипическим и конкретно-историческим представлены здесь со всей очевидностью:

1

– Тебя пули сразят, тебя пики пронзят,
И поглотит река без возврата.
Пропадешь среди льда! Не ходи никуда! –
Мать говорила солдату.

2

Но засмеялся солдат ей в ответ:
– Нет уж, спасибо тебе за совет!
Дальние страны богаты.
Всех победим и на все поглядим,
И домой возвращусь я с войны невредим –
Вот тебе слово солдата! [2, 100].

Образы «мать» и «солдат» выступают в данном случае как кодовые знаки двух взаимоисключающих моральных позиций. Но направлены эти позиции к решению одной и той же жизненной проблемы, а именно, проблемы выживания. Стихотворение завершается сообщением о бесславной гибели солдата и убеждённости, что матери не устанут удерживать своих сыновей от участия в завоевательных войнах.

Приведённые примеры доказывают, что обе литературы в своем самодостаточно гуманистическом движении устремлялись к одному и тому же нравственно-философскому идеалу. Этот идеал можно определить как сопереживание или эмпатия.

Термин «сопереживание», понятый как художественно-образная парадигма добра, требует определённых комментариев. Сопереживание не синонимично понятию «сострадание», хоть и близко к нему. Оно предполагает равноправный и взаимоуважительный нравственный диалог двух духовных личностей, находящихся в близких по содержанию обстоятельствах. Сопереживание может выразиться в возгласе: «Как я тебя понимаю!».

Изначально нравственные интенции Хайнца Гудериана из романа Г. Владимова «Генерал и его армия» и Солдата из стихотворения Б. Брехта «Баллада о солдате» воплощают в себе деструктивный взгляд на действительность. Они начинают свой путь с отказа от сопереживания и поэтому получают возмездие.

XX век воплотил в мировой литературе среди прочих типов образ человека, «растворившегося» в общественной идее. Как показала действительность, «раствориться» в общественной идее можно только в некоторой степени. От своей личностной неповторимости человек освободиться не может в принципе.

В советской литературе 20-х годов воплощением «обезличенного» человека стали «кожаные куртки», «люди – машины» и т. д. Молодёжь Германской демократической республики пробовала повторить образцы подобного рода, увидеть в ригоризме Павки Корчагина («Как закалялась сталь» Н. Островского) нравственно-философский образец. Таковы персонажи романа Германа Канта «Актёрский зал» (1965 г.). Перед нами – студенты рабоче-крестьянского факультета одного из германских университетов. Действие происходит в конце 40-х – начале 50-х годов.

Студенты создают общество по изучению советской культуры, распевая песни революции и гражданской войны: «Разгромили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане свой закончили поход». Комнате общежития, в которой они живут, юные энтузиасты дают название: «Красный Октябрь». Однако, к удивлению этих романтиков, им не удается осуществлять избранные ими теории на практике. К примеру, они приходят к парадоксальному выводу, что милосердие недопустимо для революционного борца. Рассуждения их напоминают мысли коммунистов, представленных в романе А. Платонова «Чевенгур».

Знаменателен эпизод из «Актёрского зала», в котором повествуется о том, что у одного из студентов врачи обнаружили симптомы начинающегося туберкулеза. Товарищи по комнате решили не изолировать его, оставить в комнате, заботиться о неудачнике. Пришедший преподаватель резко критикует такую моральную позицию:

«Разберемся, что происходит? Заболевает студент Рик, пусть не по собственной вине, но заболевает. Случайно, совершенно случайно, как раз у студента Рика нет, оказывается, родного дома. Что же происходит дальше? Товарищи по комнате из мнимой солидарности берут на себя заботу о нём. А результат? Результат следующий: уже не один, а четыре студента, то есть четыре рабочих студента отвлеклись от своей непосредственной и главной задачи и, следовательно, позже, чем намечено, достигнут цели, поставленной перед ними их классом; это, в свою очередь, означает, что класс стал слабее, что он ослаблен. А кто заинтересован в ослаблении рабочего класса?» [3, 123].

Подобный монолог мог бы звучать как проявление сатирического жанра, гротескного преувеличения, если бы суждения подобного рода не встречались в советской литературе 20 – 30-х годов на полном серьёзе. Скажем, слышны они в том же романе Н. Островского «Как закалялась сталь». Жертвенность во имя всеобщего счастья оборачивалась нарушением права индивидуума на жизнь.

Важно подчеркнуть, что студенты всё-таки не оставили заболевшего в комнате «Красный Октябрь», выходили его. Тем самым они невольно доказали сами себе опасность вульгарного социологизма. То есть и в романе «Актёрский зал» руководящей моральной идеей оказываются не большевистские прописи, а извечная реальность архетипа Матери.

Таким образом, противоречивое переплетение исторических судеб немецкого и русского народов оказалось на деле основой общности их нравственно-философских поисков. Симптоматичными представляются, в свете приведённых выше фактов и идей, эпизоды романа А. Толстого «Восемнадцатый год», в которых изображён немецкий солдат – философ с записной книжкой в руках. Он случайно встречается в дороге с Катей Булавиной, а затем – столь же случайно – с Вадимом Роциным. Но случайность эта вовсе «не случайна»: солдат помогает Кате и Вадиму найти друг друга, обрести смысл жизни.

Обращаясь к Кате, солдат говорит: «Мы живём, к несчастью, на стыке двух веков. Один закатывается, великолепный и пышный. Другой рождается в скрежете машин и суровых однообразных фабричных улиц. Имя тому веку человеку масса, человеческая масса, где уничтожены все различия. Человек – это только умные руки, руководящие машинами /.../ Я вас уверяю, что в будущем станут издавать законы против красоты» [3, 445].

Встревоженный монолог незнакомого дорожного спутника, так близко и дружелюбно воспринятый Катей Булавиной, может трактоваться в нашей статье как дефиниция проблемы,

объявленной в названии. Нравственно-философские поиски русской и немецкой литератур, проявляющиеся на самодостаточном уровне, оказались едиными. Обе литературы (каждая по-своему) двигались в сторону красоты. Красота в данном случае понимается как гармония между микрокосмом отдельной человеческой души и законами окружающего нас макрокосма. Иных путей у человечества нет и быть не может.

Немецкая и русская литературы XX века искали путь к такой красоте.

1. Владимов Г. Генерал и его армия // Знамя. – 1994. – № 4.
2. Хрестоматия по зарубежной литературе. – М., 1960.
3. Кант Г. Актовый зал. – М., 1968.
4. Толстой А. Хожение по мукам. – М., 1983.

Варич В. Н. (БрГТУ, г. Брест)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕГЕЛЕВСКОГО АНАЛИЗА ОТЧУЖДЕНИЯ

Рассмотрение различных форм отчуждения является одним из важнейших элементов «Феноменологии духа» Гегеля. Органический сплав глубоких философских обобщений, раскрывающих диалектику фундаментальных начал социума, и конкретных характеристик отдельных исторически узнаваемых форм социальной жизни определяет своеобразие гегелевского анализа. Его смысловое поле задано понятиями «отчуждение», «образование», «язык» (*Die Sprache*), вокруг которых в виде диалектических пар сгруппированы понятия «хорошее – дурное», «государственная власть – богатство», «благородное сознание – низменное сознание», «вера – чистое здравомыслие», «абсолютная свобода – смерть». Понимая социальную действительность как способ существования отчуждённого от себя абсолютного духа, Гегель начинает анализ общественного развития характеристикой индивида, деятельность которого *образует* (созидает) эту отчужденную действительность: «Движение индивидуальности, осуществляющей свое образование, есть ... непосредственное становление её как всеобщей предметной сущности, т. е. становление действительного мира» [1, 264]. Образование индивида, совпадающее с переходом субстанции в действительность, базируется на его отчуждении от себя самого, посредством которого индивид, по выражению Гегеля, согласует себя со всеобщим. Гегель справедливо полагает, что для плодотворного включения в жизнь социума индивид должен, по крайней мере, абстрагироваться от своих особенностей: субстанцией индивида в расколотом на противоположности социальном мире является «дух отчуждения *природного бытия*», а его цель и содержание «принадлежат единственно самой всеобщей сущности и могут быть только некоторым всеобщим...» [1, 264]. Весьма адекватным выражением необходимой принадлежности индивида к одной из конфронтрующих сторон общества, в котором царит всеобщее отчуждение, следует признать гегелевское определение индивидуальности, пытающейся выразить себя как нечто особенное: «...Такая мнимая (*vermeintliche*) индивидуальность есть именно такое наличное бытие, которое только мнится (*das Gemeinte*) и которое не имеет постоянства в том мире, где только то обретает действительность, что отрешается от самого себя и в силу этого есть лишь всеобщее» [1, 264].

Внутренняя противоречивость характеризует также и сознание пребывающего в мире отчуждения индивида. В этом сознании, как показывает Гегель, господствуют два всеобщих начала – «хорошее» и «дурное», отвечающие двум фундаментальным характеристикам любого развивающегося целого: способность сохранять равенство с собой и способность нарушать это равенство, выходя вовне. Соответствующим образом «себе самой равная непосредственная и неизменная сущность есть *хорошее*», а «всеобщее, поскольку оно обрекает себя на жертву и позволяет индивидам заимствовать у него сознание их единичности, есть *дурное*» [1, 266]. Рассмотренные в контексте «Феноменологии духа», данные определения являются необходимой предпосылкой и теоретическим фундаментом всего гегелевского учения об отчуждении духа в действительности и не могли бы вызвать принципиальных возражений, если бы не одно важное обстоятельство: именно *мысли* о хорошем и дурном, отчуждаясь в действительность, становятся действительными и существуют в предметной форме. Данные моменты – государственная власть и «богатство» – в совокупности как раз и являются у Гегеля той субстанцией, которая составляет цель и содержание деятельности отдельной личности в мире взаимного отчуждения.

Гегелевский анализ проблем отчуждения традиционно увязывается с характеристиками буржуазного общества периода его становления. Те исторические вехи, которые расставляет сам философ, свидетельствуют в пользу такого соотнесения. Вместе с тем «Феноменология духа» создает своего рода пантеон образов, которые дух *обязательно* принимает в процессе самоформирования, – иными словами, тех форм духовной, практической и социальной жизни, которые с необходимостью приобретает в своем развитии человеческое общество. В таком плане гегелевский анализ мира отчуждения должен быть истолкован более широко: как исследование проблем основанного на конфликтах общества, приходящего на смену гармоничному, с точки зрения Гегеля, общественному устройству древних.

В этой связи гегелевские определения государственной власти и «богатства» могут быть адресованы любому исторически определённом обществу с выраженной конфронтацией социальных групп. «Государственная власть в такой же мере есть простая *субстанция*, как и всеобщее *произведение*, само абсолютное *дело*, в котором для индивидов выражена их *сущность* и в котором их единичность есть просто лишь сознание их *всеобщности*; точно так же государственная власть есть произведение и простой *результат*, из которого исчезает то обстоятельство, что произведение это происходит из *действования*; произведение остается абсолютной основой и опорой всего их *действования*» [1, 266]. В качестве противоположности государственной власти противостоит «богатство», но эта противоположность, по убеждению Гегеля, имеет только формальный характер, ибо богатство есть «равным образом всеобщая духовная сущность, столь же постоянно *получающийся результат труда и действия* всех, как он снова растворяется в *потреблении* всех» [1, 266]. Само потребление, сообщающее индивидуальности сознание её исключительной единичности, по справедливому замечанию Гегеля, есть результат всеобщей деятельности, а накопление богатства, в свою очередь, открывает возможности для нового витка всеобщего действия. Но если противоположности власти и богатства не выходят за рамки всеобщей субстанции, – иными словами, если они по своей сути представляют одно и то же и потому неразрывно связаны, закономерно возникает вопрос: что или кто может им реально противостоять? Какая сила может развести их в стороны и сделать враждебными?

Силой, способной привести всеобщее в движение, Гегель считает единичное сознание. Известный гегелевский вывод о том, что движение индивидуальности есть реальность всеобщего, приобретает новое звучание: *отношение* индивида к государственной власти и богатству оказывается у Гегеля тем конституирующим принципом, который делает структуры отчуждённого духа действительными. В качестве носителя духа единичное сознание есть единство в-себе-бытия и для-себя-бытия, всеобщего и индивидуальности, и потому чувствует себя в известной степени свободным от всеобщих сущностей, каждая из которых воплощает одну из сторон. Оценка государственной власти и богатства по критерию в-себе-бытия и для-себя-бытия приводит индивида к противоположным результатам: государственная власть предстает перед ним то как нечто подавляющее его единичность, угнетающее и уравнивающее, т. е. как неравное ему и «дурное», то как нечто вносящее порядок и организованность в единичные движения, т. е. как равное ему и «хорошее». «Богатство» точно так же выступает то как «тысячерукий податель», доставляющий всем сознание их самости, то как нечто преходящее, в котором индивид не узнает своей всеобщей сущности.

Рассмотрев это двоякое отношение единичного сознания к раздвоенной всеобщности власти и богатства, Гегель применяет определения «хорошего» и «дурного» к самому оценивающему сознанию. «Хорошим» философ называет сознание, находящее равенство, «дурным» – сознание, устанавливающее неравенство. «Сознание отношения, находящего равенство, есть благородное сознание» [1, 269]. В государственной власти оно усматривает свою сущность, устойчивое в-себе-бытие, в «богатстве» – сознание своего для-себя-бытия, действующей индивидуальности, и обе всеобщности рассматривает как равное себе. «Низменное» же сознание, напротив, «отстаивает *неравенство* с обеими сущностями, видит в верховной власти ...оковы и подавление *для-себя-бытия*, а потому ненавидит властителя, повинует с застенной злобой и всегда готово к мятежу; в богатстве ...оно точно так же видит только неравенство, а именно неравенство с постоянной сущностью; так как благодаря богатству оно приходит лишь к сознанию единичности и преходящего потребления, оно его любит, но презирает...» [1, 270]. Данные типы сознания диалектически взаимосвязаны, и Гегель с великолепным

мастерством показывает их внутреннее родство. «Героизм служения» как «добродетель, которая жертвует единичным бытием для всеобщего и тем самым вводит последнее в наличное бытие» [1, 271], имеет второй план: служение не охватывает всей деятельности индивида, а оставляет свободной его волю. «Для-себя-бытие, воля, которая как воля ещё не принесена в жертву, есть внутренний отошедший дух сословий, который вопреки своим разговорам об *общем* благе сохраняет за собой свое *особое* благо и склонен эту болтовню об *общем* благе превратить в суррогат практической деятельности» [1, 272-272]. Итогом служения поэтому оказывается полное разложение государственной власти и «благородного» сознания на крайности в-себе-бытия и для-себя-бытия. Государственная власть предстает как абстрактная всеобщность (в-себе-бытие), «благородное» сознание – как единичная воля, которой недостает всеобщей власти.

Связующим звеном между единичным сознанием и всеобщей сущностью в условиях социального отчуждения становится не действие, не поступок, а речь. Согласно гегелевским представлениям, только в языке чистое «я» находит адекватное выражение и сообщается с другими «я», при этом язык рассматривается как наличное бытие «я», «некоторая предметность», в которой заключена истинная природа самосознания: «Я» есть «это «я», но точно так же и всеобщее; его явление есть столь же непосредственно отрешение и исчезновение «этого «я» и в силу этого есть его постоянство в своей всеобщности» [1, 273]. Именно «героизм лести», приходящий на смену «героизму служения», связывает, по мнению Гегеля, разобщённые начала государственной власти и самого «благородного» сознания: первой язык лести объявляет, что она есть единичная воля, обладающая всеобщей властью, для второго же высвобождает действительную власть. Государственная власть в итоге предстает как нечто зависимое от служения и мнения подданных, как «отчужденная независимость», а её воля превращается «в отрешающуюся от себя всеобщность, в совершенную единичность и случайность, которая отдана в жертву всякой более властной воле; то, что остается на долю этой самости в *общепризнанной* и не подлежащей делению самостоятельности – это пустое имя» [1, 276].

Таким образом, в отношении государственной власти «благородное» сознание преобразуется в «низменное», основной целью которого является подчинение всеобщего единичной воле. Что же касается отношения «благородного» сознания к богатству, то и здесь, по Гегелю, происходит аналогичная метаморфоза: благодарность за предоставленную возможность потребления переходит в возмущение зависимостью от произвола, предоставляющего такую возможность. Именно в отношении к «богатству», сосредоточивающему в своих руках не менее реальную, чем у государственного аппарата, власть, индивид постигает всю глубину отчужденности и всеобщей разорванности мира, в котором он живёт. В этом отношении, непосредственно затрагивающем его жизненные интересы, индивид на опыте узнаёт, что «распалось и поггло всё, что обладает непрерывностью и всеобщностью, что носит имя закона, добра и права» и убеждается в том, что «всё равное растворено, ибо налицо имеется *чистейшее неравенство*, абсолютная несущественность абсолютно существенного, вне-себя-бытие для-себя-бытия...» [1, 277]. Возмущение, которое сознание испытывает, убеждаясь в собственной отверженности и во всеобщей извращенности окружающего его мира, Гегель по праву считает предвестником грядущего преобразования этого мира.

Прологом к изменению мира всеобщего отчуждения становится у Гегеля «битва идей» в общественном и индивидуальном сознании, предваряемая формированием «языка раздвоенности», на котором высказывается «язвительная насмешка» над бытием и над самим собой. Не язык лести, не односторонние суждения «честного сознания», приводящего примеры хорошего и дурного, а язык возмущения считает Гегель единственно адекватным воплощением разорванного сознания и отчуждённого от себя духа. Единичное сознание, постигшее свою противоречивость и в своих высказываниях возвысившееся над ней, Гегель называет образованным – достигшим согласования со всеобщим посредством собственной деятельности. Тем не менее, всеобщее противостоит сознанию как нечто чуждое и находится по ту сторону его действительности, образуя мир чистого сознания. Подобно тому, как государственная власть и «богатство» были противопоставлены Гегелем по критериям «хорошего» и «дурного», в-себе-бытия и для-себя-бытия, всеобщего и единичного, так и основные моменты чистого сознания расходятся по принципу установления равенства или неравенства. Вера выступает как сознание покоящегося равенства самому себе, а чистое здравомыслие (Einsicht) – как духовный процесс, направленный против сознания положительного и устойчивого. Вера и здравомыслие представляют собой противоположные моменты отчуждения духа в чистом сознании, иначе говоря, особые взаимодействующие типы общественного сознания, сущность которых раскрывается в их борьбе.

Ведущую роль в ней играет чистое здравомыслие как стремление снять всякую устойчивость, предметность, любую отличающуюся от сознания самостоятельность и возвести её в понятие. В этом стремлении здравый смысл (в лице проводящих его в жизнь индивидов) прежде всего, выступает против веры как таковой, представляя её как противоположность разуму и истине, сплетение суеверий, заблуждений и предрассудков. В этой деятельности здравомыслию немало способствует то обстоятельство, что оно само, с одной стороны, а вера – с другой, находятся в одном и том же отчуждённом от индивида общественном сознании. Распространение чистого здравомыслия не встречает поэтому никаких препятствий – как «всюду проникающая зараза» оно постепенно расшатывает устои веры и обнаруживается лишь тогда, когда уже распространилось: «...только память тогда сохраняет ещё мёртвый образ прежней формы духа как некоторую неизвестно как протекавшую историю; и новая, вознесённая для поклонения змея мудрости, таким образом, только безболезненно сбросила с себя дряблую кожу» [1, 293].

Вместе с тем, вера и здравомыслие, будучи едиными по содержанию (и то и другое суть чистое всеобщее сознание), противоположны по форме. Отличаясь от веры как для-себя-бытие от в-себе-бытия, как активно-единичное от пассивно-всеобщего, чистое здравомыслие не только беспрепятственно распространяется среди верующих, но и вступает в борьбу с основными проявлениями веры. Выступая против веры, *просвещение* как реализация чистого здравомыслия видит в ней, по мнению Гегеля, свои собственные недостатки. «Обвинения» просвещения против веры Гегель сводит к следующему: 1) абсолютная сущность как предмет веры есть порождение самого верующего сознания; 2) абсолютная сущность, напротив, есть нечто чуждое сознанию, результат деятельности «великих лжецов»; 3) вместо постижения абсолютной сущности верующее сознание почитает какую-либо чувственную вещь (идол); 4) знание верующего об абсолютной сущности базируется на случайных свидетельствах; 5) провозглашаемый верующими отказ от потребления и собственности есть лишь лицемерная уловка, скрывающая корыстные цели.

Защищая веру в качестве одной из составляющих всеобщего сознания и раскрывая действительные недостатки критики религии, автор «Феноменологии» задаётся вопросом, что может *просвещение* предложить взамен искореняемых суеверий. «Какова та истина, – спрашивает Гегель, – которую *просвещение* распространило вместо них?» «Положительная истина» просвещения, по его мнению, состоит, во-первых, в требовании *исключить* из представления об абсолютной сущности всё единичное и ограниченное и не связывать с ней никаких определённых предикатов; во-вторых, в требовании рассматривать «саму единичность сознания и всякого бытия как абсолютное бытие в себе и для себя» [1, 300], а не как чувственную достоверность, и, в-третьих, в движении понятия *полезности*, в котором находит выражение единство абсолютной сущности и единичного сознания.

В результате критики веры, отмечает Гегель, *просвещение* обнаруживает, что единичное действительное сознание и противостоящая ему абсолютная сущность равно необходимы (*полезны*) друг для друга, существуя одновременно как «бытие в себе» и «бытие для другого». Распространяя отношение необходимой взаимообусловленности на весь окружающий мир, *просвещение* делает вывод: всё полезно. «Для человека как для вещи, *сознающей* это отношение, в этом обнаруживается его сущность и его положение. Такой, как он непосредственно есть, как естественное сознание в себе, он *добр*, как единичное – *абсолютен*, и «иное» есть *для него*; и притом, так как для него как сознающего себя животного моменты имеют значение всеобщности, то всё существует для его удовольствия и наслаждения...» [1, 302]. В то же время не только всё полезно для человека, но и он сам полезен, «и равным образом его определение – сделаться общепольным и общепригодным членом человеческого отряда» [1, 302]. Гегель не без иронии отмечает, что самую критикуемую религию *просвещение* ухитряется представить как наиболее полезное из всего полезного. Не случайно поэтому положительный результат *просвещения*, выражающийся в представлении о том, что «*отношение* единичного сознательного бытия к абсолютной сущности, *религия*, исчерпывающим образом исчерпывается понятием полезности» [1, 303], столь же отвратителен для веры, как и беспощадная критика с его стороны. Более того, в результате контактов со здравым смыслом вера, по образному выражению Гегеля, становится «безжизненной вибрацией духа», неким нежизнеспособным духовным образованием.

Подводя итог анализу взаимоотношений веры и чистого здравомыслия, Гегель подчеркивает, что они олицетворяют собой диалектически взаимосвязанные стороны *одного* и того же целого –

всеобщего сознания, отчуждённого от действительности единичных сознаний. Когда же само *просвещение*, поколебав веру, открывает дискуссию об абсолютной сущности, разделяясь на противоположные направления, то оказывается, что и они имеют в виду одно и то же. Логически безукоризненный гегелевский анализ двух направлений просвещения, называющих абсолютную сущность либо не имеющим предикатов абсолютом, либо чистой материей, свидетельствует о том, что различие между ними состоит только в различных исходных пунктах анализа. В своем противостоянии данные направления не способны, по словам Гегеля, понять, что чистое бытие есть чистая абстракция, и в качестве таких абстракций «*мышление есть вещьность, или вещьность есть мышление*» [1, 311]. Взаимная дискредитация учений просвещения становится у Гегеля предпосылкой финального отчуждения: абсолютная сущность как пустое всеобщее, отчуждаясь, становится чувственным миром с характерными для любого действительного бытия взаимосвязью и взаимопроникновением моментов в-себе-бытия, бытия «для другого» и для-себя-бытия. Для сознания же индивида, живущего в этом мире, данное отчуждение означает окончательное торжество единичного и конечного над всеобщим и бесконечным – принципа полезности над верой в абсолютную сущность: «Оба мира примирены, и небо пересажено на землю» [1, 314].

Гипертрофированная активность единичного сознания, рассматривающего себя как *единственную* всеобъемлющую реальность, способную к самосозиданию, Гегель называет «абсолютной свободой»: «... достоверность себя есть всеобщий субъект, и его знающее понятие есть сущность всей действительности» [1, 314-315]. Абсолютно свободное самосознание расценивает весь мир как свою волю, являющуюся в его представлении всеобщей, а предмет своей активности понимает как нечто, не имеющее никакой другой сущности, кроме самосознания. Вся система воплощений духа в действительности (совокупность социальных групп и институтов и пронизывающие её социальные отношения) представляются ему соответственно результатом осуществления его *единичной* воли: «В этой абсолютной свободе... уничтожены все сословия, составляющие те духовные сущности, на которые расчленяется целое; единичное сознание, которое принадлежало одному из таких членов и в нём проявляло волю и осуществляло, преодолело свои границы; его цель есть общая цель, его язык – общий закон, его произведение – общее произведение» [1, 315-316].

Результатом развития мира всеобщего отчуждения становится в «Феноменологии духа» полная эмансипация сознания от окружающего предметного мира. После того, как индивид убеждается в неустойчивости и внутренней противоречивости государственной власти и противостоящего ей «богатства», во взаимной обусловленности хорошего и дурного, во внутреннем родстве «благородного» и «низменного» сознаний и открывает для себя равную несостоятельность постулатов просвещения и веры, единственно достоверным для него остается лишь «движение всеобщего самосознания внутри себя самого как взаимодействие его в форме *всеобщности* и в форме *личного* сознания...» [1, 317]. Определяющей характеристикой этого взаимодействия сознания с самим собой является, по убеждению Гегеля, отсутствие какого бы то ни было положительного произведения. Трудно не согласиться с теми аргументами, которые Гегель приводит в подтверждение своего вывода. В самом деле, *осуществление* единичной воли в каком-либо произведении неминуемо ведёт к противопоставлению этой воли (пусть даже понимающей себя как всеобщую) другой единичной воле. Если же этим «произведением» является правительство, то неизбежным становится ущемление прав отдельной личности, самостоятельность которой оказывается ограниченной сферой либо видом деятельности. Ограничение же чьей-либо воли противоречит самому понятию абсолютной свободы, в которой единичная воля является «обладающей самосознанием сущностью всех и каждой личности» [1, 315]. Иными словами, абсолютная свобода (свобода для всех и для каждого), по глубокому убеждению Гегеля, принципиально не может быть осуществлена в действительности, так как следствием её воплощения становится подавление единичной (пусть даже одной-единственной) воли. «Таким образом, никакого положительного произведения или действия всеобщая свобода создать не может; ей остается только *негативное действие*; она есть лишь *фурия* исчезновения» [1, 317].

Осуществление всеобщей свободы, продолжает Гегель, неминуемо оборачивается установлением противоположного всеобщей свободе диктаторского правительства, которое «есть не что иное, как укрепившаяся точка или индивидуальность всеобщей воли» [1, 318]. Устанав-

ливая определённый порядок и ограничивая деятельность прочих индивидов, правительство конституируется как противоположная всеобщей определённая воля: «...оно поэтому безусловно не может проявить себя иначе, как в виде некоторой партии (Fraktion). Только *побеждающая* партия называется правительством, и именно в том, что она есть партия, непосредственно заключается необходимость её гибели; и наоборот, то, что она есть правительство, делает её партией и возлагает на неё вину» [1, 317].

Деятельности правительства, провозглашающего своей целью абсолютную свободу, ничто и никто не может противостоять, поскольку оно эксплуатирует овладевшую индивидами идею *всеобщей* воли, которую оно якобы выражает своими действиями. Против тех же, кого не обманывают созываемые правительством «представительства», кто понимает, что «там, где самость только *представлена* и *репрезентирована*, там она лишена *действительности*» [1, 317], у обладающих властью поборников «всеобщей свободы» есть радикальное средство, пресекающее всякие попытки оспорить *всеобщность* даруемой ими свободы. «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть... *смерть*, и притом *смерть*, у которой нет никакого внутреннего объёма и наполнения; ибо то, что подвергается негации, есть ненаполненная точка абсолютно свободной самости; эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды» [1, 318]. Трагическое подтверждение в деятельности диктаторских режимов современности получил и завершающий вывод Гегеля о том, что даже не осуществленный умысел считается преступлением против диктатуры. «*Быть под подозрением* приравнивается... *виновности* или имеет такое же значение и такие же последствия, а внешне выраженная реакция на эту действительность, заключающуюся в простом «внутреннем» намерении, состоит в холодном уничтожении этой сущей самости, у которой нечего отнять, кроме лишь самого её бытия» [1, 318].

Таким образом, в описании Гегеля неперенной спутницей борьбы за всеобщую свободу становится смерть. По его мнению, это происходит потому, что подлинная свобода может быть реализована только субъектом, который *полностью* отрешился от единичных проявлений. Такое отрешение (негация) осуществляется не в покорном следовании слепой судьбе, не в пожертвовании отдельными благами, а в «чистом ужасе перед негативным», благодаря которому «не имеющая значения смерть, бессодержательная негативность самости, обращается во внутреннем понятии в абсолютную положительность» [1, 320]. Гегелевский анализ общества оказывается бессильным обнаружить *гармонию* единичного и всеобщего в действительности. Поскольку всеобщее, согласно его установкам, не может быть адекватно воплощено в деятельности индивидов, так как последние погрязли в «дурном» единичном, постольку всякие попытки найти или создать в действительном мире что-либо общее *всем* Гегель считает обречёнными на провал. Поэтому-то страх смерти оказывается в мире отчуждения единственным стимулом, способным заставить индивида признать свое родство со всеми и, забыв о своей исключительности, рассматривать себя как «атом сознания». Поэтому поиски гармонии единичной и всеобщей воли Гегель (вслед за Кантом, хотя и из принципиально других соображений) переносит в сферу моральной жизни общества.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Соч. – М., 1959. Т. 4.

Коклюхин В. В. (БрГУ им. А.С. Пушкина, г. Брест)
Крюков В. М. (Полесский ГУ, г. Пинск)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И АНТИГЛОБАЛИЗМА: ГЕРМАНИЯ

Дискуссии по вопросам геополитических трансформаций современного мира и влияния глобализационных процессов на внутреннюю и внешнюю политику стран, либо уже занимающих в мировом сообществе лидирующие позиции, либо стремящихся не оказаться на обочине магистрального направления истории, получили на перекрестье эпох довольно широкое распространение. При этом обнаруживается, что идея изменения мира в рамках и под лозунгами глобализационных проектов на практике имеет как активных сторонников (в особенности среди

лидеров ряда ведущих западных государств), так и не менее активных противников, в том числе среди граждан тех же самых ведущих наиболее развитых стран, и особенно развивающихся и неприсоединившихся государств.

Во все исторические времена в межгосударственных отношениях отмечались центробежные и центростремительные (глобализационные) процессы. Экономические и культурные связи способствовали образованию наций и государств, наслаивались и перемешивались народности, конфессии и цивилизации. В процессе глобализации государства превращались в империи, каганаты, орды, политические союзы, федерации, каждое образование при благоприятных исторических условиях достигало уровня абсолютизма и тоталитаризма, доходило при этом до максимально допустимой степени консерватизма, что по законам диалектики порождало застой и вызывало развитие антиглобалистских (центробежных) движений.

Центробежные противоречия выражались в межплеменных, межнациональных, межконфессиональных, межгосударственных и идейных конфликтах; по прошествии войн, бунтов и революций победившие слои и классы устанавливали границы и позиции, которые фиксировали захваченные территории и позволяли «переварить» добычу или накопить новые силы для продолжения процесса глобализации.

Торжество победителей могло продолжаться веками, могло реализоваться в геополитическом пространстве, а могло закончиться поражением или реализоваться частично. Примером последнего может служить опыт Германии. После разгрома Первой империи во Франции союзные державы созвали Венский конгресс, собравший представителей всех европейских стран, кроме Османской империи. Главную роль на конгрессе играли российский и австрийский императоры Александр I и Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм IV и английский министр иностранных дел Кэстльри. «Венская система» не надолго сохранила «баланс сил» победителей. Европейские войны, начиная с Крымской войны, закончились отторжением Эльзаса и Лотарингии и переходом их в состав Германской империи. Несколько ранее Рейнско-Вестфальская область, важная по экономическому потенциалу и стратегическому положению, была отдана Пруссии.

Пруссия серьезно увеличила свои владения. Под власть прусского короля отдали Северную Саксонию, часть герцогства Варшавского с городом Познань, Пруссии позволили выкупить за 5 миллионов талеров шведскую Померанию и присоединить остров Рюген в Балтийском море. Политическая система Европы обошлась без восстановления упраздненной Наполеоном в 1806 году Священной Римской империи германской нации. Общее количество немецких государств уменьшилось почти в 10 раз, но всё ещё сохранилось 38 отдельных суверенных владений – «Германский союз».

Война 1864 года Пруссии и Австрии с Данией означала первый шаг к созданию Германской империи. Ещё одна война – франко-прусская 1870-1871 гг. – привела к завершению объединения Германии. Одновременно весьма динамично развивалась экономика. За 1870-1913 год объём промышленной продукции в Англии увеличился в 2,2 раза, во Франции – в 3, и в Германии – почти в 6 раз. Фирма с официальным названием «Фридрих Крупп из Эссена», основанная в 1811 году, спустя 100 лет в 1910 году, в одном Эссене владела промышленным комплексом из 18 заводов; в Западной и Северной Германии компания контролировала 8 других гигантских сталелитейных предприятий, угольные шахты, рудники, судостроительную верфь в Киле... В годы Первой мировой войны число служащих и рабочих фирмы выросло до 150 тысяч [1, 212].

В государствах Германии процесс освобождения крестьян тянулся очень медленно: в Бадене – в 1783 году, Баварии – 1808, в Гессене – 1811, Вюртемберге – 1818... Но ведь в России это произошло только в 1861 году! Между тем, марксистские теоретики сурово осуждали прусский путь развития. Советские политики вообще грешили поспешными оценками. Коммунисты жестоко ошиблись в оценке германского империализма: это была не крайняя стадия капитализма, после которой, по Марксу, должна наступить его гибель. Это было возрождение «Священной Римской империи германской нации». Попытка её восстановления была сделана кайзером Вильгельмом ещё в Первую мировую войну.

Гитлер сделал ещё одну попытку и, не скрывая этого, так и назвал свое государство – «Третий Рейх». В 1945 году Третий Рейх был разгромлен. Поднимется ли следующий?

Но следует признать, что процессы глобализации в Европе в виде «Священной Римской империи германской нации» начались ещё во времена рецепции римского права романо-германской правовой семьей.

За пределы континента романо-германская правовая семья распространялась за счёт колонизации европейскими странами других стран, насильственной экспансии романо-германской правовой семьи в неевропейские страны, а также за счёт добровольной рецепции, усвоения и перенесения ряда положений этой семьи.

Вплоть до XIII века шёл процесс накопления соответствующих источников из элементов обычного права германских, славянских, нордических и иных племен – законов варваров. Наиболее известными из записей обычаев являлись «Саксонское зеркало» и «Швабское зеркало». Широко использовались кодекс, дигесты и институции Юстиниана, а также приспособленные к новым условиям источники римского права.

Римские источники осваивались по мере формирования германского государства, которое образовалось на землях восточных франков после распада их империи. Основную его территорию составляли 5 германских герцогств – Саксония, Франкония, Швабия, Бавария, Лотарингия, а также присоединенные итальянские и славянские земли. В X-XII вв. Германия представляла собой относительно централизованное государство. В ходе длительной борьбы германских королей за завоевание Италии и противоборства с папской властью образуется «Священная римская империя», Оттон I принимает в 962 г. титул императора. Однако после гибели династии Штауфенов в борьбе с римскими папами в Германии с 1250 по 1273 гг. не было императора, многие коронные земли и имперские регалии были присвоены князьями.

Система романо-германского права набирала силу в то время, когда страны ареала её распространения не были объединены, и сама мысль об объединении казалась несбыточной. «Золотая булла», изданная в 1356 году при императоре Карле IV, закрепила феодальную раздробленность и установила выборную монархию на условиях «избирательных капитуляций». Кроме императора существовало ещё два общеимперских института: рейхстаг и имперский суд. Романо-германская правовая система не основывалась на идеях централизации и каких-то политических тенденциях: её фундаментом служила общность культуры и традиций европейских стран.

Большие города Европы, имевшие высокий уровень товарно-денежных отношений, нуждались в более высоком уровне проработки правовых норм. Со временем они подчиняли своему влиянию менее развитые города. Так, северогерманский город Любек имел более 100 дочерних в юридическом отношении городов. А влияние Магдебургского права было распространено на значительную часть Восточной Европы и Лондон, было своеобразной частью законодательства Великого княжества Литовского. Первым на территории Беларуси магдебургское право получил Брест (1390), потом Гродно (1391), Слуцк (1441), Высокое (1494), Полоцк (1498), Минск (1499).

Попытка глобализации через православное великодержавие была предпринята во времена российской империи. В русском подсознании термин «Родина» символизировал нашу землю, наше великое прошлое, наш народ, а в XX в. олицетворяло то же, что для немцев слова «фюрер» или великий Рейх. Сталин ощущал свою мистическую преемственность с когда-то сидевшими в Кремле царями и исполнился русского патриотизма; по его указанию были сняты фильмы «Петр Первый», «Александр Невский», «Иван Грозный» и другие, прославлявшие державную Русь, восстановлены офицерские звания и погоны. Его трансформация в императора становилась для народа очевидной.

Духовное предназначение России богословы видят в том, чтобы быть Третьим Римом. Есть пророчество преподобного Серафима Саровского, что перед самым пришествием Антихриста Русь снова станет мощной империей. Однако, по утверждению инок Филофея, «четвёртому Риму не бывать» [2, 20]. Возможно, не бывать и четвёртому Рейху.

Переживаемый народами современный политический процесс характеризуется формированием однополюсного мира, олицетворяемого экономической и политической монополией США. Американский доллар «регулирует» построение мировой экономики, задачи таможенных и миграционных структур, военно-политические силы диктуют пределы самостоятельности независимых государств. В ответ на отмеченные процессы рождаются естественные или неадекватные реакции в виде сопротивления глобализму (в целом или в конкретных регионах мира), усиливается терроризм, религиозные противостояния, расширяется миграция и появляются на границах массы беженцев.

При этом обнаруживается, что идея изменения мира в рамках и под лозунгами глобализационных проектов на практике имеет как активных сторонников, так и не менее активных противников, в том числе среди граждан ведущих (Германия, Франция) европейских государств. Показателен в этом плане рост числа всевозможных саммитов и форумов, в явном или завуалированном виде рассматривающих проблемы принятия единых для всего мира стандартов поведения в экономике, политике, праве и т. д., а также рост числа людей, выступающих против введения тотальных, общих для всех норм, идеалов, принципов экономической и иных форм жизнедеятельности, поскольку за такого рода тоталитарной трансформацией мира им видится отступление от своеобразия принципов свободы и демократии.

Более того, оценивая практическую возможность построения в современных условиях единообразного в политическом и правовом отношении мира, при всей хорошо видимой объективной взаимосвязанности и взаимозависимости различных его составляющих, рискуем высказать мысль, что сегодня это не более чем утопия. В то же время нельзя не согласиться с выводом известного антисоветчика Збигнева Бжезинского: «Я надеюсь, что спустя годы интересы России и западных стран станут ближе, но это, разумеется, зависит от желания обеих сторон» [3, 7].

Во-первых, обращаясь к экономической сфере, а именно здесь процессы глобализационной трансформации зашли наиболее далеко, следует отметить, что в том же самом мире существует огромный разрыв между богатыми и бедными странами, между странами высокотехнологичными и технически слабо развитыми. При этом сам факт разрыва является, по существу, необходимым и перманентным условием, своеобразной точкой отсчёта в формировании приоритетов политики ведущих стран, объединённых в «восьмерки», «шестёрки», различного рода «давосские форумы» и т. д.

Во-вторых, говоря о сфере культурной, нельзя не принимать во внимание предпосылку многообразия культур как основополагающий момент их существования и развития. Культурная унификация, являющаяся одним из следствий унификации экономической и политико-правовой, несёт в себе тенденцию обеднения культуры как таковой, тенденцию деградации культуры.

В-третьих, отчётливо видно, что особенно остро проявляются противоречия на религиозной почве. Между собой не могут договориться по принципиальным вопросам представители даже единых конфессий (а столкновения между приверженцами ислама и других вероисповеданий наблюдаются в разных точках земного шара). Некоторые исследователи небезосновательно полагают, что XXI век будет веком противостояния исламской и христианской цивилизаций.

В-четвертых, наличие международного права не делает его повсеместно главенствующим.

В-пятых, интеграционные процессы в Европе, являясь неотъемлемым элементом трансформации мира по глобалистскому сценарию, идут на основе не столько допущения, сколько категорического утверждения истинности и незыблемости системы ценностей так называемого западного образа жизни. Однако указанный категоризм уже сегодня испытывается на прочность в связи с тем, что в центре его находится идея прогресса общества на путях исключительно техногенных прорывов и постоянного наращивания потребностей. Последнее столь же уверенно гарантирует благосостояние «золотого миллиарда» населения планеты, к которому по преимуществу принадлежит население консолидирующегося Запада, сколь гарантирует и нарастание глобального кризиса.

Перечисленное не исчерпывает всей совокупности факторов, исходя из которых, естественно полагать, что трансформация мира в единую глобализованную политическую и социально-экономическую систему в обозримом будущем невозможна. Такая система, даже если её удастся искусственно создать, будет непрочной и недолговечной.

Альтернативой (противоположным полюсом) глобализму как цели масштабных мировых изменений представляется существование самостоятельных суверенных государств. Суверенитет – это реализуемое на практике право государства решать вопросы любого уровня представительности в соответствии со своими внутренними и внешними интересами, это независимость страны в её международных отношениях. Однако встаёт вопрос: насколько возможен в полной мере суверенитет в сегодняшнем глобализирующемся мире любого государства. Красноречивый пример «уважения» «мировым сообществом» права суверенитета сегодня – это Ирак.

Поскольку ни глобализм, ни полноправный суверенитет на практике сегодня реализовать не представляется возможным, то, по всей видимости, нужно говорить о некоем третьем варианте. И этот вариант существует и довольно активно реализуется многими участниками современных международных правовых и экономических отношений. Это так называемая регионализация.

VIII Глава Устава ООН гласит о региональных соглашениях и органах для решения вопросов, касающихся поддержания мира и безопасности на региональном уровне. Главным условием легитимности этих органов с международно-правовой точки зрения является совместимость их деятельности с целями и принципами ООН. В разрешении международных споров Совет Безопасности действует в тесном сотрудничестве с региональными организациями, пользуется их поддержкой в осуществлении своих невоенных и военных миссий. С другой стороны, региональные организации не могут предпринимать вооруженных действий без наличия санкции со стороны Совета Безопасности, за исключением случаев, подпадающих под категорию коллективной самообороны.

К числу региональных организаций можно отнести такие структуры, как Организация Американских Государств (ОАГ), Организация Африканского Единства (ОАЕ), Лига Арабских Государств (ЛАГ), Содружество Независимых Государств (СНГ) и др. Все эти организации предусматривают обязанность государств-членов сотрудничать в области поддержания мира и безопасности.

С точки зрения особенностей регулирования вопросов международной безопасности региональными организациями интересно рассмотреть пример ОБСЕ.

В Будапештском документе 1994 г., трансформировавшем Соединение в Организацию в ОБСЕ говорится о цели данного преобразования, которой «явилось увеличение вклада СБСЕ в безопасность, стабильность и сотрудничество региона СБСЕ с тем, чтобы оно играло центральную роль в развитии пространства общей безопасности, основанной на принципах Хельсинского Заключительного Акта» [5, 314].

Концепция безопасности, разработанная ОБСЕ, основывается на уделении большего внимания превентивной дипломатии, расширении содержания принципов и развитии способности урегулирования конфликтов и кризисных ситуаций, а также миротворчества и постконфликтного восстановления; упрочнении безопасности и стабильности путём контроля над вооружениями, разоружения, развития мер доверия [4, 226].

После развала СССР и дезинтеграции социалистического блока США остались единственным полюсом в некогда биполярном мире. Ощущение военно-политического и экономического преимущества над всеми остальными странами мира отразилось и на национальной политике США, всё более отдаляющейся от признания верховенства международного права над национальными интересами.

Мир стал свидетелем войны в Ираке, в которой приняли участие вооруженные силы США и Великобритании. Бытуют многие мнения о политической целесообразности этой военной акции, к некоторым из которых присоединяется и авторы данной работы. Но эта военная акция имела две главные негативные стороны:

Вторая война в Ираке не была санкционирована Советом Безопасности ООН и с международно-правовой точки зрения противоречила основным положениям международного права в целом и права международной безопасности в частности;

Военная акция была предпринята не только вопреки воле Совета Безопасности, но и в условиях жёсткого противостояния со стороны большинства ведущих стран и большей части мирового сообщества;

Вооруженные действия в Ираке велись даже вопреки элементарному принципу всеобщего права, гласящего, что любое действие, носящее характер санкций, должно основываться на конкретных доказательствах того, что факт, заслуживающий санкций, имеет место.

Военная акция союзной коалиции в Ираке уже привела к некоторым негативным эффектам, которые мы перечислим:

1. Несанкционированные военные действия в Ираке подорвали авторитет международного права и, в частности ООН, проявившей крайнюю пассивность в данном вопросе, в глазах мирового сообщества и отдельных государств;

2. Начал набирать обороты процесс наращивания вооружений во многих странах мира, и в особенности в развивающихся странах Азии, что служит признаком того, что эти государства потеряли уверенность в собственной безопасности;

3. Начался процесс создания нового военно-политического блока в рамках Европейского Союза за пределами рамок НАТО;

4. Усилились разногласия между Европой и Россией с одной стороны, и США с Великобританией – с другой.

Все вышеперечисленные факторы представляют собой реальную угрозу дальнейшему эффективному существованию и развитию международного права. При схожем развитии ситуации в мире может сложиться крайне неприятная ситуация, при которой чрезмерные амбиции одной, пусть даже самой сильной страны, приведут к очередному расколу мира на два или более блока противостояния. В данной ситуации под угрозой находятся все надежды мирового сообщества на демократичность и бесполярность новой международной системы.

1. Манчестер У. Оружие Круппа. История династии пушечных королей. – М., 1971.
2. Аргументы и Факты. – № 25. – 2006.
3. Аргументы и Факты. – № 31. – 2006.
4. Лукашук И. И. Международное право – Особенная часть. Учебник для юридических факультетов и вузов. – М., 1998.
5. Торкунов А. В. Современные международные отношения. – М., 2001.

Гладковский В. И. (БрГТУ, г. Брест)

МАЯТНИК ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Давно подмечено явление попеременного преобладания тех или иных тенденций на определенных этапах процесса исторического развития, относящегося к весьма широкому кругу явлений. Существование такого явления нашло свое отражение в широко известном выражении о качании «маятника истории». Когда встречаешь выражение «маятник истории снова качнулся», то создается впечатление, будто бы оно не только нечто обозначает, что бесспорно, но и при этом что-то объясняет, что уже не столь бесспорно и не так уж безобидно. Более того, из вполне гипотетического по своей природе предположения о существовании загадочного «маятника истории», делаются вполне определённые и при этом достаточно шокирующие выводы, правда, на неопределённый срок.

Например, чего стоят хотя бы такие строки: «Нынешний триумф рыночного индивидуализма лишь ярче оттеняет насущность разрешения нашего видового противоречия между индивидом и коллективом. Великий маятник истории достиг крайних отметок индивидуализма. Неизбежно его движение к полюсу коллективизма и социализации. Тысячелетние границы окажутся прорваны, словно тонкие нитки. Государства, существовавшие веками, взлетят на воздух» [5; 163-175]. Цитирование, как способ доказательства вышеприведённого утверждения, можно и продолжить: «Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на нелинейности общественного развития, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контрреволюций и контрреформ. Такое пятное, реверсивное течение исторического времени становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу, и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения (последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций)» [3; 3-25].

Тема маятника, опосредующая на уровне внешне привлекательного, но, тем не менее, всё-таки образа, некоторую аналогию, отражающую идею смены тенденций развития, присутствует и в истории образования. В частности, В. Г. Бондарев пишет, что «маятник истории» в процессе развития образования в очередной раз качнулся от идеи эгалитаризма, означающей, прежде всего, одинаковость условий и результатов образования, в сторону либертарности, предполагающей свободу выбора содержания, методов и средств образования в попытке найти соответствие с «субъектным опытом» и «индивидуальным профилем» [2; 59].

Интересно попытаться связать веру в реальность качания «маятника истории» с двойственностью мышления, проявляющегося на уровне различия между рассудком и разумом в так называемых *антиномиях*. В энциклопедическом словаре [1; 39] отмечается, что антиномиями Кант считал вовсе не всякие, противоречащие друг другу суждения, а только те доказанные суждения, истинность которых не может быть непосредственно проверена при помощи опыта. В таблице 1 приводятся четыре группы противоречащих друг другу суждений, касающихся, по Канту: 1) пространства, 2) его деления, 3) возникновения и 4) зависимостей существования.

Таблица 1

Утверждение	Противоположное утверждение
Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве.	Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве.
Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей.	Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей.
Нет никакой свободы, всё совершается в мире только по законам природы.	Для объяснения явлений необходимо допустить свободную причинность.
К миру принадлежит абсолютно необходимая сущность, выступающая либо в форме его части, либо в форме его причины.	Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности — ни в мире, ни вне мира — как его причины.

Аналогично, противоречивые по своей природе и также равнозначно доказываемые высказывания, истинность или ложность которых невозможно проверить опытным путем, существуют и в области образования. Так, Ю. В. Громыко приводит в своей монографии [4; 34-35] следующие утверждения, сведённые в таблице 2.

Таблица 2

Утверждение	Противоположное утверждение
Образование должно стать сферой услуг.	Образование должно стать средством интегральной социальной политики.
Образование является надстройкой, полностью определяющей типом складывающихся в обществе экономических отношений.	Образование – это субъект общественного действия, который может со своих позиций предложить определенный сценарий развития страны на основе целевых инвестиционных вложений в создаваемый человеческий капитал.
В настоящий момент необходима реформа образования.	В настоящий момент никакая реформа образования не нужна, нужна финансовая стабилизация в образовании и разработка программы антикризисных мер.
Основная задача реформирования образования – ввести в отрасль тип отношений, сложившихся в настоящий момент в социуме.	В образование не надо вводить псевдорыночные отношения, вместо этого необходимо всемерно использовать образование и науку как инфраструктурные факторы формирования цивилизованного рынка, как средство для опережающего движения в будущее.
Необходимо расслоить образование, выделив элитарное, высокооплачиваемое образование высокого уровня за счёт опоры на богатые слои населения и снизить уровень массового образования.	Необходимо сохранять достаточно высокий уровень массового образования.

Исследуя антиномии чистого разума, Кант пришел к выводу, что первые две антиномии являются одинаково ложными. По отношению к третьей и четвертой антиномиям Кант установил, что и тезисы и антитезисы могут быть одновременно истинными, хотя и в разных отношениях, т. к. они представляют собой «синтез разнородного» – феноменов и ноуменов, т. е. реально существующего и обозначаемого. По мнению Г.П. Щедровицкого такая ситуация одновременной истинности двух противоположных утверждений свидетельствует о существовании кризисной точки в развитии данной науки [6; 158-165]. Рефлексивное отношение к приведённому мнению создает предпосылки для следующего утверждения: задача синтеза взаимоисключающих положений в области образования является актуальной и необходимой, поскольку от правильности решения этой задачи зависит развитие образования в будущем. Или пресловутый маятник истории так и будет качаться, как неприкаянный...

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн: МФЦП, 2002. – 1008 с.
2. Бондарев В. Г. Современные парадигмы в образовании. На пути к целостности и самоорганизации / В.Г. Бондарев. – Мн.: НИО, 2003. – 128 с.
3. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы философии. – 2005. – № 9.
4. Громыко Ю. В. Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства). – Мн.: Техно-принт, 2000. – 376 с.
5. Миронов В. Н. Философия истории Фридриха Ницше // Вопросы философии. – 2005. – № 11.
6. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995. – 800 с.

Коновод Л. М. (БрГУ им. А.С. Пушкина, г. Брест)

ПРОБЛЕМА «НЕВЕРБАЛЬНОГО» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КОНКРЕТНОЙ ПОЭЗИИ

Современный литературный процесс характеризуется ситуацией, когда стандартные универсалистские трактовки утрачивают свои объяснительные и прогностические функции. Необычайно распространенными становятся стратегии письма, направленные на эксперимент и новаторство. Происходит актуализация позитивности непонимания, генерация нового языка описания культурных феноменов. Своеобразным эпицентром современных тенденций становится проблематизация языка. Для литературы и культуры последних десятилетий особенно важной становится реальность культуры, «мир как текст». Перенесение внимания с универсального, рационализированного «картезианского» языка на язык естественный задает совершенно иные координаты литературоведческим исследованиям. Теоретики постмодернизма акцентируют внимание на уникальности языка художественного произведения (Р. Барт), субъекта (Ж. Лакан), исторической эпохи (М. Фуко), практически не упоминая о «языке вообще».

Мировоззренческую, эстетическую и поэтическую основу подобных современных тенденций во многом сформировали направления середины XX века, объединяемые в понятие неоавангарда. Немецкоязычная конкретная поэзия – одно из самых ярких неоавангардистских явлений этого периода. Оно фиксирует в себе наиболее характерные, значимые характеристики неоавангарда и, одновременно, предвосхищает появление значительной части характеристик литературы современности. Демифологизация реальности, обнажение её истинных механизмов, которые закамуфлированы господствующими идеологическими и эстетическими представлениями, идеи спонтанности, адогматичности творчества являются ключевыми и для конкретизма как неоавангардистского явления, и для литературы постмодернизма. Разграничение понятий «произведение» и «текст», предложенное Р. Бартом, опирается на практику неоавангардизма, где распространено представление о художественном произведении как тексте, открытым для самых разных интерпретаций и импровизации [2].

Немецкоязычная литература конца 50 – 60 гг. обогащается за счёт активизации литераторов-экспериментаторов, направляющих свой социальный критицизм на поиски недискредитированного языка, на преодоление привычных лингвистических форм, обслуживающих порочную действительность. Интерес к механизмам функционирования языка в творчестве Х. Хайсенбюттеля, О. Гомрингера, Ф. Мона, Э.Ю. Борхерс, Г. Рюма и Э. Яндля сочетается с исследованием проблемы отчуждения, выступлениями против диктатуры унификации, создания культурной индустрии, размышлениями о традиционных формах развития западной культуры, близкими Франкфуртской школе неомарксизма. Анархистским бунтом против устоявшихся канонов в художественном творчестве отмечены произведения и П.О. Хотьевитц, П. Хандке, Р. Бринкмана, Г. Ахтенбуша, В. Бауэра, по-своему развивающих идею недоверия традиционным идеалам. «Слова разваливаются во рту, словно гнилые грибы, – пишет Г. Зальцингер, – все прилагательные стали сомнительными, потому что у нас вызывают ужас те этические и эстетические категории, которые выкристаллизовались в языке как прилагательные...» [8, 126].

Надо говорить, что становление конкретизма в немецкоязычных странах стало своеобразным протестом, преодолением крайнего консерватизма, «реставрационной» политики. Ситуацию в австрийском государстве данного периода Э. Яндль резюмирует так: «Современный австрийский Пен-клуб является более или менее верным отображением культурно-политической системы, сформировавшейся после войны из ряда консервативных авторов, намеренных исполнять по возможности наиболее полный контроль над современной австрийской литературой и её дальнейшим развитием. Это в должной степени было достигнуто распределением ключевых ролей в средствах массовой информации между именно такими авторами, установление монополизма на издательскую деятельность, политику гонораров и цен, а также развитие всех форм протекционизма... Литературное подрастающее поколение воспитывалось таким образом, чтобы развитие особенностей личности не нарушало принятых руководителями границ. Каждое нарушение данных стандартов, ориентированность на менее консервативную поэзию, значило убыток расположения руководителя и, наконец, запрет на опубликование» [5].

В подобной ситуации очень распространенным явлением стала публикация произведений австрийских литераторов в Западной Германии и Швейцарии. С конца 50-60 гг. литераторы Западной Германии активно поддерживают неоавангардистские эксперименты конкретной поэзии.

Термин «конкретная поэзия» стал достаточно условным наименованием ряда разнородных явлений в различных национальных литературах: австрийской, бразильской, немецкой, швейцарской, итальянской, американской. Одним из главных теоретиков немецкоязычного конкретизма по праву считается швейцарский поэт и литературный критик О. Гомрингер. В статье «Конкретное искусство» (1955) автор, рассуждая об особенностях творчества Мондриана и Кандинского, об использовании в их произведениях универсальных, супрематических формул и объектов, утверждает, что категория «конкретизма» одна из важнейших для творчества многих литераторов и художников первой половины XX века. «Абстрактная картина, которая ничего не выражает, реальна сама по себе», – пишет О. Гомрингер, ссылаясь на слова художника и поэта-дадаиста Г. Арпа, который, в свою очередь, отмечает, что «картина или скульптура, для которых предмет не является моделью, так же конкретны, как лист или камень».

В творчестве поэтов-конкретистов наблюдается тенденция «через эксперименты с языком освободить энергию конкретного слова, не зависящего от синтаксиса и грамматики» [6, 116]. Эстетическое обоснование конкретной поэзии выводится из предпосылки, что звуковая и графическая оболочка слов, их расположение на листе бумаги заключают в себе серьезный смысловой и символический подтекст, не совпадающий полностью с лексическими значениями отдельных слов и словосочетаний, а порой и вступающий с ними в явное противоречие. Независимо от творческих поисков швейцарского литератора в Бразилии в 1952 году была образована группа «Нойгандрес», в которую вошли дизайнеры, печатники, художники, архитекторы, занимающиеся экспериментами по комбинированию букв и слов для достижения зрительного эффекта, совершенствования рекламы путем выработки метода краткой и броской информации. В 1955 году в Швейцарии состоялась встреча О. Гомрингера с одним из инициаторов группы «Нойгандрес» Д. Пигнатари, занимающимся проблемой теории коммуникации. В 1958 году появляется программный документ «План-путеводитель по конкретной поэзии», ставший результатом совместного творчества О. Гомрингера и членов группы «Нойгандрес» (Д. Пигнатари, Арольдо и Аугусто де Кампос, Ж.Л. Грюневальда). В данной работе подчеркивается роль в конкретной поэзии идеограммы, то есть письменного знака, условно обозначающего понятие: «идеограмма: призыв к внесловесной коммуникации, конкретное стихотворение осуществляет коммуникацию своей собственной структуры: структура-содержание, конкретное стихотворение – это предмет, который имеет значение сам по себе и не является истолкователем внешних предметов и более или менее субъективных чувств. Его материал: слово (звук, визуальная форма, семантический заряд). Его проблема: проблема функций-отношений этого материала, конкретному стихотворению свойственна метакоммуникация: совпадение и одновременность словесных и несловесных коммуникаций» [3, 295]. Характерным в манифесте является утверждение, что конкретное стихотворение – это предмет, взятый сам по себе, что оно не призвано объяснять действительность или передавать суждения, мысли и чувства автора.

Параллельно, с марта 1951 года, с появления журнала «Publikationen» заявили о своем существовании литераторы так называемой «венской группы» во главе с Х. Артманом. «Венская группа» (Wiener Gruppe) – неформальное объединение австрийских поэтов и писателей, существовавшее в Вене в 1952-1964 годах. В группу входили Ф. Ахляйтнер, Х.К. Артманн,

К. Байер, Г. Рюм и О. Винер. Под влиянием идей, высказанных Г. Стайн, А. Штраммом, Л. Витгенштейном, представители группы разрабатывают авангардистскую, сознательно провокационную концепцию литературы, объявляя своей целью непрестанное изобретение новых художественных форм и создание единого фронта против косности, «привыкания к слову». Общими для творчества литераторов «венской группы» стали антибуржуазно-анархистские настроения, мотивы «чёрного юмора» с его шутовской издёвкой, экспериментирование, широкое использование метода монтажа.

В 1953 году был опубликован первый документ группы – «восемь провозглашений поэтической деятельности», в котором Х.К. Артман настаивает на «апрофессионализме художественных выражений», «расширении эстетических рамок поэзии», «пропаганде «не герметичной» поэзии», «использовании диалекта» [9, 243]. Разрушение привычных образцов, антиакадемизм, скепсис по отношению к языку, устремленность к созданию новаторских экспериментальных текстов определяет характер публикаций К. Байера, Г. Рюма, Э. Кайна, Х. Артмана, Э. Яндля. Последний, не входя формально в «венскую группу», что давало возможность «несравненно дальше уходить за рамки сформулированных в манифестах требований и бесконечно иронизировать» [7, III, 606], разделяет, тем не менее, общую установку эстетики и поэтики «венской группы».

Произведения конкретной поэзии синкретичны по своей природе: в текстах поэтов-конкретистов наблюдается стремление к единству вербального и визуального, образного и абстрактного, разных семиотических систем. Постоянно происходит «перевод словесного описания в зрительный образ и наоборот – графическому образу дается вербальная интерпретация» [1, 49]. Явление конкретизма связано с областью дизайнерского искусства, рекламы, печатной индустрией. Кроме того, необходимо говорить о взаимосвязи конкретизма и семиотики, кибернетики, теории чисел и других достижений современной науки.

Подобный подход сближает явление конкретизма с идеями аналитической философии, в особенности сильное влияние на формирование творческого кредо конкретистских авторов оказала доктрина австрийского философа Л. Витгенштейна, основоположника логического и лингвистического аналитизма. Его произведения известны читателю с 1921 года, когда вышла первая работа учёного «Логико-философский трактат». Размышления философа, которые так привлекли конкретистов, – это исследование простейших, примитивных форм языка, раскрывающих способ употребления слов, в отличие от сложных, концептуальных высказываний, которые скрывают или искажают обыденное применение языка. По сути, поэты-конкретисты занимаются поисками «минимальных дискретных единиц, исходя из которых и строится знаковая система языка». «Применение» – это то понятие, которое предлагает Л. Витгенштейн, а вслед за ним и конкретисты, в качестве замены понятию «значение». Л. Витгенштейн задаёт принципиальное для конкретизма противопоставление «этического» и «логического», т. е. того, что «может быть показано» и того, о чём «можно говорить». В статье «План-путеводитель по конкретной поэзии» подчёркиваются схожие аспекты проблемы языка: «Поэзия повернулась от искусства к действию, от декламации к констелляции, от фразы к структуре, от песни к энергетическому центру... Конкретная поэзия – это работа с материалом языка, создание с помощью него структур и передача информации с помощью новых способов». Л. Витгенштейну принадлежит также обоснование такой категории как «языковая игра», по правилам которой и создаются тексты конкретизма. «Языковая игра – это определённая модель коммуникации или конституция текста, в которой слова употребляются в строго определённом смысле, что позволяет строить непротиворечивый контекст» [4, 126]. Поэты-конкретисты оперируют словами с фиксированными, понятными в процессе применения значениями, освобождая тем самым свою поэзию от метафизичности. По мысли Л. Витгенштейна «философские проблемы возникают тогда, когда язык пребывает в праздности» [4, 881].

Праздности или пустой созерцательности конкретизм противопоставляет активное употребление языка, в котором и заключён его смысл. Отсюда такое количество текстов поэтов-конкретистов, основанных на игровых, нелинейных способах построения поэтического высказывания, понуждающих читателя к активному восприятию текста, прояснению значения слова через употребление его в акте чтения-разгадывания. Тексты произведений конкретных поэтов сочетают в себе алгебраичность и принципы художественного построения высказывания, каждый элемент которого эстетически организован, подчиняется общему художественному заданию. Каждое конкретистское слово имеет вещественное значение, является для автора поэтической темой, своеобразным средством художественного воздействия, поддерживает идею визуальной и акустической мотивированности высказывания.

1. Агеев В. Семиотика. – М.: Весь мир, 2002.
2. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Перевод с фр. / Сост., общ. ред., и вступ. статья Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989.
3. Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950-1960 гг. – М.: Художественная литература, 1972.
4. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001.
5. Brief Ernst Jandl als Heinrich Böll. – Wien, № 22, 1973.
6. Gomringer E. Manifeste und darstellungen der konkreten poesie 1954-1966. – St. gallen: edition galerie press, 1966.
7. Jandl E. Gesammelte Werke. – Frankfurt/M.: Luchterhand Lieteraturverlag, 1990. – Bd. III.
8. Salzinger H. Spielgedichte zum Selbermachen. Zu den lyrischen Experimenten des Wiener Ernst Jandl // Die Zeit. – 28.03.1969.
9. Schnell R. Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945. – Stuttgart: Metzler, 1993.

Кивака Е. Г. (БрГУ им. А.С. Пушкина, г. Брест)

ФИЛОСОФСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В ПРОБЛЕМНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ДРАМАХ ГЕНРИХА КЛЕЙСТА

«Historia testis temporum.
lux veritatis, vita memoria,
magistra vitae, nuntia vetustatis»

(Livius)

Замечательный немецкий писатель Генрих фон Клейст (1777-1811) родился в старинной прусской юнкерской семье во Франкфурте-на-Одере. Его отец был майором прусской армии, поэтому в семье господствовали военные традиции. Рано осиротев, шестнадцатилетний Генрих поступил в гвардию прусского короля в Потсдаме. Совсем юношей он участвовал в военном походе против революционной Франции (1793-1799). Однако военная служба не пришлась по душе будущему писателю. Уволившись из армии в 1799 году, Клейст поступил в университет, поселившись в доме своей старшей сестры Ульрики во Франкфурте-на-Майне. В это время он много размышляет, читает, увлекается идеями Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) и особенно И. Канта (1724-1804), оказавшего впоследствии огромное влияние на его мировоззрение и творчество.

В начале XIX столетия немцы переживали тяжёлые испытания. 14 июня 1800 года при Маренго Наполеон разгромил австрийцев. По договору с Австрией к Франции отошли Бельгия, Люксембург, все германские земли на левом берегу Рейна, последовало «признание Батавской республики (т. е. Голландии), признание Гельветической республики (т. е. Швейцарии), признание Цезальтинской и Лигурийской республик (т. е. Генуи и Ломбардии), которые, конечно, становились французскими владениями» [1; 111]. В 1806 году французские войска вторглись в Саксонию, а в 1807 г. был подписан унижительный для Германии Тильзитский мир. Наполеон, нанеся германским княжествам ряд сокрушительных ударов, подорвал основы феодально-абсолютистского строя. На германских землях поднимается волна национально-освободительного движения. В Тироле и Пруссии вспыхивают восстания против оккупантов. Огромное влияние на передовую немецкую общественность произвели «Речи к немецкой нации» (1807) замечательного философа И.-Г. Фихте (1762-1814), в которых он призывал своих соотечественников к борьбе за свободу родины. Это обращение Фихте взволновало до глубины души Генриха Клейста. Изречение Цицерона – «*Convenit dimicare pro legibus, pro libertate, pro patria*» («Cicero «*Tusculanae disputationes*» IV, 19) – становится жизненным и творческим *credo* Клейста. Война *pro domo mea* (в защиту своего дома) раз и навсегда признается им священной, а национально-патриотическая тематика становится «личной темой», почти фрейдовским комплексом, в соответствии с классификацией Ж.П. Вебера, изложенной в его книге «Истоки поэтического творчества».

Генрих Клейст – крупнейший немецкий драматург эпохи романтизма. Из кризиса феодально-монархической государственной системы он сделал универсальные обобщения, которые сложились впоследствии в концепцию исторического пессимизма. В своей работе «Размышления о ходе вещей» он излагает парадоксальный взгляд на историю: «Есть люди, весьма стран-

но представляющие себе последовательность эпох, через которые проходит образование нации. Они мнят, что сначала народ пребывает в животной грубости и дикости; что по прошествии какого-то времени возникает потребность в исправлении нравов и потому складывается наука о добродетели; что необходимость распространить это учение наводит на мысль придать ему наглядность прекрасными примерами и потому изобретается эстетика, по предписаниям которой изготавливаются отныне прекрасные наглядные образцы, благодаря чему и возникает само искусство, а с помощью искусства народ, наконец, поднимается на высшую ступень человеческой культуры. К сведению этих людей, всё, по крайней мере, у греков и римлян, происходило как раз в обратном порядке. Эти народы начали с героической эпохи, из всех достижений, несомненно, самой высокой; когда же у них ни по каким человеческим и гражданским добродетелям не стало героев, они таковых сочиняли; когда и сочинить уже не могли, придумали взамен правила, когда запутались в правилах, мысленно вывели саму философию, а уже когда управились с этим, стали никчемны» [2, 119-120].

Мировоззрение Клейста и его творчество отмечены печатью трагизма. Его герои – люди больших и сильных страстей, оказывающиеся в неразрешимых, сложных ситуациях. Трагическая напряженность конфликтов, необычная сила переживаний героев придают творчеству Клейста черты глубокого, иногда болезненного психологизма. «*Nosce te ipsum*» – это девиз самого писателя и его необычных героев. Трагизм творчества Клейста был обусловлен очень многими факторами как объективного, так и субъективного характера. Одной из причин было рано проявившееся психическое расстройство, которое под влиянием внешних обстоятельств с каждым годом усугублялось. Юношей Клейст мечтал о героическом подвиге во славу Германии, но эта мечта рухнула – ему не довелось дожить до освобождения страны от французского ига. Надежда на литературный успех также не оправдалась: творчество Клейста было слишком своеобразно и непонятно для его современников, не укладывавшаяся ни в рамки традиций Веймарского классицизма, ни в систему эстетических принципов гейдельбергских или йенских романтиков. У него не было литературных предшественников. Последователями Клейста объявили себя немецкие экспрессионисты спустя сто лет после его безвременной смерти. Его произведения были изданы посмертно (в 1821 году), стараниями Людвиг Тика, собиравшего материалы по истории немецкого романтизма. Лишь немногие его произведения были изданы при жизни, вызвав негативные отзывы современников. Так, например, выдающийся немецкий мыслитель Г.В.Ф. Гегель (1770-1831) резко отрицательно высказался о лучших драмах писателя: «Генрих фон Клейст в своих произведениях «Кетхен из Гейльбронна» и «Принц Гомбургский» изображает характеры, в которых наивысшим достоинством считается магнетическая одержимость, сомнамбулизм, лунатизм [...] Принц Гомбургский очень жалкий генерал. Располагая войска, он рассеян, плохо пишет приказы, в ночь перед сражением занимается глупостями, свидетельствующими о его болезненном состоянии, а днем, во время сражения, вытворяет нелепости. И при такой раздвоенности, разорванности и внутреннем разладе характера эти авторы думают, что следуют Шекспиру» [3; 290-291]. Клейст, болезненно переживая такого рода рецензии, чувствовал себя одиноким и непонятым. Кроме того, личная жизнь писателя также не сложилась. Его возлюбленная, Генриэтта Фогель, единственный близкий и понимающий его человек, тяжело заболела и умерла. Все эти обстоятельства привели к тому, что Клейст начал все более ощущать *taedium vitae* – отвращение к жизни, которое достигло апогея в ноябре 1811 года. В свое время Тацит писал: «*Bella est res sua morte mori*». Именно такое решение принял Генрих Клейст и в возрасте 34 лет добровольно ушел из жизни.

В настоящее время его личность и творчество привлекают внимание исследователей и вызывают большой интерес читателей, как в Германии, так и за её пределами. В Германии в прошлом веке появились фундаментальные работы, в которых исследовалось творчество Клейста, особенно его драматургия [11]. «В историю немецкой и европейской литературы Генрих Клейст вошел как трагичнейший из романтиков. Категория трагического в мировоззрении романтиков вытекала из самой концепции личности, противостоящей враждебному внешнему миру [...] Катастрофичность перехода от иллюзий к суровой реальности определила существенные черты в мировоззрении Клейста» – справедливо заметил исследователь творчества немецкого писателя С.В. Тураев [4; 46]. Творчество Клейста, действительно, было перенасыщено неразрешимыми для обычного человека конфликтами и противоречиями. Проблема тра-

гического одиночества героя, противопоставленного «толпе», преобладающая в творчестве Клейста, является ключевой проблемой европейского романтизма. Герой Клейста – это, как правило, одинокий, замкнутый в себе человек, показанный в пограничной ситуации, которая высвечивает основные черты его характера. Его внутренняя жизнь приобретает преувеличенно напряженный, иррациональный, почти патологический характер. Основой сюжета большинства произведений Клейста являются исключительные ситуации, странные и необычные, стоящие на грани возможного и невероятного, похожие на некий трагический анекдот, удивляющий своей нелепостью и одновременно пугающий жестокостью, которой проникнута обычная реальная действительность. Герои Клейста – люди со сложной и напряжённой внутренней жизнью, с огромной силой духа и благородными устремлениями, однако в столкновении с законами реальной жизни они терпят фиаско. Концепция романтического двоемирия, основанная на платоновской антиномии «*sacrum-profanum*», достигает в произведениях Клейста своего наиболее полного выражения, являясь основной причиной трагизма его творчества.

Для романтизма исключительно большое значение имела проблема личности и её свободы, её места и роли в истории, причём рассматривалась она амбивалентно, порождая трагическую двойственность романтического мировидения. С одной стороны, имело место стремление к достижению свободы через внутренний выбор личности. С другой стороны, этому препятствовало осознание невозможности изменить к лучшему обстоятельства внешнего мира. Об этом писал Гегель: «Как бы индивиды со своими собственными целями ни желали того и ни способствовали тому, что осуществляется через посредство их собственных интересов, самостоятельность и свобода их воли остается всё же формальной, определяется внешними обстоятельствами и случайностями и тормозится природными помехами» [5; 158].

Просветители рассматривали личность в прямой зависимости от обстоятельств. Романтическое искусство вступило в полемику с этикой Просвещения. Немецкие романтики признавали внешние обстоятельства несущественными, случайными. Заслугой немецкого романтизма явилась идея самоценности личности в условиях её нивелирования. Романтическое сознание в своей концепции личности неизбежно складывалось как антиномичное. Художественные принципы романтиков были в значительной степени predetermined тем, что в трудах И. Канта и И.Г. Фихте уже была осмыслена антиномичность исторического развития.

«Проблема личности является центральной в творчестве одного из самых сложных немецких романтиков – Генриха Клейста. Поклонение таланту Гёте, восхищение Шекспиром, глубокое понимание греческой трагедии сочетались у Клейста с увлечением идеями Руссо и Канта. Философская концепция Канта своеобразно отразилась в творчестве Клейста, центральное место в котором заняла проблема свободной деятельности человеческого индивида, жизненного выбора в определённых условиях. Поэтому творчество Клейста [...] сыграло важную роль в формировании исторического взгляда на проблему личности и её свободы» [6; 43]. Творчество Клейста, наименее изученного немецкого романтика, может дать богатый материал для понимания главных закономерностей развития исторического мышления в романтизме.

Клейст написал свои драмы, связанные с историческим прошлым Германии в последние три года своей жизни: «Кетхен из Гейльбронна» («*Das Käthchen von Heilbronn*», 1808), «Битва Германа» («*Die Hermannsschlacht*», 1809), «Принц Гомбургский» («*Prinz Friedrich von Homburg*», 1810). В это время в сознании Клейста обостряются черты трагического мировосприятия. Идея зависимости человека от власти иррациональных сил, вера в чудесное, сверхъестественное придают мистический оттенок его творчеству. Сюжеты из исторического прошлого, к которым обращался Клейст, не были для него самоцелью. Клейст свободно обходился с историческим материалом, поскольку его, прежде всего, интересовала проблема свободы волеизъявления личности. Сквозь призму исторического прошлого писатель рассматривает нравственно-этические проблемы современной ему действительности. Не понимая истинных причин исторических событий, взлётов и падений отдельных исторических личностей, Клейст всюду видел воздействие божественного промысла, который предопределяет судьбы людей и целых народов. Ему был присущ мистический историзм, а его драмы не являются историческими *sensu stricto*, в соответствии с каноном этого литературного жанра.

Героиня средневековой драмы-сказки Клейста «Кетхен из Гейльбронна», приёмная дочь кузнеца-оружейника Теобальда, одержима неким мистическим предчувствием. Обычная сель-

ская девушка не желает слышать о браке и ждёт своего принца. Появление рыцаря Веттера фон Штраля Кетхен воспринимает как знак свыше. В соответствии с феодальными этическими нормами Средневековья, она не может рассчитывать на брак со знатным дворянином. Однако Кетхен считает своим долгом следовать за ним, служить ему, выдерживать все испытания, связанные с этим служением. Её мистические предчувствия оправдались. Император признал в ней свою дочь, и брак Кетхен со знатным рыцарем стал возможным. Пьеса Клейста восходит к традициям немецкой рыцарской литературы 12-13 вв., представленной именами Дитмара фон Айста и Вальтера фон дер Фогельвейде (1170-1280). Героиней произведений этих авторов часто была девушка из народа, искренняя и самоотверженная, которая добивается любви знатного рыцаря, как это происходит в произведении фон Айста: «Стояла женщина одна и смотрела через поле и ждала своего милого. Вот она увидела пролетающего сокола: «Счастливы ты, сокол! Ты можешь лететь, куда захочешь. Ты выбираешь в лесу дерево, которое тебе нравится. Так поступила и я. Я избрала себе мужа. А теперь мне завидуют прекрасные женщины». Героиня Клейста добивается счастья, подчинив себя сверхличному началу, понимаемому в религиозно-мистическом плане.

В драме «Битва Германа» Клейст обращается к ещё более отдалённой исторической эпохе. В основе сюжета – победа предводителя германского племени херусков Германа Арминия над легионами римского полководца Вара в Тевтобургском лесу (1 в. н. э.). Писателя вдохновила идея победоносного отпора непобедимым завоевателем. Битва германцев с римлянами и победа германцев была аллюзией на современные Клейсту события. Воспевая мужество предков, писатель стремился воззвать к национальной гордости немцев и подвигнуть их к борьбе против французских завоевателей. К сожалению, эта пьеса, как и самое значительное произведение Клейста – драма «Принц Гомбургский» – были опубликованы лишь спустя 10 лет после смерти писателя, и не получили ожидаемого политического резонанса. Однако наиболее существенным элементом этих произведений, отличающихся свойственной Клейсту многозначностью, была постановка экзистенциальных проблем на фоне исторических событий. В силу своеобразия немецких условий проблемы политической жизни оборачивались в сознании Клейста проблемами нравственными. В русле романтической историографии складывалось представление о важнейшем законе человеческого общества – законе прогрессивной эволюции, понимаемой как совершенствование человечества во всех сферах его жизни и, прежде всего, в сфере нравственной. В основу романтической философии истории была положена идея непрерывного нравственного развития, понимаемого как двигатель исторического прогресса. Уровень нравственного сознания, таким образом, характеризовал историческую эпоху. Романтики отвергли тип исторического повествования, основанного на детальном воссоздании исторических событий и персонажей. Их задачей было нравственное осмысление истории.

В драме «Принц Гомбургский» Клейст воскрешает одно из победоносных событий истории Германии – разгром шведов прусскими войсками в 1678 году под Фербеллином. Несмотря на ярко выраженную тенденциозность, пьеса была принята при королевском дворе в Берлине довольно холодно. Причина была в том, что Клейст, в противовес официальной исторической версии, представил героем-победителем не курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского, основателя прусского государства, а молодого принца Фридриха Гомбургского, который, вопреки приказу курфюрста, со своими драгунами смело атаковал войско шведов и одержал блистательную победу.

Драму можно назвать исторической *sensu largo*, поскольку Клейст поступил в ней весьма вольно со многими историческими подробностями. В частности, подлинный принц Гомбургский ко времени битвы при Фербеллине, не был юным влюбленным романтиком. Ему давно было за сорок, и он был инвалидом в результате полученных в предыдущих сражениях тяжёлых увечий, но, несмотря на это обстоятельство, оставался в строю. В пьесе драматично и разносторонне показана жизнь провинциального бранденбургского двора накануне возвышения Пруссии. За условным действием драмы просматривается конкретная историческая действительность.

Принц Гомбургский в драме Клейста – типичный романтический персонаж, одинокий, свободолюбивый и своевольный, живущий в мире грёз и мечтаний, вызванных непреодолимой любовью к принцессе Наталии Оранской, племяннице курфюрста, ищущей при дворе своего родственника защиты от шведов, которые захватили её владения. В любовных эпизодах пьесы

воплотилась романтическая концепция любви самого Клейста. Для Клейста любовь – это мучительная страсть, овладевающая человеком подобно болезни, подчиняющая его душу и рассудок, вызывающая тревожные эксцессы, повергающая влюблённого в состояние крайнего душевного напряжения, «одержимости». В драме любовные переживания отмечены печатью таинственности, экзотичности, близкой к истерическому расстройству. На фоне прусской жизни принц и его возлюбленная выглядят как существа из другого мира, возвышенного и поэтического.

Олицетворением суровой реальности является курфюрст, который персонифицирует подавляющее, казарменное начало, следуя до конца букве закона. Несмотря на успех незапланированной атаки принца Фридриха, по приказу курфюрста его арестовывают и приговаривают к смертной казни. Приговор абсурден, но по законам военного времени невыполнение приказа карается смертью. Герой драмы безгранично предан курфюрсту, которого чтит как отца, и готов принять смерть в качестве наказания за преступление перед законом. Смысл трагизма ситуации принца Фридриха состоит в неразрешимости конфликта между личностью и государственной машиной. По мнению Клейста, абстрактный всеобщий принцип (закон), справедливый по своей сути, может стать трагическим произволом по отношению к индивидууму. Курфюрст в драме – верховный страж закона. Он не может помиловать принца, хотя и относится к нему с отеческой любовью, поскольку Фридрих Гомбургский нарушил закон. В сопоставлении и противопоставлении этих персонажей заключена проблема соотношения верховной власти, олицетворяющей закон, и прав на свободное волеизъявление самостоятельного индивида. Курфюрст вначале убеждён, что его действия будут восприняты окружением как проявление объективной необходимости. Однако даже ближайшие его соратники не воспринимают закон как всеобщую нравственную максиму. Восстают офицеры под предводительством Коттвица и требуют отмены смертного приговора. Позиция Коттвица выражает взгляды самого Клейста, узревшего опасность в законе, который полностью исключает самостоятельность индивида, его право на свободное волеизъявление. Однако курфюрст желает преподать взбунтовавшимся офицерам «бранденбургский урок» – урок законопослушания, – продемонстрировав им верноподданническую позицию самого принца Гомбургского, согласного с приговором. Тем самым он утверждает идею незыблемости закона, бессмысленности бунта, бессилия индивида. Итак, пьеса удивительно противоречива и в постановке проблемы, и в решении её. Курфюрст осознаёт свою правоту перед законом, и в то же время чувствует свою изоляцию среди ближайшего окружения, воспринимающего его поведение как несправедливый деспотизм. В результате столкновения двух правд и двух по-своему правых личностей возникает трагедийная ситуация. Это связано с внутренней раздвоенностью, амбивалентностью сознания и душевного состояния главных героев, из которых каждый одновременно чувствует себя и правым, и виноватым. По справедливому замечанию Франческо Альберони, «амбивалентность является источником страдания [...], это дисгармония, энтропия. Когда она возрастает, для живого существа это означает болезнь и смерть» [8; 115]. Эта амбивалентность мироощущения Клейста отчасти основывается на философии И. Канта, который способом познания мира считал практический разум, предполагающий сосуществование морального и правового сознания («Критика практического разума», 1788). В соответствии с теорией мыслителя из Кенигсберга, разум по природе своей антиномичен, т. е. раздваивается в противоречиях. Человек одновременно свободен, будучи субъектом непознаваемого сверхчувственного мира (сфера *sacrum*), и не свободен, являясь частью мира вещей и явлений (сфера *profanum*). Таким образом, философской системе Канта присуща амбивалентность. Как основной закон этики он провозглашает категорический императив («Основоположение к метафизике нравов», 1785), т. е. безусловное повеление, требующее руководствоваться таким правилом, которое совершенно независимо от нравственного содержания поступка могло бы стать законом поведения. Вразрез с формальным характером категорического императива Кант выдвинул принцип самоценности каждой личности, которая не должна приноситься в жертву даже во имя блага всего общества. Итак, философия и этика великого мыслителя не лишены той разрушительной амбивалентности, которую Альберони оценил как дисгармонию и энтропию. Кантовский тезис о законе (категорическом императиве) и свободе волеизъявления самоценной личности, противоречивый по своей сути, в драме Клейста получает полифоническое звучание в образах курфюрста, Коттвица, Наталии Оранской и самого Фридриха Гомбургского. Завязка пьесы отражает кантовское понимание свободы воли как решения, основанного на внутреннем выборе. Вместе с тем Кант признавал за человеком право поступать «согласно представлению о законах» [9; 250].

В драме Клейста курфюрст и принц Гомбургский воплощают антиномичные принципы практического разума Канта: курфюрст – принцип необходимости закона, принц Гомбургский – принцип свободного выбора в определённых обстоятельствах. Противоречивость кантовской идеи, оказавшей безусловное влияние на мировоззрение Клейста, приводит к противоречивости авторской позиции в драме, причем колебания в пользу закона или свободы личности идут на протяжении всего действия и каждая из сторон этой антиномии, олицетворённой в образах курфюрста и принца, имеет свои справедливые аргументы. Огромную роль в структуре драмы играет образ Наталии Оранской, которая воплощает сознательный выбор свободного субъекта и выходит за пределы кантовского понимания свободы индивида. Принцесса Наталия говорит о поступке своего возлюбленного как о героическом порыве. Её поступки свидетельствуют о романтическом характере образа, отмеченного печатью бунтарства и неподчинения авторитетам, а тем более абстрактным законам. Она доказывает односторонность тех жёстко рациональных принципов, с которыми курфюрст единственно считается. В её аргументах обличение антигуманности абстрактного закона, обрекающего героя на смерть, получило наивысшее выражение. Несмотря на обещание курфюрста освободить принца, Наталия Оранская принимает дальнейшие меры в целях спасения возлюбленного: она первой подписывает прошение офицеров своего полка, самовольно вызывает в город полк драгунов Коттвица. Благодаря функциональной роли этого образа в структуре драмы её концовка – помилование принца Гомбурга – не кажется неожиданной, а воспринимается как естественное и логическое завершение действия, тем более что Клейст не пошел и против исторической правды: реальный Фридрих Гомбургский не был казнён курфюрстом. «Клейст-художник в своем стремлении к постижению действительности, к решению выдвинутых проблем неизбежно соприкасался с идеями своего современника Канта, ибо они оба пытались понять свою противоречивую эпоху. Антиномии философии Канта стали антиномиями творчества Клейста, поскольку за ними стояли антиномии европейской и в частности немецкой жизни» [6; 53]. Основой в его творчестве была проблема личности, которую Клейст осмыслил в свете исторического опыта конца XVIII – начала XIX вв. «Свое величие Клейст-драматург обрел благодаря мастерскому изображению трагических конфликтов, духовных борений человека, вовлечённого в круговорот общественных противоречий, вызванных движением истории» [4; 48]. Непонятый и непризнанный при жизни, Генрих Клейст посмертно был принят в ряды классиков немецкой литературы. «Ближе всех к решению проблемы творчества Клейста подошел Франц Меринг (1846-1919), определивший болезненность и противоречивость его таланта как следствие исторических условий времени и среды» [10; 80].

1. Тарле Е. В. Наполеон. – М., 1957.
2. Зарубежная литература XIX века. Романтизм: Хрестоматия историко-литературных материалов. Сост. А. С. Дмитриев, Б. И. Колесников, Н. Н. Новикова. – М., 1990.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. 2 – М., 1962.
4. Тураев С. В. Немецкая литература начала XIX века: Новалис, Тик, Жан-Поль Рихтер, Гельдерлин, поздний Шиллер, Клейст, гейдельбергские романтики. [in:] История всемирной литературы: В 9 томах. Т. 6 / Под ред. И. А. Тертеряна. – М., 1989, с. 36-51.
5. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. Т. 1 – М., 1962.
6. Яшенькина Р. Ф. Своеобразие художественного метода Клейста в драме «Принц Гомбургский» [in:] Мировоззрение и метод. Зарубежная литература. Вып. 1, под ред. проф. Ю. В. Ковалева. – Ленинград, 1979, с. 40-53.
7. Клейст Г. Пьесы. – М., 1962.
8. Alberoni F. O przyjaźni. – Warszawa, 1994.
9. Кант И. Сочинения в 6 томах. Т. 4. – М., 1964.
10. Дейч А. Судьбы поэтов: Гельдерлин, Клейст, Гейне. Изд. 2. – М., 1977.
11. Birkenhauer K. Kleist. – Tübingen, 1977; Gerlach K. Heinrich von Kleist. – Dortmund, 1971; Sembdner H. In Sachen von Kleist. – München, 1974; Streller S. Das dramatische Werk von Heinrich von Kleist. – Bonn, 1966.

ПРОБЛЕМА ИСКУССТВА В РОМАНЕ Т. МАННА «ДОКТОР ФАУСТУС»

Роман «Доктор Фаустус», который Т. Манн создал в 40-е годы XX в., явился итогом многолетних размышлений художника о судьбах своей страны, Европы и европейской культуры. Одним из важных аспектов романа является исследование особенностей развития искусства в кризисную, переломную эпоху европейской истории, когда в течение менее чем полувека гремели залпы двух мировых войн. Драматичность истории нашла отражение в судьбе искусства, т. к. художники творили не только в атмосфере социальных потрясений, но и глубокого кризиса всех ценностей европейской культуры.

Т. Манн исследует особенности развития искусства этого времени на примере жизни и творчества талантливого композитора Адриана Леверкюна. Леверкюн стремится осмыслить назначение своего искусства, его цель. И здесь перед ним открываются два пути – искусство как служение, а второй – искусство, замкнутое в себе, искусство для искусства.

Искусство, которое видело свою задачу в служении обществу, стремилось раскрыть сущностные стороны действительности, интересовалось важными социальными проблемами, оно не только отражало жизнь, но и стремилось воздействовать на нее. Но если в XX в. художник хотел продолжать эту традицию, он должен был найти новые идеалы и ценности и новые художественные средства их выражения, т. к. старые уже не отвечали требованиям времени.

Стремление осуществить эти цели оказывается для А. Леверкюна причиной драматических переживаний, расставание со старыми ценностями, которые казались прекрасными и вечными, очень болезненно, ведь это была вера в возможности разума в совершенствовании человека и общества, вера в то, что просвещение и искусство облагораживают нравы, что общество стремится уважать права личности. Но под напором трагических коллизий XX века эти ценности рушатся, и очень многими их крушение воспринимается как крушение мира вообще.

Но кроме идейного и нравственного поиска перед художниками вставали чисто творческие задачи – исчерпанность художественных средств, т. к. эстетические принципы прежнего искусства тоже не выдерживали воздействия новых условий жизни, нового мировосприятия.

Поиск нового сопровождался сокрушительной критикой старого искусства, его канонов. Один из героев романа Т. Манна говорит: «Жизненная потребность искусства в революционном продвижении вперед и в становлении нового не может обойтись без рычага сильнейшего субъективного ощущения своей отсталости, своей немоты оттого, что больше нечего сказать, исчерпанности своих обычных средств...»

Особой критике подвергается понимание искусства как игры, как искусной «сделанности», или «опуса», как говорит Леверкюн. Произведение искусства стремится к достоверности, но это не более чем иллюзия достоверности. У художников XX века появляется потребность разорвать принципы условности искусства, выйти за рамки иллюзорности. Именно в это время переживает расцвет монументальная живопись, тесно связанная с городским пространством и жизнью города, а художники-станковисты переносят свою деятельность в заводские цеха. Большинство же художников видят свою главную задачу в разрушении канонов прежнего искусства.

Но герою Т. Манна этого мало, он стремится через это разрушение к созидательной деятельности, утверждению новых идеалов. Преодолевая мучительный, трагический разрыв со старыми ценностями культуры, Леверкюн ищет путь к новому гуманизму, который представляет собой не прекраснодушный идеал человека, а знающий его слабости и пороки, лишенный иллюзий и идеализма. На этом пути Леверкюна ожидает главная трудность – он сам порождение своего времени, его субъективность несёт в себе отпечаток его пороков и тупиков. Он стремится сделать свое искусство формой служения обществу, но его асоциальность, пресыщенный интеллект, холодная ирония мешают этому. Но и второй путь – отказ от действительности, от социального характера искусства не удовлетворяет Леверкюна. Как любой художник, он ищет новые формы творчества. Т. Манн именно ему приписывает идею двенадцатитональной музыки, хотя на самом деле она принадлежит композитору Шёнбергу. Но он понимает, что ограниченность чисто формальными задачами приводит к абстрактной игре, которая быстро исчерпывает себя, этим объясняется недолговечность многих течений и стилей в искусстве XX века, т. к. главным для художника становится стремление к оригинальности, больше всего он боится повторить то, что уже есть.

По сути Т. Манн как бы совмещает в своем герое две основные тенденции развития искусства XX века – искусства как служения и искусства как самоцели, занятого игрой формами. Но Леверкюн не хочет идти по пути К. Малевича, утверждавшего, что искусство не будет больше служить государству и церкви, оно теперь будет существовать только в себе и для себя. Но в то же время он не может идти и по пути таких художников, как Пикассо, считавшего, что искусство должно жить трагедиями и радостями своего времени и давать на них ответ. Он не хочет разменивать свой талант на чисто формальные опыты, а найти новые формы служения людям ему мешают холодность рассудка, ирония по отношению ко всему, которая порождает смех, похожий на сатанинский хохот. Именно он звучит в одном из самых талантливых произведений Леверкюна – «Апокалипсисе».

Леверкюн понимает опасность этих сторон его личности для искусства, он боится творческого бесплодия и хочет любой ценой обрести наивность и непосредственность восприятия мира, хочет опереться на интуицию, а не на разум.

И тут в больном мозгу Леверкюна возникает дьявольское искушение, которое он осознает как беседы с чертом и сделку с ним. Чёрт обещает ему творческое вдохновение, но ставит два условия. Он поможет Леверкюну выразить боль и страдание своего времени, но это выражение не должно быть согрето светом разума. Художник должен отказаться от стремления понять причины страдания и от поисков выхода из него. Это просто отчаянный крик человека, напоминающий известную картину норвежского художника Э. Мунка. Это соответствует стремлению Леверкюна уйти от парализующего действия холодного разума, от иссушающей иронии.

Второе условие дьявола – отказ от любви к людям. Но в реальности второе условие есть следствие первого. Страстное стремление Леверкюна пробудить в себе иррациональную силу инстинктов, которая помогла бы ему уйти от творческого бесплодия, заставляет его принять отказ от разума. Но «непросветлённый» крик отчаяния – это всегда крик одинокого человека, утратившего связи с людьми, отчуждённого от них. Преодоление отчуждения возможно только в обретении чувства причастности к людям, в гуманизме, который так хотел найти Леверкюн. Но договор с дьяволом закрыл эту возможность навсегда. Он замкнул его в одиночестве и превратил крик отчаяния только в крик его собственной души.

Те результаты, к которым приходит герой Т. Манна, – это, по сути, основные характеристики модернизма. Если у Леверкюна стремление подчинить себе искусство инстинктам вместо разума объясняется кризисом его творческих возможностей, то во многих направлениях модернизма отрицание разума вызвано оценкой действительности. Теряет разумные начала сама современная жизнь, в ней человек не видит смысла, не может найти ясных целей, утрачивает ценность человеческая жизнь, потому что человек всё больше превращается в средство достижения технического прогресса или в пушечное мясо войны. Алогичность мира отражается в алогичности искусства. Яркие примеры этого – искусство сюрреализма, «театр абсурда» С. Беккета и Э. Ионеску.

Другой реакцией на кризисное состояние мира является нежелание художника тратить творческие усилия на его изображение. Здесь проявляется не просто бунт против реализма, который модернизм понимает как удвоение действительности, но и своеобразный бунт против её аморальности, бездуховности, антигуманного характера. Герой Т. Манна ищет отсюда путь к новому гуманизму, но большинство художников просто отворачивается от него.

И тогда для них остается только один путь – в свой субъективный мир. Субъективизм, к которому приходит Леверкюн в результате сделки с чёртом, ещё одна характерная черта модернизма. Причём в самой субъективности внимание художника в основном направлено на подсознание. Абстракционизм стремится выразить его с помощью цвета, а сюрреализм для изображения сновидений, галлюцинаций использует изображение предметного мира. Но это изображение абсурдно, лишено логических связей, оно напоминает бредовые видения, фантасмагорию больного сознания. Но в то же время в них присутствует сложная символика, которая связывает изображение с реальностью, раскрывая подтекст образного строя, как, например, в картинах С. Дали «Осеннее каннибальство», «Пылающий жираф» и др.

Однако крайний субъективизм сужает рамки творчества, замыкает его в мире собственных восприятий и ощущений художника, отчасти поэтому различные стили и направления модернизма оказываются неспособными к развитию и быстро себя исчерпывают.

А. Леверкюна сделка с чёртом приводит к трагическому концу. Этот финал в романе символичен, в нём Т. Манн выражает свою оценку сложного, противоречивого пути, по которому шли многие художники XX века, но эта оценка не является осуждением или оправданием, это

скорее понимание и сочувствие. Ведь были и другие пути искусства в XX веке, на которых художник не отказывается от критического осмысления своего времени, но, тем не менее, верит, что даже в кризисные периоды истории искусство должно быть обращённым к человеку. Таким было творчество самого Манна, Ремарка, Хемингуэя, Брехта, Шостаковича и др.

«Доктор Фаустус», созданный в первой половине XX века, не утрачивает своего значения и сейчас, и проблемы искусства, поднятые в нём, остаются актуальными, особенно в связи с необходимостью осмысления постмодернизма. Ему присуще многое, свойственное модернизму, и в то же время критическое отношение к нему.

С модернизмом его роднит критическое отношение к предшествующим культурным ценностям, как классического искусства, так и самого модернизма. И, как в последнем, главным оружием критики является ирония, пародия. Иногда в произведение классики стремятся внести современное прочтение, которое обогащает его, а порой оборачивается его разрушением, как, например, интерпретация пьес А. Чехова с точки зрения психоаналитической философии в ряде российских театров.

Постмодернизм не принимает принципа элитарности, свойственного модернизму, он апеллирует одновременно и к массе, и к профессионалам, и сознательно использует приёмы массовой культуры. Это можно увидеть в творчестве У. Эко. Его роман «Имя розы» одновременно и детектив, и рассказ о сложной духовной жизни церкви XIV века. Само обращение постмодернизма к массовой культуре показывает, что разрушение образной природы искусства, доходящее до чистой абстракции или до манипулирования предметами (поп-арт, боди-арт), разрушает, в конечном счёте, само искусство. Дальше по этому пути идти нельзя. Постмодернизму свойственно критическое отношение к разуму, отрицание его ведущей роли в поисках истины и само существование истины как единственно верной, он утверждает плюрализм мнений, ценностей и жизненных ориентаций и позиций.

Все эти черты постмодернизма свидетельствуют о том, что он не является выходом из кризиса, а представляется его продолжением, т. к. он, как и модернизм, не предлагает художественных идей, способных к развитию.

1. Антология исследований культуры. – СПб., 1997
2. Борзова А. История мировой культуры. – СПб. – М., 2005
3. Манн Г. Т. Манн. Жизнь, творчество, переписка. – М. 1988
4. Манн Т. Доктор Фаустус. – М., 1975
5. Модернизм. – М., 1978
6. Самосознание европейской культуры. XX в. – М., 1991

Санюкевич Л. П. (БрГТУ, г. Брест)

ГЕРМАНСКИЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОГО ИСКУССТВА

Целью данной статьи является исследование культурного пласта германской истории, связанного с иммиграцией, и её ролью в развитии американского искусства на рубеже XIX – XX веков, на примере двух представителей творческой профессии, талант которых развивался в разных областях, но в один исторический период. Первый – добился всемирного признания, второй – известен небольшому кругу почитателей. Но оба оставили яркий след в американском искусстве, создав произведения, документально зафиксировавшие эпоху, в первом случае в словесной форме, во втором – в визуальной.

Культурные взаимосвязи Германии, США, Великобритании и России в жизни и творчестве Теодора Драйзера.

Прозаик, публицист, драматург, с чьим именем связано утверждение традиции критического реализма в искусстве США, Теодор Герман Альберт Драйзер внёс огромный вклад в развитие американской и мировой литературы XX века. Его наследие включает романы, пьесы, стихи, сборники рассказов, публицистические книги, автобиографию, путевые заметки, воплотившие богатый жизненный опыт.

Будущий писатель родился 27 августа 1871 года в Терре-Хот, штат Индиана, став двенадцатым ребенком фабричного сторожа Иоганна Пауля Драйзера, переехавшего в 1844 году в Америку из Германии, и Сары Драйзер, происходившей из чешской иммигрантской семьи [1; 145]. Мальчик рос в немецкоязычной католической среде [2; 16]. Детство и юность прошли в

суровой обстановке борьбы за выживание, дав будущему писателю неприукрашенное знание самых неприглядных сторон американской действительности.

В 1887 году Драйзер уехал в Чикаго, где ему пришлось не раз сменить работу: дворник, мойщик посуды в ресторане, развозчик белья в прачечной. Благодаря рекомендации школьной учительницы ему удалось поступить в Блумингтонский университет в штате Индиана. Много читал, особенно увлекался произведениями Л.Н. Толстого, пробудившими в нём желание стать писателем [3; 182]. В университете он проучился только год – надо было зарабатывать на жизнь. Однако самообразования не оставил – изучил работы Томаса Гаксли, Чарльза Дарвина, Эрнста Геккеля и Герберта Спенсера.

В 1892 году Драйзер устраивается в газету «Chicago Daily Globe», где и раскрылся его литературный талант. Журналистика углубила его представления о жизни разных слоев американского общества. Он становится успешным журналистом и редактором журнала, публикует свои первые очерки и рассказы. С 1897 года полностью отдается писательской деятельности.

Творческая судьба писателя складывалась непросто. Он болезненно воспринимал противоречие между журналистикой и литературой, где всё было подретушировано в соответствии с господствующей тогда в американском искусстве «традицией жеманности» [4; 6] и реальной действительностью с её циничной жестокостью.

Первый роман Драйзера «Сестра Керри», написанный в 1900 году, бросил вызов традициям и условностям мещанской морали. Героиня Каролина Мибер (её прототипом стала одна из старших сестёр писателя Эмма), покидает отчий дом в провинциальном городке, чтобы найти свое место в огромном Чикаго. Город поразили контрастами нищеты обездоленных масс и блеском богатства кучки счастливых. Керри устраивается работать на фабрику, но быстро понимает, что тяжёлый однообразный труд едва позволяет свести концы с концами. Вскоре она становится содержанкой сначала коммивояжера Друз, а затем управляющего модным баром Герствуда, оставившего ради неё семью и бизнес. В конце романа потерявший всё Герствуд заканчивает счёты с жизнью, отравившись газом, а Керри добивается успеха на сцене, но одиночество становится её постоянным спутником [4; 7].

Реакционная критика встретила роман резкими нападениями. До этого тема сексуальности почти не поднималась в американской литературе, так как считалось, что американский роман не должен копировать европейский, поскольку создан на национальной почве. Литература призвана оказывать воспитывающее воздействие на читателя, и обязанность писателя – учить нравственности. Грешник, преступивший нормы взаимоотношений между полами, должен быть наказан. Самое серьёзное обвинение, выдвинутое против «Сестры Керри», заключалось в том, что героиня, несмотря на безнравственность её поведения, достигла успеха [2; 371].

Издатель Даблдей, согласившись было по совету Фрэнка Норриса опубликовать книгу, посчитал, что она идёт в разрез с нормами морали, и урезал тираж до тысячи экземпляров, из которых триста были разосланы критикам и журналистам, а остальные так и не поступили в продажу. Книга была запрещена в США. И лишь после того, как с помощью Норриса роман удалось опубликовать в Англии, где он имел большой успех, стало возможным его переиздание в США (1907 г.). Но настоящее признание роман получил только в 1912 г., с выходом третьего, полного издания, которому предшествовал успех второго романа Драйзера «Дженни Герхардт» [5; 72].

Черновые наброски «Дженни Герхардт» были сделаны в 1901-1903 гг.; в 1911 г. роман вышел в свет [6; 5]. Книга знакомит читателя с нелёгкой судьбой старшей дочери из многодетной иммигрантской семьи. Её готовность к самопожертвованию ради благополучия родных оборачивается непониманием и презрением близких. Узнав, что она ждёт внебрачного ребенка от сенатора Брандера, не раз выручавшего семью в трудных ситуациях, отец выгоняет её на улицу. Драматическая и грустная история жизни Дженни Герхардт – самой любимой автором героини – представлена с документальной достоверностью. Несомненной удачей писателя является и образ отца Дженни, списанный с Иоганна Пауля Драйзера.

Читатель явственно ощущает трагедию немецкого иммигранта, крушение его системы ценностей в результате столкновения с американской действительностью. Несмотря на отчаянные попытки оградить семью от нищеты и бесчестия, фанатичную приверженность религиозным догмам, он не в силах защитить детей от развращающего влияния общества. В том, что случилось с Дженни, он винит её саму и жену, которая, по его мнению, во всем потакала дочери, не вняв его предостережениям. Он считает дочь падшей женщиной, навлекшей на семью позор и унижение.

Лишь через много лет, когда благодаря Дженни (точнее Лестеру Кейну), семья выкарабкивается из тисков нищеты и переселяется в собственный дом, младшие дети получают возможность окончить школу и получить специальность или образование, а впоследствии отказываются жить с преисполненным горечи больным и неуживчивым отцом, он осознает, что из всех его детей Дженни оказалась самой преданной: она забирает отца к себе в дом, окружает его заботой и вниманием, решается на святую ложь, чтобы убедить его, что она замужем. На закате жизни он понимает, что его личная трагедия и неустроенность женской судьбы Дженни обусловлены проявлением бездушных законов американского общества [6; 8].

Сюжет монументальной «Трилогии желания», объединяющей романы «Финансист» (1912 г.), «Титан» (1914 г.) и «Стоик» (посмертно изданный в 1947 г.), построен на фактах из жизни бизнес-магната Чарльза Йеркеса [7; 120]. Драйзер рисует облик американского бизнесмена как человека с железной хваткой, впустую растратившего свои способности.

Консервативно настроенные критики не смогли примириться с протестом писателя против ханжеского отношения к женщине, человеческой личности, его призывом оценивать людей не по меркам внешней благопристойности, а по тому, как они относятся к родителям, детям, близким, партнёрам по работе. В 1915 г. в журнале «Nation» появился очерк Стюарта Шермана «Варварский натурализм Теодора Драйзера». Критик утверждал, что произведения писателя не соответствуют американской действительности, что они – следствие его «немецкого происхождения» и чужды англо-саксонским традициям, на которых основана этика американского общества [6; 9].

Но дело в том, что все романы Драйзера построены на конкретном материале, предложенном самой жизнью [4; 12], что позволяет считать их документальным свидетельством американского общества описанного периода.

Роман «Американская трагедия», ознаменовавший расцвет критического реализма в США, был издан в 1925 г. Американские идеологи утверждали в то время, что каждый, кто стремится к успеху, может добиться его упорным трудом, а бедняки просто не прилагают усилий, чтобы избавиться от нищеты. Книга Драйзера, сорвавшая ретушь с картины мнимого благополучия, показала распад человеческой личности Клайда Гриффитса как социально детерминированную национальную трагедию. В основу романа положена реальная история убийства [3; 185]. Критики сопоставляли «Американскую трагедию» с «Преступлением и наказанием» Достоевского, да и сам Драйзер признавал влияние русского писателя [3; 188].

Причины преступления обусловлены контрастом между «американской мечтой», ведущей к успеху и процветанию, которых достигали немногие, и нищетой и прозябанием широких масс. Молодые люди нередко рассматривали брак с богатой невестой как возможность быстрого обогащения [4; 10], и Драйзер показал эту особенность американского менталитета в своей книге. Критики отмечали, что почти все его романы заканчиваются трагически, на что писатель отвечал, что такова сама жизнь [6; 5].

В 1927 – 1928 гг. Драйзер совершил длительную поездку в СССР, впечатления от которой нашли отражение в публицистическом сборнике «Драйзер смотрит на Россию» (1928 г.) и повести «Эрнита» (1929 г.). Чувство уважения к России и её народу осталось у него навсегда.

Под влиянием социальных противоречий Драйзер примкнул к рабочему движению в США, издал публицистические книги – «Трагическая Америка» (1932 г.) и «Америку стоит спасать» (1941 г.), поднимавшие темы тяжёлого положения трудящихся, влияния церкви, истоков преступности. В июле 1945 г. он вступил в Коммунистическую партию США. Умер писатель 28 декабря 1945 г.

Научный анализ художественного метода Драйзера выявил в его ранних произведениях натуралистическую традицию, как отмечали Малкольм Брэдли [2; 14], Ян Аусби [7; 120], М. Боброва [6; 6], Питер Б. Хай [8; 113], С. Батурин [4; 14]. Действительная тема его первых двух романов – бесцельность и бессмысленность человеческого существования. С искренним сочувствием писатель наблюдает за взлётом одних героев и падением других, приходя к выводу о жестокости жизни, подчиняющейся закону эволюции. По его мнению, и успех, и неудача предопределены средой и биологической природой человека [9; 322].

В «Трилогии желания» Драйзер исследует стремление сильного индивидуума к власти. Натуралистическая традиция проявляется в том, что хотя мир, по утверждению автора, развивается прогрессивно благодаря достижениям исключительной личности, эта личность, тем не менее, также является пешкой в руках судьбы.

«Американская трагедия», самый значительный роман Драйзера, обнаруживает глубокое осознание писателем социального детерминизма. Клайд Гриффитс оказывается жертвой общества: выросший в нищете, он стремится к богатству и успеху. Несёт ли Клайд ответственность за смерть Роберты Олден? Сам судебный процесс не является объективным расследованием, так как на его ход оказывают влияние субъективные факторы.

Реализм Драйзера проявляется в правдивом и смелом изображении американского общества. Его произведения представляют сплав документальности и художественности, оказывающий сильное эмоциональное воздействие на читателя. И в XXI веке писатель продолжает притягивать многомиллионную читательскую аудиторию.

Культурные взаимосвязи Германии, США и Японии в творчестве Арнольда Генте.

В отделе негативов и фотографий Библиотеки Конгресса США хранится архив фотостудии Арнольда Генте, в котором около 25 тысяч фотографий: фотопортреты знаменитых людей, виды городов, изображения необычных мест, увиденных во время странствий. Японскому периоду его творчества посвящена статья Верны Посевер Кертис в журнале «Civilization», печатном органе Библиотеки Конгресса [10; 56-61].

Арнольд Генте родился в 1869 г. в Германии, в семье преподавателя филологии. Ещё ребёнком заинтересовался искусством Азии, изучая его в библиотеке древнего Корбахского монастыря. В юношеском возрасте учился в Гамбурге у Юстаса Бринкмана, специалиста по китайскому и японскому искусству, и Альфреда Лихтварка, директора Гамбургской галереи искусств и организатора первых в Германии международных выставок нового направления в изобразительном искусстве. Генте совершенствует новый стиль изображения в фотографии, для которого характерны теплые тона, неконтрастная глубина резкости и асимметричные, но пропорциональные композиции.

Арнольд получил прекрасное образование. В Йенском и Берлинском университетах он изучал классическую филологию, археологию и философию, затем в Сорбоннском университете в Париже посещал курсы литературы, искусствоведения, китайского и японского искусства. Его жизнь резко изменилась, когда он принял предложение поехать в Сан-Франциско в качестве наставника сына барона и баронессы Генрих фон Шредер. В свободное время он бродил по городу с фотоаппаратом, особенно любил снимать улицы и переулки Чайнатауна.

Выполнив свои обязательства по отношению к семье Шредер, Арнольд начал зарабатывать на жизнь выполнением фотопортретов и вскоре стал модным фотографом, всегда имевшим много заказов.

На рубеже веков Сан-Франциско был городом высокой культуры, и у Генте появилась возможность лучше изучить японское искусство. Он посещал дипломатические приёмы, начал коллекционировать японские деревянные гравюры, познакомился с изготовительницей гравюр Хелен Хайд, имевшей студию в Японии, и поэтом Йоне Ногучи, издававшим журнал на японском и английском языках. Обладая великолепными лингвистическими способностями, Генте научился говорить по-японски у своего слуги Хамады, сына самурая.

В 1906 г. в Сан-Франциско произошли сильное землетрясение и пожар, уничтожившие его студию, семейные реликвии и почти все фотографии, и Генте решил совершить нечто такое, что стихия никогда не сможет разрушить. Он выпустил первое издание фотоальбома «Виды старого Чайнатауна», запечатлевшего живописный район до разрушения, отложил эксперименты с жёлтым цветоизображением и оставил новую студию, чтобы осуществить давнюю мечту – своими глазами увидеть Японию.

В мае 1908 г. пароходом Генте отплывает в Японию. Путешествие заняло 4 месяца. Арнольд увидел легендарные и малоизвестные места – горную вершину Фуджи, статую Великого Будды в Камакуре, плавающие ворота святыни Ицукишима на острове Мияджима во Внутреннем море, крошечный остров Кинкасан у полуострова Ошика. Позже он побывал на острове Хоккайдо, чтобы ознакомиться с жизнью аборигенов племени айну. Туда он добирался по железной дороге, пароходом, верхом и в коляске рикши. Тяготы путешествия усугублялись влажным суровым климатом и множеством ограничений, с которыми сталкивались иностранцы в этой далекой стране.

После окончания русско-японской войны в Японии происходили прогрессивные преобразования, но фотографирование ограничивалось по военным и религиозным соображениям. Генте добивается специального разрешения посетить святыне Киото, чтобы увидеть его архи-

тектурные шедевры. Упорство Арнольда было вознаграждено. Несмотря на трудности, связанные с хранением фотоплёнки в жарком влажном климате и её проявлением в деревнях с помощью воды из садовых колодцев, Генте удалось запечатлеть неуловимую красоту, окружавшую святые места, храмы, мосты, горные деревушки, горячие парные источники, сады этой далекой страны и её трудолюбивого народа.

Арнольд Генте демонстрировал свои фотографии с изображениями Японии на международных выставках, но так и не издал фотоальбома. Японский период его творчества представлен фотографиями высокого качества и широкого диапазона.

Американский критик Садакичи Хартманн так прокомментировал работы Генте: «Стремится зафиксировать жизнь, которую он видит вокруг, но он также стремится передать её с верным настроением, атмосферой, и, самое главное, с присущей ей истинной гармонией основ».

1. Писатели США. Краткие творческие биографии. Сост. и общ. редакция Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М.: Радуга, 1990. – 624 с.
2. American Literature since 1900. Ed. by Marcus Cunliffe. Vol. 9 of the Penguin History of Literature. Published in Penguin Books 1993. – 489 p.
3. Геккер М.Ю. и др. Американская литература. Учеб. пособие для X кл. школ с преподаванием ряда предметов на англ. яз. Под ред. проф. Я. Н. Засурского. – М., «Просвещение», 1978. – 255 с.
4. Батулин С. Предисловие. – Т. Драйзер. «Жизнь, искусство и Америка». На англ. яз. Издательство «Прогресс», 1975. – 368 с.
5. Стулов Ю. В. 100 писателей США. – Мн.: Выш. шк., 1998. – 334 с.
6. Боброва М. Роман о любви и деньгах. Jennie Gerhardt. A Novel by Theodore Dreiser. Progress Publishers 1972. – С. 5-16.
7. Ian Ousby. Cambridge Paperback Guide to Literature in English. Cambridge University Press 1996. – 436 p.
8. Peter B. High. An Outline of American Literature. Longman Group Limited 1986. – London & N.Y. – 256 p.
9. Kenneth Brodey, Fabio Malgaretti. Focus on English and American Literature – М.: Айрис-пресс, 2003. – 400 с.
10. Civilization. The Magazine of the Library of Congress. August/ September 1999. – 103 p.

Данная статья подготовлена при содействии Международного совета по научным исследованиям и обмену (IREX), которому автор выражает глубокую благодарность.

Крывашэй Д. А. (БНДЦЭД, г. Мінск)

СУЧАСНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПАЛІТЫКА ГЕРМАНІІ

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца прадстаўленне асноўных вывадаў даследавання культурнай палітыкі Германіі ў 1991 – 2006 гг.

У Федэральнай канстытуцыі Германіі аб культуры толькі адна фраза: “мастацтва і навука, даследаванні і навучанне павінны быць свабоднымі” (арт. 5. III). У адпаведнасці з тлумачэннем Канстытуцыйнага суда, дадзены пункт не толькі прадугледжвае права для творчых работнікаў на абарону ад дзяржаўнага ўмяшання, але таксама абавязвае дзяржаву захоўваць і распаўсюджваць свабоду культуры і мастацтва. Гэты прынцып быў пацверджаны ў арт. 35 Дамовы аб аб'яднанні 1990 г. На працягу апошніх двух дзесяцігоддзяў рабіліся намаганні па ўнясенню больш дакладных “культурных артыкулаў ці ўключэнню культуры ў лік асноўных задач дзяржавы ў Федэральную канстытуцыю” [1, G-19]. У апошнія гады ў Германіі шырокую грамадскую дыскусію выклікала неабходнасць стварэння заканадаўчых падстаў для больш шырокіх магчымасцей пратэкцыянізму і падтрымкі інфраструктуры культуры і “базавых культурных запатрабаванняў”. Спецыяльна створаная парламенцкая камісія ў 2005 г. выступіла з прапановай ўключэння ў Федэральную канстытуцыю асобнага артыкула аб абароне і падтрымцы культуры [1, G – 12].

У адрозненні ад Федэральнай канстытуцыі, большасць канстытуцый зямель звяртаюцца да мастацтва і культуры больш канкрэтна. Адзіным выключэннем з'яўляецца горад Гамбург. Тры зямлі – Баварыя, Брандэнбург і Саксонія – уключаюць культуру ў асноўныя задачы дзяржавы.

Напрыклад: “Баварыя – правая, культурная і сацыяльная дзяржава” (арт. 3.I). Падобныя ці ідэнтычныя артыкулы 3.III Федэральнай канстытуцыі базавыя ахоўныя правы замацаваны ў 11 канстытуцыях зямель. Акрамя гэтага, палажэнні адносна аўтарскіх правоў можна знайсці ў канстытуцыі Гесэна: “правы аўтараў, вынаходнікаў і творчых работнікаў ахоплены абаронай дзяржавы” (арт. 46).

Большасць канстытуцый зямель уключаюць правыя падставы для дзяржаўнай падтрымкі мастацтва ці культурнага развіцця. Напрыклад, у палажэннях падобных наступнаму: “Зямля абараняе і падтрымлівае культурнае жыццё” (Берлін, арт. 20.II). Акрамя гэтага, шмат якія канстытуцыі абавязваюць улады садзейнічаць прыцягненню грамадства да ўдзелу ў культуры і мастацтве, напрыклад: “Усім людзям павінна быць дадзена магчымасць карыстацца культурнымі каштоўнасцямі жыцця” (Рэйнланд – Пфальц, арт. 40.III).

Шмат якія канстытуцыі ўключаюць правыя палажэнні адносна асобых грамадскіх абавязкаў, напрыклад, у сферы аховы спадчыны ці адукацыі для дарослых. Некаторыя згадваюць падтрымку і абарону культурных традыцый этнічных меншасцей [1, G-19].

Адказнасць за справы культуры нясуць таксама муніцыпалітэты (гарады і акругі) адпаведна арт. 28 (2) Асноўнага закона.

Такім чынам, культурная палітыка Германіі ўяўляе сабою сістэму размеркавання паўнамоцтваў паміж федэральным цэнтрам, землямі і муніцыпалітэтамі. Муніцыпалітэты адказваюць за папулярызацыю культуры на мясцовым узроўні. Землі – за фінансаванне культурных устаноў і праектаў рэгіянальнага значэння. Федэрацыя ў асноўным адказная за культурную палітыку адносна трэціх краін. Унутры дадзенай сістэмы паўнамоцтвы ў справах палітыкі рэалізуюцца, з аднаго боку, заканадаўчымі органамі ці органамі самакіравання і іх камітэтамі па справах культуры, а з другога боку – урадам ці адміністрацыяй (міністры/дэпартаменты па справах культуры). Структура спецыялізаваных міністэрстваў і ведамстваў вар’іруецца. У 1998 г. Федэральны ўрад упершыню стварыў пасаду Упаўнаважанага па справах культуры і сродках інфармацыі ўрада Федэрацыі (цяпер – Федэральны ўпаўнаважаны па справах культуры і сродках інфармацыі). У германскім бундэстагу быў створаны адпаведны Камітэт па справах культуры і сродках масавай інфармацыі. Значная частка федэральнай кампетэнцыі ў галіне культуры, а менавіта знешняя культурная палітыка, працягвае знаходзіцца ў распараджэнні федэральнага Міністэрства замежных спраў.

У межах сваіх паўнамоцтваў Федэрацыя, цэнтр і муніцыпалітэты могуць свабодна будаваць культурную палітыку ў адпаведнасці са сваімі поглядамі, гэта значыць вызначаць форму, размах і прыярытэты сваіх культурных праграм.

Прымаючы пад увагу аўтаномію зямель, а таксама муніцыпалітэтаў ў сферы культурнай палітыкі, спектр і зоны рэалізацыі культурнай дзейнасці маюць адрозненні ў розных землях і муніцыпалітэтах. На кожным узроўні распрацоўкі і рэалізацыі культурнай палітыкі існуюць шматлікія органы, для якіх вельмі рэдка прымаюцца рэкамендацыі і распараджэнні ў форме абавязковай для выканання. Для абмену вопытам і каардынацыі дзейнасці на добраахвотных падставах адбываецца праз Пастаянна дзейнічающую канферэнцыю міністраў па справах культуры і адукацыі зямель. У яе склад уваходзіць Камітэт па справах культуры. Акрамя гэтага асноўную працу па каардынацыі праводзіць служба Пастаяннага ўпаўнаважанага па справах культуры і сродках інфармацыі.

На мясцовым і рэгіянальным узроўні дзейнічаюць разнастайныя аб’яднанні – Германская асацыяцыя гарадоў, Асацыяцыя гарадоў і муніцыпалітэтаў, асацыяцыя германскіх акругоў). Яны звяртаюцца з пытаннямі надрэгіянальнага значэння ў землі і на федэральны ўзровень ў спецыялізаваныя аддзелы і камітэты па справах культуры і даводзяць вынікі да мясцовых улад у форме рэкамендацый.

У некаторых землях Германіі па ініцыятыве муніцыпалітэтаў былі створаны сакратарыяты па сумеснай культурнай працы. Мэта іх стварэння стала больш цеснае кааперацыя на надрэгіянальным узроўні. У іншых землях гэтая мэта дасягаецца праз рэгіянальныя канферэнцыі па справах культуры.

За выключэннем “Закона аб культурнай сферы Свабоднай дзяржавы Саксонія”, прыняцце якога дазволіла ўраду зямлі Саксонія атрымаць значную фінансавую падтрымку для перамеркавання па акругах і гарадах з мэтай падтрымкі культурных устаноў, для астатніх зямель існуюць агульныя, прадугледжаныя законам схемы фінансавай падтрымкі.

Федэральнае заканадаўства Германіі адносна культурнай сферы аб'ядноўвае невялікую колькасць законаў. Сярод іх: “Акт у падтрымку культурнай спадчыны супраць вывазу за мяжу”, “Закон аб аўтарскіх і сумежных правах” (1965), “Закон аб падтрымцы кіно” (першы быў прыняты ў 1967, апошні, разлічаны на перыяд да 2008 г., – у 2004 г.), “Аб сацыяльнай падтрымцы творцаў” (1981), “Аб архівах”.

Асноўнай умовай функцыянавання як дзяржаўных, так і прыватных устаноў культуры з'яўляецца іх апора на дзяржаўнае фінансаванне, якое выражана ў форме непасрэднага субсідзіравання. Варта падкрэсліць, што не існуе сітуацыі, у якой дзяржаўныя сродкі, якія паходзяць у сваёй большасці з бюджэтаў зямель і абшчын, складаюць амаль выключную крыніцу фінансавання культурных устаноў. У 2002 г. памер дзяржаўных сродкаў на культуру раўняўся прыкладна 8,27 млрд. еўра (што складае прыкладна 1,3 % дзяржаўнага бюджэту). З іх 43,4 % складалі сродкі муніцыпалітэтаў, 46,6 % – сродкі зямель і толькі 10 % – сродкі федэральнага цэнтра. Па сектарах фінансаванне выглядала наступным чынам (звесткі 2000 г.): сцэнічныя мастацтвы (тэатр, музыка) – 44,4 %; бібліятэкі – 10,9 %, музеі – 16,2 %; помнікі і архітэктурныя ансамблі – 5,4 %; захаванне іншай культурнай спадчыны – 16,5 %: адміністрацыя – 6,6 %. [1, G 29-30]

Калі весці гаворку аб наведанні культурных устаноў, то лічбы выглядаюць наступным чынам. [1, G - 33]

Табліца 1.

Наведанне ўстаноў культуры (у тыс. чалавек)

	1992	2002
Музеі	93 020	102 966
Тэатры	22 123	21 763
Публічныя бібліятэкі	8 939	8 303
Музычныя школы	792	890
Кінатэатры	105 900	177 900

Поруч з дзяржаўнай культурнай палітыкай і фінансаваннем шмат якія формы дзейнасці і праграмы ў сферы культуры атрымваюць падтрымку ад недзяржаўнага сектара. На выпрацоўку і прыняцце рашэнняў ўплыў аказваюць разнастайныя структуры грамадзянскай супольнасці ці недзяржаўнага сектара. Прыватны, камерцыйны ці грамадскі сектар атрымваюць частку ўлады і адказнасці.

Арганізацыі трэцяга сектара выконваюць значныя функцыі. Гэта вынік грамадскага парадку, які абапіраецца на ўмову субсідыянасці, адпаведна якой рашэнне прымаецца бліжэй да тых, каго яно датычыць. Цэнтр не можа прымаць рашэнне ў справах абшчыны наперад абшчыны, хіба толькі да такой дзейнасці прымушае спецыяльнае рашэнне. Моцным бокам іх грамадзянскай супольнасці з'яўляюцца інстытуцыянальныя формы. Перад усім вялікая колькасць таварыстваў займаецца правядзеннем культурнай дзейнасці, а таксама – што нязвычайна істотнае – размеркаваннем дзяржаўных сродкаў для культуры.

Далучэнне грамадскасці да прыняцця рашэнняў у культуры можна назіраць у працы устаноў культуры. Іх сітуацыя стабільная і гістарычна ўсталяваная. Дзейнасць устаноў не абумоўлівае рынак, а толькі вялікая ступень дэцэнтралізацыі грамадскага жыцця, прававы і эканамічны статус устаноў культуры, а таксама ўласны высокі ўзровень удзелу грамадскасці ў прыняцці рашэнняў у грамадскім сектары. У адпаведнасці з існуючым у Германіі грамадзянскім правам, без адрознення прыватныя ці дзяржаўныя, гэтыя ўстановы маюць свае таварыствы прыхільнікаў. Галоўнай задачай гэтых таварыстваў з'яўляецца падтрымка і папулярызацыя сваёй установы. Звычайна дзеянні членаў таварыства тычацца пошуку як мага большай колькасці сродкаў з прыватных крыніц. Асобныя таварыствы ці аб'яднанні, якія адметны вялікай актыўнасцю і выніковасцю ў штодзённай дзейнасці, атрымваюць ад дзяржаўных уладаў пэўныя сродкі для далейшага размеркавання. Функцыі дыспанента дзяржаўных сродкаў яны выконваюць добра, поўнаасцю кампетэнтна і справядліва. Іх дзейнасць з'яўляецца прыкладам прыцягнення грамадскасці да прыняцця рашэнняў у культуры. Выніковы падзел дзяржаўных сродкаў, прызначаных для культуры, абапіраецца на актыўнае, раўназначнае супрацоўніцтва дзяржаўных уладаў і арганізацый трэцяга сектара. Прыцягненне грамадскасці да прыняцця рашэнняў рэалізуецца праз падключэнне груп экспертаў, дарадцаў, прадстаўнікоў трэцяга сектара, асоб, якія выступаюць пасярэднікамі паміж дзяржаўнай уладай і ўстановамі культуры.

На жаль, пакуль адзінаковыя праграмы і праекты, якія накіраваны на забеспячэнне культурных запатаў асяродкаў з абмежаваным доступам да культуры – эмігрантаў, бежанцаў, маламаёмасных, інвалідаў, беспрацоўных, хворых, вязняў і г. д. У большасці сваёй гэта звязана з тым, што вырашэнне праблем дадзеных асяродкаў з'яўляецца адной з асноўных задач не культурнай, а сацыяльнай палітыкі дзяржавы. Культурны аспект праблемы сацыяльнага ўключэння з'яўляецца інтэграванай часткай больш маштабных праграм як цэнтральных, так і рэгіянальных, мясцовых органаў улады. Германія страціла больш ці менш выпрабаваныя канцэпцыі культурнай працы ў супольнасцях, якія былі распрацаваныя ў 1970 – 1980-х гадах. Гэтыя канцэпцыі былі вядомыя ў якасці ўстойлівага словазлучэння “Kultur für alle” (“культура для кожнага”). Прычынай былі значныя сацыяльныя і эканамічныя змены, якія перажыла краіна ў 90-х. Прынцып “культура для кожнага” быў заменены на “Kultur der Lebensstile” (“культура стыляў жыцця”). Разнастайнасць культур была накіравана на выпрацоўку агульнага ўспрыняцця таго, што кожная сацыяльная група мае сваю культуру. Пагрожай такога падыходу, па меркаванню даследчыкаў, з'яўляецца страта неабходнасці ў далейшым садзейнічанні “культурнай дэмакратыі”. [2, 93] Адпаведна гэтай новай пазіцыі канцэпцыя “Soziokultur” таксама змянілася. Яе першапачатковае значэнне, якое ахоплівала навакольны сацыяльны кантэкст, функцыю і адказнасць мастацтва і культуры, былі памылкова патлумачаны палітмейкерамі і трансфармаваліся ў свайго роду сацыяльную і грамадскую працу, якая выкарыстоўвае культурныя сродкі (напрыклад, “праца з моладдзю пры дапамозе магчымасцей відэа”), і такім чынам былі згублены мастацкія мэты і якасць. У выніку такога працэсу быў згублены ключавы інструмент культурнай дэмакратызацыі. Бюджэтны ціск і рост канцэнтрацыі ўвагі на так званых “маяках” культуры – оперы, тэатрах і музеях, якія фінансуюцца з дзяржаўнага бюджэту – пагражае культурнай працы ў іншых сферах. У дадатак да гэтага шмат хто з дзеячаў мастацтва адышоў ад сваіх палітычных і сацыяльных абавязкаў, пачаў клапаціцца аб ўсім за выключэннем сацыяльнага жыцця (калі гэта не тычылася яго ўласнага). Сацыяльна-культурныя праекты не знаходзяць падтрымкі ў і прыватных спонсараў, якія не імкнуцца выдзяляць сродкі на праблематычныя гарадскія зоны, невялікія праекты і грамадскую працу. Нягледзячы на такі стан рэчаў, дзяржава таксама не адстаяла сваю адказнасць за супольнасці і пасёлкі, а раёны былі не ў стане запойніць гэтыя правалы.

У выніку асноўным сродкам, які спалучае сацыяльнае ўключэнне і культуру, з'яўляецца рэалізуемая з 1999 г. праграма сацыяльнага горада (Die Soziale Stadt). Яна з'яўляецца “інтэграваным тэрытарыяльным падыходам” у справе змагання з сацыяльным выключэннем у гарадскіх асяродках. Пасля двухгадовай паспяховай рэалізацыі праекта ў 2001 г. урад павялічыў фінансаванне на 50 %. У цэлым праграмай падтрымана 210 мерапрыемстваў у 157 муніцыпальных раёнах. Часткай праграмы з'яўляецца праект сацыяльнага горада, рэалізуемы ў раёне Берліна Нойкёльн. Ён аб'ядноўвае каля 150 праектаў, трэцяя частка якіх накіравана на адукацыю і культуру. Апошнія ахопліваюць усё: ад танцу да спорту, некаторыя з іх заснаваны на выкарыстанні адукацыйных метадаў, напрыклад, стварэнне кіно аб брэйк-дансу. Падтрымку атрымоўваюць і мясцовыя музычныя фестывалі для моладзі. [2, 93]

Як адзначана ў аглядзе нацыянальнай культурнай палітыкі Германіі, на канец 2001 г. у краіне пражывала 82,3 млн. чалавек, з іх 7,3 – іншаземцаў. [3, 12] Немагчымасць ігнараваць такую відавочную змену этнадэмаграфічнага балансу прывяла да пашырэння публічных дыскусій аб пераўтварэнні грамадства з “нацыянальнага” у “мультыкультурнае”. Германія фактычна пераўтварылася ў “імігранцкую” краіну, і “мультыкультуралізм” стаў для яе (як і для некаторых іншых еўрапейскіх краін) шмат у чым вымушаным (а не толькі прадыктаваным дэмакратычнымі памкненнямі) прызнаннем гэтай новай рэчаіснасці. [4] У гарадскіх раёнах узнікла мноства асацыяцый прадстаўнікоў іншых культур – толькі ў Гамбургу за апошнія дзесяць гадоў адкрылася 200 такіх асацыяцый. Шмат у якіх гарадах існуюць праграмы фінансавання для падтрымкі намаганняў асацыяцый па міжкультурнаму супрацоўніцтву і ўзаемаразуменню. Гэта праца, якая доўгі час існавала на мясцовым узроўні, аднак адсутнічала на ўзроўні Федэрацыі ці зямель, павінна быць прызнана дзяржаўнай справай. Намаганні па далейшаму міжкультурнаму ўзаемаразуменню ў інтарэсах забеспячэння нацыянальнай культурнай еднасці стануць самым важным аспектам культурнай палітыкі ўсіх узроўняў улады ў будучым. У той жа час гэтыя намаганні ўзмоцняць культурную разнастайнасць Германіі. [5, 116]

Акрамя імігранцкіх супольнасцяў, у Германіі існуюць групы этнічных меншасцей. У краіне адсутнічае асобны закон адносна іх правоў. У гэтым напрамку дзейнічаюць палажэнні “Рамачнай канвенцыі Савета Еўропы аб ахове нацыянальных меншасцей”, якую краіна ратыфікавала 1 лютага 1998 г. Ахове падлягаюць мясцовыя (г. зн. пастаянна пражываючыя) меншасці і этнічныя групы – датчане, фрызы, сербы, германскія сінці і цыганы (разам каля 240 тысяч чалавек). Міжкультурныя праграмы прапаноўваюцца ці рэалізуюцца сярод іншых праз федэральны Дом сусветных культур, Федэральны Сацыяльна – культурны фонд ці як праекты, якія здзяйсняюцца асобнымі землямі ці шматлікімі муніцыпалітэтамі. [5, 116]

Такім чынам, культурная палітыка Германіі будзеца на прынцыпах дэцэнтралізацыі, дапаўняльнасці і плюралізму. Муніцыпалітэты і землі ў рамках сваёй кампетэнцыі маюць уласныя культурныя ўстановы і праграмы, фінансуюць ці аказваюць падтрымку разнастайным культурным установам і мерапрыемствам. Разам з гэтым патрабуе асаблівай ўвагі развіццё на нацыянальным узроўні праектаў, якія накіраваны на аб’яднанне намаганняў органаў улады і інстытутаў грамадзянскай супольнасці па пашырэнню доступу да культуры розных груп насельніцтва.

1. Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe, 7th edition. – Council of Europe:ERICarts, 2006.
2. Report of a thematic study using transnational comparisons to analyze and identify cultural policies and programmes that contribute to preventing and reducing poverty and social exclusion / Woods Roberta and others; Northumbria University, The Centre for Public Policy. – Newcastle upon Tyne, 2004. – 231 p.
3. Second Report submitted by the Federal Republic of Germany under Article 25, paragraph 2, of the Council of Europe's Framework Convention for the Protection of National Minorities; Bundesministerium des Innern. – Bonn, 2004. – 284 p.
4. Соловей, В. Восстание этничности и судьба Запада. Новый тип конфликтности в современном мире / В. Соловей // Политический КЛАСС. Журнал политической мысли России. [Электронны рэсурс]. 2005. – Рэжым доступу: <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=576>. Дата доступу: 16.08.2006.
5. Мир культуры. Международная мозаика: Сравнительный анализ культурной политики зарубежных стран / Сост.: Е.И. Кузьмин, В.Р. Фирсов. – М.: Издательство «ЛИБЕРЕЯ», 2003. – 264 с.

Даниленко А. В., Ботух Л. М. (БрГУ им. А. С. Пушкина, г. Брест)

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ДИЛЬТЕЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Вильгельм Дильтей известен миру как немецкий философ, историк культуры, психолог и творец герменевтического метода, профессор, работавший в университетах Базеля, Киля, Бреслау (современный Вроцлав) и Берлина. На его счету ряд научных произведений, основные из которых – “Введение в науки о духе”, “Критика исторического разума” (1883), “Описательная психология” (1894), “Возникновение герменевтики” (1900) и др. Значимым истоком творчества В. Дильтея явился англо-французский позитивизм с его методом психологизма в анализе непосредственных данных сознания, а также идеи Баденской школы неокантианства, противопоставлявшей методы естественнонаучного и культурно-исторического познания.

Психологизм В. Дильтея, в рамках которого познание ассоциируется с пониманием творческих актов сознания, их источника и смысла, оказал большое влияние на представителей концепции гештальтпсихологии, сторонников психологии установки (Вюрцбургская школа), а также на Ясперса и Шпрангера, во многом под его влиянием создавших собственные трактовки в культурно-исторической детерминации сознания.

В данной работе мы предприняли попытку анализа значения идей В. Дильтея для современной психологии.

Перманентный методологический кризис, отмечаемый в работах психологов последних десятилетий В.А. Янчука, А.В. Юревича, Д.А. Леонтьева и др., своими корнями упирается в методологи-

ческую проблематику, так и не получившую удовлетворительного разрешения в течение всего XX столетия. Долгое время отечественная психология даже не ставила вопрос о возможном использовании какой-либо иной методологии. Фактически «методология психологии как науки оказалась методологией экспериментальной психологии» [5, 30]. Сторонниками подобной точки зрения были её ведущие представители, такие как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и многие другие. Предполагалось, что экспериментальный подход настолько универсален, что со временем его можно будет полностью распространить на всю сложнейшую предметную область психологических исследований. Справедливости ради следует отметить, что корифеи советской психологической школы (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.) вполне осознавали недостаточность этого подхода для объяснения всей психологической феноменологии. Однако они предполагали, что дело в простом несовершенстве имеющихся у современников экспериментальных методик, которое будет ликвидировано со временем, в процессе их усовершенствования. Так, анализируя взгляды Л.С. Выготского по данной проблеме, Г.М. Кучинский отмечает, что, по мнению создателя культурно-исторической концепции, «существование двух принципиально разных типов психологии (*имеются в виду дескриптивная и экспериментальная психологии – прим. авторов*) делает задачу определения единого предмета психологического исследования и адекватного ему метода неразрешимой» [4, 5]. И далее: «Выготский приходит к выводу о том, что кризис в психологии разрешится в результате отмирания одной из выделенных тенденций» (там же). Естественно, что отмереть должна была феноменологическая тенденция. Тем не менее, Г.М. Кучинский констатирует, что прогноз Л.С. Выготского не оправдался. «Феноменологическая тенденция в психологии и по прошествии вот уже более 75 лет не только не исчезла, но даже определённым образом развивается» [4, 5].

Развитию подобного рода тенденций, отнюдь не только в психологии, способствовал целый ряд максимально общих идей, получивших название «постмодернизм». В.А. Янчук [8; 9] отмечает, что предшествующая постмодернизму эпоха Модерна характеризуется, в первую очередь, сформировавшимися в эпоху Просвещения представлениями о принципиальной возможности открытия универсальных законов сущего. Следует учитывать, что психика при этом рассматривалась в качестве объекта равноположенного другим объектам окружающего мира. В науке эта идея воплотилась в разработке позитивистской методологии с её принципами верификации и операционализации, которые призваны обеспечить объективность результатов исследования. «Реализация позитивистской методологии в психологических исследованиях, – пишет В.А. Янчук – нашла своё выражение в доминировании экспериментальной психологии, ориентированной на использование количественных методов исследования и абсолютизации возможностей статистического анализа и математического моделирования» [9, 6-7]. Хотелось бы особенно подчеркнуть, что это доминирование в советской психологической школе стало тотальным.

К середине XX века становится все более очевидным тот факт, что окружающая человека реальность не укладывается в линейную логику позитивистского мышления. Поиск новых оснований научного познания привел к развитию идей постмодернизма. В работах его наиболее выдающихся представителей (Фуко, Деррида, Лиотард, Бодрийяр), по-новому освещается природа психики человека, социальная по своей сущности. Авторитетным является мнение Бодрийяра, убедительно доказавшего, что так называемая реальность (гиперреальность у Бодрийяра) всё в большей степени приобретает имитационный характер, поскольку в значительной степени создаётся мощными средствами массовой коммуникации и другими культурными источниками. Признаётся, что по существу «единственным способом постижения данной реальности является обращение к самому субъекту ... Проблема заключается в том, что в силу отсутствия непосредственного доступа к изучаемой реальности мы вынуждены оперировать её символическими репрезентациями, включающими соотношение знака и значения» [9, 7]. Таким образом, центральной категорией психологии становится «значение», а не стимулы и реакции или регистрируемое поведение. Понятно, что значения не транслируются в раз и навсегда заданном содержании, а формируются в культурных контекстах. Например, Константин Калиновский в Советской Беларуси считался героем освободительного движения от гнёта царизма, а в царской России – террористом, достойным казни через повешение. «Это в свою очередь предполагает переход от психологии описательной через психологию объяснительную к психологии понимающей» [9, 9].

Как видим, уже сам этот вывод разъясняет тот интерес, который современная психология имеет к мыслителю, разработавшему проблематику принципа понимания и создавшему понимающую психологию, задолго до доминирования этих идей в научном мире.

В своей глобальной программе создания теории жизни, которая не опиралась бы на умозрительные конструкции, В. Дильтей решающую роль отводит описательной психологии [2], которую он понимает как «вычленение в любой развитой душевной жизни сходных по форме составных частей и связей в том виде, в каком они находятся в изначальной связности, которая не выдумана, но пережита» или «психология есть описание и анализ связности, изначальной данной как жизнь» [цит. по 7, 27]. Понимание самой жизни у Дильтея становится возможным через анализ так называемых «объективаций жизни», т. е. через образования, которые жизнь произвела из себя и в которых, косвенным образом, узнаёт самоё себя. В соответствии с этим, метод философии жизни, по Дильтею, базируется на триединстве *переживания* определенных жизненных ситуаций и процессов, *выражения* («объективаций жизни») и *понимания*. Особо остановимся на двух аспектах этого триединства, а именно, на феноменах *переживание* и *понимание*, как наиболее значимых для психологии.

Исследователи творчества Дильтея В. считают, что термин «переживание» стал поистине революционным для философии, вытеснив традиционный термин «представление». Тем более это верно для психологии: ведь введение этого понятия в психологический дискурс открыло возможность научного исследования внутреннего мира человека, с таким трудом поддающегося операционализации. «Переживание» у Дильтея становится органом понимания человека и его мира. Мы представляем и осмысливаем мир лишь постольку, поскольку он переживается нами, становится нашим непосредственным переживанием. Наше сознание этого мира всегда предполагает его предварительное освоение в акте непосредственного жизненного опыта, в акте переживания. В работе «Переживание и поэзия» (1905) [3] раскрывая содержание этого понятия, Дильтей, характеризует переживание следующими чертами:

- содержанием;
- непосредственностью акта переживания (не опосредованного понятиями);
- связностью с субъектом;
- значимостью для жизненной взаимосвязи субъекта в целом.

Однако наибольшую известность Дильтею принесла разработанная им теория понимания, которую он вслед за Фридрихом Шлейермахером назвал герменевтикой. В целом, одобряя путь, указанный Шлейермахером, Дильтей критиковал его самого и всех романтиков за то, что они противопоставили рациональному мышлению своеобразное мистическое познание, что свидетельствовало, по его мнению, об их дилетантстве. Преодоление этого недостатка возможно, если герменевтика трансформирует себя в фундаментальную науку о методологии интерпретации вообще, как общей методологии «наук о духе». Как известно, Дильтей противопоставил естествознание, содержание которого составляют факты природы, гуманитарным исследованиям, объективирующим выражения человеческого духа: мысли, чувства людей, цели и мотивы поведения. По мнению Дильтея, явления природы наука должна объяснять, а действия людей – понимать. Следует особо отметить, что в критике непосредственного переноса естественнонаучной методологии на науки о человеке Дильтей опирался на широкую поддержку, сложившуюся к этому времени в европейской науке. Так, Г.И. Рузавин указывает, что с критикой позитивистской методологии уже выступили Г. Риккерт, В. Виндельбанд, С. Дройзен, М. Вебер и др. Например, В. Виндельбанд отмечал, что в то время как физика, химия и другие естественные науки стремятся выявить общее, повторяющееся и закономерное в явлениях природы, гуманитарные науки ставят целью описание индивидуальных, неповторимых особенностей событий и человека. Соответственно, он назвал естественные науки номотетическими, подчеркивая тем самым, что их задачей является открытие законов. К идеографическим наукам он отнес все науки, которые занимаются описанием индивидуальных черт и особенностей событий и процессов социально-исторической жизни.

Разделяя подобный взгляд на вещи, Дильтей не ограничился простой критикой позитивистской концепции, а задался целью разработать положительную программу в области методологии наук. Так, хотя Дильтей и признавал, что и естественные, и гуманитарные науки являются эмпирическими по своему происхождению, тем не менее, существует, по меньшей мере, два вида опыта: *жизненный опыт*, получаемый в обществе людей и самого себя и изучаемый «науками о духе», и *чувственный опыт*, получаемый из общения с природой и изучаемый естественными науками. В естественных

науках главная установка – независимость от человека; в науках о духе конституирующим моментом человеческого мира является дух, а знание этого мира опирается на его переживание, а не на концептуализацию. Вслед за Шлейермахером, Дильтей считал также, что понимание внутреннего мира другого человека достигается в результате духовного перевоплощения, т. е. «речь идёт о психологической реконструкции». Но каким же образом возможно подобное перевоплощение? Для Шлейермахера, как представителя романтической традиции, в подобном акте крылось «чудо – чудо некоторой предустановленной гармонии двух внутренних миров, т. е. чудо конгенности» [1, 398]. И хотя для романтиков категория «чуда» была вполне закономерной, естественно, что допустить эту категорию в своё миропонимание Дильтей не мог. Не удовлетворяла его и перспектива реконструировать чужой внутренний мир на основании лишь данных интроспекции. Поэтому Дильтей пробует обосновать третий путь, а именно, «познание себя через другого»: «Внутренний опыт, при котором я углубляюсь в свои собственные состояния, никогда не даст мне возможность осознать свою собственную индивидуальность. Только в сравнении себя с другими я имею опыт относительно индивидуального во мне; я осознаю только то, что во мне отличается от другого» [цит. по 1, 397].

С другой стороны, Дильтей высказывается, казалось бы, и в совершенно противоположном смысле: «...в проявлении чужой индивидуальности не может выступать ничего такого, чего бы ни было в познающем субъекте» [цит. по 1, 398]. То есть, в другом, исследователь может усмотреть лишь то, что уже есть в нём самом. В данном противоречии отразился так называемый «метафизический круг», который воспроизводится в круге герменевтическом.

Таким образом, для Дильтея наиболее трудным, оказалось, обосновать природу того общего между Я и Ты, или между субъектом и Другим, благодаря чему и возможен сам процесс перевоплощения. А так как Дильтей стремился к общезначимому, объективному познанию жизненной реальности, он и выдвинул гипотезу о том, что фундаментом этого перевоплощения, а значит и возможности понимания между Я и Ты, является сфера письменно-зафиксированных обнаружений жизни, т. е. прежде всего история.

Следует отметить, что и в круге традиционного, классического рационализма (Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант, Фихте, Гегель), в полемике с которым и родилась герменевтика Шлейермахера, также была предпринята попытка разработки проблемы понимания. Г. Риккерт выступил с основательной критикой положений В. Дильтея о том, что мы в состоянии понять внутреннее или психическое состояние Другого. Согласно Риккерту невозможно понимать говорящего, но можно понять сказанное им. При этом Риккерт указывает на не случайность соединения в языке двух терминов – «понимание» и «смысл». Ведь понять можно только то, что имеет смысл, который носит сверхчувственный или, в терминологии Риккерта, духовный характер. Само же по себе чувственно-психическое переживание смысла не имеет (смысл вносится, по Риккерту, извне) и чрезвычайно темно по своей природе. Очевидно, что понимание рассматривается им только как интеллектуальный процесс, а не как сопереживание цельного психического акта, т. е. Я в состоянии понять Ты лишь постольку, поскольку понимаю твой язык (вербальный и невербальный). Но Я не в состоянии проникнуть в единство индивидуальности Ты. Поэтому имеет смысл говорить только о понимании поля значений. Предварительным условием такого интеллектуального, логического понимания должен быть общий логический мир, мир смысла, к которому принадлежат и интерпретатор и интерпретируемый. Такой общий смысл, общий логос, по мнению Риккерта, и будет тем общим фундаментом, который свяжет двух субъектов и сделает их открытыми друг другу на логическом или смысловом уровне. Как замечает П.П. Гайденко, у Гегеля этот общий логос получил название абсолютного духа, у Канта и неокантианцев (в том числе и Риккерта) – трансцендентального субъекта, наличие которого и делает возможным взаимопонимание индивидов на уровне разума. Ни о каком ином виде понимания, по Риккерту, невозможно говорить всерьёз. Более того, позицию Шлейермахера и Дильтея, Риккерт склонен был рассматривать как «предательство по отношению к разуму» [1, 402].

Таким образом, ссылаясь на исследование П.П. Гайденко, мы видим, что рационалистическая традиция, исходившая из допущения возможности интеллектуального понимания – что согласовывалось с её признанием разума, мышления, в качестве всеобщего начала в индивиде – ещё начиная с Платона, разработала учение о природе *третьего* – мира идей (сверхчувственных сущностей). Приобщение к нему только и даёт возможность индивидам стать понятными друг другу, обретая общий язык или общую логику (что то же самое). При этом природа этого *третьего* – логическая, и приобщение к ней возможно лишь путем мышления.

Становится понятным, что Шлейермахер и Дильтей совершили своего рода революцию, нарушив вышеизложенную традицию и предложив интерпретировать понимание как акт, требующий уже не только интеллектуального, логического усилия, но и задействования всех душевных способностей индивида. «Во всяком понимании, – пишет Дильтей, – есть нечто иррациональное... оно не может быть представлено ни одной из формул чисто логических функций» [цит. по 6, 47]. У Дильтея понимание является особым типом познания, в котором рациональное содержание смешивается с дорефлексивным опытом. Поэтому «мы всегда понимаем больше, чем знаем», – считал Дильтей.

Представление о понимании как специфическом методе познания конкретизируется Дильтеем посредством классификации видов понимания, которые соотносятся с соответствующими проявлениями жизни:

1. Понимание, нацеленное на интеллектуальное содержание, которое остается одним и тем же в любой конкретной ситуации. Его содержание – теоретическое и оно присуще научным и логическим категориям, законам. Критерий оценки: истина – ложь.

2. Понимание действий. Действия, как известно, обретают свой смысл только в контексте целеполагания, т. е. осуществляются для реализации определённой цели. Поэтому и понимание действий возможно лишь при воссоздании тех целей, на которые направлены действия. Дильтей особо предостерегал от распространения понимания конкретных действий личности на саму личность. Так как действия лишь частично и весьма неполно свидетельствуют о своем носителе. Критерий оценки: успех – неуспех.

3. Понимание «живого опыта» внутренней или духовной жизни человека. Диапазон этого «живого опыта» очень широк: от великих произведений искусства до малоосознаваемых поведенческих актов – жестов, восклицаний и т. д. Однако все они выявляют основы человеческого духа или личности субъекта. А поэтому, они могут сообщить о личности больше, чем она сама в состоянии о себе знать. Интерпретацию именно этого класса проявлений человеческого духа, Дильтей считал наиболее сложной задачей, и постижению именно такого смысла уделяет максимальное внимание его герменевтика. Критерием оценки этих явлений Дильтей признавал аутентичность.

Таким образом, детально разработав программу герменевтического метода как понимания, Дильтей, вслед за Шлейермахером, остановился перед вопросом о сущности и структуре той реальности, которая является условием возможности понимания. Правда, попытка ответить на этот вопрос у Дильтея была, и именно эту реальность он понимал как *историю*. На протяжении всей своей жизни Дильтей пытался с разных сторон подойти к определению, а чаще к описанию того, что он называл историчностью, а позднее «временностью» – «zeitlichkeit». В его работах можно найти множество интересных соображений, касающихся данного вопроса, но ясного ответа на него Дильтей дать не смог, оставив его в качестве открытой проблемы. Нам остается лишь попытаться её решить.

1. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997.
2. Дильтей В. Описательная психология. – СПб., 1996.
3. Дильтей В. Сила поэтич. воображения. Начала поэтики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. – М., 1987.
4. Кучинский Г.М. Феноменологическая тенденция в психологии // Белорусский психологический журнал, 2005, № 1, С. 4-12.
5. Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал, 2006, № 1, С. 23-34.
6. Михайлов А.А. Современная философская герменевтика: критический анализ. – Мн.: Изд-во «Университетское», 1984.
7. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. – М.: «Прогресс-традиция», 1999.
8. Янчук В.А. Методологические основания развития психологической науки в культурно-научной традиции постмодерна // Белорусский психологический журнал, 2004, № 1, С. 4-13.
9. Янчук В.А. Межпарадигмальный диалог психологического знания в культурно-научной традиции постмодерна // Белорусский психологический журнал, 2005, № 2, С. 4-15.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ГЕРМАНИИ (1994 - 2004 гг.)

Изучение изменений, происходящих в сознании молодых людей в обществе, где наблюдаются коренные социально-экономические трансформации, сегодня стало актуальной социологической проблемой. Германия в настоящий период не переживает таких трансформационных потрясений, которые происходят в странах бывшего Советского Союза. Однако объединение её восточной и западной частей, наличие большого числа иммигрантов, а также другие причины обострили внимание немецкого общества к рассматриваемой проблеме. Первое, что беспокоит германскую общественность – это снижение удельного веса молодого поколения среди всей массы населения. В 1997 году 21,5 % этого населения составляли лица в возрасте до 20 лет и почти столько же – 60 лет и старше. По прогнозам, в 2050 году молодёжь в возрасте до 20 лет составит 15 % населения, а число лиц старше 60 лет возрастет до 38-40 %. [1,58]

В ФРГ уже давно существует известное научное учреждение, т. н. Shell Jugend – Studie, которое, начиная с 1953 года, регулярно проводит исследования по молодёжной проблематике, изучает, в том числе, и долгосрочные установки молодёжи. В 2000 году эта организация опросила 5000 респондентов. Артур Фишер – руководитель последнего исследования, приводит следующие данные о преобладающих ориентациях современной молодёжи в Германии.

Таблица 1

Развивать свои способности	68,8 %	Чего-то достичь	56,3 %
Наслаждаться жизнью	64,4 %	Сознавать свой долг	55,6 %
Быть независимым	62,0 %	Противиться опеке	54,5 %
Быть пробивным	61,9 %	Помогать другим	54,2 %
Реализовать себя	60,9 %	Разбогатеть	52,1 %

На основании жизненных ориентаций А. Фишер выделил пять типов молодых людей: «дистанцированные» (17 %), приводящие в отчаяние родителей и учителей; «свободного времяпровождения» (16 %), желающие преимущественно иметь только удовольствия; «современные» (22 %), для которых одинаково важны т. н. «старомодные» ценности, т. е. человечность, семья и профессия. По данным «Шелл», человечность, толерантность, готовность прийти на помощь стали «измерением женщин», а участие в политике, техническом прогрессе – это сегодня «измерение мужчин». Установлено, что уверенность в будущем, человечность, семейные ориентации по-прежнему зависят от степени религиозности и от связи с родительским домом [2, 21].

Германский специалист по молодёжным проблемам Клаус Хуррельман сравнивает результаты двух опросов и прогнозирует следующий рейтинг ценностей будущего.

Таблица 2

	1996 г.	1999 г.
Дети	2	1
Социальная справедливость	1	2
Образование	8	3
Равенство перед законом	6	4
Семья	9	5
Равенство шансов	3	6
Дружба	7	7
Обеспечение старости	4	8
Личная свобода	10	9
Самореализация	12	10
Участие граждан в политических событиях	11	11
Равноправие женщин	5	12
Мораль	14	13

	1996 г	1999 г
Право и порядок	18	14
Чувство долга	16	15
Успеваемость	17	16
Солидарность	13	17
Прилежание	20	18
Уважение к браку	22	19
Личная собственность	19	20
Свободное время	21	21
Деньги	15	22
Счастье	23	23
Отдых	25	24
Более высокий жизненный уровень	24	25
Руководство в жизни религиозными принципами	26	26

Анализируя духовный мир молодых немцев 16 – 18-летнего возраста, К. Хуррельман отмечает, что они весьма прагматичны, и каждый из них – это «Ego-Taktiker», эгоист, оценивающий мир по тому, что он ему приносит [3, 63]

При помощи немецких коллег в 1994, 1996, 1997 годах автору удалось провести локальные, выборочные исследования в вузах Германии (Земля Баден-Вюртемберг). В 1994 году было опрошено 118 студентов ФахгохшULE Равенсбург-Вайнгартен, в 1996 г. – 252 студента Педагогического фахгохшULE Вайнгартен, в 1997 г. – 167 студентов ФахгохшULE Биберах. Проведённый мониторинг позволяет сделать ряд выводов и заключений о ценностном сознании немецких студентов. Оценивая значение в жизни разных факторов, респонденты представили следующую их иерархию.

Таблица 3 Опрос 1994 г. Максим. балл – 3,0

Студенты-немцы	
Здоровье	2,56
Любовь	2,39
Дружба	2,39
Политическая свобода, демократия	2,13
Образование	1,95
Семья, дети	1,89
Деньги	1,49
Искусство	1,24
Карьера	1,15
Религия	0,97

Таблица 4 Опрос 1996 г. Максим. балл – 3,0

Студенты-немцы		
1	Здоровье	2,75
2	Гарантии прав человека	2,59
3	Любовь	2,56
4	Дружба	2,52
5	Демократия в государстве	2,25
6	Уважение других людей	2,21
7	Семья, дети	2,13
8	Хорошее образование	2,00
9	Душевное спокойствие	1,74
10	Суверенитет моего государства	1,73
11	Деньги, материальное благополучие	1,68
12	Секс	1,64
13	Частная собственность	1,42
14	Религия	1,29
15	Искусство	1,25
16	Карьера	1,24
17	Национальная культура моего народа	1,11
18	Известность, слава	0,69

Таблица 5

Опрос 1997 г.

Максим. балл – 3,0

Студенты-немцы		
1	Здоровье	2,66
2	Дружба	2,54
3	Любовь	2,51
4	Гарантии прав человека	2,41
5	Хорошее образование	2,40
6	Демократия в государстве	2,27
7	Семья, дети	2,23
8	Деньги, материальное благополучие	2,02
9	Уважение других людей	2,02
10	Секс	2,0
11	Карьера	1,86
12	Частная собственность	1,75
13	Суверенитет моего государства	1,70
14	Душевное спокойствие	1,48
15	Искусство	1,27
16	Национальная культура моего народа	1,00
17	Религия	0,90
18	Известность, слава	0,84

Заметим, что оценка факторов во всех трёх случаях проводилась по 3-х балльной шкале (это самое важное – 3 балла, это важно – 2 балла, значение невелико – 1 балл, не имеет значения – 0).

Анализ ответов представителей немецкого студенчества по итогам трехкратного опроса даёт возможность сделать ряд выводов.

1. Приоритетными ценностными факторами для опрошенных являются здоровье, любовь, дружба, образование.

2. Достаточно высокую позицию у респондентов занимают гарантии прав человека, демократия, т.е. политические ценности.

3. Материальные ценности (деньги, и т. д.) не входят в число самых приоритетных.

4. Самые низкие позиции в рейтинге заняли ценности национальной культуры и религия.

В 2000 году нам удалось провести очередные исследования в вузах Германии (ФХ Равенсбург-Вайнгартен, ФХ Биберах, ПХ Вайнгартен, БА Равенсбург), в процессе которых было охвачено 1164 респондента. Студенты снова отвечали на вопрос: «Какие из приведённых факторов являются для Вас самыми важными в жизни?» Ответы содержатся в таблице 6.

Опрос 2000 года

Таблица 6

		Очень важно	Важно	Не осо- бенно важно	Совсем не важно
		<i>в %</i>	<i>в %</i>	<i>в %</i>	<i>в %</i>
	Здоровье	87,6	9,3	0,6	0,08
	Дружба	83,9	14,3	1,2	0,08
	Душевное спокойствие	80,3	18,7	0,3	0,5
	Любовь	77,6	20,0	2,0	0,08
	Гарантии прав человека	70,9	25,8	2,5	0,4
	Хорошее образование	68,3	30,6	0,5	0,08
	Демократия в государстве	58,1	37,9	3,4	0,3
	Возможность реализовать свои спо- собности, таланты	55,6	42,6	1,0	0,2
	Возможность потреблять чистые про- дукты и дышать чистым воздухом	50,5	41,6	6,7	0,6
	Семья, дети	49,7	39,4	9,1	1,2
	Уважение других людей	42,3	50,3	6,2	0,6
	Общение с интересными людьми	41,8	47,7	9,6	0,3
	Весёлая, полная развлечений жизнь	36,4	52,9	9,1	1,1
	Суверенитет моего государства	30,6	51,8	14,2	2,3
	Частная собственность	29,5	55,2	14,3	0,6
	Секс	28,3	58,3	11,7	0,8
	Деньги, материальное благополучие	19,2	71,7	7,3	0,2
	Комфортное жилье	15,6	68,4	15,1	0,5
	Религия	12,3	24,8	38,1	24,4
	Удобная, красивая одежда	11,6	55,2	29,0	3,6
	Карьера	10,8	60,6	25,9	1,7
	Искусство	7,2	16,2	11,8	4,3
	Национальная культура	5,2	38,3	45,8	10,1
	Известность, слава	1,7	8,8	61,6	27,6

В 2005 г. опрос немецких студентов вышеперечисленных вузов (404 чел.) был проведён в оче-
редной раз. Его результаты содержатся в таблице 7.

Таблица 7

Опрос 2005 г. **Немецкие студенты** **в %**

		Очень важно	Важно	Не очень важно	Совсем не важно
1	Здоровье	86,0	12,7	1,0	0
2	Дружба	78,4	19,9	1,5	0,2
3	Душевное спокойствие	71,8	27,5	0,2	0,2
4	Гарантии прав человека	67,9	26,7	4,2	0,5
5	Любовь	66,9	29,4	3,7	0
6	Хорошее образование	66,7	32,8	0,2	0,2
7	Возможность реализовать свои способ- ности и таланты	50,2	46,8	2,5	0,5
8	Демократия в государстве	46,8	46,1	4,9	2,0
9	Семья и дети	46,1	43,1	9,1	1,2
10	Возможность потреблять чистые продук- ты и дышать чистым воздухом	41,2	42,2	15,9	0,5
11	Уважение других людей	35,5	54,7	7,8	1,0
12	Общение с интересными людьми	33,8	49,8	15,7	0,5

Продолжение таблицы 7

13	Секс	29,4	54,4	14,2	0,5
14	Веселая, полная развлечений жизнь	29,4	55,6	14,0	0,7
15	Суверенитет моего государства	28,9	56,9	13,0	1,2
16	Частная собственность	26,5	57,1	15,2	0,7
17	Деньги, материальное благополучие	24,0	67,9	6,9	0,5
18	Комфортное жилье	17,4	64,5	17,9	0,2
19	Карьера	15,9	57,6	25,2	0,7
20	Удобная, красивая одежда	9,6	49,5	37,0	3,7
21	Религия	9,6	24,8	37,7	27,7
22	Искусство	6,6	31,6	43,4	18,1
23	Национальная культура	6,4	43,1	43,1	6,9
24	Известность, слава	2,2	9,6	53,4	34,8

Сопоставим итоги двух последних опросов в таблице 8.

Таблица 8.

Рейтинг ценностных факторов

Место фактора	2000 г.	2005 г.
Здоровье	1	1
Дружба	2	2
Душевное спокойствие	3	3
Любовь	4	5
Гарантии прав человека	5	4
Хорошее образование	6	6
Демократия в государстве	7	8
Возможность реализовать свои способности, таланты	8	7
Возможность потреблять чистые продукты и дышать чистым воздухом	9	10
Семья, дети	10	9
Уважение других людей	11	11
Общение с интересными людьми	12	12
Веселая, полная развлечений жизнь	13	14
Суверенитет моего государства	14	15
Частная собственность	15	16
Секс	16	13
Деньги, материальное благополучие	17	17
Комфортное жилье	18	18
Религия	19	21
Удобная, красивая одежда	20	20
Карьера	21	19
Искусство	22	22
Национальная культура	23	23
Известность, слава	24	24

Анализ и сопоставление исследования ценностей немецких студентов с временным интервалом в 5 лет позволяет сделать следующие выводы и обобщения.

1. Опрошенные молодые люди при избрании самых приоритетных ценностей не ограничиваются их небольшим количеством. Напротив, главными для себя они считают 7-9 факторов (ответ «очень важно» дали более половины респондентов). Широкий спектр наиболее предпочитаемых ценностей свидетельствует о том, что полноценная жизнь молодёжи не сводится к узкому, однобокому восприятию жизни.

2. Политико-правовые ценности занимают в сознании молодых немцев достаточно высокое место, что свидетельствует об их гражданской зрелости и ответственности.
3. Гедонистические наклонности образа жизни немецких студентов (весёлая жизнь, секс) также достаточно чётко выражены. Кроме того, в тройку факторов-призеров вошло душевное спокойствие. Это говорит о том, как трепетно относится молодой немец к своему психологическому комфорту.
4. Достаточно высокий уровень жизни в Германии привёл к тому, что ценности материалистические (деньги, жильё, одежда) не входят в число самых приоритетных, они явно уступают факторам нравственным.
5. Анализ динамики ценностного сознания студентов-немцев за 10 лет показывает, что существенные трансформации в нём за этот временной период не произошли.

1. Deutschland, август/сентябрь 2001
2. Deutschland, № 6/99, December/Januar
3. K. Hurrelmann. Werte der Zukunft / Fokus 12/2000

Эйдуkene Д. Д. (ВТУ им. Гедиминаса, г. Вильнюс)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ

В статье обсуждается значимая, но всё же малоизвестная читателю теоретическая разработка проблем социалистического рабочего движения в трудах немецкого публициста, адвоката и политического деятеля **Фердинанда Лассалья** (1825-1864). Он является представителем государственного социализма, сторонником общественно-моральных идей государственного устройства, основанного на классовых компромиссах, опирающегося на определённый идеал справедливости и на особую концепцию общества и государства.

Идея компромисса была не нова. Она всплывала неоднократно в течение XIX столетия как проявление реакции на смитианский либерализм, который не полностью оправдал радужные надежды общества на социальные последствия экономической свободы, не решив большинства как экономических, так и социальных проблем. Рост классовой борьбы и возникновение идей социализма на деле доказывали, что экономическая свобода, как и свобода частного-хозяйственного предпринимательства, не только не равнозначны фактической свободе личности, а могут иметь обратный смысл.

Государственные социалисты говорили о социальной демократии, которая берёт своё начало в институте государства и специфическим проявлением которой является возможность социальной реформы. Именно социальная реформа должна, по их мнению, стать ключевым элементом для нормального функционирования, самосохранения и дальнейшего продвижения вперед общества, сумевшего познать закон общественного развития. Лассаль становится продолжателем данной идеи, в теоретическом плане принимая эстафету у предшественников этой концепции. Он пытается дать государственному социализму «новую жизнь», связывая его с идеей рабочего движения. В теоретических разработках Лассалья государственный социализм проявляется не только как реакция на либерализм, но и как реакция на теорию научного социализма, который «с порога» отбрасывал возможность и компромисса, и социальной реформы. Хотя Лассаль как теоретик своим масштабом и уступает Марксу, но в его состоявшемся и «несостоявшемся» диалоге с марксизмом нам видны и ошибки Маркса.

Лассаль, определённое время, объявляя себя сторонником К. Маркса и Ф. Энгельса, не воспринимал идей научного коммунизма. О своем идейном перевоплощении он следующим образом сообщает Марксу: «Я революционер с 1840 г., а с 1843 вполне определённый социалист» [1; 244]. Этому заявлению Лассалья предшествовали попытки возразить стремлению основоположников марксизма в некоторых случаях выдавать желаемое за действительное. Например, зная, что Маркс и Энгельс продолжают считать Германию инкубатором будущей революции, он высказывает свое несогласие: «Напрашивается вопрос, будет ли... социализм в Германии обладать в скором времени такой силой, чтобы победоносно поднять чисто красное

знамя... и ...сорвать со стены меч?» На этот вопрос приходится «ответить печально и отрицательно» [1; 8]. Такие письма Лассалья ещё не были полемическими. Лассаль лишь выполнял просьбу Маркса информировать его о том, что делается в среде германских рабочих. Понадобилось десять лет, чтобы Лассаль попытался вступить в полемику с Марксом. Этому имеются несколько причин, но мы ограничимся двумя. Во-первых, он подготавливался к идейному «прыжку», впитывая в себя идеи Гегеля, Фихте, представителей государственного социализма Л. фон Штейна, К. Родбертуса и исторической школы в политической экономии, пользуясь жизненной лабораторией революций Франции. Отзвуки всех этих идей по-разному звучат в социально-демократической доктрине Лассалья. Во-вторых, Маркс и Энгельс бескомпромиссно боролись с любыми проявлениями реформизма. Невозможно было не робеть перед сокрушающей критикой Маркса, который так охарактеризовал социал-реформистов: «Это люди, в теоретическом отношении нули, а в практическом – никуда негодны», желающие социализм «сделать беззубым». «Это убогие контрреволюционеры», «половинчатые люди», «вся эта...сволочь», сумевшая заразиться реформистским «идиотизмом» [2; 325-328]. Такая реакция теоретиков марксизма на инакомыслие не могла не повлиять на Лассалья. Он почти два года пытается деликатно продемонстрировать другой угол зрения и надежду быть понятым: посылает отрывки из своих сочинений и чужих произведений, пытаясь преподнести свою позицию и обсуждая идеи других.

В 1858 г. Лассаль пишет сочинение о Гераклите [24]. Его привлекала близость мировоззрения этого философа. Лассаль находит некоторые параллели между диалектикой Гераклита и Гегеля. Он не случайно превращает загадочного греческого философа в современного гегельянца. Экземпляр книги Лассаль посылает Марксу. Но тот не видит в ней ничего позитивного, считая, что в ней можно лишь «снова узреть... посмертный цветок минувшей эпохи» [3; 193]. Он находит, что «Гераклит Темный» Лассалья Ясного, в сущности, весьма пошлое, жалкое произведение» [4; 222]. Так Маркс пишет Энгельсу и лицемерно добавляет: «Ты должен дать мне отпущение грехов за похвалы, которые я вынужден был сделать «Гераклиту Темному» [5; 270].

Не достучался Лассаль к Марксу и с другими письмами, в которых пытается полемизировать по поводу идей Карла Родбертуса, основоположника государственного социализма в Германии. Маркс отвечает лишь несколькими фразами: «Тенденция работы Родбертуса вполне заслуживает признания. В остальном же то, что там хорошо, – не ново, а то, что ново, – не хорошо» [6; 497]. Ещё более резко он говорит Лассалю о представителе исторической школы в политической экономии Вильгельме Рошере: «Какая это самодовольная, чванливая, в достаточной степени ловкая эклектическая бестия. По сравнению с такой канальей даже последний бродяга – почтенный человек» [7; 517]. Тональность письма выдает раздражение его автора и провал намерений адресата. Из приведённых выше примеров видно, что Лассалю не удалось в среде исторических фресок, которыми иллюстрировали свои социальные визии Маркс и Энгельс, «втиснуть» свой рисунок, сюжет которого выполнен не в стиле классовой борьбы и не на фоне исторически обреченного капиталистического общества.

Переписка с Марксом окончательно прервалась после следующего заявления Лассалья: «Весьма естественно, что, чем более отдельные личности обладают значением и умением ориентироваться в существующем, остротой взгляда, благоразумием и образованием, тем легче они впадают в ошибки...» [8; 133]. Хотя Лассаль говорит о якобинцах, Маркс наверняка понял: кого он имеет в виду.

Революцию делать глупо и недальновидно. Историческое развитие Лассаль трактует в духе гегельянства. По его мнению, это не что иное, как непрерывный процесс развития разума и свободы. Теоретики марксизма, наоборот, считали, что оно не зависит от воли людей по той простой причине, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [9; 7], а «конечные причины всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, ... а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» [10; 278]. Таким образом, формы или условия производства являются основными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют развитие установок, поступков и, наконец, самих цивилизаций. В соответствии с этим, социальная справедливость или несправедливость интерпретируется Марксом и Энгельсом как одна из форм идеологической и практической связи между людьми и определяется совокупностью производственных отношений.

Из этого следует, что основоположники марксизма смотрели на людей, как на простых оловянных солдатиков, которые, подталкиваемые экономическими пружинами, участвовали в баталиях истории, не имея никакой власти над историческими силами. Сцена исторических баталий у них встроена в социальную систему и находится в «царстве необходимости»: в своё время оловянные солдатики уничтожают эту систему и вступают в «царство свободы и справедливости».

Лассаль не согласен с такой трактовкой данного вопроса. По его мнению, всё зависит от людей, от их нравственности, правильного понимания свободы и умения возвести это в соответствующий принцип государства. Именно таким путём и шло человеческое общество, всё более приближаясь к свободе и к непосредственному воплощению нравственной идеи государства. Эта идея оставалась неосознанной, но всё равно осуществлялась «благодаря разумному, естественно-необходимому ходу вещей, хотя и помимо воли государства и даже вопреки воле его руководителей» [11; 26]. По замечанию Лассалья, с 1848 года наступил исторический период, в котором нравственная идея рабочего сословия сознательно должна объявляться господствующей идеей общества. Это событие означает, что должна быть узаконена революция, происшедшая в недрах государства. На деле это означает правовое уравнивание положения рабочего сословия с его фактическим значением. Это сделать нужно потому, что оно фактически является всем, а юридически – ничем!

Не так-то просто провозгласить идею рабочего сословия господствующим принципом общества. Для этого необходимо определённое состояние общества и государства, которое может быть создано только кропотливой работой всего общества, сознательно воплощая в жизнь необходимый принцип государства. Это событие Лассаль приравнивает к революции, которая должна быть понята как призыв к примирению и уравниванию всех сословий. «Это призыв к любви» [11; 33] и к разуму, проводниками которых должны служить государство и общее, равное и прямое избирательное право.

Лассаль считает, что революцию «сделать нет возможности; можно только упорядочить течение революционного движения, естественно возникшего в общественных отношениях, можно только санкционировать её проявления и результаты». «Речь всегда может идти только о внешнем, юридическом признании и последовательном проведении революции, уже совершившейся в действительных отношениях общества» [12; 16]. Потому «стремиться сделать революцию могут только люди незрелые, необразованные, незнакомые с основными историческими законами!» По мнению Лассалья, искусственно сотворённая революция не соответствует объективным законам развития и действует против них. Такую возможность он допускает, обращая внимания на её трагические последствия: «Революцию, в конце концов, можно делать только при помощи масс и их страстного самопожертвования. Но массы... «серы» и необразованны... и..., как всякий неразвитый ум, признают только крайности, знают лишь «да» или «нет» и никакой середины между ними». В этом Лассаль не видит ничего позитивного, кроме глубокого раскола общества, вследствие которого «учётчики революции» оказываются в полной изоляции от общества. Это происходит потому, что «вместо того, чтобы не иметь перед собой обманчивых врагов и иметь позади себя друзей, в конце концов, наоборот, имеют врагов перед собой и не имеют позади себя приверженцев их принципов. Таким образом, кажущийся высший разум на деле оказывается высшим недоразумением» [13; 132]. По мнению Лассалья, такую же незрелость и наивность проявляют и те, кто полагают возможным остановить уже начавшиеся, уже совершившиеся в недрах общества революции.

Социальная миссия государства или государственная помощь вместо самопомощи. Философию государства Лассалья можно назвать противоположностью теории научного социализма и альтернативой либеральной политике властей. Государство для Лассалья это институт, обладающий потенцией созидания социального строя по свободной воле, на основании солидарности интересов и взаимности развития всех членов общества. Служение высшим моральным требованиям человека в государстве заложено «генетически», потому понятие «государство» – нравственное.

Для Маркса и Энгельса «государство есть зло» [14; 200]. По своей сути это «идеальный совокупный капиталист, ...управляющий общими делами всего класса буржуазии» [10; 290], не обладающий никакими потенциальными возможностями для созидания и самосовершенствования, а тем более для решения социальных проблем. Государству это и не нужно, потому что

оно «есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников». По мнению Энгельса, говорить о свободном народном государстве – есть чистая бессмыслица: пока пролетариат ещё нуждается в государстве, он нуждается в нём не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать» [15; 5]. Таким образом, искать идеи социальной миссии государства в марксизме не приходится.

Либералы вообще считают неуместным говорить об этом. Лассаль, объявление либералами себя носителями нравственной идеи и декларирование ими свободы как нравственной цели своего государства, расценивает как обман общества, по той простой причине, что речь они ведут исключительно и единственно о сохранении личной свободы и собственности индивидуума. А этого нельзя отождествлять с нравственным государством. Такое государство Лассаль называет «государством-сторожем», назначение которого предупреждать разбой и воровство, и, «если бы либералы хотели быть последовательными до конца, то они, согласно с этой идеей, должны были бы признать, что если бы не было воров и разбойников, то государство было бы лишним» [16; 30-31]. Таким образом, «механизм» беспрепятственного пользования собственными силами работает впустую. По Лассалю, он заработал бы лишь в том случае, «если бы все были одинаково сильны, развиты, образованы и богаты. Но как этого нет и быть не может, то мысль эта недостаточна и по своим последствиям беспрерывно ведёт к глубокой безнравственности» [11; 24]. Потому либеральную доктрину государства Лассаль считает в высшей степени жалкой, ненаучной и несоответствующей истинной природе этого института. Беспрепятственное и свободное пользование личностью своими силами ещё само по себе недостаточно. «В нравственно устроенном обществе необходимо должны присоединиться к этому солидарность интересов, общность и взаимность в развитии» [11; 30]. Но возможно ли это в современном государстве?

Для Маркса – это сфера «невозможного»: «ни одно из так называемых прав человека, в том числе свобода и собственность, не выходит за пределы эгоистического человека..., т. е. индивида, замкнувшегося в себе, в свой частный произвол и обособившегося от общественного целого» [17; 401-402]. Для Лассалья – это сфера «возможного», потому, что «буржуазия и рабочее – ...члены одного народа!» [18; 56]. В этом случае эти две противоположности способны совместно созидать, т. е. создавать качественно новый социальный строй по свободной воле, на основании солидарности интересов и взаимности развития. Другими словами, объединяя свои действия в одном направлении – в достижении большей свободы и нравственности государство должно стать «совокупной нравственной личностью». Это возможно только при помощи объединения всех со всеми. Именно здесь необходим и возможен компромисс, достичь которого, по мнению Лассалья, можно двумя путями. С одной стороны, опираясь на человеческую нравственность, с другой – через демократическое устройство политической жизни.

Именно в этом контексте государство для Лассалья «есть воспитатель и «развиватель» человечества к свободе» [12; 32]. В этой фразе теоретика помещается вся его философия государства: осознание обществом качественно новой трактовки идеи свободы и необходимости приблизиться к ней; поиск точек соприкосновения между нравственными ощущениями буржуазии и рабочего класса во имя свободы. Этот тезис можно перефразировать следующим образом: через воспитание – к развитию, через развитие – к воспитанию.

Проблема нравственности классов. Вопреки марксизму, Лассаль не считает, что для достижения такого взаимодействия необходимы исключительно некапиталистические силы и помощь нерациональной лояльности. Капиталистическое общество для своей выгоды может преподнести множество утилитаристских аргументов, хотя это не уничтожает деятельности дорациональных и нерациональных сил. Для основоположников марксизма достаточно было «быть радикальным» для того, чтобы «ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработённым, беспомощным, презренным существом...» [19; 422]. Маркс и Энгельс придерживались мнения, что нравственность не является действенным рычагом в буржуазном обществе. Лассаль, напротив, считает, что, для осуществления данной задачи, важнее быть нравственным.

Лассаль полагает «предрассудком воспринимать за непогрешимую истину, что «высшие классы общества безнравственны и испорчены, а простой народ нравственен и добр» [12; 35]. По его мнению, такое воззрение, вошедшее в 19 параграф Декларации прав человека, могло считаться непреклонной истиной во времена торжества санкюлотов, а ныне оно может «закрыть путь к пониманию всего хода прогресса современной государственной жизни и даже препятствовать самому этому прогрессу» [12; 36]. Вряд ли, без всякого сомнения, можно утверждать, что высшее сословие общества эгоистично и своекорыстно. Лассаль считает, что эти качества присущи и низшим классам. Их там не меньше!

Общее, равное и прямое избирательное право как политический и социальный принцип рабочего сословия. Таким образом, в пёстрых проявлениях нравственности и безнравственности, возникает проблема сложности компромисса. Безнравственность буржуазии, по мнению Лассалья, могла бы раствориться в социальном государстве, и рабочие должны понять, что «только от политической свободы можно ожидать удовлетворения своих законных интересов». Действенная политическая свобода, по Лассалю, напрямую зависит от «политического положения и политического законодательства страны» [20; 8].

Лассаль указывает ещё на одно проявление безнравственности буржуазии: имущественный ценз выборов. Его основа – введённое в 1848 г. всеобщее избирательное право, когда семнадцать неимущих, в отношении избирательного права, приравнивались одному богатому, т. е. из каждых 17 рабочих 16 человек лишались своего законного избирательного права [16; 22]. Таким образом, рабочий класс в Германии становился юридически бесправным. Кроме того, немецкий рабочий класс не имел своей политической партии, которая законным путем могла бы влиять на общий курс государства.

Исходя из этого, Лассаль заявляет, что установление общего, равного и прямого избирательного права соответствует демократическим принципам и законным интересам рабочего сословия. Оно должно организоваться в самостоятельную партию и принять лозунгом этой партии общее, равное и прямое избирательное право. Представительство рабочего сословия в германских законодательных собраниях – вот то единственное, чем может он удовлетворить свои законные интересы в политическом отношении. Согласно этому, политической программой рабочей партии должна быть мирная и законная агитация за свои права при помощи всех законных средств.

Более того, Лассаль описывает и парламентскую тактику германской рабочей партии: «Поддерживать буржуазные партии.... в вопросах и пунктах общего интереса, но решительно отворачиваться от неё и идти против неё, как скоро она удаляется от интересов рабочего сословия, таким образом, заставляя её или идти вперед и превзойти свой нынешний уровень, или все глубже погружаться в болото ничтожества и бессилия [20; 12]. Но, не смотря ни на что, Лассаль убеждён, что при всеобщем и прямом избирательном праве невозможно, чтобы избранные представители не сделались, наконец, верным и точным отражением избравшего его народа.

С всеобщим избирательным правом Лассаль связывал возможность объединения рабочих в производственные ассоциации, т. е. кооперативы. Он утверждал, что нужно сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем. Но для этого необходима помощь государства, и склонить его к этому возможно только при всеобщем и прямом избирательном праве. При этом Лассаль заявляет, что это ещё отнюдь не «решение социального вопроса», которое «потребует работы поколений, это горчичное семя, которое органически, необходимо будет толкать ко всякому дальнейшему развитию, осуществляя его внутри самого себя» [21; 48]. Лассаль ещё раз подтверждает непригодность революции в решении социально-политических проблем. Таким образом, перефразируя слова героя Б. Пастернака из «Доктора Живаго», что революцию делают не революционеры, а адвокаты, так и хочется сказать, что Лассаль был адвокатом, не пожелавшим делать революцию.

«Однако история показала, что неправы были и мы...». Маркс называл социально-политическую программу Лассалья плагиатом ученика подготовительного класса, а его самого клеймил «доктринером» и «сектантом». Даже примиряющая сила смерти ненадолго смягчила отношение Маркса к Лассалю. Получив известие о его гибели, он пишет Энгельсу: «Он был для нас в настоящем очень ненадёжным другом, а в будущем – довольно несомненным врагом... Я

очень рад, что не поддавался подстрекательствам с различных сторон и ни разу не выступил против него во время его «года торжества» [22; 349]. Возникает вопрос: почему? Сомневался в достаточности аргументов или, хотя бы частично был с ним согласен?

Наверно, самым большим признанием правоты идей Лассалья является заявление Энгельса, который после смерти Маркса пытался переосмыслить теорию марксизма: «ирония всемирной истории ставит всё вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели, мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [23; 546]. Энгельс радуется, что германские рабочие сразу отнеслись к делу серьезно, и «избирательное право... было ими... превращено из орудия обмана... в орудие освобождения» [23; 535], что это принесло огромную пользу им самим и стало служить примером для рабочих всех стран.

1. Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. – СПб., 1922.
2. К. Маркс. Фридриху Адольфу Зорге. 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1960, т. 34.
3. К. Маркс Ф. Энгельсу. 22 декабря 1857 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1954. Т. 29.
4. К. Маркс Ф. Энгельсу. 1 февраля 1858 г. // Там же.
5. К. Маркс Ф. Энгельсу. 22 декабря 1857 г. // Там же.
6. К. Маркс Ф. Лассалю. 8 мая 1861 г. // Там же.
7. К. Маркс Ф. Лассалю. 16 июня 1862 г. // Там же.
8. Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. – СПб., 1922.
9. К. Маркс. К критике политической экономии... Т. 13.
10. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг... Т. 20.
11. Ф. Лассаль. Наука и рабочие. – Одесса, 1905.
12. Ф. Лассаль. Значение четвертого сословия (Рабочая программа). – Одесса, 1905.
13. Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. – СПб., 1922.
14. Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»...Т. 17.
15. Ф. Энгельс. Социализм в Германии... Т. 19.
16. Ф. Лассаль. О программе работников. Книгоиздательство «Буревестник». – Одесса, 1905.
17. К. Маркс. «К еврейскому вопросу» ... Т. 1.
18. Ф. Лассаль. Гласный ответ Центральному комитету, учрежденному для созыва общего германского конгресса в Лейпциге. – М.: Книгоиздательство «Колокол», 1905.
19. К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение... Т. 1.
20. Ф. Лассаль. Гласный ответ Центральному комитету, учрежденному для созыва общего германского конгресса в Лейпциге. – М.: Книгоиздательство: «Колокол», 1905.
21. Цит. по: Меринг Ф. История Германской социал-демократии. Т. 1. – М.–П. 1923.
22. К. Маркс Ф. Энгельсу. 12 сентября 1864 г. ...Т. 30.
23. Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»... Т. 22.
24. Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln v. Ephesos. В., 1858.

Азаров В. С. (БрГУ им. А. С. Пушкина, г. Брест)

ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ РЕКОМЕНДАЦИЙ БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ В ВУЗАХ ГЕРМАНИИ

25 мая 2006 г. исполнилось 8 лет со дня подписания министрами образования Франции, Германии, Великобритании и Италии в Париже декларации, положившей начало Болонскому процессу. Многие европейские страны накопили за прошедшее время серьезный опыт в проведении современной образовательной реформы. В Германии началу её послужило совместное заявление федерального правительства и правительств 16 земель 16.12.1999 г. «Об усилении возможностей немецких вузов в международном соревновании по обучению студентов».

В этом документе подтверждается стремление высших учебных заведений активно участвовать в создании единого европейского образовательного пространства. Вузам была предоставлена свобода в переходе на двухступенчатую систему высшего образования. Введение системы (3-годичного бакалавриата и 5-годичной магистратуры) связано, в первую очередь, с потребностями рынка труда Европейского союза, провозгласившего в качестве стратегической цели формирование к 2010 г. образцовой для всего мира образовательной системы и развития общества, базирующегося на знаниях.

Переход ФРГ на двухцикловую систему обучения поддерживается целенаправленными стимулирующими программами:

- программа «Курсы обучения с ориентацией на зарубежье»;
- программа «Мастер плюс», способствующая включению зарубежных студентов после 1 степени обучения в немецкую систему высшего образования;
- программа «Бинациональные интегрированные программы обучения в вузе с двойным дипломом».

Болонская декларация предусматривает стимулирование мобильности и создание условий для свободного перемещения студентов, преподавателей, менеджеров образования, исследователей. В Германии заметно улучшены условия для обучения иностранцев. В этой связи можно назвать меры по привлечению иностранных студентов:

- курсы бесплатного обучения немецкому языку;
- консультирование по разным экономическим дисциплинам;

Обучение в Германии до получения диплома о квалификации остается бесплатным. Это относится и к иностранным студентам. Расширение курсов обучения на английском языке также способствует интеграции зарубежных студентов в немецкую систему экономического образования.

Участники Болонского процесса провозгласили курс на развитие европейского сотрудничества в области контроля качества подготовки выпускников вузов и выработки сопоставимых критериев и методов.

Для решения этой задачи в ФРГ создается система аккредитации вводимых учебных курсов в бакалавриате и магистратуре с целью обеспечения профессионально-содержательного стандарта и контроля соответствия получаемых дипломов профессиональной подготовке. Ключевую роль здесь играет Совет по аккредитации, в который входят представители вузов, земель, преподаватели, студенты, а также два международных представителя. Надземельный Совет по аккредитации утвердил минимальные стандарты и критерии по процедуре аккредитации и проводит аккредитации с помощью многих агентств. Эксперты рассматривают аккредитацию в качестве составной части системы обеспечения качества и основу модернизации высшего образования. С точки зрения европейских соседей, этот путь повысит образовательный рейтинг вузов Германии.

В 2000 г. создается немецко-французская высшая школа с целью кооперации в подготовке бинациональных курсов обучения, защите докторских диссертаций, открытия аспирантских школ, международных колледжей.

За минувшие годы в Германии многое сделано для выполнения рекомендаций, изложенных в Болонской декларации. Республика Беларусь делает в этом направлении лишь первые шаги.

Из немецкого опыта повышения качества образования студентов на современном («болонском») этапе представляет для нас большой интерес реализация принципа конкурентности на всех уровнях: международном, между федеральными землями, вузами, между отделениями и преподавателями. Серьезным фактором конкурентоспособности выступает формирование дифференцированной сети учебных заведений, одни из которых обеспечивают краткосрочную подготовку широкого контингента студентов, другие – формируют интеллектуальный потенциал учебно-научной и управленческой элиты.

Среди ныне действующих элитарных вузов экономического профиля выделяются: Академия Баварской экономики в Мюнхене, Европейская школа менеджмента и технологии в Берлине. В этих и других учебных заведениях уделяется особое внимание управлению качеством экономического образования на основе принципа саморегулирования и самооценки. В противоположность образовательной политике в Республике Беларусь с её традиционно сильной внешней регламентацией, в ФРГ идут по пути предоставления вузам широкой автономии в принятии решений, в том числе и по финансовым вопросам.

Государственное регулирование образовательного процесса в Германии сводится к экономическому стимулированию по результатам оценки работы вузов на основании информации, предоставляемой ими самими. Самооценка проводится преподавателями и студентами отделений. Для внешней оценки приглашаются специалисты в соответствующих областях знаний, известные учёные из университетов страны и из зарубежных вузов.

На основании анализа результатов самооценки и заключения экспертов, представители отделений делают выводы, касающиеся эффективности учебной работы самоусовершенствования и устранения недостатков.

Повышению активности студентов на занятиях способствует улучшение условий обучения, тесное сотрудничество их с преподавателями, увеличение численности профессорско-преподавательского состава и тьютеров (помощник преподавателя, консультирующий студентов), снижение показателя численности студентов на одного преподавателя, увеличение количества часов занятий в малых группах, индивидуализация педагогической работы и повышение её престижа.

Важнейшим элементом новых образовательных технологий для реализации базовых принципов Болонского процесса является самостоятельная работа студентов. Стремительно нарастающая информация, быстрое моральное обесценивание полученных ранее знаний и появление новых делает особенно важным умение получать знания самостоятельно. Только это обеспечивает адаптивность будущих специалистов к неизбежным переменам в профессии, специальности, специализации. Принципы Болонской декларации могут быть эффективно реализованы лишь на основе нового качества, новых подходов к содержанию и формам учебного процесса. Необходимо не просто передавать знания студентам, а обучать самодобытанию знаний. В вузах ФРГ накоплен значительный опыт практико-ориентированного экономического образования, который может быть успешно использован в РБ для достижения нового международного стандарта образования, соответствующего базовым принципам Болонской декларации.

Уваров И. Ю. (ГГТУ им. П. О. Сухого, г. Гомель)

ВЛИЯНИЕ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА НА РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Фашизм представляет собой выражение социального и политического кризиса в капиталистическом обществе. Важной особенностью фашизма является специфика его отношений к народу. Главной задачей фашизма было мобилизовать политически активную часть граждан в интересах тоталитарного государства.

Германскому фашизму посвящено множество работ, как отечественных, так и зарубежных авторов. Проблемы фашизма неоднократно рассматривались и обсуждались на международных конференциях [1; 12]. В современной исторической науке все вопросы, связанные с германским фашизмом, казалось бы, уже изучены. Однако новые исследования в этой области могут пролить свет на некоторые стороны жизни нацистского государства [3; 146].

Задачей данного исследования было показать отношение гитлеровского режима в Германии на религиозную жизнь немецкого народа и католическую церковь, в частности, которая пользовалась большим авторитетом у немцев.

Фашизм по своей природе это антинародная кровавая диктатура, которая была установлена в Германии в интересах власти крупной буржуазии, при поддержке обманутого немецкого народа. Эксплуататорское государство фашистов рассматривало своих подданных, как послушные механизмы, исполняющие волю своих вождей. Адольф Гитлер стремился соединить воедино идеологию национал-социализма с религией и создать на этой основе новое мировоззрение немцев, так как именно немецкий народ был движущей силой в политике нацистской партии и её фюрера. Политика германского национал-социализма стала распространяться ещё в Веймарской Германии. Одной из самых знаменитых вех на пути к нацизму явились сочинения видного представителя немецкой философии О. Шпенглера [4; 123]. Это и многое другое способствовало развитию деятельности крайне правых течений и движений в Германии в период 20-х гг. XX века. В конечном итоге верх взяло движение с наиболее уродливой идеологией, которой оказались пропитаны широкие слои населения страны [4; 271-272].

Таким образом, духовная и религиозная жизнь германского общества получила направленное развитие, утверждая идеологию фашизма. В новых условиях немецкий народ, являясь носителем христианской морали, достаточно быстро подчинился всевластующему порядку. Церковь также должна была принимать социальные идеи, выдавая их, как необходимые этапы нового мировоззрения людей.

Одним из самых тягостных испытаний для немцев-католиков в фашистской Германии была неясная позиция высшего католического духовенства по отношению к нацизму. Большинство священников в сельских и городских приходах пытались противостоять фашизму, из-за чего многие духовные пастыри попали в концентрационные лагеря. Тем временем высшие духовные особы не выступали с официальным протестом против фашистских преступлений и гитлеровских планов военной агрессии и массового уничтожения людей.

Эта непонятная для католического населения пассивность ортодоксальной церкви объясняется тремя причинами. Во-первых, представители высшей католической иерархии, как и вся немецкая буржуазия, плохо представляли себе ход общественного и экономического развития Германии после 1870 г. Во-вторых, они имели неясное представление о роли и замыслах германского милитаризма, о предпосылках и исторических корнях фашизма. В-третьих, представители духовного сословия оказались неспособными противостоять германскому шовинизму с его лозунгами и фашистской диктатурой.

Оппозиционное настроение к фашистскому режиму было у определённой части католического и православного духовенства [2; 150]. Однако основной позицией германских епископов в начале Второй мировой войны был призыв к солдатам-католикам выполнять свой долг, самоотверженно повиноваться фюреру и не щадить своих сил.

Через несколько месяцев после захвата Гитлером власти фашистское руководство заключило с Ватиканом соглашение о положении католической церкви, её правах и привилегиях и о сотрудничестве с гитлеровским режимом.

В 1937 году при папе Пие XI было опубликовано послание ко всем верующим католикам Германии. Данная энциклика посвящалась вопросам веры, морали и социально-политическим проблемам, царившим в фашистском обществе. В данном документе кое-где недвусмысленно и резко осуждались многие проявления нацистского режима. Однако призыва к открытому конфликту с фашизмом не прозвучало. В 1938 году в Германии была введена новая должность священнослужителя в гитлеровском вермахте. Католическим войсковым епископом был назначен Франц Иозеф Рарковский. Но этот ход Гитлера имел лишь частичный успех. В подавляющем большинстве у верующих католиков это не вызывало сочувственного отклика вновь созданной епархии под знаком свастики.

На практике богослужение в гарнизонах вермахта, а затем и пастырская деятельность на фронте стали орудием нацистской идеологии. Епископские воззвания Рарковского возвышали фюрера, провозглая его отважным солдатом германского вермахта. Таким образом, нацистам удалось склонить на свою сторону католическую церковь и превратить её в опору рейха.

По мнению прогрессивно мыслящих граждан германского общества, самым действенным средством борьбы было бы введение интердикта (запрета звонить в колокол, совершать торжественное богослужение, обряд благосочетания, похорон по церковному обряду и т. д.). Это свидетельствует о том, как ждали и надеялись люди, что католическая церковь всё-таки выступит с официальным протестом против злодеяний фашизма.

В завершении следует отметить, что среди общей массы служителей культа нашлись католические священники, которые открыто выступили против фашизма. Это Бернгард Лихтенберг, Альфред Дельна, Макса Иозеф Мецгер и многие другие.

1. Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. – М., 1978.
2. Бланк А.С. Старый и новый фашизм. – М., 1982.
3. Галкин А.А. Германский фашизм. – М., 1989.
4. Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: аппарат насилия в нацистской Германии 1933-1945 гг. – М., 1988.
5. Шиллер У. Взлет и падение третьего рейха. – М., 1991.

БАУХАУЗ – ВЫСШАЯ ШКОЛА АРХИТЕКТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Немецкий Баухауз – Высшая школа архитектуры и художественного конструирования существовала недолгое время: с 1919 по 1933 годы. Первое время, до 1925 года, она располагалась в городе Веймар, затем переехала в город Дассау (Германия).

По своей структуре Школа Баухауз состояла из двух отделений: архитектуры и художественного конструирования. Такая структура школы была предложена руководством учреждения во главе с её директором В. Гропиусом, который в педагогических целях стремился возродить ремесленное производство, чтобы учащиеся в процессе учебы могли постигать все тонкости художественного мастерства.

На отделении художественного конструирования имелось несколько мастерских, которые занимались изготовлением мебели, декораций и костюмов для театров, обработкой металлов и некоторыми другими видами художественного творчества.

В настоящей статье особое внимание хочется уделить художественной мастерской по обработке металла, возникшей в Баухаузе в конце 1920 года. Необходимое оборудование для мастерской было приобретено в закрывшейся во время Ноябрьской революции 1918 года придворной ювелирной мастерской. Однако оно было несколько примитивным, и летом 1922 года Высшая школа приобрела профессиональное оборудование по обработке металлов на деньги, полученные в кредит от Веймарского муниципалитета, который решил поддержать производственную деятельность мастерской. Согласно заведённому в школе порядку, мастерской руководили два человека: один мастер отвечал за художественную часть, то есть за работу с формой изделия, а мастер технического курса – за выработку практических навыков у тех, кто обучался здесь профессии.

Когда Баухауз находился в Веймаре (1919-1925 годы) руководители обоих курсов постоянно менялись. О деятельности ювелира В. Шаббона, которого сразу после открытия мастерской пригласили на должность технического наставника, сведений никаких не осталось. Как и о его последователе А. Копке, сменившем его на должности в апреле 1921 года, в архивных документах известно только то, что он был уволен за профессиональную непригодность через полгода.

В апреле 1922 года, с приходом опытного ювелира К. Делли, окончившего Академию рисунка в Ханау, мастерская начала нормальное функционирование. Руководителем, отвечавшим за форму изделий школы Баухауз, считался И. Иттен – автор знаменитого вводного курса школы. Однако его дважды заменяли художники: П. Клее (на летний семестр 1922 года) и О. Шлеммер (на зимний семестр 1922-1923 годов), а после ухода последнего из Баухауза, в апреле 1923 года, данное место занял Л. Моголи-Наги – венгерский живописец и фотограф. После его прихода в мастерских дела пошли успешно. Все перечисленные мастера были успешными художниками и наставниками, которые могли обучать своему ремеслу учеников школы Баухауз.

На данном этапе художественной деятельности мастерской Баухауз все работы велись вручную. Все умения и навыки изучались по учебной программе, которая учитывала и ювелирную технику чеканки, гравировку, травление, эмальерное дело, золочение, серебрение, ковку, литье, слесарное и токарное дело. В учебный план входила и техника обработки материалов, таких как дерево, слоновая кость, стекло, полудрагоценные камни и янтарь, а также различные пластмассы.

Изделия тех лет были очень просты, в основном это были предметы быта – чайники, самовары, сахарницы, конфетницы, шкатулки, банки для хранения сыпучих продуктов, пепельницы, но формы и дизайн были очень выразительны, с чёткими силуэтами – ручки, крышечки, носики имели очень оригинальные очертания. В обработке поверхностей металлических изделий использовали такие техники как ковка и чеканка (рис. 1,2,3).

В ассортименте изделий из металла форма представлялась сочетанием простейших геометрических тел, таких как куб, шар, конус, сохраняя при этом выразительность и строгость (рис. 3,4).

Отдельно хочется сказать о таких ювелирных украшениях как кулоны, перстни, а также других художественных ценностях, изготавливаемых в мастерской под руководством выходца из России Н. Слутски. Эти изделия производят художественный эффект за счёт простоты и выразительности форм, а также изысканности материалов и их сочетаний (рис. 5,6,7).

Расцвет художественного мастерства Баухауз приходится на период переезда из Веймара в Дессау (1925-1928 годы), когда руководителем являлся Л. Моголи-Наги, который был не только талантливым мастером своего дела, но и замечательным педагогом, работавшим в тесном содружестве с бывшей учащейся этой школы М. Брандт. Данное сотрудничество продолжалось до июля 1929 года. Следующим директором Баухауз в апреле 1928 года стал Г. Майер, который сменил В. Гропиуса.

Архивные данные говорят, что на должности технического мастера были: В. Виртс (1926 год), Р. Шварц (1927 год), а также Л. Шэфтер, который работал в мастерской вплоть до закрытия школы в Дессау в 1932 году.

Именно в этот период, мастерская, располагавшаяся ранее в помещении старого склада, переехала в комфортабельный учебный корпус нового здания Баухауза. Работа школы не прекращалась, а, наоборот, благодаря поддержке предприятия «Junkerswerke» было приобретено новое оборудование. Сразу после переезда в Дессау, обучение разделилось на учебное и производственное. Учебные изделия, выполненные учащимися и сотрудниками, становились материалом для серийного промышленного производства.

Однако именно в Дессау из прежнего ассортимента исчезают ювелирные изделия, изготовлением которых занимался Н. Слутски, отказавшийся переехать, а также культовые изделия Й. Иттена, ушедшего из школы в 1923 году. С уходом Й. Иттена, недовольного тем, что среди сотрудников возник интерес к оформлению изделий промышленного производства, сменился и программный курс школы. Ремесленный способ производства уступил место индустриальному. Итогом нового курса, взятого Баухаузом, стало возникновение ремесленной ювелирной мастерской, изготавливавшей изящные украшения и предметы быта. Впоследствии она превратилась в лабораторию по разработке типовых изделий для массового промышленного производства. Изделия данного периода отличались безукоризненно гладкими, полированными до блеска поверхностями фабричной обработки (рис. 8,9,10).

Важнейшей характеристикой вещей того периода стала функциональная обусловленность формы. Главным выразительным средством являлась чистая линия силуэта, в разработке которой мастера школы добились невиданных высот. Изысканное сочетание простых геометрических форм, влияние конструктивизма способствовали зарождению новой стилистики.

Изменения в кадровой политике вызвали перемены в направлении работы мастерской по обработке металла. В 1929 году её объединяют с мебельной мастерской и мастерской стенописи. Вновь созданной мастерской отделочных работ руководил А. Арндт. Его мастерская становится административной структурой, которая осуществляла координационную деятельность сотрудников по проектированию промышленного производства.

Исходя из ориентации на промышленное производство, первое место было отдано изделиям, стилистически соответствующим интерьерам малогабаритного жилья, таким как осветительные приборы и мебель. Низкая стоимость и простые формы этих изделий принесли Баухаузу всенародное признание и коммерческий успех.

В 1930 году школу возглавил новый директор Мисом ван дер Роэ. Особых изменений в работе школы не произошло. Только в 1932 году начал работу цех строительного металла, созданный для обеспечения архитектурного отдела школы. Спустя несколько месяцев школа в Дессау закрылась. Свою деятельность Баухауз ненадолго возобновил в Берлине, но, так и не возобновив работу ни одной мастерской, прежнего успеха не достиг.

В заключение статьи хотелось бы сказать о том, что наследие баухаузовских изделий из металла до сих пор является основой современного дизайнерского стиля. Многие художники используют в своих разработках не только их оригинальные формы, но и способы изготовления изделий из металла, применённые в этой школе.

Рис. 1

Рис. 2

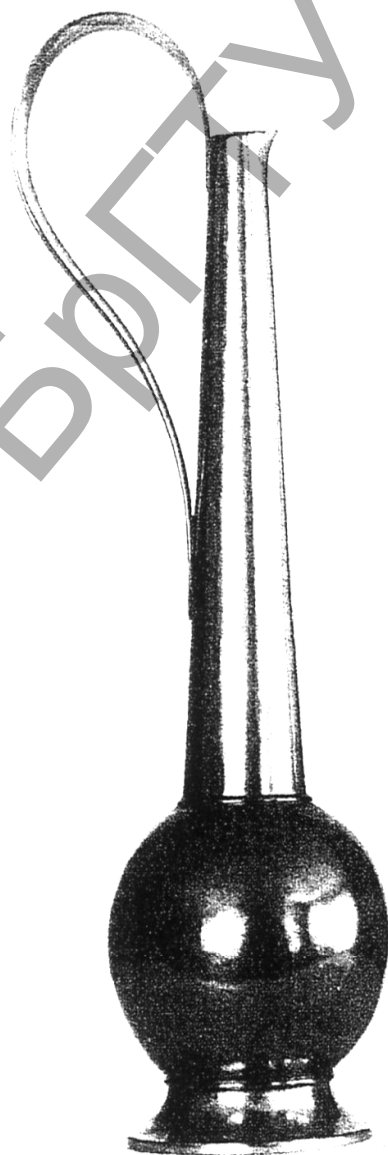

Рис. 3

Рис. 4

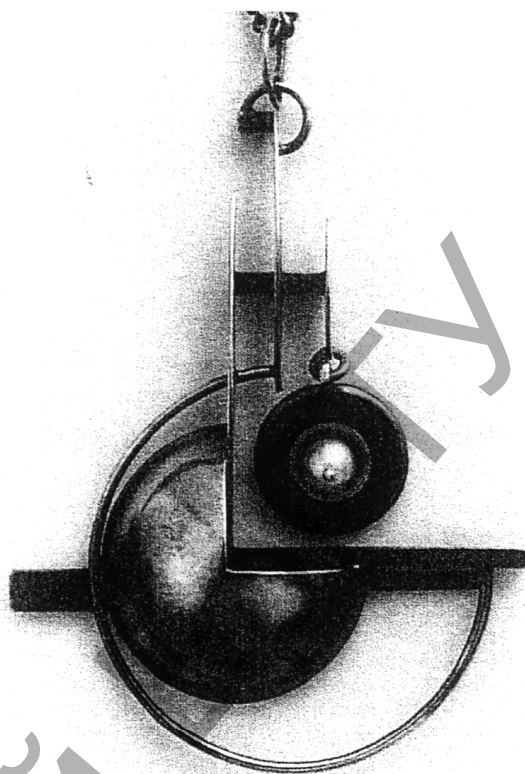

Рис. 5

Рис. 6

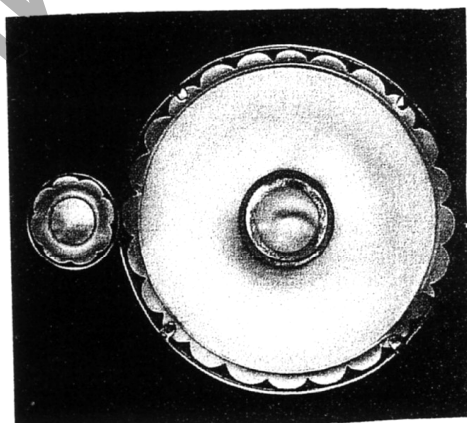

Рис. 7

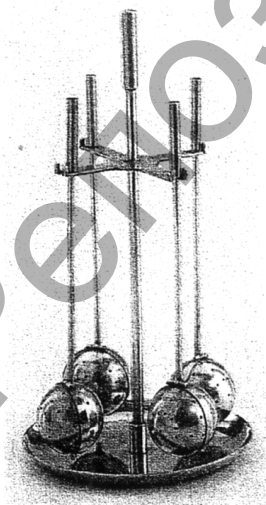

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

РАЗДЕЛ IV. ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Бадюков А. Ф. (ГрГУ им. Я. Купалы, г. Гродно)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЕРМАНИИ

Германия занимает первое место в Европе и третье в мире (после США и Японии) по объёму валового внутреннего продукта. Объём ВВП ФРГ составляет почти 30 % суммарного объёма валового внутреннего продукта стран – членов ЕС (Франции – 21,5 %, Италии – 17,8 %, Испании – 9,8 %.) Однако темпы экономического роста ФРГ в последние годы были ниже темпов роста экономики большинства стран Европейского союза.

В результате победы ХДС на выборах в Бундестаг 18 сентября 2005 г. пост канцлера ФРГ заняла Ангела Меркель, а незначительный перевес, с которым была одержана победа, привёл к необходимости формирования нового правительства Германии на основе «большой коалиции» (ХДС/ХСС и СДПГ), которая уже находилась у власти в Германии в 1966-1969 гг. Ситуация конца 60-х гг. характеризовалась динамичным экономическим ростом, но, с другой стороны, современные проблемы германской экономики отчасти являются следствием проводившейся тогда экономической политики.

За три года правления «большой коалиции» в конце 60-х гг. в экономической политике ФРГ произошли серьёзные изменения, последствия которых ощущаются и по сей день. Эксперты относят к ним, прежде всего, веру в способность государства эффективно управлять развитием конъюнктуры. Для финансирования подобной экономической политики необходимо было увеличить расходную часть бюджета ФРГ. Финансирование возросших расходов потребовало увеличения налогов, высокий уровень которых большинство экспертов относит к важнейшим проблемам экономики ФРГ.

В подготовленном в июле 2005 г. Союзом немецкой промышленности (BDI) докладе «Инвестиции и производство в Германии» рекомендован ряд приоритетных направлений экономической политики для нового правительства ФРГ, которые, по мнению представителей немецкого бизнеса, смогут стимулировать экономический рост. Среди них: инвестиции в НИОКР, содействие инновациям, реформы налогообложения, модернизация рынка труда и социального обеспечения, развитие транспортной инфраструктуры, улучшение энергосбережения, повышение экономической эффективности охраны окружающей среды, создание благоприятствующих экономическому росту правовых условий, совершенствование системы федерального управления, повышение конкурентоспособности в рамках ЕС, дальнейшая либерализация международной торговли [9, 4].

Анализ предвыборных платформ ведущих политических партий ФРГ показал, что, по мнению Союза немецкой промышленности, в наибольшей степени решению проблем экономики Германии содействовала бы реализация предложений СвДП. Однако в «большую коалицию» эта партия не вошла, поэтому в коалиционном договоре были закреплены предложения СДПГ и ХДС/ХСС.

Представителями немецких деловых кругов и средствами массовой информации коалиционный договор был оценен весьма критически, причём оценки прессы были более резкими. Так, британская «Financial Times» считает новое правительство ФРГ «более красным, чем предшествовавшую ему красно-зелёную коалицию» (СДПГ и «зелёных») [9, 5].

Критика связана, в первую очередь, с тем, что канцлер от ХДС, несмотря на положения своей предвыборной программы, например, по снижению некоторых налогов, начинает с повышения основных налогов с 1 января 2007 г.: НДС с 16 до 19 % и подоходного (на доходы свыше 250 тыс. евро) – до 45 % (предложение СДПГ), с недостаточно решительных мер по сокращению расходов госбюджета и, в основных чертах, продолжает кейнсианскую экономическую политику.

В январе 2006 г. новое коалиционное правительство ФРГ в основном договорилось о деталях программы, направленной на стимулирование роста экономики, стоимость которой составит примерно 25 млрд. евро. Её цель – дать дополнительный толчок развитию германской экономики в ближайшие годы. Новый канцлер ФРГ А. Меркель на заседании кабинета выразила уверенность в том, что намеченные меры приведут к росту экономики и созданию новых рабочих мест и, следовательно, к сокращению безработицы. Одновременно с федеральным центром вышеуказанную программу будут финансировать также земли и органы местного самоуправления.

Однако, по мнению экспертов, повышение налогов окажет отрицательное влияние на экономический рост в ФРГ. Впервые за относительно продолжительный отрезок времени ведущие исследовательские институты ФРГ отмечают оживление экономической конъюнктуры: объём заказов в промышленности возрос в сентябре 2005 г. по сравнению с соответствующим месяцем предыдущего года почти на 8 %, а инвестиции в производство машин и оборудования во II квартале 2005 г. увеличились более чем на 5 %.

Летом 2006 г. ведущие конъюнктурные институты ФРГ опубликовали совместный прогноз развития немецкой экономики в 2006 г. и 2007 г., согласно которому реальный валовый продукт Германии в текущем году увеличится на 1,8 %, а в будущем – на 1,2 % (в 2005 г. он возрос лишь на 0,9 %) [4, 4]. Основной причиной ожидаемого замедления роста немецкой экономики в будущем году эксперты считают планируемое в 2007 г. повышение налога на добавленную стоимость.

Менее оптимистичный прогноз роста ВВП даёт правительство ФРГ. Оно ожидает в 2006 г. прирост ВВП не более чем на 1,7 %. Международные экономические организации прогнозируют прирост германского ВВП в 2006 г. в среднем на 1,7 %, в 2007 г. – на 1,4 %. Однако разброс их прогнозов довольно большой [7, 5].

Решающее значение для ускорения в 2006 г. по сравнению с 2005 г., полагают аналитики, имеет тот факт, что немецкий бизнес, независимо от внешнеэкономической конъюнктуры и политики правительства, использовал застойные годы для того, чтобы теперь работать более эффективно, чем в период 90-х гг. Во-первых, немецкие концерны провели реструктуризацию и переместили часть своего производства в страны с более дешёвой рабочей силой, во-вторых, они сократили часть сотрудников и «заморозили» заработную плату, в-третьих, в последние 6 лет расходы по заработной плате на единицу продукции в ФРГ оставались стабильными, в то время как в других странах Еврозоны они выросли в среднем на 16 %. В результате немецкая экономика стала более конкурентоспособной [10, 16].

Экспорт является «локомотивом» экономики ФРГ. Но в 90-е гг. темпы роста экспорта из Германии были в 2 раза ниже среднемировых и на 30 % ниже средних по Евросоюзу. В результате доля Германии в мировом экспорте упала с 12 % в 1990 г. до 8,7 % в 2000 г. Начиная с 2001 г., конкурентоспособность германских товаров повышается, темпы роста германского экспорта растут. В 2003 г. ФРГ по экспорту товаров опережает США и выходит на первое место в мире, в 2004 г. рост товарного экспорта достигает 22 %, а его доля в мировом достигает 10 %. В 2005 г. рост экспорта составил 7 %, замедление объясняется главным образом тенденциями в изменении валютных курсов [1, 16].

Бюджетная политика нового правительства ФРГ предусматривает снижение дефицита государственного бюджета с 3,3 % в 2005 г. до 3 % в 2006 г., что, в принципе, соответствует условиям Маастрихтского договора. В 2005 г. Германия четвёртый год подряд нарушила критерии соглашения о введении единой валюты, что грозило крупными денежными штрафами со стороны ЕС. Поэтому новое правительство проводит жёсткие меры по сокращению бюджетных расходов и увеличению доходов. Планируется в 2006 г. сократить бюджетные расходы на 10 млрд. евро, отменить ряд налоговых льгот (5 млрд.), продать государственную собственность (10 млрд.). По заявлению министра финансов ФРГ П. Штайнбрюка, в ближайшие четыре года за счёт приватизации государственной собственности правительство надеется выручить около 54 млрд. евро [3, 5].

Политика в отношении новых федеральных земель, по планам нового правительства ФРГ не претерпела особых изменений: в коалиционном договоре содержатся положения о «вкладе в выход новых федеральных земель на уровень развития, позволяющий поддерживать экономический рост собственными силами». Это включает поддержание инвестиций в новые федеральные земли на высоком уровне «для сохранения существующих и создания новых рабочих мест». Новым землям по-прежнему будет уделяться первостепенное внимание в региональной политике ЕС.

Реализация положений коалиционного договора по транспорту, НИОКР и энергетике (25 млрд. евро) в связи с ожиданиями увеличения объема заказов создает дополнительные стимулы роста. Предполагается увеличить расходы на НИОКР до 3 % ВВП к 2010 г. В развитие транспортной инфраструктуры планируется инвестировать 4.3 млрд. евро. Энергетическая политика осталась без изменений, а расходы на развитие альтернативных источников энергии увеличены до 2,3 млрд. долл.

Целью нового правительства в политике занятости объявлено сокращение безработицы, для достижения этой цели предлагается комплекс мер, включающий содействие экономическому росту, снижение расходов на оплату труда (это позволит создать новые рабочие места) и на пособия по безработице.

Для улучшения положения молодежи на рынке труда планируется продолжить реализацию «Национального пакта подготовки специалистов в Германии», в том числе обеспечить 30 тыс. новых мест путём профессиональной подготовки и 25 тыс. мест посредством повышения квалификации на предприятиях. Модель «комбинированного вознаграждения», позволяющая совмещать меньшее пособие по безработице с зарплатой за неквалифицированный труд, затронет интересы 2 млн. человек.

Описанные меры, как и положение, по которому лица, не являющиеся гражданами одной из стран ЕС и ищущие работу в ФРГ, не могут претендовать на пособие по безработице, направлены на уменьшение средств в рамках программ социального страхования в ФРГ. Это позволит сократить бюджетные расходы на данные программы, снизить налоги, необходимые для их финансирования. Так, отчисления в фонд страхования по безработице с 1 января 2007 г. планируется снизить с 6,5 до 4,5 % [9, 6].

В результате оживления общехозяйственной конъюнктуры и принятых мер эксперты ожидали снижения уровня безработицы в ФРГ с 11,7 % в 2005 г. до 10,6 % в 2006 г. и 10,2 % в 2007 г. Число безработных, согласно их прогнозам, уменьшится с 4,458 млн. человек в текущем году до 4,44 млн. в 2007 г. [4, 4].

Политика коалиционного правительства в области европейской интеграции включает предложения по дальнейшей либерализации внутреннего рынка ЕС, повышению эффективности институтов Евросоюза и конкурентоспособности производимой в ЕС промышленной продукции, уменьшению бюрократизма и повышению роли ЕС в развитии технологий, в частности увеличению расходов на НИОКР в бюджете ЕС.

Применительно к либерализации международной торговли ФРГ заинтересована в укреплении ВТО, снижении тарифных и нетарифных барьеров, снятии ограничений в торговле услугами, поддержке немецких фирм в условиях глобализации.

Таким образом, заключают аналитики, совокупность факторов оживления конъюнктуры и экономической политики будет стимулировать внутренний спрос. Однако дополнительный спрос, вызванный вышеуказанными факторами, в 2007 г. может обернуться снижением спроса. В результате, экономический рост в 2007 г. снова замедлится. Повышение НДС приведёт к заметному росту цен. По прогнозу, темпы инфляции вырастут с 1,8 % в 2006 г. до 2,5 % в 2007 г. Отдельные немецкие аналитики опасаются того, что происходящее в 2006 г. ускорение экономического роста может оказаться «кратковременной вспышкой», которая в 2007 г. погаснет из-за падения спроса. «Мы все надеемся на долговременный подъём, – заключают они, – но обстоятельства таковы, что ожидать его с уверенностью нельзя» [10, 16].

1. ВТО о развитии мировой торговли в 2005 г. и 2006 г. // БИКИ. – 2006. – № 52.
2. ГЕРМАНИЯ – О состоянии экономики страны // БИКИ. – 2006. – № 94.
3. Германские эксперты об энергоёмкости экономики ФРГ и других развитых стран // БИКИ. – 2006. – № 6.
4. Конъюнктурные институты ФРГ о ближайших перспективах экономики Германии // БИКИ. – 2006. – № 70.
5. О перспективах экономического развития стран Западной Европы // БИКИ. – 2006 – № 49.
6. О степени государственного регулирования экономики Германии // БИКИ. – 2006. – № 13.
7. ОЭСР о положении в мировой экономике // БИКИ. – 2006. – № 83.
8. ОЭСР о прямых иностранных инвестициях в 2005 г. // БИКИ. – 2006. – № 88.
9. Ревякин Е. В. Приоритеты экономической политики нового правительства ФРГ // БИКИ. – 2006. – № 11.
10. ФРГ – Признаки оживления экономической конъюнктуры // БИКИ. – 2006. – №10.

ПРИОРИТЕТ ЭКОНОМИКИ ГЕРМАНИИ – ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ

Германия сегодня – одно из высокоразвитых государств в области науки и техники – является примером в области энергоэффективности. Однако, несмотря на свой высокий уровень развития, по данным Немецкого энергетического агентства ГмбХ (Deutsche Energie-Agentur GmbH (Dena)) Германия обладает значительным потенциалом в области экономии энергоресурсов и повышения энергоэффективности.

Энергоэффективность является также основным направлением политики Германии и, в частности, её деятельности в ЕС. Федеральный министр экономики Михаэль Глос (Michael Glos) заявил: «Развитие внешних отношений ЕС в направлении энергетического партнерства является важнейшим для безопасности нашего энергоснабжения... Во время председательства Германии в Евросоюзе в первой половине 2007 года внешние энергетические связи Европы будут важнейшей темой». Активная политика Германии выражается в проводимых на государственном уровне мероприятиях, таких как саммиты, конгрессы, заявления, конференции по проблеме энергоэффективности.

В начале 2006 года Немецким энергетическим агентством (Dena) при поддержке ведущих компаний под предводительством Министерства экономики и технологий (Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie, BMWi) была начата программа «Инициатива по энергоэффективности» (Initiative Energieeffizienz), в которой сформулированы цели и мероприятия, направленные на повышение энергоэффективности. Эта программа соответствует проводимой ЕС политике, которая вызвана, в частности, вопросами безопасности снабжения российским газом, ростом цен на европейской энергетической бирже, предстоящим снижением выбросов CO₂ и многими другими. Так как энергия является стратегическим ограниченным продуктом, её использование влияет не только на экономическую жизнь общества. На основании этого в марте 2006 года в ЕС начаты две важнейшие инициативы, направленные на максимально эффективное использование энергии: «Зелёная книга европейской стратегии для продолжительной, конкурентоспособной и безопасной энергетики», в которой даны предпосылки для обновления европейских энергетических отношений; директива Совета министров ЕС «Эффективность конечных потребителей энергии и сферы обслуживания», которая предусматривает 9 %-ю экономию электроэнергии для Европы к 2017 году.

В общей программе повышения энергоэффективности в Германии выделяются три отдельных направления.

Первое направление – это повышение эффективности использования электрической энергии в домашнем хозяйстве. Идеи энергосбережения пропагандируются особенно широко в молодёжной среде. Немецким энергетическим агентством (Dena) объявлен конкурс среди молодёжи 12–16 лет на лучший Интернет-сайт на тему эффективного использования электроэнергии в домашнем хозяйстве «Stand-by». Опрос общественного мнения, проведённый Обществом социальных исследований и статистического анализа (forsa Gesellschaft für Sozialforschung und statistische Analyse mbH) 31 июля – 1 августа 2006 года, показал, что 88 % опрошенных видят наибольший потенциал экономии электроэнергии именно в области домашних хозяйств; 74 % – в промышленности; 72 % – в области строительства и эксплуатации зданий и 53 % – в области транспорта. На вопрос «Что Вы связываете с темой «энергоэффективность?» ответы распределились следующим образом: 88 % – «снижение цен»; 77 % – «новые технические разработки»; 74 % – «приобретение новой техники»; 69 % – «охрана окружающей среды»; 56 % – «отказ от чего-либо» и 35 % – «трата времени». Ничего не ответили или отказались от ответа лишь около 1 % опрошенных. Приведённые результаты свидетельствуют об активной позиции и информированности граждан Германии в области энергоэффективности.

Второе направление программы «Инициатива по энергоэффективности» – это энергоэффективность в сфере обслуживания. Эта область охватывает всевозможную компьютерную, копировально-множительную и прочую офисную технику, используемую в многочисленных современных бюро. Потенциал энергосбережения до 2010 года в этой области оценивается в 35 %. Основные мероприятия в этом направлении – внедрение новой эффективной техники, её

автоматическое отключение при простое и сознательное поведение пользователей. При выборе оборудования пользователь должен учитывать в первую очередь различное потребление энергии оборудованием, обладающим аналогичными функциями. Для информирования пользователей служит ресурс www.office-topten.de, где проводится перечень наиболее энергоэффективной техники. Дополнительно тут можно в режиме on-line получить консультацию специалиста по проблеме эффективного использования офисной техники.

Повышение энергоэффективности в промышленности является третьим направлением программы «Инициатива по энергоэффективности». Потенциал экономии энергоресурсов в данной отрасли оценивается в 25 – 30 %. Особенно перспективны в этом отношении системы вентиляции, насосные установки и другое оборудование, оснащённое электроприводом.

Отдельный проект Немецкого энергетического агентства ГмБХ «Дом будущего» (Zukunft Haus) направлен на повышение энергоэффективности в сфере строительства. Примером внедрения новых энергосберегающих технологий в этой области может служить построенный в Мюнхене жилой дом из вакуумных теплоизоляционных панелей. Данная технология позволяет увеличить полезную площадь здания на 10 % при неизменных теплотехнических характеристиках.

В области производства и хранения энергии большой интерес представляет проект подземного сезонного аккумулирования тепла для тепло- и холодоснабжения комплекса правительственных зданий Рейхстага. Проект предусматривает аккумулирование излишков теплоты от мини-ТЭЦ в летний период в подземных водах и использование её в холодный период для обогрева зданий.

Кроме этого, уже продолжительное время в энергетике Германии успешно развиваются такие направления, как использование энергии ветра и солнца; использование биотоплива, водородная энергетика и др.

В то же время происходит переход на технически новый уровень развития традиционных источников энергии: проектируемые и строящиеся в настоящее время электростанции на угле имеют минимальный уровень выбросов CO₂ (на 30 % ниже существующих), а к 2014 году планируется постройка угольной электростанции мощностью предположительно 450 МВт, работающей без выбросов углекислого газа.

Девиз Министерства экономики и технологий Германии (ответственного министерства в области энергетической политики) – «Экономичность, надёжность снабжения и экологическая безопасность» – исчерпывающим образом определяет повышение энергоэффективности как приоритетное направление развития экономики Германии.

Яловая Н. П., Бурко О. П. (БрГТУ, г. Брест)

НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Экологическая политика Германии, как и других индустриально развитых стран, уже в конце 60-х годов XX века чётко отражала усилия, направленные на снижение загрязнения окружающей среды, связанного с энергоснабжением. В 70-е и 80-е годы XX века основное внимание уделялось снижению так называемых «классических», вредных для атмосферы веществ. В 90-х годах XX века и на современном этапе в число важнейших пунктов этой политики добавился пункт «Защита климата».

Экологическая политика Германии развивалась по 4-м направлениям:

1. Политика высоких труб.
2. Очистка выбросов загрязнений в конце технологического процесса.
3. Экологически чистое производство при минимальном потреблении энергии, ресурсов и минимизации эмиссии (выбросов).
4. Экологически чистое производство с безотходной технологией и утилизацией отходов.

В 70-е и 80-е годы XX века в Германии при реализации направлений «политики чистой воздушной атмосферы» удалось значительно снизить её загрязнение оксидами серы, азота, углеводородами, пылью и угарным газом. Постановление в отношении крупных и малых котельных, техническое руководство по предотвращению загрязнений воздуха атмосферы, внедрение автомобилей с низким уровнем выброса вредных веществ и использование бензина без свинца, снижение содержания серы в мазуте и дизельном топливе – вот основные этапы на пути радикального улучшения качества воздуха.

В период с 1970 по 2000 годы, несмотря на рост производства валового продукта в стране на 60 %, эмиссия в атмосферу снизилась с 3,75 млн. т до 0,94 млн. т (\approx на 75 %). Это удалось достигнуть за счёт:

- оборудования электростанций установками сероочистки дымовых газов;
- использования угля с низким содержанием серы и снижение содержания серы в лёгком и тяжёлом жидком топливе.

За тот же период на территории Германии снизилась эмиссия пыли на 65 %, главным образом за счёт внедрения пылеуловителей на электростанциях, и эмиссия угарного газа – на 43 %. Такой результат был достигнут за счёт усовершенствования отопительных установок согласно постановлению по малым котельным (мощностью менее 1 МВт для частного жилого сектора и мелких предприятий) и благодаря регулированию в законодательном порядке норм на выхлопные газы дорожного транспорта.

Эмиссия летучих органических соединений (ЛОС), связанная, прежде всего, с работой транспорта, за период с 1970 по 2000 гг. снизилась на 12 % за счёт ужесточения норм на выхлопные газы автомобилей. Не наблюдалось только снижения эмиссии оксидов азота (NO_x). Она возросла на 10 %. Причиной этого в основном явился рост интенсивности движения транспорта.

Несмотря на значительное сокращение эмиссий за счёт внедрения установок очистки дымовых газов от NO_x на электростанциях, а также за счёт внедрения регулируемого катализатора на легковых автомобилях и мероприятий по снижению эмиссии на грузовых автомобилях, выброс оксидов азота в целом возрос.

В вопросе снижения загрязнения окружающей среды, связанного с производством электроэнергии, особенно действенным оказалось «Постановление от 1983 г. в отношении крупных котельных». Начиная с 90 гг. XX века в Германии наблюдается резкое снижение эмиссии оксидов серы и азота, связанное с переоборудованием электростанций. Всего за этот период на установки очистки дымовых газов энергетическими концернами Германии инвестировано 22 млрд. DM. Снижение эмиссии пыли на электростанциях было достигнуто уже в 60-е и 70-е годы XX века, поэтому в 1983 г. её значения находились на весьма низком уровне.

Успехи «экологической политики чистой воздушной атмосферы» в Германии достигнуты, в основном, путём проведения «Политики высоких труб» и предписания предельно допустимых норм на эмиссию и имиссию (выпадение атмосферных осадков с вредными веществами), которые привели к внедрению так называемой «End-of-the-Pipe-Technologien» – очистки газов в конце технологического процесса, которая характеризует роль установок очистки дымовых газов от оксидов азота и серы, пыли, роль катализаторов для выхлопных газов и т. д., располагающихся после производящей технологической цепочки. В настоящее время, как и прежде, эти дополнительные установки играют большую роль в политике защиты окружающей среды. Например, в настоящее время пересматривается «Постановление в отношении малых котельных» для приведения его в соответствие с уровнем современной техники и достижения дальнейшего снижения эмиссии в области частного сектора и малых предприятий.

Следующим примером является снижение эмиссии летучих органических соединений (ЛОС) при розливе топлива и при заправке автотранспорта, где за счёт внедрения предписаний по уменьшению утечек должно быть достигнуто дальнейшее снижение загрязнения окружающей среды ЛОС-веществами.

При решении задач по защите климата, в отличие от классической задачи защиты окружающей среды от выбросов вредных веществ, требуется совершенно иной подход, так как неразумно снижать выброс в атмосферу диоксида углерода (CO_2) за счёт специальных уловителей.

Более реальным при этом является снижение или устранение эмиссии CO_2 , возникающей при сжигании ископаемого топлива, например, за счёт рационального и экономного расходования энергии, а также замены топлива с богатым содержанием углерода на топливо с его бедным содержанием.

К числу газов, существенно влияющих на климат, наряду с CO_2 , относятся метан (CH_4) и диоксид азота (NO_2), а также слабо влияющие на климат вредные оксиды азота (NO_x), летучие органические соединения и угарный газ (CO), являющиеся предшественниками парникового газа CO_2 .

Эмиссия классических вредных веществ (SO_2 , NO_x , VOC , CO , пыли) может быть снижена двумя путями:

во-первых, за счёт снижения объёмов сжигаемого ископаемого топлива;

во-вторых, за счёт улучшения технического состояния их уловителей, включая фильтры.

Для стран Восточной Европы, где загрязнение атмосферы классическими вредными веществами ещё сравнительно велико, снижение выбросов CO_2 и заблаговременная забота о климате имеют два положительных эффекта. Снижение эмиссии CO_2 достигается, прежде всего, за счёт экономии энергии и повышения эффективности её использования. Дополнительного эффекта по снижению этой эмиссии можно достигнуть путём правильного выбора энергоносителей. В этом плане удаётся достигнуть снижения выброса загрязнений путём замены энергоносителей с богатым выделением CO_2 на энергоносители с бедным выделением CO_2 или же без выделения. При этом особенно важно, чтобы со временем регенерируемая энергия (энергия солнца, воды, ветра, растительного топлива) обеспечила бы большую часть энергоснабжения. Прогресс в этом направлении даёт то преимущество, что к снижению концентрации вредных веществ в воздухе за счёт установок очистки дымовых газов добавляется так называемый «эффект поглощения загрязнений растениями».

Главным виновником проявления «парникового эффекта» является диоксид углерода (CO_2), обеспечивающий его рост в мировом масштабе на 50 %. Он неизбежно возникает при сжигании таких ископаемых горючих веществ, как уголь, нефть и газ. В настоящее время в мировом масштабе доля энергоснабжения за счёт ископаемых энергоносителей составляет около 90 %. В Германии ими обеспечивается около 85 % энергоснабжения. В мировом объёме эмиссии CO_2 на долю Германии приходится около 4 %, что соответствует выбросу в атмосферу около 22 млрд. т CO_2 ежегодно.

В период с 1987 по 1993 гг. в Германии было отмечено снижение эмиссии CO_2 с 1060 млн. т до 903 млн. т, которое произошло из-за разрушения хозяйственных структур на новых федеральных землях (бывшей территории ГДР), что привело к резкому спаду производства, снижению числа жителей (-6 %), а также за счёт модернизации индустрии, кустарных предприятий и домашнего хозяйства. Эти данные свидетельствуют о том, что на территории всей Германии были сделаны определённые шаги в направлении ограничения и снижения эмиссии газов, влияющих на климат.

Для снижения эмиссии CO_2 , связанной с производством энергии, правительство Германии уже в 90 гг. XX века разработало Национальную программу снижения эмиссии CO_2 . Её целью является снижение к 2010 г. на 25 % уровня эмиссии CO_2 по отношению к 2000 г. Для реализации этой программы разработан и уже частично внедрён обширный список мероприятий:

в области энергоснабжения:

1. Положение о тарифах на электроэнергию;
2. Поддержка местных и региональных концептов в части энергоснабжения и защиты климата;
3. Закон о потреблении энергии;
4. Средний налог за освещение;
5. Федерально-земельные программы переоборудования теплотрасс в новых землях;
6. Материальная поддержка использования регенерируемой энергии;
7. Материальная поддержка малых и средних фирм-консультаций по энергосбережению;
8. Поддержка форума по энергии будущего;
9. Информация об использовании регенерируемой энергии;
10. Информация о бережном и рациональном использовании энергии;
11. Четвёртое постановление относительно реализации федерального закона по защите от осадков вредных веществ;
12. Снижение налогов;

в области дорожного движения и транспорта:

13. Повышение налога на нефть;
14. Налог за автотранспорт с учётом уровня эмиссии;
15. Федеральный план дорожного движения;
16. Повышение привлекательности общественного транспорта;

17. Постановление по газу;
18. Научная программа «Городское транспортное сообщение»;
19. Регулирование дорожно-транспортного сообщения с целью оптимизации потока транспорта;
20. Информация по энергосберегающим и безвредным для окружающей среды средствам передвижения;
21. Научные разработки по планированию движения городского транспорта и по транспортному движению в городах, щадящему окружающую среду;
22. Реорганизация структуры железной дороги;
23. Создание центров грузового транспорта;
24. Комбинированная транспортировка по водным путям;
25. Научная программа «Вредные вещества от воздушных полётов»;
26. Исследование транспортного движения;
27. Закон о повышении тарифов;
28. Снятие с государств Европейского Сообщества налоговых тарифов на нефть;
29. Налоги на автотранспорт, с учётом эмиссии;
30. Налог за пользование определёнными дорогами;
31. Эмиссия CO₂ на новых автомобилях;
32. Концепт размещения железных дорог Германии;
33. Использование современных средств информации для предупреждения и регулирования дальнейшего роста объёма транспортных перевозок;
34. Введение налога на авиационное топливо;
35. Изменение общего делопроизводства в федеральных министерствах;
36. Введение контроля отрицательных воздействий со стороны транспорта;
37. Перевод интернационального транзитного транспорта с автомагистралей на железнодорожные и водные пути;
- в области строительства зданий:
38. Предложения по изменению постановления по теплоизоляции;
39. Предложения по изменению постановления относительно отопительных установок;
40. Консультации по экономному и рациональному использованию энергии в жилищах (консультации на местах);
41. Закон о материальной поддержке в связи с изменением закона о налогах 1991 г. от 24.06.1991 г. и закона о владении землёй от 13.09.1993 г.;
42. Внедрение программы модернизации жилых помещений;
43. Создание совместных предприятий по программе «Подъём Востока»;
44. Материальная поддержка социального жилищного строительства;
45. Экспериментальное жилищное и городское строительство в соответствии с научной программой «Учёт фактора вредных веществ при городском строительстве»;
46. Закон об упрощении инвестирования и закон об участках под жилищные постройки;
47. Уменьшение препятствий при инвестировании жилищного строительства в случае неясности прав на собственность;
- в области новых технологий:
48. Разработка и внедрение специальной программы по исследованию и технологиям защиты окружающей среды;
49. Исследование и техническое развитие оборудования электростанций и котельных при использовании безвредного для окружающей среды угля;
50. Исследования и разработки для электростанций с газовыми и паровыми турбинами;
51. Исследования и разработки по использованию топлива из растений;
52. Материальная поддержка программы по элементам солнечных батарей;
53. Материальная поддержка исследования ветровых энергетических установок;
54. Дальнейшее внедрение программы «Солнечная энергия 2000»;
55. Исследования по разработке техники, работающей на солнечной энергии;
56. Исследования и разработки в области вторичных энергетических систем, внедряемых как системы, связанные с использованием регенерируемой энергии;

57. Исследования и разработки для рационального использования энергии;
58. Исследования ядерной энергии и исследование надёжности реакторов;
59. Исследование ядерного синтеза;
60. Исследования по термической обработке отходов;
61. Опыты «Производство тепла и электроэнергии на базе растительного сырья»;
62. Геотермия;
- в области сельского и лесного хозяйства:
63. Совместная программа «Улучшение агроструктуры и защита берегов»;
64. Премии за поля под паровые культуры;
65. Улучшение утилизации отходов в животноводстве с целью снижения эмиссии метана;
66. Материальная поддержка экстенсивного сельскохозяйственного производства;
67. Сохранение существующих лесов;
68. Материальная поддержка закладки новых лесных участков;
69. Мероприятия по культивированию леса;
70. Освобождение от налога RME – сложного метилового эфира из рапса;
71. Создание специального агентства по растительным горючим материалам;
72. Разработка проекта Постановления по удобрениям;
- в области утилизации отходов:
73. Постановление по упаковочным материалам;
74. Разработка Технического руководства по бытовым отходам;
75. Безотходное производство и закон об отходах;
76. Улучшение подготовки и повышение квалификации архитекторов, инженеров, техников, мастеров;
77. Программа Немецкого Федерального фонда по окружающей среде (DBU);
78. Инвестиционная программа по снижению загрязнения окружающей среды;
79. Программа защиты окружающей среды;
80. Программа защиты окружающей среды Немецкого компенсационного банка;
81. Программа защиты окружающей среды для граждан: освобождение от платежей при получении дополнительных ссуд для поддержки поставщиков технических средств превентивной защиты окружающей среды;
82. Федерально-земельные совместные задачи «Улучшение региональных хозяйственных структур»;
83. Финансовая поддержка хозяйственных инфраструктур;
84. Консультации по экономному и рациональному расходованию энергии через рабочие группы потребительских союзов;
85. Поддержка консультаций для предпринимателей малых и средних фирм: консультации по энергии и защите окружающей среды;
86. Ориентационные консультации по защите окружающей среды для мелких и средних предпринимателей;
87. Ориентационные консультации по защите окружающей среды для представителей местной власти;
88. Коммунальные кредитные программы;
89. Программа «Чистый атмосферный воздух»;
90. Специальная информация для рационального использования энергии и внедрения растительного топлива;
91. Обучение по вопросу оптимизации программы снижения CO₂;
92. Предложения о порядке определения гонораров для архитекторов и инженеров (HOAI);
93. Системный анализ работ по проекту IKARUS;
94. Составление характеристик окружающей среды.

Программа Федерального правительства по снижению CO₂ основывается на повышении эффективности использования и экономии энергии, т. к. все используемые сейчас энергоносители – бурый и каменный уголь, атомная энергия, мазут, газ и нефть – являются основой энергоснабжения. К 2010 г. более широким и эффективным должно стать использование природного газа, прежде всего в домашнем хозяйстве и на мелких предприятиях. На крупных электростанциях роль природного газа должна возрасти в такой степени, в какой это требуется для повышения эффективности использования топлива и КПД.

Кроме того, в программе намечено заметное расширение использования регенерируемых видов топлива к 2010 году. Сейчас доля регенерируемых видов энергии Германии в общем объёме энергоснабжения составляет чуть больше 2 %. К 2010 г. она должна возрасти в 3-4 раза. Технически хорошо освоено использование энергии ветра и воды, применение солнечных батарей для нагревания воды, использование биологического газа и биомассы. Для внедрения в Германии регенерируемых видов энергии решается вопрос о рентабельности и снижении стоимости нового оборудования за счёт более широкого его производства. В настоящее время с помощью «Закона по электроснабжению» будет поддержано производство электроэнергии за счёт регенерируемых энергоносителей. Согласно этому закону, электроснабженческие фирмы обязаны включать в свои сети ток, вырабатываемый с помощью регенерируемой энергии, и до 90 % его стоимости компенсировать за счёт более дешёвого тока на базе обычных энергоносителей. Кроме того, в прошедшие годы, как на европейском уровне, так и на уровне Федерации, федеральных земель и на местах был принят ряд программ финансирования мероприятий, например, по использованию энергии ветра, по внедрению преобразователей солнечной энергии в электрическую, по использованию солнечных батарей и биомассы.

Таким образом, действующая в Германии экологическая политика направлена на создание энергосберегающего, конкурентоспособного и экологичного производства, снижающего негативное воздействие на окружающую среду, и привлечение восточноевропейских стран к тесному сотрудничеству в области защиты окружающей среды.

1. Пал М. Х. Энергия и защита окружающей среды / Из серии «Практика защиты окружающей среды» / – Падерборн: Изд-во FIT-Verlag. – 2003. – 449 с.
2. Елтышев Ю. Н. Особенности национальной энергетики. Заметки с международно-го форума «Энергия будущего» // Экология и жизнь. – 2005. – №3(44). – С. 21-24.

Головач А. П. (БрГТУ, г. Брест)

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО В ГЕРМАНИИ

Сегодня Германия является одной из самых развитых стран в мире в области водной техники, управления водным хозяйством и охраны окружающей среды. Это касается не только охраны водоёмов, благодаря хорошо оборудованным очистным сооружениям с высоким уровнем подключения потребителей к канализационной сети, но и экономного потребления питьевой воды [1].

В Германии 93,2 % населения подключено к центральной канализационной сети, а 86 % стоков очищается по нормам ЕС, т. е. полностью биологическим путём и, если необходимо – с последующей доочисткой (рис. 1). Неподключенные участки находятся в новых федеральных землях, где в зависимости от федеральной земли не подключено к коммунальной канализационной сети от 10 % (Тюрингия) до 25 % (Бранденбург) населения. Есть неподключенные участки также и в сельских районах Германии. Но и там отвод сточных вод налажен через выгребные ямы с регулярным вывозом фекалий и их последующей обработкой. Всего в Германии существует около 445700 км коммунальной канализации, из них 51 % общесплавной, через которую одновременно отводятся хозяйственно-бытовые и поверхностные стоки. Наряду с коммунальной канализационной сетью есть канализационная сеть, находящаяся в частной собственности, например, на крупных промышленных предприятиях. Канализационная сеть постоянно обновляется – менее 20 % канализационных сетей находятся в эксплуатации больше 50 лет. Задачей будущего в Германии является санирование и модернизация существующих сооружений, поскольку все необходимые канализационные трубопроводы и очистные сооружения в основном уже построены.

В Германии очень высокое качество питьевой воды. Соблюдение строгих норм качества питьевой воды, согласно закону, контролируется государством. Ответственность за это возложена на региональные службы здравоохранения. Независимо от формы организации водоснабжения все расходы на питьевое водоснабжение покрываются за счёт цены на воду. Включая прочие тарифы (плата за счётчик и землю), цена на воду в Германии составляет сегодня примерно 1,73 евро за м³.

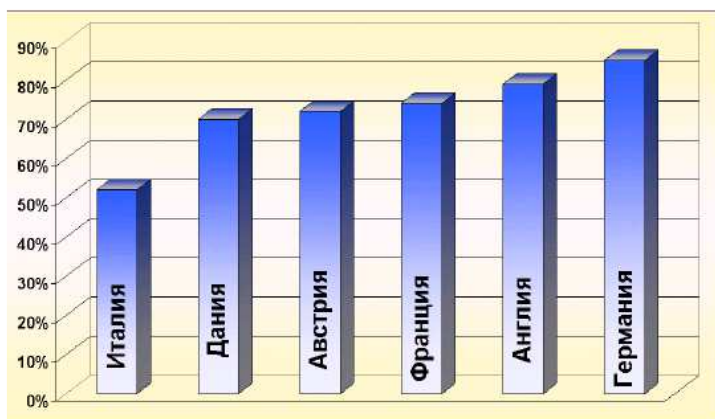

Рис.1. Уровень подключения к системе полной биологической очистки стоков в % в сравнении по ЕС

В расширение и обновление сетей коммунального водоснабжения за последние 10 лет в среднем вкладывалось ежегодно примерно 2,5 млрд. евро. Существующие водораспределительные сети планировались на базе прогноза потребности в воде, который исходил из постоянного её роста. Однако этот рост не наступил. Начиная с 1990 года, наблюдается снижение расхода воды почти на 20 %. Одна из причин – стремительное развитие ресурсосберегающих технологий и техники: экономные в расходе воды моечные и стиральные машины, туалеты с дозированной подачей воды, биде, души и арматура умывальников, а также всё большее использование поверхностных и коммунально-бытовых сточных вод. В промышленности широко применяются эффективные с точки зрения водопользования технологии, устраивают системы замкнутого водоснабжения или исключают воду из производственных процессов. Усиливают данный эффект мероприятия, предпринимаемые предприятиями водоснабжения по снижению утечек во внешней сети – они составляют примерно 9 % (это самый низкий показатель в Европе (см. рис. 2).

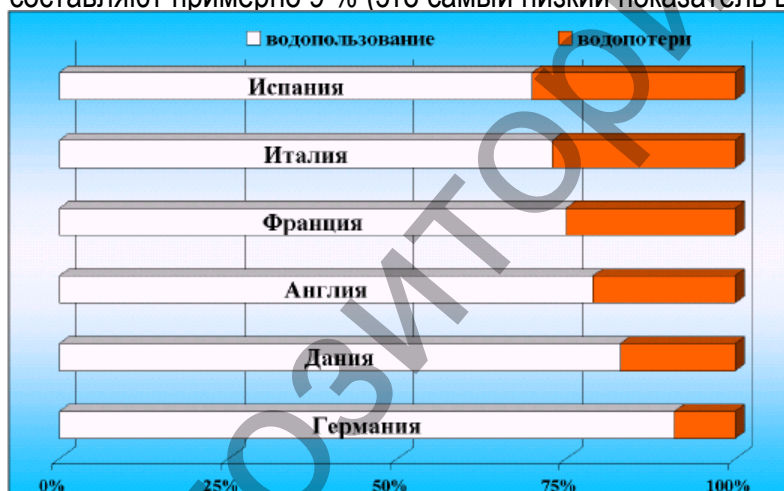

Рис. 2. Водопотери по данным ООН

Расход воды в домашнем хозяйстве составляет сегодня 130 л на человека в день. От общего расхода большая часть приходится на гигиену (36 %) и на смыв в туалетах (27 %), для питья и приготовления пищи требуется около 4 % питьевой воды.

Расход воды в стиральных и моечных машинах в последние годы резко сократился. В то время как стиральные машины в середине восьмидесятых годов расходовали от 100 до 120 литров на одну стирку, в современных моделях расход составляет 40–70 литров на стирку. В моечных машинах расход воды снижен в среднем до 17 литров на один процесс мойки, в самых экономных машинах – даже до 15 литров. Сокращение расхода воды ведёт к снижению затрат на энергию, так как нужно нагревать меньше воды.

Расход воды может значительно колебаться в зависимости от конструкции и оснащения санитарно-технической арматуры умывальников и душа. Арматура с двумя рукоятками для отдельного регулирования холодной и горячей воды имеет существенный недостаток – продолжительность регулирования смешанного потока. Эту арматуру постепенно заменяют со-

временными одноходовыми смесителями. Преимущество одноходовых смесителей в том, что установка и регулирование происходит быстрее. Воду одним движением вентиля можно отключить и вновь включить без изменения выбранной температуры. Многие виды современной арматуры имеют встроенный ограничитель подачи воды, который снижает расход без заметной потери комфорта, например, в новой арматуре умывальника он сокращается до 6 литров в минуту. Значительное сокращение расхода воды и быструю амортизацию приносит бесконтактно действующая санитарно-техническая арматура, устанавливаемая, прежде всего, в административных зданиях и общественных учреждениях.

В процессе роста экологического сознания в Германии, стране богатой водными ресурсами, вот уже 20 лет расширяется использование дождевой воды взамен питьевой. Необходимая техника, особенно использования дождевой воды для смыва в туалетах, достигла за прошедшие годы высокого уровня технического развития. Успешное использование дождевой воды осуществляется, например, в десяти общественных учреждениях в г. Гамбурге, Франкфуртском аэропорту и радиостанции Гессен, на UFA предприятии кино- и TV- продукции в Берлине, в садоводческом хозяйстве города Вейл и на мойке автомашин в Юберлингене. Необходимыми условиями для реализации таких проектов являются наличие больших площадей на крышах и хранилище собранной воды (рис. 3) [2].

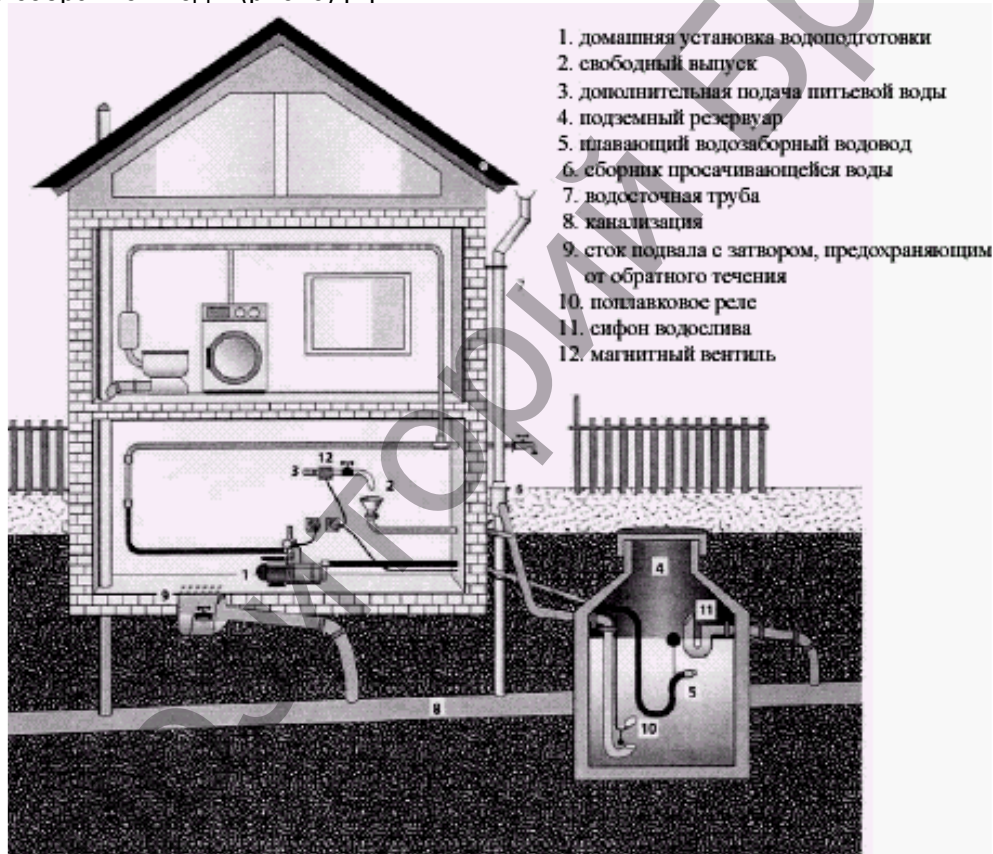

Рис. 3. Схема действия бытовой установки очистки грязной сточной воды

Город Бонн в начале 1996 года изменил своё Постановление об оплате за пользование коммунальной канализацией, чтобы путём снижения оплаты способствовать использованию дождевой воды, сбору ливневых стоков и озеленению крыш. В Бонне плата за право спуска сточных вод складывается из платы за отвод поверхностной воды и оплаты за спуск коммунально-бытовых сточных вод («расчленённая» шкала оплаты). Владельцы домов могут сэкономить до 50 % платы за отвод поверхностной воды, если они укрепляют подъезды к гаражам и газонные дорожки водонепроницаемым покрытием, уменьшают сток ливневых вод, озеленяя крыши, сооружают устройства для сбора просачивающейся воды (мульды, водоотводные каналы, пруды) или строят установки по использованию дождевой воды. Подобные программы применяют и в других муниципалитетах, например, в рамках совместного исследовательского проекта Федерального министерства образования, науки, исследований и технологий [3].

Город Франкфурт-на-Майне в 1992 году поставил целью сократить существующую зависимость от централизованного водоснабжения путём рационального использования воды в частных хозяйствах, общественных учреждениях и промышленности. По сравнению с потреблением питьевой воды 1991/92 годов расход в 2000 году сократился на 20 % (за счёт изменения отношения потребителей, оснащения оборудованием и арматурой, экономящих воду, контрактов на экономию воды и др.). Развивается использование дождевой воды для смыва в туалетах, стирки белья и полива садов (как в домах на одну, так и несколько семей).

Наряду с заменой питьевой воды дождевой всё большее значение приобретает техническая вода, полученная из бытовых стоков (сточная вода из ванн и душа, иногда с включением стока умывальника и стиральной машины). При экономии воды в домашнем хозяйстве образуется ежедневно 60 литров грязной бытовой воды на человека. Так как грязная бытовая вода собирается ежедневно примерно в одинаковом количестве непосредственно в каждом хозяйстве, то в отличие от ливневых стоков, зависящих от погоды, представляет собой неисчерпаемые ресурсы. Она не сильно загрязнена, т. е. свободна от фекалий, жировых и взвешенных веществ и имеет лишь незначительное бактериологическое загрязнение и, кроме того, содержит полезное тепло. Установки подготовки грязной бытовой воды используются в настоящее время, как в домашнем хозяйстве, так и в гостиницах (рис. 4). Гигиенический риск для пользователей полностью исключён. Подготовленная грязная бытовая вода может использоваться в качестве технической для смыва в туалетах, полива и уборки. Пытаются её использовать для стирки белья.

Широкие возможности даёт комбинация использования грязной бытовой воды с озеленением крыш в домах на одну или две семьи. Задержание дождевой воды и её транспирация через зелёные насаждения на крыше позволяют не спускать поверхностную сточную воду в канализацию. Благодаря использованию грязной бытовой воды в качестве технической для смыва в туалете, расход питьевой в домашнем хозяйстве снижается минимум на одну треть от ежедневного расхода на душу населения.

В гостиницах и общественных учреждениях (спортивных сооружениях, бассейнах, общежитиях и домах престарелых) достаточно регулярно образуются относительно большие массы грязных бытовых стоков, примеры использования которых есть во многих гостиницах, административных зданиях университетов и т. д. Так, издержки на установку очистки грязной бытовой воды, смонтированной в 1996 г. в 4-х-звёздном отеле Арабелла-Шератон (400 мест) в Оффенбахе, окупилась через семь лет.

В экологически чистом жилом поселке Флентенбрайт в Любеке (поселок Всемирной выставки EXPO) была реализована новая концепция населённого пункта, который представлял собой жилой массив площадью 5,6 гектаров с 12 двухквартирными домами, 45 домами рядовой застройки, собственными и арендуемыми квартирами. Там использовались наряду с экологически чистыми строительными материалами интегрированные системы энергоснабжения, водоотведения и утилизации отходов. Эта концепция была направлена на освоение замкнутых циклов использования материалов. Обработка сточных вод наряду с экономией воды включает утилизацию содержащихся в них органических веществ и энергии. В рамках концепции интегрированного энергоснабжения и водоотведения предусмотрен отдельный сбор и обработка дождевой воды, грязных бытовых стоков (сточной воды без фекалий, собираемой с душевых, кухонь и т. д.), грязной воды (сток туалетов) и биологических отходов.

Рис.4. Схема действия бытовой установки очистки грязной сточной воды

1. Фильтрация:

Сначала улавливаются грубые частицы типа волос и текстильных волокон. Фильтр автоматически промывается струйным насосом – осадок отводится в канализацию.

2. Биологическая очистка:

В главной и дополнительной камере частицы грязи в воде разлагаются биокультурами. Через каждые 4 часа вода подается насосом дальше.

3. Отвод осадка:

Органические отходы от процесса очистки регулярно отсасываются и сбрасываются в канализацию.

4. Обеззараживание:

На пути в третью камеру, рабочий резервуар для воды, вода проходит под ультрафиолетовой лампой, которая обеззараживает её на 99 %. Качество очищенной воды соответствует Директиве ЕС о водоёмах для купания.

5. Дополнительная подача свежей воды:

Если запас в рабочем резервуаре падает ниже определённого уровня, питьевая вода автоматически подается дополнительно, смыв в туалете всегда функционирует.

Дождевая вода и грязные бытовые стоки очищаются и используются в хозяйственных целях. Грязная вода, собираемая с помощью экономной вакуумной системы, используется вместе с биоотходами для получения биогаза. На биогазе работает принадлежащая посёлку тепловая станция, вырабатывающая до 60 % необходимой посёлку электроэнергии в год. Применение современных технологий позволяет сократить выбросы CO₂ на 90 %, а эксплуатационные издержки по сравнению с обычными посёлками – примерно на 30 %.

Децентрализованные технологии эффективного водопользования, всё больше применяемые в домашнем хозяйстве и на предприятиях, часто очень сложны и требуют компетентного технического обслуживания. Вместе с другими установками в зданиях, применяемыми для производства тепла (отопительными установками, установками для подготовки горячей воды, солнечными батареями, насосами подачи теплой воды), для производства энергии (фотовольтовыми установками, в будущем и топливными батареями), осветительными и вентиляционными системами, водотехническое оборудование является составной частью сложной системы технического оборудования дома. В связи с этим для предприятий водоснабжения существует возможность создания вместе с предприятиями энерго- и газоснабжения совместных коммуникационных сетей, например, для считывания данных о потреблении ресурсов, дистанционного контроля и диагностики. Такая техника оснащения дома использует современное оборудование и проводные системы. Интернет служит для обеспечения функционирования децентрализованных установок и позволяет вести дистанционный контроль, управление нагрузкой и одновременно измерение расхода ресурсов и расчёт оплаты. Информационная и коммуникационная техника позволяет объединить все технические процессы эксплуатации здания. Путём таких мероприятий можно значительно увеличить гибкость системы в основном жёстко централизованного водоснабжения и водоотведения как с учётом изменения требований клиентов, так и с учётом интеграции инновационных технологий. Это позволит преодолеть исторически сложившееся в Германии разделение водоснабжения и водоотведения, мешающее единому использованию водных ресурсов в хозяйственной деятельности, и повысит экологическую эффективность водопользования.

Несмотря на все успехи, в водном секторе Германии ещё многое предстоит сделать: необходимо дальнейшее сокращение издержек на эксплуатацию и содержание предприятий водоснабжения и водоотведения, повышение эффективности использования водных ресурсов в сельскохозяйственном секторе, решение проблем эпидемиологического и токсикологического характера, связанных с присутствием в стоках и осадках вредных веществ и патогенных микроорганизмов. Главная задача водного хозяйства Германии состоит в консолидации и постоянном обновлении водохозяйственных систем за счёт достаточных реинвестиций и мероприятий по модернизации. Данные мероприятия

позволят сооружениям водоснабжения и водоотведения не устаревать, а водным технологиям и концепциям отвечать актуальным требованиям законов и желаниям водопользователей.

1. Rudolph K.-U. Vergleich der Abwassergebühren im europäischen Rahmen. in: Kommunalwirtschaft, Heft 4, April 1999, S. 174.
2. Arbeitsgemeinschaft der Verbraucherverbände e.V. Regenwasser für Haus und Garten, Bonn, 1999.
3. Meinhard Chr., Rudolph K.-U. (1997): Projects in Zwickau and Dortmund show possibilities and problems. in: "Urban Ecology" - Reports from Ecological Research published by GSF-Research Center for Environment and Health, Munich.
4. <http://www.hansgrohe.de>

Аверин А. В. (БрГТУ, г. Брест)

ЭВОЛЮЦИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ ГЕРМАНИИ

Эффективность рыночной экономики в значительной степени зависит от эффективности денежно-кредитной системы государства, которая предназначена для финансирования инновационных процессов, структурных преобразований, социально-политического развития. В то же время на устройство банковского сектора и механизм его функционирования оказывают влияние самые различные внешние факторы, как общеполитического, так и экономического характера. Ярким примером тому может служить анализ основных этапов становления и развития денежно-кредитной системы Германии – государства, которое за последние десятилетия хоть и пережило серьезные политические, территориальные и социальные изменения, но, тем не менее, является одним из признанных европейских лидеров.

Единая денежно-кредитная система Германии сложилась в 70-е годы XIX века, когда после провозглашения империи была введена денежная единица – рейхсмарка – с золотым содержанием 0,358423 г. В 1875 г. начал функционировать Рейхсбанк (Reichsbank) – центральный эмиссионный банк. Однако относительную монополию на выпуск денег ему удалось получить лишь после Первой мировой войны, а абсолютную – в 1935 г., то есть он долгое время не выполнял своего предназначения. Одной из причин такой ситуации было то, что в данный период параллельно функционировали два эмиссионных банка – Рентный банк (Rentbank) и Рейхсбанк. В конце 1923 г. была даже введена новая валюта – рентная марка, выпущенная Рентным банком [1].

После Второй мировой войны банковский сектор продолжал развиваться. Так, на территории Германии было учреждено 11 Центральные банки земель, а 1 марта 1948 г. все банки земель создали Банк немецких земель. Таким образом, сформировались два уровня кредитной системы Германии: Банк немецких земель (Landesdeutschebank) и Центральные банки земель. Однако данной кредитной системе не было суждено долго существовать, и уже 1 августа 1957 г. после принятия бундстагом Закона о федеральном банке (ЗФБ) была образована единая структура – Немецкий федеральный банк (Deutsche Bundesbank).

Немецкий федеральный банк объединил Центральные банки земель и Банк немецких земель. Основным капиталом Бундесбанка, полностью принадлежащий Федерации как носителю суверенитета валюты, составлял 290 млн. немецких марок. Однако прав, которые нарушали бы независимость Федерального банка, государство не имело, и Федеральный банк мог независимо от Правительства выполнять свои эмиссионные и регулирующие функции. Центральные банки земель стали именоваться главными управлениями «Дойче Бундесбанка», хотя за ними сохранялось и прежнее название. Задача каждого Центрального банка земель – совершение кредитных сделок и административное управление в своем регионе. Им также подчинены филиалы, которые Федеральный банк имеет в крупных населенных пунктах страны [2].

Теперь я бы хотел подробнее остановиться на самом Федеральном банке и его структуре. Как и Центральные банки других стран, немецкий Федеральный банк регулирует с помощью валютно-денежных полномочий, данных ему законом, денежный оборот и кредитное обеспечение экономики с целью сохранения стабильности валюты, а также заботится о банковском исполнении системы расчетов в стране и с границей. В своем распоряжении он имеет целый

ряд валютно-политических инструментов, применяемых банком самостоятельно, без вмешательства других ведомств.

Немецкий федеральный банк известен как самый независимый Центральный банк в мире [3]. Конечно, он поддерживает общую экономическую политику Федерального правительства, но только при условии надлежющего и независимого от руководства страны исполнения своих полномочий. В то же время, Федеральный банк обязан консультировать Федеральное правительство по различным вопросам, возникающим в финансовой и денежно-кредитной сферах.

В органы управления Федеральным банком входят Совет Центральных банков, Совет директоров и Правления Центральных банков земель. Верховный орган Федерального банка – Совет Центральных банков – определяет денежную и кредитную политику банка. Он выпускает общие директивы для ведения дел и административного управления банком и разграничивает в рамках закона компетенцию Совета директоров и Правлений Центральных банков земель, а в отдельных случаях может давать им прямые распоряжения. В его состав входят Президент и вице-президент Федерального банка, члены Совета директоров и президенты Центральных банков земель. Председательствует на заседаниях Президент, а во время его отсутствия вице-президент Федерального банка.

Таким образом, обеспечивается представительство всех экономических регионов страны в высшем органе Федерального банка. Благодаря тому, что этот орган в основном принимает решения простым большинством голосов, решения Совета Центральных банков учитывают интересы не только центра, но и всех регионов страны. Совет директоров – центральный исполнительный орган Федерального банка, отвечающий за выполнение решений Совета Центральных банков. Он осуществляет деловое и административное управление банками, за исключением тех вопросов, которые находятся в компетенции Правлений Центральных банков земель.

Роль Федерального банка в германском обществе очень высока. Законодательно Совет Центральных банков и Совет директоров приравнены к верховным федеральным ведомствам, то есть министерствам Федерации, а Центральные банки земель – к уровню федеральных ведомств. Немецкий Федеральный банк выполняет свою главную задачу по обеспечению стабильности валюты и осуществляет другие основные функции Центрального банка. Федеральный банк имеет право проводить операции с различными ценными бумагами, учитывать векселя, покупать и продавать кратко- и среднесрочные казначейские обязательства, а также долговые обязательства, допущенные к официальной торговле на бирже. В то же время с начала 2-го этапа экономического и валютного союза (1994 год) в Германии, как и во всех странах ЕС, существует запрет на предоставление Федеральным банком кредитов государственному сектору, что позволяет закрыть эмиссионный источник инфляции.

Важным принципом деятельности банковской системы Германии является укрепление бюджетно-финансовой дисциплины, регулярные аудиторские проверки годового отчёта Федерального банка, а также двойной отраслевой контроль за кредитным делом. Функции надзора за кредитными учреждениями осуществляет специальный наблюдательный орган – Федеральное ведомство по надзору (Bundesverband deutscher Banken), которое тесно взаимодействует с Немецким Федеральным банком и осуществляет контроль всех кредитных учреждений, уполномочено выдавать лицензии на банковскую деятельность или отказывать в их выдаче при несоблюдении условий Закона о кредитной деятельности (ЗКД).

Особенностью банковской системы Германии является значительное преобладание универсальных кредитных учреждений, образующих, наряду со специализированными банками, сберегательными кассами, жироцентралями и другими публично-правовыми учреждениями, второй уровень кредитной системы, в который входят коммерческие банки различных форм собственности и видов деятельности. К ним относятся кооперативные банки – Фольксбанки в городах и Райфазенбанки – в сельской местности (около 3000); частные коммерческие банки (около 350, в том числе три крупных банка, региональные банки, филиалы); сберегательные кассы и земельные банки – жироцентралы (более 700), а также ряд специализированных ипотечных, почтовых и гарантийных банков, кредитующих индивидуальное строительство, приобретение земельных участков, судостроение, муниципалитеты, развитие малого бизнеса и другие сферы деятельности в государстве. Они оказывают поддержку государственных программ, финансируют социальное развитие, жилищное строительство, небольшие и средние предприятия, сельское хозяйство.

Около 20 кредитных учреждений из группы специальных банков имеют организационно-правовую форму торговых товариществ. Например, АКА Аусфуркредит финансирует, в основном, экспорт в развивающиеся страны, а кредитное учреждение по восстановлению предоставляет кредиты для капиталовложений в экономически слабые регионы Германии.

Для представления интересов банков в отношениях с правительственными органами и с общественностью все группы банков организованы в кредитные союзы, которые участвуют в парламентских слушаниях при принятии парламентом (бундестагом) важнейших законодательных решений, сотрудничают с Немецким Федеральным банком и Федеральным ведомством по надзору в разработке и унификации правил ведения банковского дела.

Структура кредитной системы Германии представлена на рисунке 1.

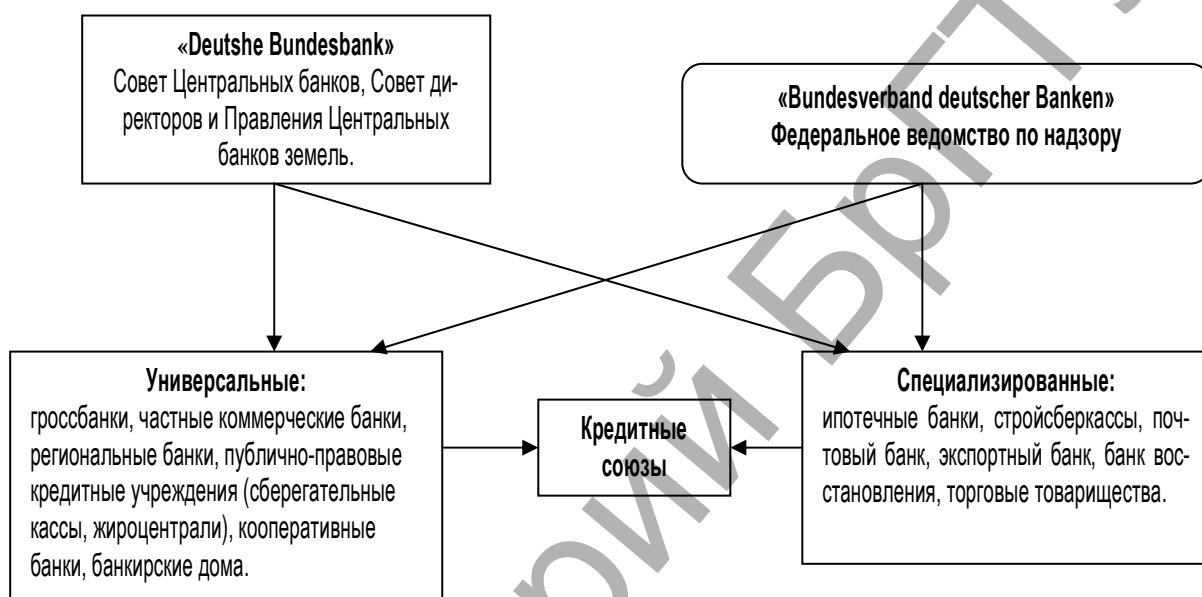

Рис. 1. Кредитная система Германии

Структурные изменения в банковском секторе были вызваны также радикальными переменами в её денежной системе, которые начались после подписания в декабре 1991 г. договора о поэтапном введении евро. Страны Европейского Сообщества начали ориентировать свою валютно-экономическую политику на выполнение критериев конвергенции, и в 1994 г. был основан Европейский валютный институт. 1 января 1999 года 11 из 15 стран Европейского союза ввели безналичное евро и зафиксировали курсы своих валют к новой единой валюте. Следует заметить, что до введения евро только одна из европейских валют – немецкая марка – играла заметную роль на валютных рынках мира (евромарка), однако вне Европы она не имела перспективы упрочить и расширить позиции.

В первом полугодии 2002 г. 12 стран ввели евро уже и в наличный оборот, отказавшись от своих национальных денежных единиц. Таким образом, с 2002 г. Германия перешла на единую европейскую валюту, отказавшись от марки. Это отразилось и на банковской системе. Неотъемлемой частью всего процесса перехода к единой валюте стало создание наднациональной банковской системы, под юрисдикцией которой будет находиться новая вненациональная валюта.

В связи с этим в рамках ЕС был создан наднациональный Европейский центральный банк и действующая под его руководством Европейская система центральных банков, в которую входят центральные банки всех стран-участниц ЭВС. Штаб-квартира ЕЦБ находится в финансовой метрополии Германии – Франкфурте-на-Майне. ЕЦБ возглавляет Совет директоров, который совместно с президентами национальных центральных банков, в том числе Германского федерального банка, образует Совет ЕЦБ.

В задачи ЕЦБ входит определение и осуществление валютной политики ЭВС; проведение международных валютных операций; хранение официальных валютных резервов стран-

участниц ЭВС и управление ими; обеспечение нормального функционирования платежной системы. При этом какая-то часть валютных резервов остается в распоряжении правительств участвующих стран. ЕЦБ может заниматься обычными для центральных банков операциями: обеспечением нормального функционирования платёжной системы, предоставлением кредитов финансовым институтам и операциями на открытом рынке с различными финансовыми инструментами, выраженными в любой валюте, в том числе в валюте стран, не входящих в ЭВС, а также с драгоценными металлами. Такие же операции могут вести национальные центральные банки, руководствуясь при этом общими принципами, которые разрабатывает ЕЦБ.

В этих условиях Бундесбанк перестал играть лидирующую роль в проведении монетарной политики, уступив её Европейскому центральному банку, а сам стал системообразующим элементом Европейской системы центральных банков. С введением наличного евро новой функцией Бундесбанка является эмиссия евро. В остальном же Немецкий федеральный банк остается локомотивом германской и европейской монетарной политики.

Переход на новую валюту оказал воздействие и на межбанковскую конкуренцию в самой зоне евро, повлёк за собой исчезновение валютных операций с денежными единицами стран ЭВС, рационализацию банковских структур и унификацию банковской деятельности. В результате этого возросла роль операций в новой валюте, изменились функции корреспондентских отношений, большое значение стал иметь доступ к платёжным системам других стран. Замена национальных валют на евро заставила немецкие банки адаптировать старые и внести новые сложнейшие системы обработки платежей и информации. Для того, чтобы осуществить подобную трансформацию, потребовалось провести серьёзные структурные изменения.

Мы видим, что развитие банковского сектора в Германии происходило в последние годы в условиях быстрой либерализации финансовых рынков, усиления международной конкуренции, низких процентных ставок и резких колебаний на фондовом рынке. Необходимость реформ с целью повышения эффективности банковских институтов осознавалась повсюду, и в большинстве стран ЕС они были проведены достаточно быстро и весьма радикально.

Наряду с усилением специализации, расширением набора банковских продуктов, развитием онлайн-банкинга, важнейшим направлением реформ стало укрупнение банковских структур за счёт слияний и поглощений при одновременном сокращении общего количества банков, банковских филиалов и числа занятых.

В Германии проблема повышения эффективности банковского сектора стала предметом острых внутривнутриполитических дискуссий. Стагнация в экономике в период 2000-2002 гг. существенно пошатнула положение германских банков. Крупные банки, в частности HVB Group, Commerzbank, Dresdner Bank по итогам 2002 г. зафиксировали миллиардные убытки. Deutsche Bank получил прибыль в основном благодаря распродаже своих непрофильных активов. Ряд более мелких банков оказался на грани банкротства, а некоторые из них перешли в руки зарубежных конкурентов [5].

В последующие годы показатели доходности у большинства банков улучшились, но в целом ситуация продолжает оставаться сложной. Все четыре крупнейших банка Германии реально столкнулись с опасностью враждебного поглощения иностранными инвесторами, вызванной недостаточной по сравнению с другими странами биржевой капитализацией (рис. 2).

Источник: Thomson Financial Datastream.

Рис. 2. Соотношение биржевой капитализации крупнейших европейских банков [5].

О том, что кризисные явления в банковской системе ещё не преодолены, свидетельствует и тот факт, что немецкие банки в этот период не выполняли своей главной функции, уменьшая объём кредитования, особенно мелких и средних предприятий. В условиях открытости финансовых рынков, глобализации и конкуренции концентрация банковского капитала и укрупнение банковских структур является насущной проблемой банковской системы Германии, требующей решения совместными усилиями, как правительства, так и самого банковского сообщества.

Необходимо отметить, что в последние годы активизация реформ в банковской сфере Германии привела к определённому оживлению кредитной деятельности, развитию фондового рынка, переориентации банков на кредитование предприятий под эмиссию ценных бумаг (секьюритизация рынка ссудного капитала) и другим положительным тенденциям в развитии денежно-кредитной системы, способствующим повышению её эффективности.

1. Рудый К. В. Финансово-кредитные системы зарубежных стран. – М., 2003.
2. Кормош Ю. И. Банковская система Германии // Хозяйство и право. – № 7-8. – 1999.
3. Тосунян Г. А. Опыт построения и правового регулирования банковских систем: Россия, Германия, Франция, США. – М., 1994.
4. Аникин А. В. Защита банковских вкладчиков. Российские проблемы в свете мирового опыта. – М., 1997.
5. Зарицкий Б. Е. О положении в банковском секторе ФРГ // Вестник ФА. № 3. – 2004.

Халецкий В. А., Басов С. В. (БрГТУ, г. Брест)

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СТРОИТЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ГЕРМАНИИ

Значительный вклад, который внесла Германия в развитие теоретической и прикладной химической науки, а также большая роль немецких концернов (BASF, Bayer, Byk, Degussa Hüls, Kropos и др.) на мировом рынке химических продуктов обусловили (и были в свою очередь обусловлены!) высокую эффективность системы химического образования. Более того, разработанные в Германии принципы химической подготовки инженерных кадров с успехом применяются в Греции, Болгарии, Чехии, других странах.

Глубокое понимание закономерностей процессов, происходящих при твердении вяжущих веществ, знание основ химии различных строительных материалов, ясное представление о сущности физико-химических процессов старения органических материалов (в частности, лакокрасочных и клеевых), коррозии изделий и конструкций, многие аспекты долговечности бетона и ряд других актуальных для строительства химических проблем, обязательны для современного инженера-строителя.

Характерной особенностью химического образования при подготовке специалистов строительных специальностей в Германии является его профессиональная направленность и прикладная ориентация. Это выражается прежде всего в том, что значительное количество учреждений образования (университетов (Universität) и техникумов (Fachhochschule)), обеспечивающих подготовку профессиональных кадров для строительной отрасли, отказались от преподавания традиционного для постсоветской высшей школы курса общей химии в пользу интегративного курса «Строительная химия» («Bauchemie»). Причём содержание курса «Строительной химии» зависит от выбора базового учебного пособия и от специфики учреждения образования.

Целью данной работы был анализ содержания некоторых доступных авторам учебных пособий, изданных в Германии в 1990-2000-е гг., и его сравнение с содержанием химического образования для студентов строительных специальностей в Республике Беларусь.

Изданное в 1996 г. пособие [1] предусматривает изучение следующих основных тем: основы неорганической и органической химии, химия окружающей среды, неорганические вяжущие, бетон, керамические и металлические строительные материалы, древесина, органические строительные материалы. Пособие предусматривает достаточно глубокое изучение заявленных тем. Так, например, рассмотрение металлических строительных материалов подразумевает изучение основ электрохимии, механизма электрохимической коррозии, а также методов борьбы с ней.

Ещё более детализирует изучаемую тематику пособие [2], подготовленное для студентов Высшей школы техники, науки и культуры в Лейпциге (Hochschule für Technik, Wirtschaft und Kultur). Изучению «строительных» тем в пособии предшествует рассмотрение общетеоретических вопросов химии (строение вещества и периодическая система элементов; виды химической связи и комплексные соединения; стехиометрия, энергетика и кинетика химической реакции; катализ). Основы экологии представлены в пособии разделами: химия воздуха и химия воды. В специализированных разделах пособия рассматриваются: химия металлических строительных материалов; химия неорганических вяжущих, в том числе и вопросы коррозии бетонов; химия органических вяжущих, в том числе полимеров и битума.

Широкий круг прикладных вопросов был включен в пособие Р. Карстена [3]. Теоретические основы химии, также содержащиеся в пособии, не сконцентрированы в одном разделе, а равномерно распределены по книге и используются для объяснения практических задач. В учебнике отсутствуют разделы, посвящённые химической термодинамике и кинетике, зато включены элементы дескриптивной химии (т. е. описание свойства важнейших неорганических соединений). Особенностью учебника также является описание методов количественного и качественного химического анализа строительных материалов.

В основу учебника Т. Маллона [4] также положено детальное рассмотрение прикладных аспектов химических знаний: химия силикатов, пуццоланы, цементы, бетоны, гипс и ангидрит, магнезиальные вяжущие, строительные металлы, вопросы защиты от коррозии бетонов и металлической арматуры, древесина и ее защита. Теоретические основы химии кратко рассматриваются в первом разделе книги.

Вопросам строительного материаловедения с химической точки зрения уделено большое внимание в пособии У. Шнайдера [5]. В частности, в него включена информация о химических реакциях, протекающих при изготовлении и переработке строительных материалов, а также при их взаимодействии с окружающей средой в процессе эксплуатации.

В Республике Беларусь содержание химического образования для студентов инженерно-строительных специальностей регламентировано образовательными стандартами и предусматривает, в отличие от Германии, изучение традиционного курса общей химии и (в зависимости от специализации) нескольких небольших химических спецкурсов.

Вопрос о том, может ли существовать в качестве самостоятельной дисциплины «строительная химия», неоднократно обсуждался ещё в советский период формирования и развития системы высшей школы. [6]. Отрицательный ответ на этот вопрос был аргументирован тем, что строительное производство, представляя собой в ряде случаев очень важную ветвь химической технологии, использующую самые различные разделы неорганической, органической, физической и коллоидной химии, превращаясь подчас в особое направление прикладной химии, не имеет, однако, ни своих собственных химических законов, ни четко выраженной химической специфики, оправдывающей подобное выделение в самостоятельную дисциплину. Следовательно, и теоретическое обоснование химических проблем, с которыми предстоит встретиться в профессиональной деятельности будущему инженеру-строителю, должно черпаться из фундаментальной химической науки.

Однако, на наш взгляд, немецкий опыт прикладной ориентации химического образования может и должен быть использован для демонстрации студентам важности химических знаний в их будущей профессиональной деятельности.

1. Bauchemie. Eine Einführung für das Studium. Heiko K. Cammenga Viewegs Fachbücher der Technik. 1996. 206S.
2. Benedix R. Bauchemie: Einführung in die Chemie für Bauingenieure. Teubner Verlag. 2006. 535S.
3. Karsten R. Bauchemie: Ursachen, Verhütung und Sanierung von Bauschäden. Müller Verlag. Heidelberg. 2003. 483S.
4. Mallon T. Bauchemie. Vogel Fachbuch Kamprath-Reihe. 2005. 212S.
5. Schneider U. Bauchemie. Werner. Neuwied. 2006. 411S.
6. Ратинов В. Б., Иванов Ф. М. Химия в строительстве. – М: Стройиздат, 1969. 200 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ

Проблема политического лидерства исследована в политологической науке в достаточно полной мере – определены его сущность, типология, роль в жизни отечества и государства. Тема «Политическое лидерство» является одной из важнейших в политологической литературе [1]. Вместе с тем, на наш взгляд, недостаточно изучены такие аспекты данной проблемы, как роль среды в становлении и деятельности политических лидеров; особенности их деятельности в отдельных странах и, прежде всего в странах СНГ; опыт политического лидерства, накопленный в ряде стран, и возможности его применения в других государствах и другие. Желание внести свой вклад в изучение вышеуказанных аспектов проблемы позволяет остановиться более подробно на проблеме «Политическое лидерство в истории Федеративной Республики Германия».

Исследование, проведённое автором, показывает, что ФРГ дала Европе, миру ряд ярких политических лидеров. Есть смысл и необходимость воспроизвести основные результаты их политической деятельности и принципы, которыми они руководствовались:

Конрад Аденауэр (1876 – 1967 гг.) – федеральный канцлер Федеративной Республики Германия в 1949 – 1963 гг. 23 мая 1949 г. была принята Конституция ФРГ. 15 сентября 1949 г. с перевесом в один голос федеральным канцлером был избран 73-летний Аденауэр. Он заявил: «Каждый работающий немец должен иметь собственную квартиру и автомобиль». Под его руководством расширялись социальные программы. В частности, пенсионная реформа 1957 г. произвела настоящий переворот в социально-политическом развитии Германии. Своего успеха, по его собственным словам, он достиг благодаря «вере, терпению и трудолюбию».

Сила К. Аденауэра как политика заключалась в твёрдой убеждённости, последовательности и терпеливости. В речи, произнесённой в 1961 г., он сформулировал идею своей политики: «Наша цель состоит в том, чтобы в будущем Европа стала единым домом для всех европейцев, чтобы она стала жилищем свободы». Венцом его дипломатической карьеры считают 22 января 1963 г. – день, когда канцлер ФРГ и президент Франции де Голль обнялись на Елисейских полях, демонстрируя преодоление столетней межнациональной вражды, и подписали договор о дружбе. «Не забывайте, – произнес тогда Аденауэр, – что я – единственный немецкий канцлер, который во главу угла ставит единство Европы, а уже потом своего собственного государства» [2, 7-11, 40-42, 186-190, 407-410].

Людвиг Эрхард (1897 – 1977 гг.) – вице-канцлер ФРГ с 1949 – по 1963 г., канцлер ФРГ с 1963 – по 1969 г. Отец германского экономического чуда, крупнейший теоретик и организатор реформ в ФРГ.

Конечно, западные страны были очень заинтересованы в скорейшем возрождении Западной Германии. И всё же грех забывать, что основными источниками возрождения ФРГ были искусство экономического управления и трудовой вклад самих немцев. Экономические теории, которыми руководствовались в эпоху Эрхарда, практически не отличались от сегодняшних. Но не на них делал ставку этот руководитель – он опирался, прежде всего, на практику. Задача, которую поставил Эрхард перед экономикой, заключалась в создании массовой покупательной способности всех слоёв населения. Он интуитивно угадал, что самым эффективным средством для достижения и обеспечения благосостояния может и должна стать конкуренция, через конкуренцию мыслилось им достижение социального прогресса и прибыли. Но обеспечить свободную конкуренцию в качестве мотора оживления инициативы нельзя было без помощи государства. И в ФРГ был принят закон, запрещающий картели. В нынешних Беларуси и в России очень важно тщательно разобраться в подобной философии возрождения экономики. Подход Эрхарда не увязает ни в догмах социальной демократии, ни в установках либерализма. Поощрение производства всегда было главным принципом хозяйствования Эрхарда. И этот принцип блестяще оправдал себя.

В число основных хозяйственных прав гражданина Эрхард включал, помимо прав на свободу потребления и на хозяйственную деятельность, право на устойчивость национальной валюты. Он шёл от потребностей граждан и таким образом нащупывал самый верный и результативный путь. Вспомним и такую его аргументацию: «Думая о том, чтобы обеспечить нашему

молодому демократическому государству твёрдое будущее, давно пора вернуться на путь нравственных ценностей».

В результате усилий канцлера ФРГ оказалась первым в Европе государством, в Конституции 1949 г. которого было записано, что оно является социальным [3, 26-29]. Прекрасный экономист, Эрхард оказался слабым политиком и только 3 года проработал в должности канцлера ФРГ.

Вилли Брандт (Герберт Эрнст Карл Фрам) (1913 – 1992 гг.) – федеральный канцлер Федеративной Республики Германия с 1969 – по 1974 г. За годы его правления Западная Германия подписала договор с Советским Союзом (в августе 1970 г.). В декабре 1970 г. был подписан договор ФРГ с Польшей, где оба государства подтвердили нерушимость существующих границ, констатировали, что западной границей Польши является граница по Одеру-Нейсе. Договор об основах отношений между ФРГ и ГДР был подписан 21 декабря 1972 г. В развитие четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину, заключённого 3 сентября 1971 г. между правительствами СССР, США, Англии и Франции, было подписано транспортное соглашение между ФРГ и ГДР. В 1971 г. Вилли Брандту была вручена Нобелевская премия мира за его усилия по уменьшению напряжённости между Востоком и Западом.

До 1987 г. Вилли Брандт продолжал руководить самой массовой в ФРГ социал-демократической партией, одновременно возглавляя с 1976 г. и до самой своей смерти в 1992 г. Социалистический Интернационал.

Гельмут Коль (р. 1930 г.) – федеральный канцлер Федеративной Республики Германия с 1982 г. по 1998 г. Менее удачливые коллеги Гельмута Коля во всём мире постоянно задавались вопросом: «В чём заключается секрет столь огромного и длительного политического успеха?» Попробуем найти на него ответ. Прежде всего, Коль прекрасно разбирается в людях, и всегда подбирал на ключевые посты в правительстве профессионально грамотных и, в то же время, лояльных ему людей. Он не терпел двуличности в политике и без колебаний освобождался от тех, кто хоть раз обманул его доверие. Сильной стороной политики Коля всегда являлась готовность публично признавать свои ошибки и исправлять их. Так, во время предвыборной кампании 1994 г. он не отрицал, что недооценил сложность экономических проблем при интеграции с бывшей ГДР, чем забрал у оппозиции, пожалуй, основной политический козырь. Коль одинаково хорошо чувствовал себя на многотысячных митингах и на приёмах для избранных. Он часто эмоционален, порой резковат, но слушателей убеждает его искренность – качество, не часто встречающееся в среде современных политиков. Коль мог смело пойти против преобладающего в данный момент мнения в обществе. Так, в начале 1990 г. большинство населения Германии было уверено, что разделение Германии будет преодолеваться постепенно. Коль же, несмотря на давление союзников, особенно Англии и Франции, форсировал события. Многие экономисты предостерегали его тогда против поспешного объединения, опасаясь взрыва инфляции. Коль проигнорировал их рекомендации и, как потом выяснилось, оказался прав.

Став канцлером, Коль не имел достаточного внешнеполитического опыта. Однако он быстро освоился, и, пожалуй, в мире не было таких государственных деятелей, которые бы не прислушивались к его мнению. Он был способен находить нестандартные решения, достигать компромиссов в вопросах, которые многим казались неразрешимыми. В то же время германский канцлер отличался необычайной надёжностью: его было трудно склонить к резким, опрометчивым шагам.

Воссоединение Германии – награда, о которой мечтали все канцлеры ФРГ, досталась Гельмуту Колю вполне заслуженно. Он сделал и самую сложную, «черновую» работу – сдержал инфляцию и другие неизбежные отрицательные экономические последствия объединения процветающей ФРГ и более бедной ГДР. Но к концу столетия немцам, как и британцам, захотелось перемен, и в 1998 г. Гельмут Коль в очередных выборах уступил канцлеру Герхарду Шредеру, которого тогда окрестили «немецким Тони Блэром».

Эрих Хонеккер (1912 – 1994 гг.) – руководитель Германской Демократической Республики с 1971 г. по 1989 г. В автобиографической книге «Из моей жизни» Хонеккер писал: «Я не могу припомнить ни одного момента в своей жизни, когда бы усомнился в правоте нашего дела – ни в детстве, ни в юности, ни в годы политической работы в Коммунистическом союзе молодёжи Германии, ни в антифашистском движении Сопротивления в 1937 – 1945 гг., ни в штаб-

квартире государственной тайной полиции (гестапо) на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине в декабре 1937 г., ни перед «народным судом» в июне 1937 г., ни в казарме охранного полка «Адольф Гитлер» в конце 1935 г., ни перед лицом палачей, которые в течение полутора лет предварительного заключения постоянно маячили по соседству со мной».

Самой известной акцией Эриха Хонеккера стало организованное им молниеносное строительство Берлинской стены, осуществленное 13 августа 1961 г., как гром среди ясного неба для обосновавшихся в Западном Берлине резидентур западных спецслужб. Таким образом, социалистический лагерь был за одну ночь ограждён от беспрепятственного проникновения агентов и провокаторов, перекачки в ФРГ высококвалифицированной рабочей силы и от незаконных валютных операций, которые подрывали экономику ГДР. Стена эта, тесно ассоциируемая с именем Эриха Хонеккера, стала символом «холодной войны» и окончательного разделения мира на два враждебных лагеря. Хонеккер не мог представить, что судьбу ГДР решат лидеры ФРГ и СССР, не спросив его мнения. Он до последнего препятствовал преобразованиям, которые охватили страны Восточной Европы в конце 80-х гг. XX века.

Ганс-Дитрих Геншер (р. в 1927 г.) – видный политический лидер ФРГ 70 – 80-х гг. XX века [4, 93-108]. Ни на одного другого политика ФРГ не публиковалось такого огромного количества карикатур. Но он не злился, так как видел в этом значительный элемент политической культуры, и первым умел оценить остроумную карикатуру и этим подкупал ещё больше. При всех штормах в океане политики – приходах к власти и правых, и левых – он сумел, в конце концов, сохранить устойчивость государственного корабля.

Являясь Министром иностранных дел ФРГ, он проявлял гибкость, терпеливо выжидал свой час, умел расположить к себе партнёров по сложным переговорам, настроить их на доверие. Он выдержал всё, он видел дальше других, считал высшие государственные интересы важнее конъюнктурных соображений момента. Жизнь неоднократно подтверждала, что выбор Геншера в конкретной ситуации всегда имел свою логику.

Отказ от образа врага, открытость и демократизация общества, соблюдение прав человека и взаимозависимость именно в сфере безопасности, разоружения и контроля над вооружениями – уже один этот политический лексикон характеризовал его как деятеля, приверженного новому мышлению в политике.

Либерал и демократ «до мозга костей», образец человеколюбия, он всю жизнь свою посвятил миссии миротворца, вечно кого-то мирил. Разжигать страсти, обострять противоречия, конфликтовать, вообще «воевать» на политической арене – нет ничего более чуждого ему...

Геншер – мастер компромиссов с ГДР, СССР. Он последовательно отстаивал центризм, не совершал никаких резких «поворотов», достаточно сильно влиял на канцлера Г. Коля. Для него характерными являются постоянные призывы к сдержанности, к уважению интересов партнёров: «Нам нужны структуры кооперативного сотрудничества», «Не следует добиваться односторонних преимуществ в отношениях с другими государствами».

В порядке обобщения, не претендуя на полноту (с учётом типологии политических лидеров Р. Такера и М. Вебера), можно сделать следующие выводы:

1. Все политические лидеры проявили себя как созидатели, при этом одни укрепляли ФРГ, другие – ГДР. Аденауэр и другие лидеры ФРГ сначала работали над созданием объединённой Германии, в настоящее время – над её развитием.

2. Как известно, лидеры ФРГ принадлежали к различным партиям, партийным блокам, но проявили умение подняться над партийными интересами и поставить выше их интересы страны, Германии. Объединяет их и то, что они заботились не только о стране, но и о простом человеке. В конце своего земного пути Аденауэр говорил: «Для меня важнее всего простой человек. Если меня понимают, то моя цель достигнута».

3. Начиная с Аденауэра, как я уже отмечал, все германские лидеры ставили интересы Европы выше интересов ФРГ, содействовали образованию общей Европы.

4. Опыт экономических реформ, проведённых Эрхардом, включая процесс создания и функционирования социального государства, вполне может быть применим в странах СНГ [5].

5. Известно, что заблуждений общественного сознания в оценках деятельности политических лидеров существует немало, и это проблема отдельного исследования. В данной статье остановлюсь на одном из них: восхищении многих, в том случае, если первое лицо государства

в молодых годах. Такая реакция на молодых политиков особенно присутствует в молодёжной среде, студенческих аудиториях. Можно вспомнить, как студенты и преподаватели вузов, учителя и служащие, партийные работники в большинстве своём восхищались в 1985 – 1988 гг., что тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС моложе своего окружения. И это в стране, которая нуждалась в перестройке! При избрании на должность канцлера Германии Аденауэру было 73 года, и он прекрасно справился со своими обязанностями по восстановлению и укреплению послевоенной Западной Германии.

6. Некоторые из перечисленных политиков подкупают своими личными качествами: например, канцлер Коль – преданностью чтению (кстати, он много читал и русской классики). Обыватель-налогоплательщик с одобрением узнавал из газет, что вице-канцлеру, министру иностранных дел ФРГ Геншеру чужда роскошь, что он не держит ни охотничьих домов, ни вилл на озерах в предгорьях Альп, что он привязан к дому, к семье...

7. Известно, что политические лидеры ФРГ с 1949 по 1990 г. работали в условиях функционирования западной части немецкого общества. И если в начальный период после воссоединения немецкого народа наблюдалась конфронтация, то, нужно отметить, что компромиссы и умение вести переговоры, свойственные Брандту и Геншеру, привели к тому, что оба немецких государства признали друг друга, улучшили межгосударственные отношения со странами постсоветского пространства и Польшей.

И последнее. При всём одобрении, которого заслуживает сложившаяся с 1949 г. по настоящее время система политического лидерства в Германии, отметим такой существенный недостаток, как игнорирование в ней до последнего времени в качестве политического лидера женщины. На фоне результативного правления М. Тэтчер в Великобритании и И. Ганди в Индии ситуация в ФРГ оказывалась неблагоприятной. В XXI веке она исправляется к лучшему. Известно, что канцлером Германии в 2005 г. избиралась лидер христианско-демократической партии Ангела Меркель. Поражение Г. Шредера 18 сентября 2005 г. на выборах в Германский бундестаг и последующее избрание на пост канцлера А. Меркель стало полной неожиданностью не только для представителей немецкого политического истеблишмента, но и для многих зарубежных наблюдателей. Как удалось ей добиться успеха? Ясно, что толерантность, способность улавливать нюансы политической конъюнктуры, сотрудничество с более опытными и амбициозными политиками, помогли ей стать во главе правительства одного из влиятельных государств мира. Сказались и другие качества, в целом политическая ситуация в стране. Об этом можно многое прочесть [6, 131-138], но для окончательной оценки результатов работы А. Меркель в качестве канцлера ФРГ необходимо время.

1. Политология: Учеб. для вузов / С.В. Решетников, Н.Н. Денисюк, М.Ф. Чудаков и др., под общ. ред. С.В. Решетникова. – 3-е изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2002. – С. 296-304; Политология: Учеб. / В.А. Мельник; 4-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Выш. шк., 2002. – С. 429-443; Политология: Учеб. / В.А. Бобков, И.Н. Браим, А.Н. Егоров и др.; под общ. ред. В.А. Бобкова и И.Н. Браима. – Мн.: Интерпрессервис, Экоперспектива, 2003. – С. 88-106; Котляр И.И. Политическое лидерство // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2005. – № 6. – С. 80-85.
2. Великие правители XX века / Авторы-составители Островцов А.А., Островцова М.А. – М.: Мартин, 2002.
3. Стрелец М.В. Сацыяльная дзяржава – гарантыя рэалізацыі сацыяльных праў (на прыкладзе ФРГ) / Дорогой реализации прав человека; Экономические, социальные и культурные права: состояние, развитие, пути реализации: Материалы заседания «круглого стола» / Науч. ред. И.И. Котляр. – Брест: Академия, 2006.
4. Маслова Н.М. Политические портреты. – М.: Международные отношения, 1991.
5. Данилов А. Эрхард современен, хотя его делу полвека // Беларуская думка. – 1997. – № 5. – С. 86-95; Самойлов В. Людвиг Эрхард и его идеи // Беларуская думка. – 2006. – № 6. – С. 57-62.
6. Фральцов В. Рождественская надежда Германии // Беларуская думка. – 2006. – № 2.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ГЕРМАНИИ

Развитая система социальной помощи – одна из черт «социального рыночного хозяйства» в Германии. Правом на социальную помощь обладают все нуждающиеся – не только нетрудоспособные или не успевшие выработать полугодовой стаж, но и те, кто работает, и чей доход в пересчёте на количество членов семьи ниже установленного прожиточного минимума. Могут обратиться за помощью и пенсионеры с малыми пенсиями. Можно получить помощь не только при отсутствии, но и при недостаточности дохода.

Социальная система Германии построена таким образом, что каждому жителю гарантированы как минимум крыша над головой и стол. Эту задачу выполняет ряд дотаций и пособий, объединённых общим названием «социальная помощь» – Sozialhilfe.

Sozialhilfe – это гарантированный государством прожиточный минимум, выплачиваемый городскими коммунами гражданам, оказавшимся в тяжёлой материальной ситуации. Лица, находящиеся в Германии временно (беженцы из кризисных регионов, принятые лишь на время кризиса или войны в собственной стране, или лица, подавшие заявление на предоставление политического убежища – Asylbewerber), также имеют право на ограниченную социальную помощь.

Решение о предоставлении социальной помощи принимает социальное ведомство **Sozialamt** на основе письменного заявления просителя – Hilfesuchende. Sozialamt тщательно проверяет наличие всех предпосылок для получения пособия, а также наличие других возможных источников существования.

Для тех, кто имеет право на социальную помощь, сколько и на какие нужды выплачивает пособия, по линии социального ведомства существует подробная информация в различных законах о социальной помощи.

✓ Основным можно назвать **«Федеральный закон о социальной помощи» (Bundessozialhilfegesetz BSHG)**. Данный закон регулирует права и обязанности, как получателя социальной помощи, так и социального ведомства, виды предоставляемой помощи, а также взаимоотношения с другими ведомствами.

✓ Детали и процедуры социальной помощи описаны в **«Книге социальных законов» (Sozialgesetzbuch SGB)**. Всего, начиная с 1975 года, издано 10 книг, регулирующих различные правовые ситуации и процедуры:

SGB I – Общие положения;

SGB X – Административные процедуры, защита военнослужащих, взаимодействие с другими социальными учреждениями;

SGB III – Содействие и поддержка в трудоустройстве;

SGB IV – Социальное страхование;

SGB V – Государственное медицинское страхование;

SGB VI – Государственное пенсионное страхование;

SGB VII – Государственное страхование от несчастных случаев;

SGB VIII – Помощь детям и подросткам;

SGB IX – Реабилитация инвалидов;

SGB XI – Социальное страхование на случай необходимости в уходе.

Для новых земель (исключая Берлин) существуют некоторые отличия. Действие вышеперечисленных законов ограничено «Договором об объединении» – Einigungsvertrag. Согласно этому договору, действие данных законов ограничивается реально имеющимися в наличии возможностями и средствами. То есть, если в городской кассе какой-либо из новых земель нет денег, то и выплаты социальной помощи производятся в урезанном виде.

✓ **Закон о базовом обеспечении пожилых и инвалидов (Gesetz über eine bedarfsorientierte Grundsicherung im Alter und bei Erwerbsminderung, GSIG)**, вступил в силу 1 января 2003 года.

✓ Помимо федеральных законов, существуют ещё законодательства земель – **Landes-Ausführungsgesetze**, дополняющие или просто комментирующие «Федеральный закон о социальной помощи».

✓ В качестве дополнений и комментариев к закону существуют также процедурные предписания – **Verwaltungsvorschriften**. Речь идёт о внутриведомственных предписаниях, описывающих конкретные процедуры и инструкции для действий чиновников в конкретных случаях. Публикация подобных предписаний законом не предусмотрена. Данные предписания отличаются не только от земли к земле, но и от города к городу. Различия могут заключаться, к примеру, в форме предоставления помощи (скажем, предусмотренная в § 12 абзац 1, с. 1 «Федерального закона о социальной помощи» помощь на одежду может выплачиваться в одном месте дважды в год, в другом – ежемесячно, а в третьем – вместо денег вам предложат обратиться на один из складов подержанной одежды какой-либо благотворительной организации).

✓ Дополнением к существующим законам являются **решения административных судов**. Правда, эти решения являются обязательными лишь в каждом конкретном случае. Обязательными во всех случаях являются лишь решения конституционного суда – Bundesverfassungsgericht BVerfG (§ 31 BVerfGG).

Социальную помощь не может получать тот, кто в состоянии помочь себе сам, или тот, кто может заручиться помощью других, в первую очередь родственников и других социальных организаций (2 Abs. 1 BSHG). На практике это означает, что нужно обратиться за помощью к ближайшим родственникам (заставить помочь последних вам может суд), попытаться найти работу, продать предметы роскоши, сменить квартиру на более дешёвую, обратиться на биржу труда за пособием по безработице, обратиться в жилищное ведомство за пособием на квартиру. Если вы всё это перепробовали и продолжаете нуждаться – только тогда вы можете обратиться в Sozialamt.

Sozialamt начнёт вам платить сразу после подачи заявления, предварительно бератор (делопроизводитель) проверит все аспекты вашей жизни, семейное положение и, разумеется, ваши доходы. Согласно действующему законодательству, тот, кто не хочет выполнять посильную работу или отказывается от возможной посильной работы, не имеет права на социальную помощь (25 Abs. 1 BSHG), за некоторым исключением (8 Abs. 3 1 - 3 BSHG). Отказаться от предложенной вам социальным ведомством работы вы можете, если:

- ✓ предложенная работа превышает ваши физические или умственные возможности;
- ✓ поступив на предложенную работу, вы рискуете навсегда потерять возможность работать по вашей прежней профессии;
- ✓ вы женщина и у вас ребёнок до 4-х лет или трое и более детей школьного возраста;
- ✓ вы по уважительным причинам вынуждены ухаживать за тяжелобольным родственником;
- ✓ вы достигли пенсионного возраста или вы инвалид (от 30 %).

Самой распространённой **причиной прекращения выплат** является отказ от принятия предложенной посильной (*Zumutbar*) работы. Как правило, прекращение выплат – крайняя мера. Для начала, при первом отказе, социальное ведомство сокращает выплаты на 25 %. Это же относится и к тем, кто игнорирует беседы в бирже труда (арбайтсамте), показывая тем самым свою незаинтересованность в поиске работы (OVG Lüneburg ZIF 89, 64); к лицам, отказывающимся от обследования врачом (на предмет определения трудоспособности) или же от участия в семинарах по поиску работы – *Bewerbungstraining* (VG Braunschweig NDV– RD 98, 67). Кроме отказа от «социальной» работы ваше пособие может быть сокращено до минимума ещё в некоторых случаях. Согласно § 21 Abs. 2 BSHG сокращение размера пособия может быть вызвано следующим: получая пособие, вы тратите эти деньги на спиртное, наркотики, азартные игры, поездки за границу, содержание подержанного автомобиля.

Однако подобный отказ в помощи в любом случае распространяется лишь на «нарушителя», но ни в коем случае не на проживающих с ним совместно членов его семьи (§ 25 Abs. 3 BSHG). Особенно это относится к семьям, имеющим несовершеннолетних детей: перед тем, как прекратить одному из членов семьи выплату пособия, Sozialamt обязан в каждом конкретном случае проверять, не пострадает ли в результате подобного шага ребёнок, все ли его потребности смогут быть покрыты из оставшихся семье средств (BVerwG NDV 68, 138).

Социальная помощь – это ежемесячное пособие «на жизнеобеспечение». Оно должно покрывать расходы на питание, предметы гигиены, быта и личного обихода (естественно, дешёвые). Инвалидам, больным, беременным положены доплаты к пособию.

Каждый «социальщик» получает медицинскую страховку, которая даёт право на бесплатное (в основном) медобслуживание и бесплатные (за немногими исключениями) лекарства. Дополняет её страховка на случай нужды в постороннем уходе.

Наконец, Sozialamt оплачивает «социальщику» съём жилья и отопление.

При первом вселении в квартиру предоставляется помощь на приобретение мебели, электроприборов, постельного белья, занавесей и пр. Разумеется, мебель и электроприборы (плита, холодильник, стиральная машина, пылесос, телевизор) оплачиваются только подержанные, приобретаемые в скупках или на складах благотворительных организаций.

Особо следует сказать **о семьях с детьми**. Право на получение пособия на детей – Kindergeld – имеют родители, усыновители, родные ребенка (в т. ч. бабушки и дедушки), в семьях которых проживают дети. Оно выплачивается, как правило, семейными кассами. В случае несогласия с решением семейной кассы следует в месячный срок подать возражение – Einspruch. Оно должно быть представлено лично заявителем в письменном виде. Процесс рассмотрения возражения осуществляется бесплатно. Пособие выплачивается с момента рождения первого ребёнка, и его может получать только один из родителей или лицо, имеющее право на получение такого пособия, и только на детей, проживающих в Германии. Kindergeld, как правило, выплачивается на детей, которым ещё не исполнилось 18 лет. Однако оно может также выплачиваться:

- до исполнения ребёнку 21 года, если он ищет рабочее место и зарегистрирован в Arbeitsamt'e как безработный;

- до исполнения ребёнку 27 лет, если он: ещё ходит в школу или проходит профессиональное обучение и его доходы составляют не более определённой суммы в календарном году; проходит добровольную одногодичную службу в социальных или экологических учреждениях; из-за недостатка учебных рабочих мест не может начать или продолжить учиться по профессии; страдает физическими, умственными или психическими отклонениями и не может себя содержать (в таких случаях возможна выплата пособия без возрастного ограничения).

Пособие на детей выплачивается ежемесячно независимо от заработка родителей. Пособие на детей учитывается при расчёте размера социальной помощи. Лицам, имеющим доход ниже установленного уровня, может выплачиваться дополнительная дотация на детей.

Если после расторжения брака один из родителей не в состоянии или не желает участвовать в содержании ребёнка, или после смерти одного из родителей пенсия для сирот не достигает минимального размера, государство выплачивает особое пособие на содержание ребёнка – Unterhaltsvorschuss.

Заявление о выплате такого пособия необходимо подавать в отдел обеспечения содержания Ведомства по делам молодёжи – Jugendamt.

Unterhaltsvorschuss выплачивается не более 72 месяцев, т. е. до достижения ребёнком 12-ти лет. Пособие на содержание ребенка в неполной семье также учитывается при расчёте социальной помощи. Более подробную информацию применительно к каждому конкретному случаю можно получить в семейных кассах Arbeitsamt-a или в социальных ведомствах.

Кроме пособия, каждому клиенту Sozialamt дважды в год выдаёт деньги для приобретения зимней и летней одежды в зависимости от пола и возраста. Забота о детях дифференцирована по возрастам: для малышей оплачиваются книжки с картинками, набор игрушек, трёхколесный велосипед; при зачислении ребенка в школу выделяются средства на покупку ранца, тетрадей и ручек, каждый год бесплатно выдаются необходимые учебники. Оплачивается и спортивная форма – недорогая или подержанная. Когда класс отправляется в летний лагерь или на экскурсию, за детей из обеспеченных семей платят родители, а за детей «социальщиков» – тот же собес. Многодетные, с тремя и более детьми, семьи имеют право на ежегодную бесплатную путёвку для всех в санаторий или дом отдыха.

Интересна помощь в **особых жизненных ситуациях** (Hilfe in besonderen Lebenslagen). К подобным пособиям относятся (§ 27 Abs. 1, 2 BSHG):

- ✓ Помощь для создания и поддержания жизненных основ. Речь идёт о пособии для собственного дела. Эта помощь может быть выплачена, однако, лишь тогда, когда в противном случае необходима выплата нормального социального пособия и у вас нет ни малейшей возможности выправить своё положение, поступив на работу в качестве наёмного рабочего (OVG Hamburg FEVS 41, 225, OVG Lüneburg ZIF 97, 130). Размер и возможность выплаты зависят от личных и профессиональных качеств заявителя. То есть Sozialamt, прежде чем предоставить помощь, к примеру, на открытие мастерской, проверяет, в состоянии ли заявитель квалифицированно заниматься тем или иным производством и обещает ли данное

производство быть рентабельным и способным обеспечить заявителя и его семью (OVG Berlin FEVS 29, 56). Как одну из форм помощи, закон предусматривает безвозмездное пособие или кредит, что встречается в подавляющем большинстве случаев (VGH Mannheim NDV-RD 99, 13).

✓ *Помощь в профилактическом лечении* (vorbeugende Gesundheitshilfe). В рамках профилактического лечения получатель социальной помощи имеет право на:

- обследование для раннего обнаружения заболеваний у детей в возрасте до пяти лет (§ 26 SGB V);
- профилактическое лечение зубов для лиц между 12-ю и 19-ю годами (§ 25 Abs. 1 SGB V);
- ежегодные обследования для раннего определения заболеваний у женщин от 19-и и мужчин от 44-х лет (§ 25 Abs. 2 SGB V);
- профилактические обследования раз в два года для контроля сердца, состояния крови (к примеру, диабет-тест), обследования у невропатолога для лиц от 35-и лет (§ 25 Abs. 1 SGB V);
- профилактические процедуры, медикаменты, перевязочный материал, средства для ухода и пр., что необходимо для предупреждения заболевания и нормального развития ребёнка (§ 23 Abs. 1 SGB V).

Sozialamt *обязан* оплатить профилактическое лечение или обследование, если, по мнению врача, существует угроза развития какого-либо заболевания (§ 36 Abs. 1 S. 1 BSHG).

Sozialamt *может* оплатить профилактическое лечение или обследование для раннего распознавания особо опасных заболеваний (§ 36 Abs. 1 S. 2 Hs. 1 BSHG). Sozialamt *может* оплатить курортное или профилакторное лечение в тех случаях, когда это относится к детям, матерям, пожилым людям. Для этого требуется положительное подтверждение необходимости подобного лечения управлением здравоохранения – *Gesundheitsamt*. (§§ 23 Abs. 2 S. 1, 24 Abs. 1 S. 1 SGB V).

✓ *Помощь при болезни* (Krankenhilfe). Заболеванием считается любое отличное от нормального состояние, при котором необходимо врачебное вмешательство (BVerwGE 30, 62, 64). В частности, предусмотрены следующие виды помощи:

- врачебное и зубоврачебное лечение. При этом больной свободен в выборе врача (§ 37 Abs. 3 S. 2 BSHG). Формы предоставления данной помощи отличаются в зависимости от земли и города;
- обеспечение лекарственными препаратами, перевязочными материалами, зубными протезами и, соответственно, протезами конечностей;
- лечение в больнице (*Krankenhaus*), если оно необходимо согласно диагнозу, установленному врачом. Как правило, больницы требуют предоставления гарантий оплаты от Sozialamt, но к неотложным случаям это не относится;
- прочие средства, необходимые для лечения, облегчения заболевания и реабилитации. К этому относятся различные лечебные и вспомогательные приспособления – аппараты для измерения давления, очки, костыли, инвалидные кресла, массажи, лечебные ванны, а также курортное лечение или реабилитация, включающая транспортные расходы (§ 37 SGB V, §§ 27 Abs. 1 S. 2, 38 SGB V, §§ 70, 71 BSHG, §§ 27 Abs. 1 S. 2 Nr. 6 SGB V, 40 — 43a SGB V). В случае, если больной постоянно прикован к постели (например, при параличе), Sozialamt может взять на себя оплату подключения телефона, месячную абонентскую плату и частично – оплату разговоров (OVG Berlin FEVS 35, 52).

✓ *Помощь в планировании семьи* (Familienplanung). На данный вид помощи имеют право как мужчины, так и женщины с момента наступления половой зрелости (факт наступления таковой определяется врачом) (§ 37b S. 1 BSHG), независимо от их семейного положения (VG Stade NJW 87, 2324).

✓ *Помощь будущим матерям и роженицам*. На данный вид помощи имеют право беременные (при предъявлении, выданного врачом свидетельства – Mutterpass) и роженицы (§ 38 Abs. 1 BSHG). Согласно § 38 Abs. 2 S. 1, данное пособие включает в себя:

- врачебную и акушерскую помощь. К врачебной помощи относятся необходимые обследования беременных согласно установленным правилам (т. н. Mutterschaftsrichtlinien), профилактические осмотры, помощь при родах, послеродовые обследования и – при необходимости – послеродовая реабилитация;

- обеспечение лекарственными препаратами, уход. Пребывание в клинике ограничено 6-ю днями (за исключением, разумеется, экстренных случаев). Транспортные расходы (§ 197 S. 1 RVO);
- дополнительно к этому женщинам, начиная с 12-й недели беременности, параллельно с регулярным пособием выплачивается денежная помощь – Mehrbedarf в размере 20 % от регулярной ставки (§ 23 Abs. 1 Nr. 3 BSHG);

- также женщина имеет право (примерно с седьмого месяца беременности) получить единовременные пособия на одежду для беременных и на первое «оснащение» ребёнка одеждой, кроваткой, коляской и т. п. В случае с матерями-одиночками, однако, изначально проверяется возможность «взыскания» данных расходов с отца ребёнка в виде алиментов – Unterhalt.

✓ Интеграционное пособие для инвалидов (Eingliederungshilfe für Behinderte). Данное пособие должно быть предоставлено лицам, телесная или душевная инвалидность которых является постоянной, или тем, кому инвалидность угрожает (§ 39 Abs. 1 S. 1, Abs. 2 S. 1 BSHG).

✓ Помощь по уходу (Hilfe zur Pflege) предоставляется лицам, которые из-за телесного, умственного, психического расстройства, заболевания или инвалидности нуждаются в помощи при отправлении повседневных нужд (§ 68 Abs. 1 S. 1, 2 Hs. 1 BSHG). Помощь по уходу включает в себя уход на дому, вспомогательные средства, частичный или постоянный стационарный уход, кратковременный уход, по форме и объёму соответствующий социальному страхованию по уходу – gesetzliche Pflegeversicherung (§ 68 Abs. 2 S. 1, 2 Hs. 1 BSHG в сочетании с § 28 Abs. 1 Nr. 1, 5 – 8 SGB XI).

✓ Помощь по поддержанию домашнего хозяйства должна быть предоставлена в случаях, когда ведение домашнего хозяйства ни одним членом семьи не представляется возможным (§ 70 Abs. 1 S. 1 BSHG) или угрожает потерей имущества (BVerwGE 30, 19), к примеру: при длительной болезни, лечении на курорте, матерям-одиночкам с детьми. В случае, если получатель пособия проживает в доме престарелых, помощь в особых жизненных ситуациях включает в себя и специфические расходы для данного учреждения.

Лицам, находящимся в **сложной социальной ситуации**, должна быть предоставлена помощь для преодоления данного периода, если собственными силами и средствами достичь этого не представляется возможным (§ 72 Abs. 1 S. 1 BSHG). К лицам, которые имеют право на данный вид помощи, согласно § 72 Abs. 5 BSHG, относятся: бездомные (Obdachlose) (§ 2 VO), кочевники (цыгане) (§ 3 VO), лица, постоянно меняющие место жительства (Nichtsesshafte) (§ 4 VO), освобождённые заключённые (§ 5 VO), трудные подростки (§ 6 VO). Также к данной группе риска относят заключённых, лиц с алкогольной или наркотической зависимостью. В этом случае помощь включает в себя мероприятия, призванные предотвратить, прекратить или облегчить ту или иную критическую социальную ситуацию. Соответствующий план мероприятий разрабатывается в каждом конкретном случае (§ 72 Abs. 2 BSHG). Данная помощь включает в себя: консультации и персональную поддержку (§ 7 VO); поиск и предоставление жилья (§ 8 VO); сохранение и укрепление рабочего места (§ 9 VO); образование (§ 10 VO); помощь в организации свободного времени (§ 11 VO). На практике данная помощь выражается чаще всего в предоставлении места в общежитии, выплаты «суточных» для бездомных, обеспечении бесплатного питания.

Помощь в особых случаях возможна даже тогда, когда у семьи имеется достаточный собственный доход, однако этими деньгами вы фактически не в состоянии воспользоваться (к примеру, по такой банальной причине, как пьянство супруга, пропивающего все деньги) (OVG Lüneburg FEVS 34, 464).

Социальная помощь предоставляется не навсегда. Она назначается на определённый, достаточно короткий промежуток времени. После этого проверяется, выполняются ли необходимые предпосылки для её получения или, попросту говоря, продолжает ли данное лицо нуждаться в социальной помощи далее. Срок этот определён в месяц и именно поэтому в начале каждого последующего месяца Sozialamt присылает соответствующий официальный документ – справку, где сообщается о вновь назначенной социальной помощи и напоминает о необходимости сообщать обо всех изменениях в персональных и материальных условиях её получателя. В случае, когда сомнений в праве на помощь у Sozialamt не возникает, она после такой формальной проверки продолжает выплачиваться далее.

Sozialamt должен знать всё о доходах получателя пособия. Одним из основных условий получения социальной помощи является «прозрачность» материального положения получателя этой помощи перед Sozialamt. Все денежные поступления и выплаты должны проходить через счёт в банке.

Социальная помощь может предоставляться не только в денежной форме (*Geldleistung*), но и в вещевой (*Sachleistung*). То есть, скажем, если вы подали заявление на стиральную машину, Социаламт может либо выдать вам деньги на её приобретение, либо предоставить саму машину (в том числе и поддержанную). Правда, стандартом считается денежная форма помощи.

Как правило, социальную помощь возвращать не нужно, однако существует ряд исключений. Прежде всего, это относится к случаям, когда социальная помощь выплачивается в виде кредита. Речь здесь может идти только о беспроцентном кредите, и лишь в том случае, когда существует твёрдая уверенность, что получатель пособия способен в ближайшее время вернуть кредит.

Прочие случаи необходимости возврата социальной помощи регулируются директивами к следующим параграфам: §§ 15a S. 2 15b 26 Abs. 1 S. 2, 27 Abs. 2 S. 2, 30 Abs. 3, 8 Abs. 2 VO zu § 47, 18 VO zu § 49, 87 S. 1 BSHG. Например, в случае указания заведомо ложных сведений при подаче заявления (§ 45 Abs. 2 S. 3 Nr. 2 SGB X) или попытке дать взятку чиновнику Sozialamt или угрозе ему дело может дойти до суда (§ 45 Abs. 2 S. 3 Nr. 1 SGB X). Однако следует помнить, что возвращать пособие даже в этих случаях вы можете лишь частями, не превышающими 20 % регулярной ставки. Такие платежи ограничены также и во времени: максимальный срок выплат не должен превышать двух лет.

1. Recht-GERMANY.RU
2. www.erwerbslosenberatung-weser-ems.de
3. www.ruhr-uni-bochum.de
4. www.sozialhilfe.org
5. www.tacheles.wtal.de

Уласевич В. П., Уласевич З. Н., Якубовская О. А. (БрГТУ, г. Брест)

ПРОБЛЕМЫ РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЯ В СТРОЙИНДУСТРИИ ГЕРМАНИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Современная цивилизация переживает глобальный экологический кризис. Причина его – результат «механистического» взгляда на мир, основанного на постоянном отдалении человека от природы и накоплении материальных благ. В результате, на современном этапе в мире ещё нет страны или народа, относящих себя к современной цивилизации, которые научились бы жить, не нанося ущерба окружающей среде. Наоборот, мы все в какой-то мере участвуем в разрушении природной среды: иногда сознательно, иногда по незнанию, иногда просто оттого, что пока нет выбора. В результате – смыслом индивидуальной и общественной жизни стала борьба за выживание любой ценой. Такой подход породил ложное представление о безопасности жизнедеятельности как создании изобилия на земле путём победы над силами природы. «Механистическое» мышление отрывает понятие «безопасность жизнедеятельности» от понятий «окружающая среда», подвергает опасности человека и природу. Основная причина мирового экологического кризиса – последствия промышленных технологий, порождающих отходы и стоки, при недостаточных технологиях их утилизации. В наш XXI век пришло время понять как на государственном, так и на бытовом уровне, что безопасность жизни людей на Земле требует разрушения преград, их разделяющих, и возобновления связей между обществом и природой. Должна побеждать точка зрения, что взаимоотношения, построенные только на силе, госконтроле, полной изолированности при решении экологических задач на местном уровне от других государств не могут быть прочными.

Для Республики Беларусь особую ценность играют партнёрские связи с высокоразвитыми странами Балтийского георегиона. Среди таких стран центральное место занимает Германия, законодательная власть у которой развивается как результат компромисса между государственной властью, общественными организациями и Партией Зелёных [1]. Достояна уважения

также экологическая политика Норвегии и Швеции, граждане которых, как и проживающие в РБ, испытывают дефицит сырьевых ресурсов. Простых решений здесь нет, и важны все попытки, приближающие нас к тому, чтобы сохранить те природные экосистемы, которые способны создать нам благоприятные условия для жизни. Изучать опыт этих стран – значит, создавать условия для зарождения *нового экологического мышления*, в основу которого положено учение о биосфере, впервые изложенное в работах В. Вернадского. И в этом изучении особая роль принадлежит учёным, определяющим биосферу как *интегральную живую и поддерживающую жизнь систему, развивающуюся на планете Земля вместе с окружающей её атмосферой на такой высоте и глубине, на которых существуют любые природные формы жизни*.

Функционирование современных промышленных производств неизбежно связано с выбросами загрязнений в атмосферу и в водную среду. Загрязнения атмосферы, пагубно влияющие на здоровье человека, классифицируются на химические и аэрозольные. Так, сернистый ангидрид раздражает слизистую оболочку глаз и дыхательный тракт, вызывает кашель. Оксид углерода, попадая в лёгкие, вытесняет кислород из его соединения с гемоглобином в крови. Пыль засоряет дыхательные пути. Токсичная пыль вызывает отравление и т. д. Сбросы промышленных предприятий в виде стоков оказывают отрицательное влияние на процессы самоочищения в водоёмах. А ведь нельзя забывать, что вода – источник жизни. И если вода в них загрязнена или интенсивно используется на промышленные и коммунально-бытовые нужды, мы лишаемся в естественных водных источниках всех полезных свойств.

Проблема рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды является актуальной и имеет цели и задачи всеобщего и глобального характера. Важнейшие из них:

- дальнейшее снижение вредного антропогенного воздействия на окружающую среду и улучшение экологической обстановки – одного из факторов, обеспечивающих физическое, психологическое и социальное благополучие населения;
 - последовательная экологизация всех звеньев общественного производства как неотъемлемой части процессов достижения устойчивого развития и жизнедеятельности общества;
 - защита наиболее ценных и уязвимых экосистем георегиона.
- Первоочередная задача – решение экологических проблем георегиона путём:
- разработки и использования безотходных и малоотходных технологических процессов на предприятиях промышленной индустрии, снабжение предприятий необходимым природоохранным оборудованием;
 - разработки оптимального механизма природопользования, управления природопользованием и охраной окружающей среды;
 - совершенствования нормативной и правовой базы природопользования и охраны окружающей среды;
 - расширения доступа общественности к экологически значимой информации;
 - улучшения контроля над состоянием окружающей среды и здоровьем населения;
 - совершенствования образования и воспитания в области природопользования и охраны окружающей среды;
 - расширения и укрепления международного сотрудничества.

Особое место в промышленно-технологическом развитии этих стран играют системы энергосбережения и ресурсосбережения. В монографии немецкого учёного Зайфрида Дитера «Энергия: веские аргументы» [2] показано, что существующая в Германии система энергоснабжения не снижает риск обострения экологического кризиса в странах Балтийского георегиона. Для жителей Германии это стало особенно очевидным, когда начали отмирать леса, что было вызвано вредными веществами при сгорании различных видов твёрдого органического топлива (при использовании в качестве топлива бурого угля основная доля вредных веществ ложится на двуокись серы). Думаем, эти отрицательные последствия могут разразиться и в РБ в связи с широким использованием в качестве топлива торфа и бурого угля.

На примере энергетики Германии можно считать доказанным, что в экологически щадящей, социально приемлемой энергетической политике государства должны быть учтены следующие основные принципы:

- 1) экономия энергии, как самый существенный щадящий источник энергоресурсов, должен быть на первом плане государственной стратегии;
- 2) следует больше использовать возобновляемые источники энергии (ветроэнергетика, энергия малых рек, солнечная энергия) [3];
- 3) для выработки энергии необходимо привлекать технологии, оптимально использующие энергетический потенциал топлива, например, газогенераторы и другие теплоэнергетические установки, работающие на газе;
- 4) все топочные установки должны быть оснащены современными фильтрами, улавливающими соединения серы и азота;
- 5) в особо энергоёмких и материалоемких производствах необходимы технологии, сокращающие до минимума как потребление энергии, так и отходы производства.

Сложившаяся в Республике Беларусь ситуация с образованием, сбором, хранением, захоронением, обезвреживанием и использованием отходов ведёт к их накоплению, значительным потерям природных ресурсов, возникновению необратимых процессов загрязнения окружающей среды и представляет реальную угрозу здоровью населения.

Ежегодно в Республике Беларусь в результате деятельности предприятий образуется около 22 млн. тонн отходов (использование составляет порядка 15 %) и от населения более 1,5 млн. тонн коммунальных (твёрдых бытовых) отходов (используется только 4 % на Минском ГМП «Экорес»). Основным способом обезвреживания отходов производства и коммунальных (твёрдых бытовых) отходов остаётся размещение их в санкционированных местах (полигоны ТБО и предприятий, шламохранилища, накопители). Под объектами для размещения отходов занято более 3 тыс. га земель, изъятых из хозяйственного землепользования.

В целях обеспечения охраны окружающей среды и здоровья человека, уменьшения количества образования отходов производства в процессе осуществления экономической деятельности устанавливаются нормативы образования отходов и соответствующие лимиты их размещения. Нормативы образования отходов производств разрабатываются и утверждаются производителями этих отходов по согласованию с территориальными органами Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Лимиты размещения отходов производства разрабатываются собственником этих отходов и утверждаются местными исполнительными и распорядительными органами в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь. При несоблюдении нормативной базы в этом вопросе деятельность предприятия может быть приостановлена либо прекращена в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Соответствующим образом должна производиться паспортизация отходов по степени и классу их опасности.

В Германии особенностью структуры управления является то, что многие федеральные функции осуществляются нефедеральными структурами, даже в сфере образования и экономической политики. Вопросы, которые могут быть решены на местном уровне, там и решаются, остальные передаются на земельный, национальный или европейский уровни. К тому же средства муниципалитета никто не назовет государственными, это деньги коммуны, которыми она распоряжается самостоятельно. Например, у судьи есть выбор, кому будут перечислены деньги, полученные в виде штрафов за административные правонарушения: государству либо одной из благотворительных или общественных организаций, имеющих в списке. Это помогает быстрее и эффективнее решать проблемы общества.

Германия – страна с самым строгим законодательством в вопросах экологии. Она была первым государством, где «зелёные» получили места в парламенте. Однако и здесь существуют свои проблемы. Например, в Германии большое значение придается сортировке мусора. Стекло, бумага, пластиковые отходы отправляются в разные контейнеры, как, впрочем, и во многих других европейских странах. Несмотря на это, по статистике, каждый живущий в Германии «производит» в день более 10 кг отходов и тратит до 600 л воды. Конечно, эти цифры включают в себя и расходы промышленных предприятий, но факт остается фактом.

В Республике Беларусь в связи с улучшением благосостояния также наметилась тенденция на увеличение бытовых отходов. Поэтому необходимо своевременно позаботиться об экологически чистых технологиях их утилизации. В этом случае желательно использовать положительный опыт коммунальных служб Германии. Однако известно, что ни со стороны Германии, ни со стороны других государств Балтийского георегиона активные участники в тендерных торгах на строительство предприятий по утилизации бытовых отходов себя не проявили.

Объёмы неблагоприятного воздействия на природу таковы, что в настоящее время мы приходим к осознанию того, что человечество разрушает окружающую среду и подрывает собственное будущее. По данным опросов общественного мнения, экономические проблемы в развитых странах стоят впереди социальных.

Природоохранные вопросы становятся предметом серьёзного общественного беспокойства и в Республике Беларусь. Традиционные виды загрязнения природной среды отходами промышленности не только приносят вред здоровью людей, но и вызывают значительный экономический ущерб. В связи с этим необходима программа, предусматривающая переход на безотходные и малоотходные технологии всего комплекса промышленных и сельскохозяйственных производств.

В строительной индустрии одной из важнейших задач является снижение материалоемкости и энергоёмкости выпускаемой продукции без снижения её качества. Очевиден факт, что именно бетон является основным строительным материалом. Поэтому большое значение имеет научный подход к технологии изготовления и использования бетонных и железобетонных конструкций. Изучение этой проблемы весьма актуально и вызывает всё более пристальное внимание специалистов в этой области.

Загрязнение окружающей среды отходами строительной индустрии касается всех трёх сред: воздушного бассейна, почвы и водоёмов. Здесь лидирующее место занимает индустрия по производству составляющих бетона (цемента, извести, песка, щебня) и применению в строительстве конструкций из бетона и железобетона. Защита воздушной среды актуальна при производстве цемента и извести. Защита почвы осуществляется путём использования при производстве бетона крупнотоннажных отходов, возведения из железобетона могильников для токсичных и радиоактивных веществ. Защита водоёмов – путём строительства железобетонных коллекторов, отстойников, строительства очистных сооружений и т. п. Ощутимо воздействует на окружающую среду, энергосбережение и ресурсосбережение при крупнотоннажном производстве бетона и железобетона для применения в промышленном и жилищном строительстве.

Положительный эффект от применения бетона и железобетона в национальной и мировой экономике ощутимо перевешивает негативные последствия, сопровождающие его производство, так как при использовании других материалов в объёмах, необходимых для народного хозяйства, неблагоприятное воздействие на окружающую среду было бы ещё сильнее.

Производство бетона – это, безусловно, крупнотоннажное производство, поэтому необходимо искать способы утилизации при его производстве больших объёмов твёрдых отходов. Это, прежде всего, вскрышные породы при добыче полезных ископаемых открытым способом, золы ТЭС, шлаки металлургических производств, и др., объёмы образования которых измеряются сотнями миллионов тонн. Бетон на 80 % объёма состоит из щебня и песка, часть которых можно успешно заменить различными твёрдыми промышленными отходами. Последние используют для производства добавок к цементам, заполнителей, производства химических добавок-модификаторов бетона, а также и для приготовления собственно бетона. Например, применение зол ТЭС в производстве изделий из бетонов позволяет сократить расход цемента на 5-15 %, уменьшить среднюю плотность бетона для повышения теплозащитных свойств конструкций. Так, в Германии около 80 % зданий строят из бетона с добавкой золы и шлаков.

Разработаны новые виды пористых заполнителей из отходов металлургической промышленности. К ним, в первую очередь, следует отнести гравиеподобные пористые заполнители, производимые из шлаковых расплавов. И всё же в общем объёме производимых пористых заполнителей на долю заполнителей из отходов промышленности приходится только 12...14 %.

Одним из важнейших показателей экологичности производства стройматериалов является энергетический показатель. Не считая древесного топлива и торфа, а также незначительных природных запасов нефти, Беларусь почти целиком зависит от импорта энергоносителей (при-

родного газа, сырой нефти и угля), предназначенных для производства электричества и тепла. Очевидно то, что быстрее следует продвигаться к такой системе энергосбережения, когда определяющим фактором является экономическая эффективность и целесообразность.

В области капитального строительства одной из энергоёмких отраслей является производство сборного железобетона. Увеличение выпуска последнего требует постоянного совершенствования технологических процессов с целью снижения энергозатрат и интенсификации твердения бетона. Одним из перспективных направлений по достижению повышения качества бетона и снижения энергозатрат при его производстве является применение химических добавок, состоящих из электролитов, взятых в небольших количествах. Такие добавки позволяют улучшать технологические, физико-механические и эксплуатационные свойства бетона, получать более надёжные и долговечные в различных условиях эксплуатации конструкции. Важным в области применения химических добавок является разработка и внедрение их на основе недефицитного и недорогого сырья, являющегося отходом производства промышленных предприятий.

Важную роль играет бетон как основной материал для возведения природоохранных сооружений. В этом случае важным качеством бетона будет являться его непроницаемость. Для повышения непроницаемости были разработаны регенерирующие бетоны, в состав которых входят микронаполнители, вступающие в химическую реакцию с материалом хранения в процессе его фильтрации через толщину бетона, результатом которой являются уплотняющие новообразования, повышающие стойкость бетона в данной среде. Помимо использования бетона в качестве среды для удержания вредных веществ есть разработки, когда собственно вредные вещества при определённых ограниченных концентрациях (фенолы, ароматические гидрокарбонаты и др.) подмешивают в состав бетона, где они надёжно изолируют его от воздействия с продуктами хранения. Для этих целей разработаны специальные модифицированные цементы.

Проблема защиты окружающей среды строительными средствами носит глобальный характер. Таким образом, актуальны анализ по объёмам производства различных отходов и попутных материалов, используемых для производства бетона, главным образом зол, шлаков, отходов ГОК и других; составление на каждый вид этих материалов экологических карт или паспортов, включающих данные по затратам энергии на их производство; возможности использования для строительных целей; качественная и количественная оценка степени защиты или ущерба, наносимого окружающей среде при их использовании или не использовании; оценка его пригодности, включая долговечность получаемых материалов, классификацию попутного сырья, физико-механические свойства строительных материалов с использованием отходов; разработка новых технологий подготовки зол и шлаков для введения в бетон, главным образом, с применением добавок-модификаторов; разработка критериев экологической надёжности железобетонных конструкций природоохранных сооружений и т. п.

Применение зол и шлаков должно стать обязательным условием производства бетонных и железобетонных конструкций, обеспечивающим минимальное потребление природных ресурсов, снижающим энергоёмкость бетона, улучшающим его эксплуатационные свойства и способствующим эффективности защиты окружающей среды.

Для получения из отходов производств вторичных ресурсов целенаправленно должна производиться работа в рамках концепции социально-этичного маркетинга конкретной отрасли. Исходя из этого, нами проведены маркетинговые исследования по возможности утилизации отходов торфопредприятий. Технология производства торфа-сырца сопровождается образованием отходов в виде суспензий торфяных стоков. Их очистка физико-химическими методами не представляется возможной. Стоки направляются на поля фильтрации, которые, как правило, расположены вблизи населённых пунктов, что влечёт за собой загрязнение питьевой воды. В то же время, эти отходы могут быть успешно утилизированы как вторичное сырьё при производстве химических добавок, снижающих ресурсозатраты. В этом и состоит суть проведения социально-этичного маркетинга, где основную роль должны выполнять квалифицированные специалисты соответствующих служб и научно-исследовательских лабораторий под руководством учёных и специалистов.

Как пример, рассмотрим объём проведённых исследований по изучению отходов и стоков торфопредприятия «Гатча-Осовский» Брестской обл. с целью использования их как основы для получения товарного продукта – химической добавки для бетонов, соответствующей ТУ РБ.

Все исследования проводились в аккредитованных лабораториях:

- анализ химического состава проводился в лаборатории Водоканала г. Бреста;
- физические свойства стоков устанавливались в лаборатории МЧС г. Бреста;
- определение доли сухого вещества производилось на приборе МА 30 (фирмы Sartorius) на одном из предприятий пищевой промышленности;
- содержание ионов (катионов и анионов) определялось на современном оборудовании Гродненского областного комитета по охране природных ресурсов и окружающей среды.

Огромную техническую помощь в проведении исследований была оказана лабораторией Брестского областного комитета по охране природных ресурсов и окружающей среды.

Результаты исследований позволили получить товарный продукт, аттестованный РУПП «Стройтехнорм» как продукт утилизации суспензии торфяных гуминовых веществ – добавку для бетонов STG-3 ТУ РБ 0271613.379-2004.

Одновременно выполнялись исследования с целью определения механизма действия добавки STG-3 на бетонную смесь и прочностные свойства бетона. Исследовалось её оптимальное количество в бетонах, модифицированных добавкой STG-3. В настоящее время изучается влияние добавки STG-3 на морозостойкость бетона и коррозионную стойкость арматуры в бетоне.

Проведённые испытания подтвердили, что применение добавки значительно улучшает технологические свойства бетонной смеси и повышает прочность бетона. Применение в строительстве бетонов, модифицированной добавкой STG-3, позволяет экономить до 5 % цемента, снизить затраты на тепловую обработку изделий из бетона. При организации выпуска добавки STG-3 в промышленных потребностях одновременно улучшится экологическая обстановка в районе вышеуказанного торфопредприятия.

Приведённый пример утилизации отходов торфопредприятия с целью получения добавки для бетона STG-3 свидетельствует о том, что все «зелёные» технологии должны внедряться в первую очередь на местном уровне. Это позволит сначала остановить кризисные процессы, а в последующем – обеспечить стабилизацию биосферных процессов в георегионе. Существует ещё одна причина беспокойства – ухудшение состояния здоровья человека и взаимосвязь его с состоянием окружающей среды.

Новое экологическое мышление должно поддерживаться *новой экологической политикой*. Задача новой экологической политики – обеспечить стабилизацию экосистемы на местном уровне и биосферную безопасность на глобальном уровне. Чтобы выполнить эту задачу, необходима новая экологическая стратегия. Сегодня такая стратегия сформирована и получила название *стратегии устойчивого развития*. Конечная её цель – создание устойчивого общества. Ни одно из существующих государств не может претендовать на модель устойчивого общества. В этой связи можно говорить лишь о его критериях и принципах функционирования. Главный критерий устойчивого общества – ответственность поколений за использование природных и экономических ресурсов, обеспечивающая биосферную безопасность на Земле. Нарушение этого принципа, как на местном уровне, так и в глобальном масштабе, неизбежно ведёт к социальной дезинтеграции.

Составляющие стратегии устойчивого общества связаны с новыми «зелёными» технологиями в следующих сферах деятельности человека:

1. *Эффективная энергетика*. За счёт использования рациональных электробытовых и промышленных технологий, совершенствования осветительного оборудования и бытовой техники, эффективного использования принципов пассивных солнечных систем, внедрения строительных материалов низкой материалоемкости и энергоёмкости при строительстве жилища уже в ближайшем будущем на Земле может быть сокращено потребление энергии более, чем в два раза.

2. *Возобновляемая энергия*. Речь идёт о разработке технологий, использующих солнечную энергетику, а также о технологических разработках на базе использования энергии ветра, биомассы, отходов древесины и других.

3. *Биотехнология*. Её достижения помогут заменить не только многие пестициды и минеральные удобрения (нитриты и нитраты), но помогут в обработке отходов и сточных вод, увеличат потенциал биологических источников энергии.

4. *Внедрение безотходных и малоотходных технологий*. В будущем должны функционировать экологически замкнутые технологические системы, а производство, порождающее отходы, должно стать исключением.

5. *Информационная технология*. Её основа – компьютерные и телекоммуникационные системы. Внедрённые в системы управления технологическими процессами, они обеспечат их работу с минимальным расходом энергии и сырьевых ресурсов, в оптимальном режиме.

1. Schrödter Elisabeth. Umweltlobbying im Europäischen Parlament // Сб.: Состояние, проблемы и охрана окружающей среды Балтийского георегиона Беларуси. Новые подходы, методы и технологии. Вып. 1. – Брест: БрПИ, 1996. – С. 11–15.
2. Зайфрид Дитер. Энергия: веские аргументы. Пер. с нем. – Киев: Информ. агентство «Эхо-Восток», 1994. – 154 с.
3. Freiburger Solarenergie-Führer. Neuauflage, – Stadt Freiburg im Breisgau. Umweltschutzamt. Okt. 1993. – 57 p.
4. Уласевич В. П., Уласевич З. Н., Тимошевич В. В. Эффективность добавки STG-3, полученной на основе торфяных гуминовых веществ // Вестник БГТУ. Строительство и архитектура № 1(25). – Брест, 2004. – С. 111-117.

М. В. Стрелец (БрГТУ, г. Брест)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ХСС, МЕХАНИЗМ РАЗРАБОТКИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ОБНОВЛЕНИЕ

Реальная роль ХСС в Баварии и федерации определяется, прежде всего, его способностью своевременно принимать адекватные интересам федеральной земли и ФРГ в целом решения. Партия имеет отлаженный механизм их разработки и осуществления.

Традиционно, с точки зрения влияния на общепартийный курс, в качестве ключевых органов выступают земельное партийное правление, фракция социальных христиан в земельном парламенте (ландтаге), их земельная группа в нижней палате Федерального собрания (бундестаге). Земельное партийное правление работает под руководством высшего должностного лица в ХСС – председателя.

Известно, что Тео Вайгель после выборов в бундестаг от 27 сентября 1998 г. объявил о своей отставке с поста председателя ХСС. На партийном съезде ХСС 16 января 1999 г. Эдмунд Штойбер, который с 17 июня 1993 г. бессменно возглавляет правительство Баварии, был избран его преемником. Вместе с тем была реанимирована руководящая констелляция ХСС: с окончанием двойного руководства Эдмунд Штойбер отныне в своей двойной функции как шефа правительства и партии стал играть ту же самую роль, как и Франц Йозеф Штраус с 1978 по 1988 г. [1; 420].

У председателя ХСС четыре заместителя: Беата Мерк, Барбара Штамм, Инго Фридрих, Хорст Зеehoфер. Паритетное представительство мужчин и женщин среди заместителей Э. Штойбера по партийной линии следует связывать с чётко обозначившимся с середины 1980-х гг. устойчивым ростом женщин в членском корпусе ХСС.

Входящий в состав правления Генеральный секретарь ХСС является организационным планировщиком и ведущим актёром в процессе партийного строительства. Этот пост занимает Маркус Седер.

Качество оперативных решений во многом зависит от земельного управляющего делами Маркуса Цорци, который также представлен в правлении.

Председатель правления ХСС взаимодействует также с партийными казначеями Томасом Бауэром и Адольфом Динглрайтером.

Фракция в ландтаге – существенный центр силы ХСС. К ней принадлежат 124 из 180 депутатов ландтага, из неё происходит земельное правительство и она – решающий фактор баварского законодательства. Так как в состав правления фракции автоматически включаются премьер-министр и генеральный секретарь ХСС, этот орган образует тесные скобки между фракцией, земельным правительством и партией.

Председателем фракции является Йоахим Херрманн, а его заместителем 66-летний депутат от мюнхенского округа Энгельберт Купка.

Свыше 40 лет фракция ХСС – сильнейшая в ландтаге и с тех пор одна поставляет все правительства. В этой связи Йоахим Херрманн заявил: «Эта сила дает простор для действий, но одновременно обязывает».

Величина фракции гарантирует сбалансированное представительство всех слоёв и возрастных групп, мужчин и женщин, а также различных профессиональных групп. Оно опровергает излюбленное клише: во фракции ХСС больше самостоятельных, чем служащих госучреждений. За прошедшие пятьдесят лет доля женщин выросла более чем в десять раз. Для членов фракции типична их глубокая связь с родными регионами, типично то, что многие из них наряду со своей деятельностью в качестве депутатов ландтага одновременно имеют мандат коммунального депутата.

Третий центр силы в ХСС – земельная группа в бундестаге. Имея самостоятельную земельную группу, ХСС, с одной стороны, сохраняет свой особый профиль, с другой стороны, фракционное сообщество с ХДС обеспечивает ему неограниченное активное участие в федеральной политике. Благодаря сильным избирательным результатам, ХСС его земельная группа смогла забронировать за собой некоторые особые права: 1) председатель группы в силу занимаемой должности становится первым заместителем председателя фракции ХДС/ХСС; 2) земельная группа не может оказаться в меньшинстве при голосовании по вопросам особого значения. Кроме того, земельная группа имеет право собственной инициативы для предложений и законов по вопросам, которые для неё особенно важны. И, наконец, фракционное сообщество с ХДС продлевается не автоматически, оно должно к началу каждого легислатурного периода определённо обновляться.

Эти регламентации вновь и вновь позволяют ХСС расставлять акценты внутри совокупной фракции. Весомый аргумент земельной группы в бундестаге нынешнего созыва – высокая доля в ней напрямую избранных депутатов. ХСС завоевывает в Баварии почти все избирательные округа и, естественно, его депутаты в бундестаге имеют особо тесную непосредственную связь с избирателями. Это глубокое укоренение ХСС в народе признают даже его противники.

После парламентских выборов 2005 г. земельную группу ХСС в бундестаге возглавил Петер Рамзауэр, на влиятельных позициях в нижней палате Федерального собрания оказался ряд других социальных христиан.

Социальный политик ХСС Вольфганг Целлер 85-ю % голосов был утвержден заместителем председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге. В его компетенцию входят здравоохранение, продовольствие, сельское хозяйство и защита потребителей. Депутат от ХСС из Хофа Ханс-Петер Фридрих также стал новым вице-шефом указанной фракции. Он получил 88 процентов голосов «за». Ханс-Петер Фридрих занимается вопросами транспорта, строительства, городского развития, туризма и коммунальной политики. Земельная группа избрала Хартмута Кошика новым парламентским управляющим делами.

Представители ХСС стали четырьмя докладчиками рабочих групп блока ХДС/ХСС: Ханс-Петер Уль (внутренняя политика), Йоханнес Зингхаммер (семья), Ильзе Айгнер (образование и исследования), Христиан Рук (политика развития). Их однопартиец Вольфганг Гетцер был утвержден одним из юстициаров. Председателем молодежной группы в земельной группе ХСС стал Стефан Мюллер.

Существуют также две принципиально важные структуры европа-политики ХСС: 1) представительство Баварии в комитете регионов ЕС; 2) группа депутатов Европарламента от ХСС в составе девяти человек. С 1999 г. во главе европарламентариев стоит эксперт по бюджету и специалист по широкому спектру политических вопросов Маркус Фербер. На протяжении многих лет ХСС имеет своего представителя на посту вице-президента Европарламента. С 1999 г. этот престижный пост занимает заместитель председателя Инго Фридрих. Начиная с первых прямых выборов в Европарламент 1979 г., ХСС неизменно набирает не менее 60 % голосов избирателей.

Общепартийный курс формируется также с учётом позиций рабочих сообществ, рабочих кружков и комиссий ХСС. Прочной составной частью ХСС являются восемь рабочих сообществ: Молодой союз, Женский союз, Союз среднего слоя, Союз старейшин, Рабочее сообщество сельского хозяйства, Коммунально-политическое объединение и Союз изгнанных.

Молодой союз представляет молодое поколение и одновременно является старейшим рабочим сообществом в ХСС. Вслед за материнской партией в 1947 г. была основана молодежная организация, из которой ХСС с тех пор рекрутирует свой персонал.

Естественно, Молодой союз (МС) – это персональный фонтан, но он понимает себя как держательный мотор. «Мы навязываем ХСС темы», – говорит депутат Европарламента Манфред Вебер, который в июле 2003 г. стал преемником Маркуса Седера на посту земельного председателя МС. Так, Молодому союзу удалось обратить внимание на отягчающее воздействие демографического развития. Благодаря ему была также открыта дискуссия о воинской повинности.

Вебер особенно гордится тем, что Молодой союз – растущая организация. Несмотря на частые обвинения в обществе в адрес политиков и недовольство партиями среди молодёжи, только за 2005 г. число членов МС выросло на более чем 3000 молодых женщин и мужчин. Высокое число новых членов важно для МС хотя бы по той причине, что членство в организации заканчивается в 35 лет.

Молодой союз прочно укоренился в коммунальных парламентах. Он представлен здесь приблизительно 1300 носителями мандатов и является четвёртой по величине силой после ХСС, СДПГ и «Свободных избирателей» [2; 44].

Женский союз, в котором насчитывается приблизительно 28000 членов, является вторым по величине рабочим сообществом ХСС. «Мы – связанное обязательствами и жизнеспособное рабочее сообщество для женщин всех возрастных групп и слоев населения, для женщин, занятых в профессиональной жизни и не имеющих самостоятельного заработка, для матерей, для замужних и одиноких», – заявляет председатель сообщества Эмилия Мюллер. Хотя мужчины и женщины законодательно являются равноправными, на практике существует ещё много трудностей для того, чтобы осуществить это право. Поэтому Женский союз (ЖС) выступает за то, чтобы именно в экономической политике и политике на рынке труда улучшить положение женщин. Как и ранее, женщины получают за свою работу на 30 процентов меньше, чем мужчины. «Здесь должен быть, наконец, найден выход», – требует председатель ЖС Мюллер [3; 40/97].

Кроме того, больше женщин должно быть представлено на руководящих позициях. Успехи, которыми германское общество обязано женщинам, должны также найти отражение в их влиянии в политических организациях. ЖС считает, что следует иметь в виду и приемлемые рамочные условия для семьи. Забота о детях должна расширяться, подлежит облегчению вхождение женщины в трудовую среду после семейной фазы.

Как рабочее сообщество партии, которая обращается к христианскому наследию, ЖС выступает также за то, чтобы защитить человеческую жизнь с самого начала до естественного конца: «Уважение человеческого достоинства распространяется в одинаковой мере для всех пограничных ситуаций в жизни».

Физическая и душевная невредимость для всех женщин равным образом принадлежит к элементарным требованиям ЖС. В этой связи он требует «совместных действий на европейском и международном уровне, так как нарушение основополагающих прав человека является глобальной проблемой, которая не может быть решена на национальном уровне» [4; 40/97].

Важнейшим столпом баварской экономики является средний слой, который имеет своего политического адвоката в лице Союза среднего слоя в ХСС (ССС). Он представляет внутри и вне партии требования, относящихся к среднему слою предпринимателей, ремесленников и лиц свободных профессий. Председатель СССР и депутат бундестага Ханс Михельбах заявляет: «Союз среднего слоя – прямой политический представитель среднего слоя. Наши члены принимают участие в процессе принятия политических решений на всех уровнях».

Больше социального рыночного хозяйства, меньше бюрократии, меньше государства в экономической жизни – это есть линия СССР. Поэтому он требует среди прочего проведения реформы системы социального страхования, сокращения чрезмерного регулирования посредством законов и предписаний, а также более простого, более справедливого налогового законодательства. Кроме того, СССР выступает за честную конкуренцию между субъектами хозяйствования, за содействие учредительству и за дальнейшую приватизацию. И эти требования услышаны. Ханс Михельбах заявляет: «Ни одна другая партия не имеет такое сильное представительство среднего слоя в ландтаге, в бундестаге, в Европейском парламенте, в многочисленных городских и районных советах, а также крайстагах».

Наряду с этим парламентским закреплением, СССР оказывает также влияние внутри ХСС. Председатель анализируемого рабочего сообщества отмечает: «При принятии решений и в процессе разработки программы ХСС многие позиции формулируются благодаря активному участию и настойчивости СССР» [5; 40/94]. Это создает доверие 4500 баварским представителям среднего слоя – членам структуры, руководимой Хансом Михельбахом.

Первое «С» в названии партии усиливается прежде всего наличием такого рабочего сообщества, как Союз работников (СР). Он представляет интересы служащих и рабочих, свыше пятидесяти лет выступает за социальный баланс в землях.

«(СР) есть адвокат маленьких людей», – говорит его председатель Хорст Зеехофер. Становится реальностью то, за что неоднократно голосовал союз: например, введение воспитательных лет и воспитательных денег. Хорст Зеехофер заявляет, что Союз работников и в дальнейшем будет доверительно олицетворять социальную компетенцию в материнской партии и функционировать в качестве мозгового треста социальной и трудовой политики.

Заместителями Зеехофера в земельном правлении СР являются нижнебаварский депутат ландтага Конрад Коблер, бывший депутат Европарламента Габриэлла Штаунер, а также Райнер Майер и Зигфрид Бланк [6; 44].

С 1999 г. существует Союз старейшин. Его первым земельным председателем являлся бывший социальный министр Гебхард Глюк. В июле 2005 г. его сменил Конрад Векерле. Это рабочее сообщество представляет большую и важную группу людей, которые составляют свыше 40 процентов избирателей.

Председатель Союза старейшин К. Векерле, делая в своей политике акцент на «силу пожилых», заявляет, что пожилые люди ни в коем случае не должны находиться на краю общества. Он стремится к тому, чтобы члены рабочего сообщества были не только представителями своего поколения, но также исходя из своего опыта, участвовали в обсуждении многих политических тем [7; 44].

В лице Рабочего сообщества сельского хозяйства РССХ баварские крестьяне имеют политическое представительство интересов, на которое можно полагаться. В их среде по достоинству оцениваются высокая компетентность и целеустремленность председателя сообщества, депутата Европарламента Альберта Деса. А. Дес постоянно и в жёсткой форме ставит вопрос о справедливых ценах на высококачественные и соответствующие стандартам ЕС продукты, произведённые баварскими крестьянами.

Председатель рабочего сообщества заявляет «Мы выступаем за ориентированную в будущее и долгосрочно продуманную аграрную политику, предполагающую сохранение обеспеченного необходимыми площадями сельского хозяйства, и крестьянских семейных хозяйств» [8; 45]. Для этого РССХ предлагает приблизительно 6000 членам информацию, дискуссионный форум и возможность влиять на политические решения.

В ключевых пунктах деятельности коммунально-политического объединения (КПО) заключается многообразие политической деятельности в общинах, городах, земельных районах и округах.

Ландрат Вайльхайма-Шонгау и председатель КПО Луитпольд Браун называют следующие важнейшие лозунги рабочего сообщества: способствующие семьям коммуны, гарантированные в будущем рабочие места, здоровая окружающая среда, современное эффективное управление, оптимальная организация образования и дееспособная инфраструктура.

Для всех этих областей коммунально-политическое объединение с более чем 15000 членами разрабатывает концепции и осуществляет их на всех политических уровнях с носителями мандатов от ХСС. Л. Браун заявляет: «Мы нуждаемся в самостоятельных и дееспособных коммунах. Мы делаем ставку на партнёрский обмен мнениями и опытом и аккумулируем коммунально-политический опыт многих и передаём дальше» [9; 40/98].

Не только продолжающийся отказ Праги отменить противоречащие международному праву декреты Бенеша показывает: изгнанные и поздние переселенцы нуждаются в политическом голосе, который они нашли внутри ХСС в Союзе изгнанных (СИ). СИ выступает за то, чтобы на международном уровне было осуждено любое изгнание и требует право на родину для всех людей. Это также два вопроса жгучей актуальности. Кроме того, он помогает интеграции немецких переселенцев. Бросая ретроспективный взгляд на немецкую историю, СИ требует исторической справедливости и прямого диалога с восточными соседями.

Земельный председатель СИ и депутат Европарламента Бернд Поссельт заявляет: «Европейский союз есть также правовое сообщество. Поэтому мы стремимся к соглашению и прямым переговорам на основе исторической справедливости и права» [10; 45].

Рабочие сообщества, несмотря на естественную организационно-политическую автономию, являются подлинными суборганизациями партии.

А сейчас есть смысл дать краткую информацию о рабочих кружках ХСС.

1. Рабочий кружок окружающей среды и земельного развития (РКОСЗР). Им руководит депутат бундестага из Ансбаха Йозеф Геппель.

2. Евангелический рабочий кружок (ЕРК). У ЕРК многолетний руководитель – заместитель председателя партии – Инго Фридрих, который также является вице-президентом Европарламента.

3. Рабочий кружок по политике в области здравоохранения (РКПОЗ). Председатель кружка – Вольфганг Целлер представлен в бундестаге от избирательного округа Мильтенберг и принадлежит в Берлине к числу экспертов по политике в области здравоохранения.

4. Рабочий кружок юристов (РКЮ). Им руководит швабский депутат ландтага Томас Кройцер.

5. Рабочий кружок школ и образования (РКШО). Этот кружок образован в 2004 г., произошёл из культурно-политического рабочего кружка. Председатель РКШО – Зигфрид Шнайдер, который с 2005 г. является также министром культов.

6. Рабочий кружок высшей школы и культуры (РКВШК). Его председатель – мюнхенский депутат ландтага Людвиг Шпенле.

7. Рабочий кружок полиции и внутренней безопасности (РКПВБ). Здесь многие полицейские служащие обязываются вносить вклад в повышение уровня внутренней безопасности. Традиционно кружок возглавляется госсекретарём министерства внутренних дел (с 2003 г. Георгом Шмидом).

8. Рабочий кружок «Государственная служба» (ГС). Во главе ГС стоит депутат ландтага из Пассау Герхард Вашлер.

9. Рабочий кружок внешней политики и политики безопасности (РКВПБ), являющийся преемником оборонно-политического рабочего кружка. В начале 2005 г. РКВПБ возглавил Христиан Шмидт.

Важно отметить, что конституирование рабочих кружков в ХСС было сориентировано на специфические групповые интересы и политические проблемные области, связанные с государственными функциями.

И, наконец, в партии имеется 6 комиссий.

- Комиссия средств массовой информации. Её с 2000 г. возглавляет Маркус Сёдер. Генеральный секретарь ХСС в 90-е годы XX века был редактором на телевидении.

- Комиссия по защите потребителей существует с 2003 г. Председатель – госсекретарь Эмилия Мюллер, которая одновременно является земельным председателем Женского союза.

- Комиссия по делам семьи. Эта структура действует под руководством социального эксперта ХСС в баварском ландтаге Иоахима Унтерлендера.

- Кинокомиссия. С лета 2005 г. её председатель – депутат ландтага из Швайнфурта Ханс-Герхард Штокингер.

- Принципиальная комиссия. Непрерывно перерабатывает Принципиальную программу ХСС. Председатель – президент ландтага и председатель окружной организации ХСС Верхней Баварии Алоис Глюк.

- Международная комиссия. Создана осенью 2004 г. Её председатель – бывший Европа-министр земельного правительства Райнхольд Боклет.

Между ХСС и ХДС существует территориальное соглашение, по которому организация ХСС ограничивается Баварией, организация ХДС – прочими федеральными землями. Организация ХСС приспособлена к четырёхступенчатой баварской структуре управления, которая включает общины, районы, административные округа, землю (свободное государство Бавария). ХСС имеет десять окружных объединений, из которых окружные объединения Верхней Баварии, Нижней Баварии, Верхней Франконии, Средней Франконии, Нижней Франконии, Швабии, Верхнего Пфальца соответствуют семи баварским административным округам. Кроме того, у социальных христиан есть окружные объединения в трёх крупных городах: в Аугсбурге, Нюрнберге-Фюрте и Мюнхене. Эти города образуют культурные и промышленные центры трёх крупных политико-исторических традиционных зон Баварии: Верхней и Нижней Баварии (Мюнхен), Франконии (Нюрнберг-Фюрт) и Швабии (Аусбург). Важнейшую роль в принятии решений в ХСС вносит также близкий к партии фонд Ханнса Зайделя.

1. Hirscher, Gerhard. Die CSU nach den Wahlen 1998: Tendenzen zur «losse verkoppelten Anarchie», zur Casarierung und «Bonapartisierung», Tobias Dürr / Franz Walter (Hrsg), Solidargemeinschaft und fragmentierte Gesellschaft. Parteien, Milieus und Verbände in Verglich, Opladen, 1999. S. 420.
2. Die Jungsten und Ältesten zugleich. Junge Union wurde kurz nach der Mutterpartei gegründet // Bayernkurier – Nr. 48/3. Dezember 2005. S. 44.
3. Archiv für Christlich – Soziale Politik (game: ACSP), Druckschrift (game: DS), 40/97.
4. Archive für Christlich – Soziale Politik (game: ACSP), Druckschrift (game: DS), 40/97.
5. ACSP, DS 40/94.
6. Anwalt der kleinen Leute // Bayernkurier. 2005 – № 48/3. Dezember. S. 44.
7. Kraft des Alters // Bayernkurier. 2005 – № 48/3. Dezember. S. 44.
8. Sicherheit für Bayerns Bauern // Bayernkurier. – № 48/3. Dezember. 2005. S. 45.
9. ACSP, DS 40/98.
10. Wahrheit und Recht // Bayernkurier. – № 48/3. Dezember. – 2005. S. 45.

Студнева О. В. (БрГТУ, г. Брест)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ФРГ И РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

Местное самоуправление – это институт, созданный государством для нужд государства. Государство же для местного самоуправления является жизненным пространством, в котором самоуправление реализует своё предназначение и свою концепцию. Форма государства – его государственное устройство – влияет на структуру местного самоуправления. Это влияние может быть большим или меньшим, но оно всегда имеет место, хотя следует обратить внимание на то, что такие признаки местного самоуправления, как самостоятельность, специфичный характер выполняемых задач, не зависят от государственного устройства страны. Примеры ФРГ и Республики Польша в этой области представляют особый интерес, потому что первое из этих государств является государством федеральным, а второе – унитарным. Последствия этого весьма важны для территориального (местного) самоуправления обеих стран. Одновременно при очевидных отличиях в устройстве этих государств и определении формы первичной единицы территориального (местного) самоуправления, которой является община (гмина, коммуна), лучше выявляются общие черты каждой системы территориального (местного) самоуправления.

Согласно статье 20 Основного Закона ФРГ [1] Федеративная Республика Германия – демократическое социальное федеративное (союзное) государство, в котором недопустимо изменение Конституции (Основного Закона), в результате чего было бы ликвидировано деление союзного государства на земли и сотрудничество земель в области законодательства (абзац 3 статьи 79 Основного Закона). Согласно А. Блекманну, Конституция ФРГ без сомнения основывается на положении, что федерация, равно как и земли в понимании государственного права – а возможно, также и международного права – являются государствами в узком смысле этого понятия [6; 391]. Определение федерации как государства не вызывает больших сомнений, так как Основной Закон признаёт за федерацией три составляющие государства: народ («немецкий народ» в преамбуле, граждане федерации – пункт 2 ст. 73), территория государства (ст. 23 Основного Закона), а также публичную власть, представленную Федеральным Президентом (Bundespräsident), Федеральным Правительством (Bundesregierung), Федеральным Советом (Bundesrat), Федеральным парламентом (Bundestag).

Содержание Основного Закона закрепляет за федерацией верховную суверенную власть на территории союза. Спорным же остается статус земель. Согласно господствующему взгляду, земли не являются действительно суверенными государствами, по крайней мере, в понимании государственного права [13]. За признание за государствами статуса государств выступают многие положения Основного Закона, как, например, абзац 1 ст. 20, который характеризует ФРГ как федеративное государство, что влечёт за собой использование в Основном Законе союзной терминологии, например, названий органов с дополнением «федеральный». Несмотря на это, земли имеют собственные конституции, парламенты, правительства, законодательство, а также и ограниченную возможность заключения международных договоров, то есть признаки государства.

Таким образом, за землями признается три признака государственности: территория, собственный народ, организация публичной власти – парламент земли, правительство земли, суд. В науке такому подходу противостоит доктрина Конрада Хессе, который развил теорию унитарного федеративного государства, согласно которой в политической жизни федерация и земли не изолируются друг о друга, что приводит к возникновению процессов формирования единой политической воли, поэтому не возможен полный раздел федерации и земель как самостоятельных государств. «Государственности» земель не противопоставляется отсутствие суверенности, по крайней мере, в узком значении этого понятия, когда земли стоят на ступени ниже, чем государственная «сверхвласть» федерации [10]. А. Блекманн считает, что в союзном государстве суверенность разделена между союзом и государствами-членами, на что указывает факт, что земли в области собственной компетенции не подчиняются власти федерации, а также участвуют в изменении федеральной конституции и проявляют свою суверенность в союзе в рамках Федерального Совета [6; 395].

Деление полномочий в области законодательства видно в абзаце 1 статье 70 Основного Закона, согласно которому земли имеют право на законотворчество настолько, насколько Основной Закон не оставляет за федерацией законодательных полномочий, а согласно абзацу 2 той же статьи разграничение полномочий между федерацией и землями определяется на основе предписаний Основного Закона об исключительном и конкурирующем законодательстве. Из этого положения вытекает, что в целом допускаются полномочия земель в области законодательства, а федерации принадлежат полномочия в области исключительного федерального и конкурирующего законодательства, а также согласно статье 75 Основного Закона в области так называемого рамочного законодательства. В сфере исключительной компетенции федерации правом на издание правовых норм обладает только Союз, разве что федеральным законом эти полномочия не будут переданы землям (ст. 71 Основного Закона). Вопрос исключительной компетенции в области законодательства упоминается в ст. 73 Основного Закона. Исключительная компетенция охватывает такие группы проблем, как права человека, уголовное и уголовно-процессуальное право, судоустройство, судебные процедуры, адвокатура, нотариат, юридическое консультирование, огнестрельное оружие и взрывоопасные вещества, общественная безопасность, хозяйственное право, использование атомной энергии, трудовое право, социальное обеспечение, сельское хозяйство, общественное питание, заразные и опасные болезни, безопасность дорог и др. Рамочные же законы характеризуются тем, что федеральный законодатель, соблюдая условия, предусмотренные ст. 72 Основного Закона (с целью обеспечения одинаковых условий жизни на всей территории ФРГ), может их принять для законодателя земли в вопросах, перечисленных в ст. 75 Основного Закона (например, охраны окружающей среды, пространственного планирования).

Из Основного Закона вытекает допущение, полностью опирающееся на историческое толкование, что наряду с федеральным и конкурирующим законодательством существует исключительное законодательство земель. Правовая основа таких выводов лежит в предписании ст. 70 Основного Закона. Вопросами, не относимыми к исключительному, конкурирующему и рамочному законодательству федерации, являются вопросы полиции (с исключениями), образования и культуры, вероисповедания, территориального самоуправления, некоторые вопросы сельского хозяйства и финансов. В области собственного исключительного законодательства земли не могут принудить федерацию к принятию законов [6; 422]. В этой сфере лежат вопросы регулирования территориального самоуправления, а это означает, что каждая земля имеет полную свободу в формировании системы территориального самоуправления при соблюдении принципов, на которых основывается немецкое государство. В ФРГ из 16 земель коммунальные системы есть в 14 землях за исключением земель-городов – Берлина и Гамбурга; они сформированы на основе самостоятельных законов земель, принятых парламентами земель. Отличия в территориальном самоуправлении различных земель довольно принципиальны.

Делая попытку обобщить эту кратко обозначенную проблематику, следует сказать, что Основной Закон ФРГ обеспечивает федерации заметное преимущество перед землями, давая ей абсолютное преимущество в конкурирующем законодательстве, а также право принятия решения о том, что относится к её компетенции в вопросах рамочного законодательства.

Федеративный характер немецкого государства проявляется в исполнительной власти. Согласно К. Доллингеру Основной Закон с самого начала признал за землями явный приоритет в управлении, но в то же время признал приоритет федерации в законотворчестве, чем и пользуются все в большей степени федеральные органы. Оставшиеся за землями законодательные полномочия – небольшие, и значение их связано с сотрудничеством в законотворчестве. Поэтому появилось мнение, определяющее ФРГ как «унитарное законодательное государство» и «федеративное административное государство» [7; 106].

Полномочия в области государственного управления делятся на исключительные полномочия федерации и полномочия федерации, осуществляемые землями по поручению федерации (делегированные полномочия), собственные полномочия земель в широком и узком смысле, а также полномочия, имеющие промежуточный характер между делегированными и исключительными полномочиями земли или исключительными полномочиями федерации и делегированными полномочиями.

Исключительная компетенция Союза касается тех областей, которые имеют общегосударственное значение. Это, среди прочего вопросы внешнеполитические, финансовые, налоговые, антимонопольной политики, Федеральный Банк, Федеральная железная дорога, Федеральная почта, каналы, реки, авиасообщение, оборона, использование атомной энергии. В этих областях Союз пользуется собственным административным аппаратом – центральным и территориальным. Согласно абзацу 3 ст. 83 Основного Закона допускается возможность организации федерацией собственного административного аппарата и в других областях, не относимых Основным Законом ФРГ к сфере собственной компетенции Союза, если в тех «новых» областях ей принадлежат законодательные полномочия. Это положение допускает возможность принятия федерацией не запрещенных для неё Конституцией полномочий.

К делегированным полномочиям причисляются полномочия, которые Основной Закон признаёт за федерацией. Делятся они на обязательные и факультативные. О делегировании первых говорит сама Конституция (например, обслуживание федеральных автострад), в то же время другие могут быть делегированы Союзом по собственной инициативе или инициативе земель, например, полномочия в области водной или авиакommunikации.

К третьей категории полномочий относятся те полномочия, которые предусмотрены федеральными законами, но не для федерации. Относятся они к сфере собственной компетенции земли в широком смысле (принцип допущения компетенции в этой сфере). Но её нельзя путать с собственной компетенцией земли в узком смысле слова, которая охватывает исполнение законов земли в области образования, культуры, местного самоуправления и остальных вышеупомянутых вопросах.

Полномочия, отнесённые к последней категории, представляют собой разноцветную мозаику и сложную группу проблем, поэтому их упоминание становится невозможным, учитывая цель и размер статьи. Обозначение этой проблемы служит показу сложности проблематики с целью систематизации.

Союзное устройство ФРГ проявляется в структуре государственных органов, состоящих из федеральных органов и органов земель. Федеральным законодательным органом является Парламент (Bundestag). Определёнными полномочиями в области законодательства обладает и Федеральный Совет (Bundesrat). Исполнительная власть принадлежит Федеральному Правительству (Bundesregierung), состоящему из Канцлера и министров, а также Президенту (Bundespräsident). Кроме того, государственное управление возглавляет Федеральная администрация Президента, Федеральная администрации Канцлера, министерств и Федеральной Счётной палаты. Эти органы составляют «позвоночник» федерального управления. Общей чертой значительной части федеральных органов управления является то, что они выполняют чётко определенные функции, и их решения обязательны для всей территории ФРГ. Кроме того, в состав федеральной администрации входит много институциональных (обычно трёхступенчатых) административных аппаратов, например, федеральная администрация каналов и рек, военная администрация, финансовая администрация (статья 87 Основного Закона). В компетенцию федеральной администрации до 1993-1994 годов входило управление Федеральной железной дороги и Федеральной почты [8; 187].

Правовые порядки, господствующие в отдельных землях, должны соответствовать принципам республиканского демократического социального государства в толковании Основного Закона (абзац 1 ст. 28). Основываясь на этих нормах, земли могут определять в своих конституциях своё устройство. Законодательная власть в землях осуществляется парламентами земель (Landtag). Для осуществления исполнительной власти создаются правительства земель, состоящие из премьера и министров, под началом которых находится целый административный аппарат земли. Создание последнего относится к исключительной компетенции земли. Некоторые земли закрепили это предписание в специальном законе, а другие земли – в нескольких законах. Во всех землях администрация состоит из органов общей и специальной компетенции и является трёхзвенной. На высшем уровне управление представлено министерством, на среднем – президентами округов/регентов (Regierungspäsident), а на низшем – так называемыми ландратами (Landrat).

Вместе с так выстроенной системой государственного управления (федеральной и земельной) функционирует система территориального самоуправления. Её существование предусмотрел федеральный законодатель, который гарантирует единицам территориального самоуправления определённые права. Детальное описание организационной структуры федеральный законодатель поручает законодателям земель, которые в рамках принципов Основного Закона могут свободно определить структуру территориального самоуправления в своих землях. Действительно, все земли союза создали на своей территории территориальное самоуправление. Его существование предопределено конституциями земель (например, ст. 71 Конституции Баден-Вюртемберга) [3; 32]. Законодателям земель позволено расширять в законах круг гарантий территориального самоуправления, но запрещено его сокращать. Конституции земель посвящают территориальному самоуправлению больше внимания, чем Основной Закон. Расширение регулирования касается главным образом финансов, поручения заданий и покрытие расходов на их реализацию, а также надзора за самоуправлением. Однако же увеличение количества предписаний не означает автоматического увеличения гарантий. В некоторых конституциях земель федерации дело дошло до незначительного изменения правового положения единиц территориального самоуправления; в значительной части сохранён правовой статус, определённый федеральным законодателем. Гарантии, предусмотренные Основным Законом, – минимум, который обеспечен каждой территориальной единице.

Создавая территориальное самоуправление на своей территории, земли в определённой степени воспользовались свободой в определении организации самоуправления и достигли четырёх различных, исторически предопределённых вариантов организации местного самоуправления:

1. северогерманский тип (Бавария, Баден-Вюртемберг, Саксония, Саксония-Анхальт, Тюрингия);
2. южногерманский тип (Северная Вестфалия, Нижняя Саксония, общины в Шлезвиг-Гольштейне);
3. основанная на магистрате (в городах Шлезвиг-Гольштейна, Бремен);
4. основанная на институте бургомистра (земля Саар).

Определение системы местного самоуправления закреплено в законах о местном (общинном) самоуправлении, а не в конституциях.

Специфика немецкого федерального государственного устройства отражена и в организационной структуре немецкого судостроительства (третьей ветви власти в государстве согласно с положениями Основного Закона). Судебная власть принадлежит Федеральному Конституционному суду, федеральным судам, т. е. Федеральному суду (Bundesgerichtshof), Федеральному Административному суду (Bundesverwaltungsgerichtshof), Федеральной Счётной палате (Bundesfinanzhof), Федеральному Социальному суду (Bundessozialgericht), Федеральному суду по трудовым спорам (Bundesarbeitsgericht), а также судам земель (общим судам, системе административных судов, конституционному суду земли и т. д.). Упомянув Федеральный Конституционный суд, занимающий особую позицию, следует заметить, что существует только 5 федеральных судов, все же остальные суды (а это большинство) являются судами земель. Однако в государстве существует единая судебная система, за землями оставлено лишь право создания, ликвидации судов, обучения судей. Все суды, в принципе, судят согласно единому федеральному праву.

Описанное выше устройство федерального государства указывает на сложность правовых явлений, которые имеют место в правовых системах этого типа государств и делают актуальной проблему территориального самоуправления.

В соответствии со статьёй 3 Конституции Республика Польша – единое государство [2]. Это означает, что Польша – государство унитарное, трактуемое как единое целое, или государство, не состоящее из отдельных автономных территориальных образований, которые располагали бы собственными конституциями, правительствами, законами и способностью заключения международных договоров. Унитарная форма государства есть следствие целостности – во многих аспектах – польского общества. Речь идет, главным образом, о целостности национальной, религиозной, культурной, в области традиций и общей истории. Целостность государства не противоречит местному самоуправлению, в то время как оно является проявлением децентрализации государственного управления.

Республика Польша – демократическое правовое государство, реализующее принципы социальной справедливости (ст. 2 Конституции), в котором верховная власть «принадлежит Народу». Народ – субъект и источник верховной власти, принадлежащей ему перманентно, как установила Конституция 1921 года, предвидя, что власть «исходит от Народа». Народ не обязан своей верховной властью положениям Конституции. Свой статус он приобрёл сам в результате исторического развития, Конституция же только санкционировала этот статус [9; 54]. Народ осуществляет свою власть через представителей (систему представительной демократии, то есть опосредованной) или непосредственно (систему непосредственной демократии). В системе представительной демократии решения от имени суверена принимаются выборным парламентом. Эта система в РП дополнена системой непосредственной демократии (например, референдумом).

Согласно ст. 10 Конституции устройство Республики Польша основывается на делении и равновесии трёх ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. Закон устанавливает принцип разделения властей, который является гарантией демократического государственного устройства. Принцип разделения властей закладывает основы системы сдержек и противовесов, равенства ветвей власти. Наиболее важную роль играют органы законодательной власти – Сейм и Сенат, которых Конституция характеризует точно и полно. Кроме них никакая другая власть так не характеризуется в Конституции. Особую государственную позицию занимает Сейм. А. Балабан выделил среди осуществляемых Сеймом полномочий конституционные, законодательные, бюджетные, надзорные, по ратификации международных договоров, по созданию и роспуску государственных органов [4; 32]. Все эти полномочия исключительно важны, однако особую роль среди них играют конституционные полномочия, определяющие основы политического и экономического строя, организацию государственного аппарата, возможности его влияния на политическую жизнь и статус личности в государстве, а также законодательные полномочия, основывающиеся на создании правовых норм.

Государственно-правовой статус Сената имеет свои отличия. Конституция утвердила модель двухпалатного парламента, и это означает, что обе палаты функционально не равноправны, потому что большим объёмом полномочий обладает Сейм. Полномочия, выполняемые Сенатом, делятся на конституционные, законодательные, бюджетные, полномочия по созданию государственных органов. В отличие от Сейма Сенат не обладает полномочиями формирования, роспуска и контроля Совета Министров.

Исполнительная власть в Республике Польша представлена Президентом как главой государства и Советом Министров. Президент Республики Польша – важный элемент в государственной системе, обладающий самостоятельными правовыми средствами, позволяющими ему играть роль субъекта, занимаемого равноправное положение среди других органов государственной власти [9; 304]. В науке конституционного права представлены взгляды, согласно которым анализ полномочий Президента позволяет утверждать, что польская конституция предусматривает создание скорее парламентской республики, хотя Президент занимает сильную позицию в государстве, отличную от позиции президента в типичных парламентских республиках, где его роль сводится скорее к репрезентативным полномочиям [9; 304-310]. Обращает на себя внимание то, что по многим признакам данное государственное устройство приближено к парламентско-президентской республике, на что указывают всеобщие выборы Президента, воз-

возможность его влияния на формирование правительства. Но многое говорит за парламентскую республику: право вето на акты Президента, контрасигнатура его актов, а в отношениях Президента с Парламентом видно преимущество Парламента, а именно Сейма [5; 499]. Характеристика правления Президента содержится в ст. 126 Конституции, согласно которой Президент Республики Польша является главой Республики Польша и гарантом государственной власти, следит за соблюдением Конституции, стоит на страже суверенности и безопасности государства, неприкосновенности и неделимости его территории, а свои полномочия осуществляет в сфере и на принципах, указанных в Конституции и законах. Это положение указывает на его особую позицию в государстве. С. Саган, принимая за критерий квалификации его полномочий его отношения с другими главными государственными органами, делит их на полномочия, связанные с отношениями с парламентом, правительством, судебной системой и другие [11; 157].

Главный элемент исполнительной власти в государстве – Совет Министров. Совет Министров решает вопросы внутренней и внешней политики, правомочен к управлению своей администрацией и осуществлению общего руководства в сфере отношений Республика Польша с другими государствами и международными организациями, а также общего руководства в сфере национальной безопасности и обороны страны. Совету Министров принадлежат функции в сфере правотворчества и контроля над ним, исполнительно-распорядительные и координационные функции. Данные полномочия Совета Министров перечислены в ст. 146 Конституции.

Судебную власть в Польской Республике осуществляют суды и трибуналы (ст. 20 Конституции). Судебная власть в Польше имеет дуалистическую структуру, так как её осуществляют два вида государственных органов: суды, которые имеют, по крайней мере, две инстанции, а также одноинституциональные трибуналы [14; 277]. Суды и трибуналы представляют самостоятельную, независимую власть, а свои решения они выносят от имени Республики. За судебными постановлениями стоит авторитет государства, что заставляет уважать и выполнять их. Судебные органы, по сути, следят за законностью деятельности всех государственных органов, оказывают влияние на общественную жизнь, охраняют свободы и права личности. Судебная власть исполняет функцию аполитичного фактора равновесия в системе законодательной и исполнительной власти, а также аполитичного гаранта прав и свободы личности. В Республике Польша функционируют следующие суды: Верховный Суд, общие суды (районные, окружные, апелляционные суды), административные, военные суды, а также трибуналы – Конституционный трибунал, а также Государственный трибунал.

В заключение нужно сказать, что по форме государственного устройства Польша является унитарным государством в полном смысле этого слова, и ей присущи все признаки этого типа государства: единая система материального и процессуального права, единое гражданство, единая система судебных, законодательных и исполнительных органов (по крайней мере, на центральном уровне), деление страны на административно-территориальные единицы с одновременным подчинением местных органов центральным органам. Несмотря на различные формы политического устройства – федеративное и унитарное – государственные системы ФРГ и Республики Польша предусматривают существование институтов территориального самоуправления, которые не рассматриваются законодательством как угроза национальному единству и целостности государства.

1. Основной Закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 года / Конституции государств Европейского Союза // Под ред. Л. А. Окунькова. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – С. 181 – 234.
2. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 7 kwietnia 1997 r. // Dziennik Ustaw, 1997 r., № 78, Poz. 483.
3. Конституция земли Баден-Вюртенберг от 12 октября 1948 года // Местное самоуправление (нормативная база). – М.: Деловой альянс. – С. 11- 36.
4. Bałaban A. Pozycja ustrojowa i funkcje Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1999.
5. Banaszak B. Prawo konstytucyjne. – Wydanie 2. – Warszawa: Wydawnictwo C. H. Beck. 2001.
6. Bleckmann A. Staatsrecht 1. Staatsorganisationsrecht. – Carl Heymans Verlag KG, 1993.
7. Dollinger K. Politik, Staat, Verfassung der BRD. – 2. Auflage Köln, 1975.
8. Fromm G. Die Reorganisation der Deutschen Bahnen. – DVB1, 1994.

9. Garlicki L. Polskie prawo konstytucyjne. Zarys wykładu. – Wydanie 4. – Warszawa: Liber, 2000.
10. Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der BRD. – 18. Auflage Heidelberg, 1992.
11. Sagan S. Prawo konstytucyjne Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa: Wydawnictwa Prawnicze PWN, 2001.
12. Skrzydło W. Rada Ministrów i administracja rządowa // W red. W. Skrzydło. – Lublin: Polskie prawo konstytucyjne, 2001.
13. Stern K., Das Staatsrecht der BRD. – § 19 I a, Bd. I. – 2. Auflage, München, 1984, Bd. 2. – München, 1980.
14. Zięba-Zalucka H. Władza ustawodawcza, wykonawcza i sądownicza w Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze LexisNexis, 2002.

Евладова Н. В. (БрГТУ, г. Брест)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ

За последние десятилетия роль интеллектуальной собственности (ИС) в мировой экономике значительно выросла. По оценкам некоторых специалистов, ИС как составляющая мирового товарооборота занимает около 1 % [1]. Соответственно остро встаёт вопрос о защите прав.

В мире существуют различные подходы к развитию защиты интеллектуальной собственности. В прошлом промышленно развитые страны выделяли как частные, так и государственные ресурсы на образование, научные исследования и развитие творческого процесса создания произведения. Постепенно защита ИС распространилась на компьютерные программы и интегральные микросхемы. Что касается производителей, артистов-исполнителей или исполнителей и организаций радиовещания фонограмм и фильмов, они располагают отныне серьёзной возможностью противостоять недобросовестному использованию их инвестиций третьими лицами.

Германия является одним из примеров того, как можно выстроить эффективную систему защиты ИС. Особенно это актуально для Беларуси, так как Германия является одним из важных экономических партнёров нашей страны. По данным отчёта Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, Национального центра интеллектуальной собственности и интеллектуальной деятельности за 2005 год, юридические и физические лица из Германии зарегистрировали в Беларуси 1145 товарных знаков и знаков обслуживания, 20 промышленных образцов, получили 50 патентов. Это самые высокие показатели по сравнению с другими странами, в том числе и странами СНГ [2].

Каким образом выстроены система, механизм защиты результатов интеллектуальной, творческой деятельности в Германии? Говоря о защите прав интеллектуальной собственности, в первую очередь мы говорим о судебной системе, обеспечивающей правосудие.

В Германии нарушение права интеллектуальной собственности во всех случаях, если оно совершено с *mens rea* (виновной волей), является уголовным преступлением. Однако уголовные суды играют важную роль только в случаях защиты прав в связи с пиратством. Если обвинение не затрагивает государственные интересы, владельцы прав, сообщаящие о нарушении обвинителю, как правило, будут направлены к частным (уголовным) процедурам. Поэтому уголовный процесс главным образом ограничен случаями контрафакции, когда предполагается наличие государственного интереса. Таковым, например, является случай явного нарушения прав на известные товарные знаки или на популярные музыкальные произведения. Когда сообщается о таких случаях пиратства, полиция и обвинители, как правило, с готовностью участвуют в расследовании. Однако в иных случаях нарушения уголовный процесс не считается надлежащим методом защиты прав интеллектуальной собственности. Основная же защита прав на ИС происходит в рамках гражданского процесса.

Для рассмотрения гражданских исков существует четырёхъярусная иерархия с максимальным трёхъярусным участием для каждого конкретного случая. Более важные в экономическом отношении иски, в частности иски, связанные с нарушением прав интеллектуальной собственности, начинаются на втором ярусе (окружной суд – *Landgerichte*). Апелляции направляются в

Апелляционные суды (Oberlandesgerichte), а последующая апелляция, подача которой должна быть разрешена и содержание которой должно быть ограничено правовыми аспектами, может быть направлена в Федеральный Верховный суд (Bundesgerichtshof).

В Мюнхене существует Федеральный Патентный суд, который не занимается вопросами нарушения прав. Здесь следует упомянуть о двух функциях этого суда: его основная функция – заслушивать апелляции на решения Германского ведомства по патентам и товарным знакам, который принимает решения по заявкам на выдачу патентов или регистрацию товарных знаков. Если в выдаче патента или регистрации товарного знака отказано, апелляция направляется в этот суд, а последующая апелляция по правовым аспектам может быть направлена в Федеральный Верховный суд. Вторая функция Патентного суда – заслушивать иски о действительности патентов. В Германии после выдачи патента его можно оспорить только в Федеральном патентном суде и, по представлению апелляции, в Федеральном Верховном суде. В ходе процедур, связанных с нарушением патентных прав, судья должен признать выдачу патента. Он может начать процедуру в связи с нарушением патентных прав только в том случае, если, по его оценке, патент, вероятнее всего, будет признан недействительным. Для Патентного суда характерно, что в этом суде иски заслушиваются группой, в состав которой входит от трёх до пяти судей. По искам, связанным с товарными знаками, все судьи должны иметь юридическое образование, в случае рассмотрения патентных исков состав судей является смешанным и включает судей с юридическим и судей с научно-техническим образованием. Если в Патентном суде заслушивается иск с возражением против отказа в выдаче патента на биохимическое изобретение, в состав судей будет включён специалист в области биохимии. Если в суде рассматривается иск, связанный с действием патента в области электроники, решение по этому иску будут выносить пять судей, в состав которых будут включены три специалиста в области физики или три инженера. Учитывая наличие необходимых экспертных знаний у членов суда, он практически не прибегает к помощи внешних экспертов на своих заседаниях.

Иски в области интеллектуальной собственности в Германии рассматриваются только специализированными судами. Возьмем, например, Землю Баден-Вюртенберг, население которой составляет около 10 млн. человек. В этой части страны существует 16 окружных судов (Landgerichte), которые рассматривают наиболее важные гражданские иски как суды первой инстанции. Только два из этих 16-ти окружных судов рассматривают вопросы в связи с авторским правом и товарными знаками, и только один может рассматривать иски в связи с нарушением патентных прав. Вообще, во всей Германии только девять судов могут рассматривать иски по нарушению патентных прав. Обычно истец может выбрать юрисдикцию определённого суда, поскольку предполагаемое нарушение было или будет совершено в любой части страны (например, предположительно нарушающее устройство, которое предлагается к продаже в общенациональной газете). Последствием этого является то, что некоторые из девяти судов, обладающих юрисдикцией на рассмотрение патентных исков, почти никогда их не рассматривают. Почти все случаи нарушения патентных прав рассматриваются в трёх – четырёх судах (Дюссельдорф, Мангейм, Мюнхен и Франкфурт). Среди этих судов Дюссельдорф имеет самые сильные позиции, вторым по значимости является суд Мангейма. Хотя Мюнхен является столицей интеллектуальной собственности в Германии, мюнхенский суд занимает только третье место, поскольку судьи этой баварской юрисдикции часто меняются в целях приобретения максимально возможной широты квалификации. Очевидно, что это выражается в отсутствии специализации. Патентные юристы, которые играют решающую роль в выборе места для рассмотрения исков, связанных с нарушением патентных прав, обычно выбирают знакомый для себя суд. При планировании судебного разбирательства они хотят иметь возможность сообщить своим клиентам некоторую информацию о судьях, которые будут принимать решение по их иску. Поэтому частые изменения в составе суда не приветствуются.

В статье 41(2) Соглашения ТРИПС [3; 133] содержится призыв к тому, чтобы «процедуры, обеспечивающие защиту прав интеллектуальной собственности» были «равными и справедливыми». Они не должны быть излишне сложными или дорогостоящими. Германия имеет недорогой путь защиты прав интеллектуальной собственности, в отличие от, например, Великобритании. Это также даёт свои результаты. В распоряжении суда имеются инструменты (способы

защиты), к которым прибегают правообладатели, чтобы остановить противоправное деяние третьих лиц в отношении интеллектуальной собственности. Наиболее важным средством защиты прав в германской судебной процедуре является (запретительный) *судебный запрет*. Обычно основная цель правообладателя состоит в пресечении использования нарушителем в будущем патента, товарного знака или произведения, охраняемого авторским правом. Часто нарушитель становится конкурентом на рынке, предлагающим свою продукцию по более низкой цене. Постановление суда не только пресечёт дальнейшее нарушение, оно также парализует деятельность конкурента и бросит тень на его репутацию. Судебный запрет является самым простым средством защиты прав. Доказательство факта нарушения в прошлом, как правило, будет достаточным. Направление мыслей нарушителя, который не знал или не мог иметь достаточных оснований, чтобы знать, что его действия являются нарушением, не является оправданием, поскольку вина или небрежность не являются предпосылкой для нарушения судебного запрета. В соответствии с германским законодательством, судебный запрет применяется даже в случаях второстепенного нарушения, когда ответчик осуществил ввоз нарушающих товаров или добросовестно занимается их реализацией. Следует отметить, что в этом строгом правиле существует определённый смысл: если нарушение доказано, закон не должен разрешать осуществление дальнейших нарушений. В будущем, – а судебный запрет относится только к будущему – ответчик после того, как он уже фигурировал в суде, не будет считаться добросовестным.

Постановление о передаче или уничтожении нарушающих изделий было недавно введено в германское законодательство в качестве дополнительного средства защиты против нарушения прав интеллектуальной собственности. Следует отметить, что применительно к товарным знакам правообладатель может испрашивать уничтожение товаров, снабжённых нарушающим товарным знаком. Поэтому простое устранение нарушающего товарного знака не является достаточным. Это положение применяется независимо от того, являются ли соответствующие товары собственностью нарушителя или нет. Достаточно того, что они найдены у нарушителя. По другому вопросу Германский закон по борьбе с пиратством немного не дотянул до предоставления эффективной охраны: он предусматривает, что оборудование, используемое для производства незаконных товаров, может быть уничтожено только в том случае, если оно более или менее используется исключительно для этой цели. Поэтому машина для тиражирования фильмов не может быть уничтожена или передана до тех пор, пока нарушитель заявляет, что она используется для законного изготовления копий. Это снова доказывает, что законодательство с неохотой меняет характер средств защиты в рамках гражданского права на какие-либо наказания.

В заключение, по заявлению правообладателя нарушающие изделия, которые подлежат ввозу или вывозу, могут быть *арестованы* таможенными органами. Это превратилось в важное средство борьбы с пиратством, в корне пресекающее проникновение в страну контрафактных товаров.

Следующий способ защиты интеллектуальной собственности – *это внесудебная защита прав*. Она включает в себя ряд дополнительных мер, к которым может прибегнуть пострадавшая сторона или государство:

1. Предупреждение нарушителя. До передачи дела в суд владелец права или, как правило, его адвокат направит предупреждение предполагаемому нарушителю. Если истец не направил такое предупреждение до обращения в суд с просьбой наложить судебный запрет, это не помешает успеху его действий. Однако истец рискует понести издержки, включая гонорар адвоката ответчика. В соответствии с Германским кодексом гражданского судопроизводства, ответчик может признать иск непосредственно в ходе первого слушания. В этом случае суд вынесет решение о судебном запрете, но при этом, если ответчик не является инициатором судебного разбирательства, возложит уплату издержек на истца. Как правило, из этого исходят в том случае, когда истец предварительно не направил ответчику предупреждение. Однако следует отметить, что такое предупреждение может нанести значительный ущерб, когда предполагаемый нарушитель, например, приостанавливает производство и реализацию (предположительно) нарушающей продукции. И если предупреждение оказывается необоснованным, правообладатель может нести ответственность за нанесённый ущерб. Поэтому юрист вначале обратится к предполагаемому нарушителю с просьбой объяснить причины, по которым тот считает себя вправе использовать права интеллектуальной собственности, принадлежащие его клиенту. Если на этот вопрос юрист не получит удовлетворительного ответа, тогда он направит предупреждение.

Ещё более корректным правообладатель должен быть тогда, когда он намеревается направить предупреждение потенциальным покупателям продукции предполагаемого нарушителя. Поскольку нарушителем патента является любое лицо, которое использует в коммерческих целях запатентованный продукт или продукт, полученный непосредственно запатентованным способом, – покупатель является другим потенциальным нарушителем. Поэтому правообладатель должен быть в состоянии направить предупреждение не только изготовителю, но также и покупателю. Однако такое предупреждение имеет отрицательные последствия для репутации изготовителя и поэтому должно быть очень тщательно сформулировано. В нём должно быть указано, что положение правообладателя оспаривается, и, если правообладатель указывает на успех в суде, он должен также указать, что решение, вынесенное в его пользу в суде, было обжаловано. В 1995 г. Германский Федеральный Верховный суд выносил решение по следующему делу: истец – шведская компания и ответчик – швейцарская компания являлись конкурентами на небольшом рынке особых систем муфт сцепления [4]. Ответчик заявил, что продукция истца нарушает его европейский патент. Ответчик передал дело в суд, который принял решение в его пользу. Затем он распространил решение суда среди покупателей истца, снабдив его хвалебными комментариями в отношении того, насколько явным был случай нарушения патентных прав. Тот факт, что истец обжаловал решение суда, не был упомянут. Впоследствии апелляционный суд аннулировал постановление суда и передал дело на повторное рассмотрение в суд низшей инстанции. Когда истец потребовал возмещение ущерба, ответчика признали виновным на том основании, что покупателям была предоставлена (неправильная) информация в отношении того, что судебное решение было окончательным решением в пользу ответчика.

2. Заявление о подчинении. Что может сделать признающий слабость своей позиции нарушитель для предотвращения начала судебной процедуры? В целях предотвращения опасности повторного действия – что является предпосылкой для наложения судебного запрета – он даст официальное обязательство с обещанием воздержаться от продолжения противоправных действий. Он также примет на себя обязательство о выплате значительной суммы штрафа правообладателю в случае повторного нарушения. До тех пор, пока сумма обещанного штрафа достаточно высока, чтобы в будущем удержать нарушителя от дальнейших нарушений, можно считать, что опасности дальнейших нарушений не существует. Поэтому судебный запрет не будет налагаться.

Подходы в защите тех или иных прав тесно связаны с правовыми традициями стран. Тем не менее, по мнению автора, суды должны объединять свои усилия в целях предоставления эффективной охраны прав интеллектуальной собственности. Следует помнить, что даже сложная система предоставления прав будет бесполезной в случае, если не будут предоставляться средства защиты против нарушений, которые доказывают, что, в конечном счёте, нарушение не выгодно.

1. Соглашение о сотрудничестве ВТО и ВОИС www.wipo.ru
2. Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь, Национальный центр интеллектуальной собственности: Годовой отчёт 2005 год. – Мн., 2005.
3. МЭП Д. Карро, П. Жюйар. – М. 2002.
4. Борнхамм И. Судебный процесс по интеллектуальной собственности в рамках системы гражданского права: опыт Германии: аналитический доклад. – Женева, 2004.

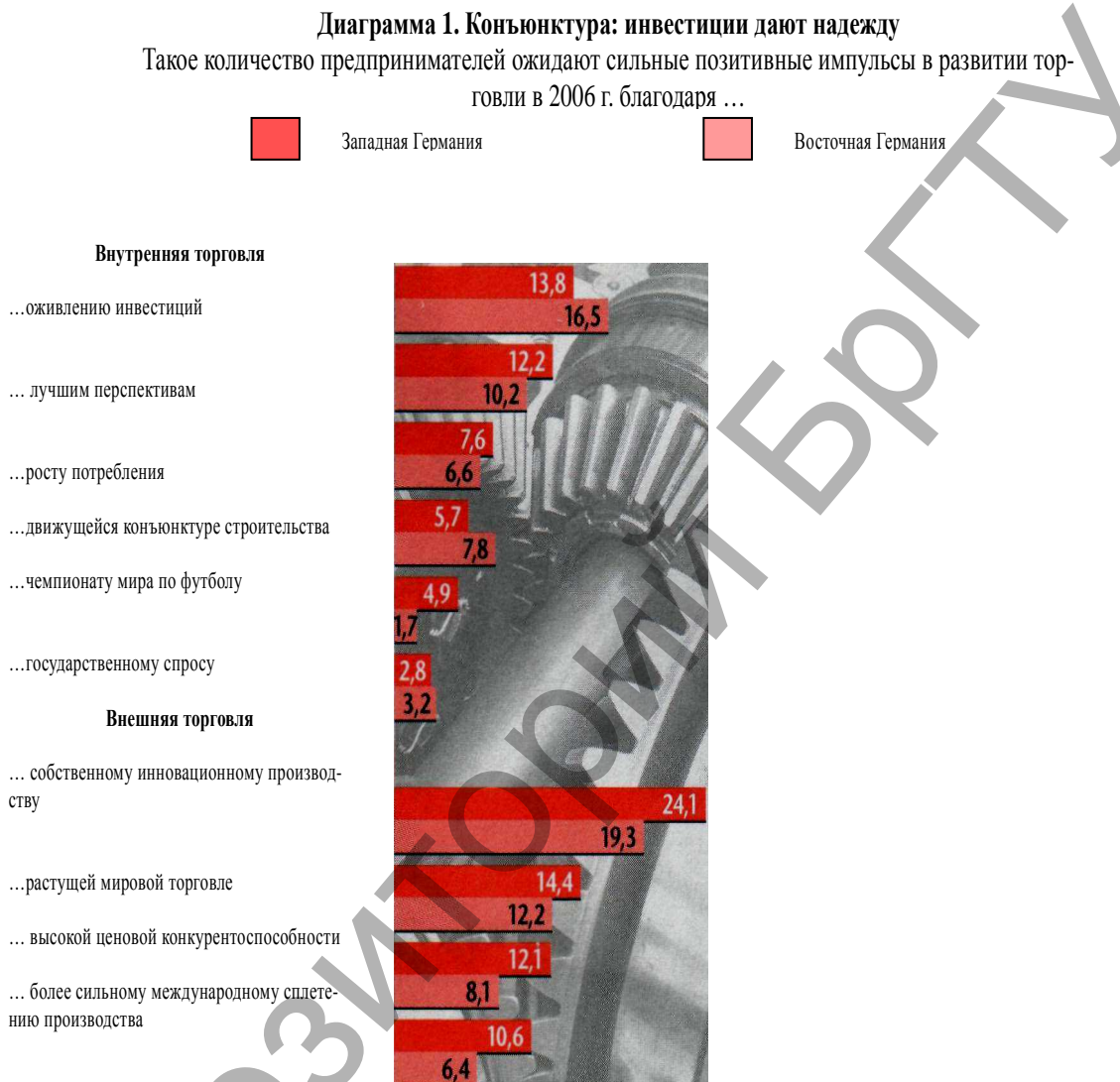
Левчук И. А. (БрГТУ, г. Брест)

ГЕРМАНИЯ В ЭРУ А.МЕРКЕЛЬ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Стремясь представить экономический портрет современной Федеративной Республики Германия, следует, во-первых, выделить итоги 2005 г. и, во-вторых, проанализировать текущий 2006 г. с точки зрения прогнозов и реалий. Конец 2005 г. избран в качестве рубежного, потому что 22 ноября 2005 г. стартовала большая коалиция, экономическую политику которой отличает преемственность и обновление.

В конце 2005 г. большинство экспертов видели хорошие шансы немецкой экономики в том, чтобы в 2006 г. свернуть на продолжительный путь роста. Это объяснялось тем, что к власти

пришло новое правительство, а это – новые приоритеты, новые подходы в решении насущных проблем. При проведенном осенью 2005 г. Кёльнским институтом немецкой экономики опросе предприниматели выразили беспрецедентный оптимизм: почти 44 % из 1804 опрошенных лиц ожидали в 2006 г. растущего объема продукции. Глядя на подобный оптимизм, институт также выяснил у предпринимателей, в каких именно отраслях они видят позитивные перспективы (диаграмма 1) [7; 2]:

Усиление роста внутренней торговли фирмы связывают в основном с оживлением инвестиций. Инвестиционное настроение улучшилось благодаря планам большой коалиции, которая повысила депрессивную норму амортизации с 20 до 30 %.

Удивительно, но меньшая конъюнктурная двигающая сила ожидалась предпринимателями от чемпионата мира по футболу: только 5 % опрошенных на Западе и 1,7 % на Востоке думали, что их внутренняя торговля благодаря мировому первенству вырастет. Более 70 % предпринимателей считали, что король-футбол вообще ничего общего с конъюнктурой не имеет. Кроме этого, многие фирмы (почти 11 % западно-немецких и 6 % восточно-немецких предприятий) надеялись на увеличение интенсивности внешней торговли, связанной, прежде всего, с высокой ценовой конкурентоспособностью немецкой продукции, что немаловажно, поскольку конкуренция на мировом рынке достаточно большая [7; 6].

Продукция под названием «Сделано в Германии» пользуется всё ещё хорошей репутацией на мировом рынке. В 2004 г. почти 50 % экспортных товаров в Австрии пришлось на немецкую продукцию, в Швеции – 35, в Чехии – 32 (диаграмма 2). Но, чтобы удержат занимаемое положение, необходимо приспосабливаться к требованиям рынка, проводя реформы и преобразования в экономике.

Диаграмма 2. Потребление немецких товаров в разных странах
(доля немецких товаров в импорте 2004 г. в процентах)

Когда финишировал 2005 г., федеральное правительство весьма ударно вступило в новый 2006 г. – 25-миллиардное соглашение должно придать дополнительный размах экономике. Такой пакет мероприятий, который часто называют конъюнктурной программой, действует на первый взгляд впечатляюще. Но при более близком рассмотрении появляются значительные сомнения в том, поможет ли «сильный финансовый укол пациентам» Германии. Существуют две основные критические точки зрения:

- Германия имеет проблемы с ростом и стабильностью. Дополнительные государственные расходы должны поддерживать сильно раскачивающуюся конъюнктуру на краткосрочной слабой фазе. Но подъёмы и спады немецкой экономики уже многие годы не наблюдались, а реальный ВВП переместился с начала 2000 г. почти в сторону – без больших колебаний до 4 квартала 2005 г. получен плюс только в 5 % [9; 6].

- Свобода действий для конъюнктурной политики ограничена внешне. Имеются многочисленные важные аргументы, которые говорят против ориентированной на спрос конъюнктурной программы:

1. При структурных проблемах в экономике нет места мероприятиям, повышающим спрос. Страна является слаборазвитой, в том случае, когда ей не хватает инвестиционной и инновационной готовности, а экономическая структура – устаревшей, когда остаётся безрезультативной политика спроса.

2. Эффект при росте дополнительных государственных расходов быстро девальвируется при неподвижной реальной зарплате. Если государство снижает своим гражданам выплату дополнительных средств, и эти деньги идут при этом на усиленные шоп-туры, повышаются, как правило, и цены. Если затем профсоюзы добиваются более высоких зарплат, то всё равно реальная зарплата остаётся твёрдой, но при этом экономика не растёт. В Германии и Италии, согласно европейскому Центробанку, реальные зарплаты являются наименее гибкими.

3. Государственные конъюнктурные программы вытесняют частный спрос. Средств для своих конъюнктурно-политических благодеяний государство не может изыскать – оно финансирует их за счёт высоких налогов.

4. Конъюнктурно-политические мероприятия часто действуют с опозданием – «государственные мельницы размалывают медленно» – и это плохо для конъюнктурной программы. Очень часто мероприятия начинают действовать в тот момент, когда слабость спроса уже побеждена, они же дополнительно стимулируют уже вновь процветающую экономику, так что Центробанк должен снова облагать народно-хозяйственные структуры налогами.

Образцовым примером такой плохой синхронизации является реакция на нефтяной кризис прошедших 7 лет. С октября 1973 г. за год цены на нефть утроились, что сократило производительность труда к весне 1974 г. Тогдашнее федеральное правительство приняло в декабре 1974 г. первую конъюнктурную программу в размере 1,7 миллиардов DM и прибавило в августе 1975 г. 5,8 миллиардный DM пакет. К тому времени уже была побеждена рецессия, и потому противодействующие мероприятия были не только дорогими, но и излишними.

Правда, теперь мероприятия такого характера вряд ли понадобятся. Экономика Германии менее зависима из всех высокоразвитых стран от нефти и других энергоносителей, цены на которые растут быстрыми темпами. Сегодня в ней необходимо на 43 % меньше энергии, чем в начале семидесятых годов, чтобы произвести 1000 долларов реального ВВП. В течение 2003 г. Германии потребовалось только 167 килограмм единиц таких ведущих энергоносителей, как нефть, газ и уголь, чтобы произвести 1000 долларов ВВП, в США этот показатель составил 221, в Чехии – 273 и в Канаде – 283 кг [6; 2].

5. Конъюнктурными программами злоупотребляли в политическом процессе. Перед выборами политики становятся щедрыми, чтобы иметь лучшие шансы на выборах. Но если выборные «конфеты» были связаны с перераспределительным эффектом, позже они ещё тяжелее отменяются и надолго нагружают государство. При этом лобби-группы могут повлиять на представителей народа, и конъюнктурная программа будет осуществляться согласно их интересам. В худшем случае политики пренебрегают важнейшими долгосрочными проектами реформ.

6. Отсутствующая финансовая дисциплина ограничивает дееспособность. Если правительство хочет бороться против конъюнктурных отклонений, оно должно снова через дополнительные расходы в сложное время сократить накопленный дефицит. В реальности всё часто выглядит по-другому: когда Федеративная Республика Германия подытожила традиционно красный бюджетный коэффициент за прошедшие 10 лет, было выяснено, что соответственно круто выросли и долги государства (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Государственная задолженность

Но немецкая национальная экономика уже вступила на путь конъюнктурного оживления, который не «имеет перил». Необходимая стабилизация получает развитие через согласованную политику. Поэтому федеральное правительство должно было, прежде всего, быстро установить 3 рычага:

1) бюджетная политика должна была прилагать все усилия, чтобы достичь 3 %-ного значения устойчивости, а для этого спланированные стимулирующие конъюнктуру мероприятия в налоговой области нужно было заменить на непрерывные и небюрократические;

2) для рынка труда должен быть найден новый наклон регулирования трудовых отношений, которые включают в себя правила свободного назначения срока трудового договора. Снижение дополнительных затрат на оплату труда должно быть по крайней мере частично приемлемым, что стабилизирует рынок труда;

3) запланированное на 1 января 2007 г. увеличение НДС должно составить максимум 2 % и должно быть использовано лучше, чем до сих пор предусмотренный 1 % для снижения дополнительных расходов на оплату труда.

Если говорить о рынке труда и, в общем, о политике занятости, то именно они являются главным объектом регулирования и совершенствования. Состояние рынка труда ежедневно улучшается. Показатель количества трудящихся планируется поднять на 0,7 %, то есть примерно на 280 000 человек. Квота безработных должна опуститься до уровня 11 % [5; 3].

Правда, существует неутешительная тенденция. До 2050 г. в Германии уменьшится количество потенциальной рабочей силы, вероятно, на 11 миллионов. Этот обратный ход имеет многостороннее влияние – не только на социальную систему и экономический рост. Немцы получают всё меньше потомства – в настоящее время рождается 1,3 ребёнка на 1 женщину. В 50 и 60-х гг. XX в. этот показатель был лучше – более 2 детей. При этом население Германии снизится, по подсчётам Организации Объединённых Наций, при постоянной норме рождаемости, несмотря на иммиграцию до 2050 г., с настоящего уровня в 83 до 72 миллионов человек. Кроме того, растёт количество пенсионеров. Чтобы отрицательные последствия демографической ситуации для рынка труда нейтрализовать в другом месте, должны быть осуществлены следующие 3 мероприятия.

Иммиграция. Все проекты увеличения населения исходят из того, что в Германию прибывают до 100 000 человек ежегодно. Однако необходим въезд 300 000 иммигрантов, чтобы наряду с другими мероприятиями, было возможно компенсировать уменьшающееся количество трудящихся лиц (график 1).

График 1. Изменение количества населения
(население в возрасте от 20 до 65 лет в миллионах)

Следовательно, перед правительством появляется новая задача: не ограничивать въезд иностранных граждан (как это происходило в недавнем времени), а наоборот, способствовать этому. Спорным является вопрос о том, удастся ли вообще привлечь так много рабочей силы в страну [10; 8]. А ещё одной дилеммой, которая напрямую вытекает из ситуации, является вопрос о том, сможет ли государство обеспечить приезжих не только работой, но и реальными доходами.

Более высокое трудовое участие. До сих пор ещё многие немецкие женщины остаются домохозяйками по различным причинам, и много работающих уходят на пенсию до 65 лет. В соответствии с этим в распоряжении рынка труда находятся только 27 % 60-65-летних женщин, хотя этот 1 миллион рабочей силы вполне мог бы быть мобилизованным.

Теперь, как и прежде, в Германии около 4,6 миллионов человек ищут работу. Количество занятых, которые обязательно социально застрахованы, каждый год уменьшается. В середине 2004 г. имелось на 431 000 рабочих мест меньше, чем в 2003 г. Предыдущие 10 лет было занято почти на 1,6 миллионов человек больше.

Продолжится ли настоящая тенденция в этом году или снова покроется обеспечением занятости, зависит также от политических решений в области занятости. Только если увеличится вознаграждение за труд в меньшем размере, чем вырастет продуктивность, понизятся единичные затраты на оплату труда. Работа будет конкурентоспособной, а инвестиции – рентабельными. Это будет стоящим занятием для предпринимателей, чтобы расширить их компетенцию. Более того, полная реализация мероприятий в сфере занятости уменьшит опасность инфляции и приведёт к тому, что её уровень будет снижаться.

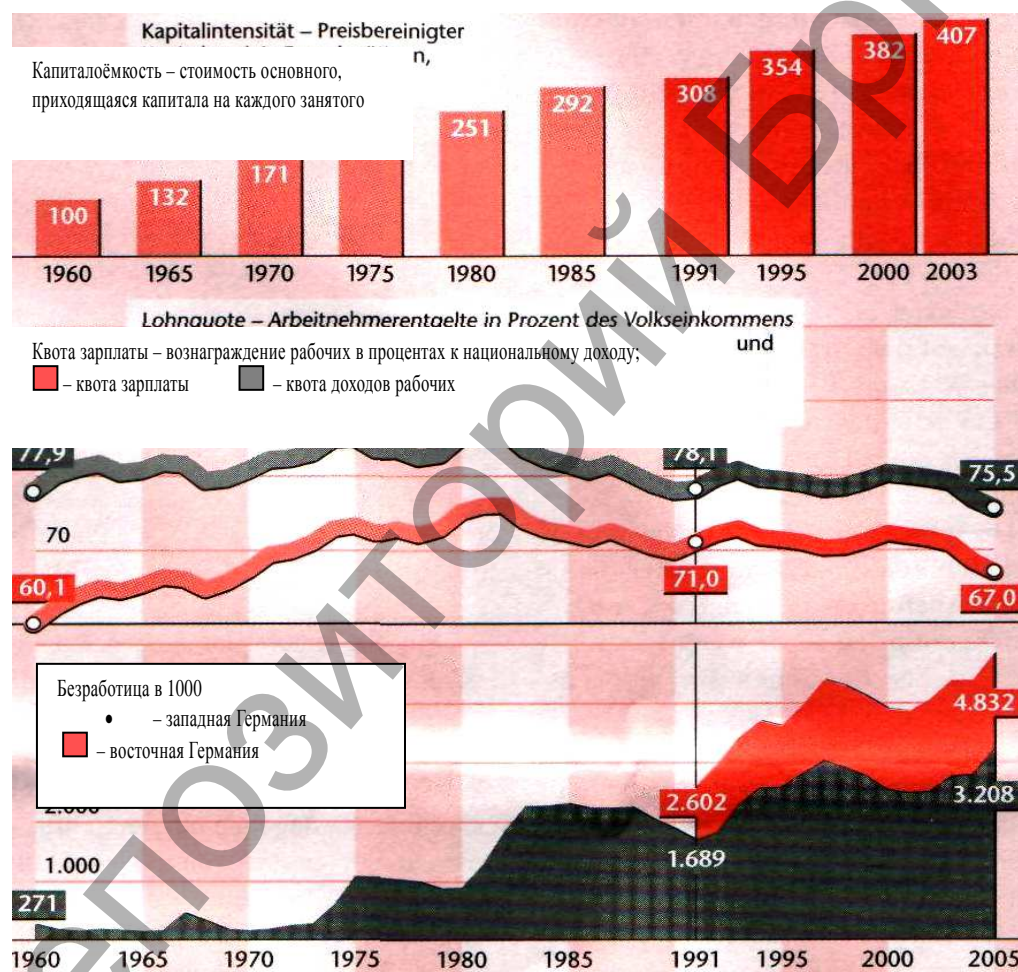
На самом деле не всё так проблемно в области занятости. Правительство, а также ведомства пытаются решить актуальные и насущные вопросы, связанные с занятостью и трудящимися. Так, Министерство труда планирует введение нового платежа на социальные нужды: денег за сезонную кратковременную работу. После этого все рабочие – не только как до сих пор строители – смогут получать деньги от биржи труда, когда «мороз принуждает к безделью». По задумке вице-канцлера, федерального министра труда Франца Мюнтеферинга, оплата сезонных временных работ должна соответствовать по величине пособию по безработице. Обратной стороной этого нового регулирования является то, что при этом ограничивается обусловленный сезонностью подъём безработицы зимой, по крайней мере, оптически. Поэтому тот, кто получает деньги от кратковременной работы, не появится в статистике безработицы.

Период трудовой деятельности будет повышаться до 2050 г. Исходя из этого, законный возраст получения пенсии сдвинется с 65 до 70 лет. В результате потенциал рабочей силы в Германии станет на 3,7 миллионов человек больше.

В принципе, политика в области занятости является неотъемлемой частью любого государства, но в Германии ей уделяется огромное внимание. Это объясняется тем, что рабочие там достаточно сильно отстаивают свои права, пусть даже через профсоюзы. Причём они реа-

гируют непосредственно на изменения в экономике. Недавно стали громче звучать требования более ощутимого повышения зарплаты. Причиной этого стало то, что экономика снова стала развиваться лучше, а квота зарплаты остается пониженной. По-прежнему существует опасность забастовок, которые будут организовываться профсоюзами [5; 6], итогом которых может стать потеря рабочих дней, а, следовательно, определённой доли денежного дохода. Нельзя точно ответить на вопрос: оправдано ли данное требование работающих, поскольку домашние хозяйства также получают доходы от основного капитала, который немецкая экономика с 1960 г. увеличила у каждого трудящегося в 4 раза. Сюда относятся проценты на вложенные сбережения, дивиденды по акциям, а также доходы от сдачи в аренду. Это показывает, что квота зарплаты не отображает действительную ситуацию с доходами рабочих, имеющих домашнее хозяйство. Доходы от основного капитала особенно выросли в прошлые годы (график 2): предпринимательские доходы и доход от недвижимости каждого домашнего хозяйства выросли с 1991 по 2002 г. на 37 % – в то время как вознаграждение за работу выросло на 22 %. При этом увеличилась доля доходов от капитала в бюджете среднего домашнего хозяйства с 26 на 29 % [11; 7].

График 2. Квота заработной платы

Особым фактором, играющим на руку новому правительству, является проводившийся в Германии чемпионат мира по футболу. По идее от чемпионата мира по футболу должен был исходить настоящий взрыв адреналина для экономической конъюнктуры Германии. Правда, почему-то только немногие предприниматели рассчитывали в это время на достаточно большие сделки. Также опыт предыдущих стран-организаторов подобных мероприятий показывает: круглый кожаный мячик не поворачивает экономику государства непосредственно в сторону роста. Тем не менее, эксперты оценили, что мировой чемпионат принёс дополнительный рост экономики примерно в 0,3 % ВВП [2; 7].

То, что чемпионат мира по футболу не представляет экономической гарантии успеха, должны были установить предыдущие хозяева. В то время как ВВП в 2002 г. во время чемпио-

ната мира в Южной Корее вырос на 7 %, он сократился у организаторов в Японии на 0,3 %. Даже когда команда Германии выиграла почётный титул в 1974 г. на олимпийском стадионе в Мюнхене, чемпионат мира ни в коем случае не оказался для Германии ускорителем экономического роста. Только на 0,55 % поднялся тогда ВВП, так как нефтяной шок затмил футбольную эйфорию [4; 4].

С приходом к власти нового правительства в Германии проводятся постепенные реформы во всех областях экономики. Так, например, постепенно набирает обороты ликвидация дотаций. Проведение таких мероприятий в области строительства сэкономит в ближайшие 4 года примерно 7 млрд. евро. До 2013 г. экономия вырастет на 6 млрд. евро. По плану «Ликвидация дотаций в консенсусе» объёмы дотаций с 2004 по 2006 г. ежегодно должны были сокращаться на 4 % [3; 6]. На одного жителя дотации в этом году составляют 6700 евро. Финансовая помощь и налоговые льготы составили 55 млрд. евро (на 2 % меньше, чем 3 года назад). Необходимость ликвидации дотаций обусловлена тем, что только каждый 10-й евро дотаций используется. Каждый 3-й евро служит для структурной консервации и замедляет при этом необходимые структурные изменения. После проведённых преобразований объём дотаций должен исчисляться в совокупности 5,5 млрд. евро с 2006 по 2009 г. [3; 6].

После долгих лет реструктуризации и оптимизации издержек Германия пришла в своём развитии к состоянию модернизации. Денежная политика остается расширяющейся, проценты при этом благоприятные; неплатежеспособности впервые за долгое время снова обратные. Во второй раз количество неплатежеспособных предприятий в Германии уменьшилось. Несмотря на эти повороты, тенденции к увеличению количества случаев банкротства фирм всё ещё остаются высокими. На фоне общего положительного результата скромными представлялись итоги работы строительного комплекса. 235 из 10 000 неплатежеспособных предприятий относятся к строительной промышленности – она на вершине шкалы неплатежеспособности экономических областей. Торговля и услуги находятся на уровне общеэкономического среднего значения в 130 банкротов на 10 000 фирм, в то время как в восточной Германии менее сильно представленный обрабатывающий бизнес насчитывает только 83 «случая смерти».

Оценка результатов конъюнктурной программы, проводимой новым правительством ФРГ, такова:

Внешняя торговля. Согласно Кильскому институту экономических исследований, вывоз товаров и оказание услуг будут расширены почти на 9 %. А ведь всегда сильнейшее сплетение продуктивности между национальными экономиками помогает подняться импорту на новый рекордный уровень. Внешний вклад вырастет снова на 1,5 % ВВП. При этом ясно, что внутренний спрос может в 2006 г. также внести вклад в конъюнктурное оживление.

Инвестиции. То, что Германия переживает взлёт, относят не на счёт высокого спроса на инвестиции, т. к. реальные инвестиции в оборудование в 2006 г. поднимутся лишь на 6 %.

Потребление. Так сильно как в 2005 г. цены ещё не поднимались! Многие граждане жаловались на дорогие энергетические продукты (бензин, топливо, электричество и газ). В прошлом году поднялись потребительские цены на 2 % по сравнению с 2004 г. Такие же высокие темпы инфляции озвучило государственное федеральное ведомство в конце 2004 г., когда товары и услуги подорожали на 2 %. Половину от общего подъёма цен в 2005 г. отнесли на счёт цен на энергию, которые поднялись на 10 % [8; 6]. Это сильно повлияло на стоимость товаров. За них потребители должны были платить на 2,4 % больше, чем в 2004 г. Впервые за долгие годы цены на товары поднялись выше, чем цены на сервисные услуги, которые возросли на 1,6 %. В прошлом большое давление со стороны международных конкурентов смягчало традиционно ощущаемое подорожание в области товаров, чем в услугах. Тем временем росла борьба за заказчиков также и в некоторых других сервисных областях – на радость потребителям: телефонные разговоры стали, например, дешевле. В декабре 2005 г. граждане должны были отдать за телекоммуникационные услуги меньше, чем в прошлом году. Регулярно рассчитываемое падение цен оживляло рынок мобильных разговоров. Они стоили в декабре 2005 г. по сравнению с прошлым месяцем меньше на 9,2 %. Сейчас упали почти на 4 % сборы за пребывание в Интернете. Только за местные разговоры повысили продавцы потребительские цены. Подъём при этом был умеренным (+0,4 %).

Кроме того, предприниматели и граждане должны преодолевать в Германии очень много высоких регулятивных барьеров по сравнению с их количеством в других ОЭСР – странах. Это приводит к расплате рабочими местами. Германии необходимо было бы ликвидировать ограничения и достичь такого уровня регулирования, который существует, например, в англосаксонских странах, может тогда количество занятых увеличиться до 4,9 млн. Снижение государственного регулирования – это лучший путь для развития занятости и экономики. Правда, существуют отрасли, в которых просто необходимо государственное регулирование:

1) *регулирование товарного рынка*. В этой области в Германии относительно всё урегулировано. Низкие пошлины и незначительное количество ограничений в международном товарообмене способствует развитию внешней торговли как почти нигде в мире. Германия является мировым лидером по экспорту товаров и большая доля роста экономики данной страны приходится на внешнюю торговлю. Мировая торговля товарами увеличилась в прошлом году на 6,5 %, в 2006 г. эксперты рассчитывают получить прирост в 7,5 %. Во многих европейских странах-соседах промышленные предприятия Германии относятся к числу важнейших поставщиков;

2) *регулирование рынка капитала*. Международное движение капитала тоже почти урегулировано в Германии. Почти 42 % всех вложений в Германии находятся в ведении государственного банка, в Швеции (для сравнения) – только 14 %;

3) *регулирование рынка труда*. В этой области Германия занимает последнее место. В Дании, например, тот, кто потерял работу, быстро находит новую. В Германии ещё не созданы условия для оперативного движения рабочей силы. Существует взаимосвязь между регулированием рынка труда и долгосрочной безработицей. Меньше всего регулирующие англосаксонские страны имеют лишь 18 %-ю квоту долгосрочной безработицы. В странах, где регулирование более жёсткое, 40 % безработных не работают более 12 месяцев. Стоит отметить, что в Германии этот показатель составляет 52 %. Если в Германии удастся стабилизировать рынок труда как в северных странах, количество долгосрочных безработных уменьшится на 500000. А дальнейшее дерегулирование до уровня англосаксонских стран может уменьшить данный показатель наполовину. Если Германия будет ориентироваться на страны, где регулирование осуществляется в меньшей степени, то количество занятых вырастет до 4,2 млн., как в скандинавских странах или до 4,9 млн. – как в англосаксонских [1; 3];

4) *регулирование образования и инноваций*. Для Германии характерно отсутствие стабильности в оплате труда учителям, а малая самостоятельность школ тормозит образовательную систему. Чтобы осуществить какие-либо мероприятия, необходимо их согласовывать с множеством инстанций в области образования, а такой длительный процесс никогда не отражался положительно на результатах.

Защита патентов всегда являлась важнейшим инструментом для стимулирования инноваций. В Германии данный вопрос урегулирован неплохо. Наличие патента предполагает правовую защиту. Поэтому в последнее время наблюдается рост инноваций. При недавнем анализе Европейской комиссией инновационности 35 стран Германия заняла 7 место, а если говорить о количестве выданных патентов, то страна разместилась на 4 месте с 301 патентом на 1 млн. жителей.

Многочисленные исследовательские экономические институты регулярно публикуют списки рейтингов, в которых они обсуждают международную конкурентоспособность отдельных стран. Результаты при этом отличаются друг от друга, что связано с выбором различных критериев. В семи пользующихся популярностью составленных рейтингах Германия показывает преимущественно высокие результаты. Но, Германия, согласно свежим данным института Management Development в Лозанне, занимает 23 место из 60 стран и регионов (не очень хорошая позиция с точки зрения конкурентоспособности страны), в то время как Женевский мировой экономический форум в его глобальном конкурентном индексе поставил Германию на 6 позицию из 116 государств. Эти и другие результаты показывают, что экономика страны не стоит на месте, а постоянно развивается. Конечно, многое пока остается ещё не урегулированным и нестабильным, но правительство ФРГ не «сидит сложа руки». Оно находит новые возможности для развития, пусть и не всегда они приводят к положительным результатам. Но методом проб и ошибок достигается правильное решение. Главное, конечно, для любой страны найти свой путь

развития и следовать ему (*per aspera ad astra* – через тернии к звездам). Как мне кажется, с приходом нового правительства, Германия его нашла.

1. Der Spiegel. – 2006. – № 4.
2. Die Zeit. – 2006. – № 5
3. Die Zeit. – 2006. – № 8.
4. Frankfurter Allgemeine. – 2006. – 3. April
5. Frankfurter Allgemeine. – 2006. – 8. Mai
6. Institut der deutschen Wirtschaft Köln. – 2005. – № 48.
7. Institut der deutschen Wirtschaft Köln. – 2005. – № 50.
8. Institut der deutschen Wirtschaft Köln. – 2006. – № 1.
9. Institut der deutschen Wirtschaft Köln. – 2006. – № 3.
10. Institut der deutschen Wirtschaft Köln. – 2006. – № 5.
11. Institut der deutschen Wirtschaft Köln. – 2006. – № 7.
12. Institut der deutschen Wirtschaft Köln. – 2006. – № 15.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Петелин Б. В. История германского единства в российской историографии: подходы, оценки, результаты	3
Басин Я. З. Дискриминация евреев Германии в 1933-1939 гг. как первый этап Холокоста	9
Червинская И. А. Германский импорт белорусских продуктов деревообработки	17
Баюра А. Н. Германский «Ostbank für Handel und Gewerbe» (Восточный банк для торговли и развития) в годы Первой мировой войны	18
Самосевич В. А. Обеспечение национальной безопасности Германии и Беларуси: сравнительный анализ	22
Казлоў Л. Р. Беларусь у германскай картаграфіі (другая пал. XIX – першая пал. XX ст.)	27
Зубачевский В. А. Советско-германские военно-политические отношения (1920 – 1923 гг.)	31
Данилов Ю. Д. Урановый проект: Авантюризм безответственности	36
Малыхіна Л. Ю. Брэсцкі мір 1918 г. у лёсе беларускага народа	41

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Стрелец М. В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ) и актуальные проблемы современных международных отношений	46
Ковалёва Н. Н. Из истории дипломатии: роль германской дипломатии в нейтрализации Англии (1938-1939 гг.)	54
Карпович О. В. Русские формирования Вермахта	57
Танасейчук Н. Н. ФРГ и Евросоюз: в поисках оптимальной модели взаимоотношений	61
Толочко Д. М. Проблема еврейских беженцев из Польши в советско-германских отношениях (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)	66
Кондратюк Г. Н. Немецкие национальные районы Крымской АССР в 1920-1930 года	71
Пичуков В. П. Немецкое население БССР и коллективизация сельского хозяйства	75
Бобылёва С. И. Этнические немцы в истории России (XIX – начало XX в.)	81

РАЗДЕЛ III. ДОСТИЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЁ РОЛЬ В ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ БЕЛАРУСИ

Стариков В. И. Германия в контакте с миром: диалог культур	90
Попко О. Н. Колледж для аспирантов «ОСТ-ВЕСТ» при Рурском университете (г. Бохум, Германия)	92
Медиченко Л. Е. Специфика структурно-семиотического анализа культуры в работах Карла Аймермахера	95
Кабот Т. Ф. Польско-немецкие культурные связи в области изобразительного искусства (вторая половина XIX века)	99
Кудрицкая Е. Г. Образ молодёжи в немецкой социологии XX века	103
Лучина В. Н. Влияние идеологии германского неонацизма на европейскую молодёжь посредством музыки	110
Кавецкий С. Т. Р. Дарендорф об аномии	115
Falk Miersch. Die Rolle der ROBERT BOSCH STIFTUNG in der kulturellen Zusammenarbeit zwischen der Bundesrepublik Deutschland und dem Postsowjetischen Raum	117
Потолков Ю. В. Нравственно-философские поиски русской и немецкой литературы XX века	119
Варич В. Н. Актуальные аспекты гегелевского анализа отчуждения	122

Коклюхин В. В., Крюков В. М. Исторические формы глобализации и антиглобализма: Германия	127
Гладковский В. И. Маятник истории в контексте образования	132
Коновод Л. М. Проблема «невербального» в немецкоязычной конкретной поэзии	134
Кивака Е. Г. Философское и художественное осмысление истории Германии в проблемно-исторических драмах Генриха Клейста	137
Чистякова Т. Л. Проблема искусства в романе Т. Манна «Доктор Фаустус»	143
Санюкевич Л. П. Германский вклад в развитие американского искусства	145
Кривашэй Д. А. Сучасная культурная палітыка Германіі	149
Даниленко А. В., Ботух Л. М. Научное наследие Вильгельма Дильтея и его значение для современного психологического дискурса	153
Грибов Г. М. Динамика ценностного сознания студентов Германии (1994 - 2004 гг.)	158
Эйдукене Д. Д. Исторический выбор Фердинанда Лассалля	163
Азаров В. С. Из опыта реализации рекомендаций Болонской декларации в вузах Германии	168
Уваров И. Ю. Влияние германского фашизма на религиозное мировоззрение немецкого народа	170
Баюра Л. Я. Баухауз – высшая школа архитектуры и художественного конструирования в Веймарской республике	172

РАЗДЕЛ IV. ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Бадюков А. Ф. Экономическая политика нового правительства и перспективы экономического развития Германии	176
Северянин В. С., Тимошук А. Л., Горбачева М. Г. Приоритет экономики Германии – энергоэффективность	179
Яловая Н. П., Бурко О. П. Направления экологической политики Германии на современном этапе	180
Головач А. П. Охрана окружающей среды и водное хозяйство в Германии	185
Аверин А. В. Эволюция денежно-кредитной системы Германии	190
Халецкий В. А., Басов С. В. Особенности содержания химического образования при подготовке специалистов строительных специальностей в Германии	194
Котляр И. И. Политическое лидерство в современной германской истории	196
Демьянишина Р. Н. Некоторые аспекты социальной помощи в Германии	200
Уласевич В. П., Уласевич З. Н., Якубовская О. А. Проблемы ресурсосбережения в стройиндустрии Германии и Республике Беларусь	205
Стрелец М. В. Организационная структура ХСС, механизм разработки и осуществления партийной политики: преемственность и обновление	211
Студнева О. В. Некоторые вопросы государственного устройства ФРГ и Республики Польша	216
Евладова Н. В. Отдельные аспекты защиты интеллектуальной собственности в Германии	222
Левчук И. А. Германия в эру А. Меркель: новые тенденции в экономической политике	225

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, КУЛЬТУРЫ

**Материалы III международной научной конференции
12-14 октября 2006 года**

Ответственный за выпуск: **Стрелец М. В.**

Редактор: **Строкач Т. В.**

Компьютерный набор: **Малыхина Л. Ю.**

Компьютерная верстка: **Боровикова Е. А.**

Корректор: **Никитчик Е. В.**

Лицензия № 02330/0148711

Лицензия № 02330/0133017 от 30.04.2004.

Подписано к печати 30.12.2006 г. Бумага писчая «Снежинка».

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Arial Narrow». Усл. п. л. 13,7.

Уч. изд. л. 14,75. Тираж 100 экз. Заказ № 257

Отпечатано на ризографе учреждения образования «Брестский
государственный технический университет».

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.